

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР 2(115)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Военно-техническое сотрудничество России
со странами Ближнего Востока
Russia's military-technical cooperation with middle eastern states

Пандемия COVID-19: проблемы, дискуссии, решения
COVID-19 pandemic: problems, discussions, solutions

К истории советской цензуры
On the history of soviet censorship

Влияние культуры на имидж политических лидеров
The influence of culture on the image of political leaders

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2022

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75
DOI: 10.31249/rsm/2022.02.00

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – главный редактор, доктор исторических наук, профессор, ИВИ РАН, Россия, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *З.А. Дадабаева* – доктор политических наук, ИЭ РАН, Россия, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, Германия, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, ИНИОН РАН, Россия, *И.В. Ильин* – доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, Россия, *О.И. Киянская* – зам. главного редактора, доктор исторических наук, профессор, РГГУ, Россия, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Пантеон-Сорбонна, Франция, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, ИНИОН РАН, Россия, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, ИНИОН РАН, Россия, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, ИНИОН РАН, Россия, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, ИЭ РАН, Россия, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук, ИНИОН РАН, Россия, *М.А. Ядова* – кандидат социологических наук, ИНИОН РАН, Россия

Ответственный секретарь
кандидат исторических наук *М.В. Ковалев*
Ведущий научный сотрудник редакции
доктор филологических наук *А.Г. Готовцева*
Ведущий редактор *М.В. Виноградова*
Ведущий редактор *Н.М. Токарева*
Художник обложки *Г.И. Козубов*
Редактор сайта журнала (www.rossovmir.ru)
кандидат социологических наук *М.А. Ядова*

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009

ISSN 1726–5223

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2022

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

А. С. Щёкин
Военно-техническое
сотрудничество России
со странами Ближнего Востока
как фактор стабильности
в регионе **6**

Ф. О. Трунов
Взаимодействие РФ и ФРГ в
области безопасности и обо-
роны к началу 2020-х годов:
достижение пределов? **27**

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

Ж. Веркёй
Глобальный пандемический
кризис: возможности
регулирования **49**

Д. В. Михель,
И. В. Михель
Пандемия COVID-19
как глобальный кризис:
взгляд азиатских экспертов **67**

Е. Ш. Гонтмахер
Российское общество
в эпоху COVID-19 **85**

А. В. Белинский
Ковид-диссиденты и новые
формы социальных движений
в Западной Европе **104**

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

A. S. Shchyokin
Russia's military-technical
cooperation with Middle
Eastern states as a factor
of stability
in the region

Ph. O. Trunov
German-Russian cooperation
in the sphere of security and
defense by early 2020-s:
reaching the limits?

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY**

J. Vercueil
Global pandemic crisis:
regulatory
opportunities

D. V. Mikhel,
I. V. Mikhel
COVID-19 pandemic
as a global crisis:
Asian experts' view

E. Sh. Gontmakher
Russian society in the era
of the COVID-19 pandemic

A. V. Belinsky
Covid deniers and new forms
of social movements
in Western Europe

Н. Ю. Лапина
Франция: жизнь
в условиях пандемии **119**

N. Y. Lapina
France: living in
a pandemic

А. В. Голубкин,
Ю. К. Князев
Внешнеторговый кризис
в Центрально-Восточной
Европе на фоне коронавирус-
ной пандемии COVID-19 **135**

A. V. Golubkin,
Yu. K. Knyazev
The foreign trade crisis in Central
and Eastern Europe against
the background of the Covid-19
coronavirus pandemic

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY
OF SOVIET SOCIETY

М. А. Фельдман
Реализация Индустриального
проекта в годы Первой
пятилетки: вопросы
историографии **158**

M. A. Feldman
Implementation of an industrial
project during the First
Five-year Plan: questions
of historiography

Ю. Г. Бит-Юнан
К истории советской
цензуры 1960-х годов **181**

Yu. G. Bit-Yunan
On the history of Soviet
censorship of the 1960s.

РАЗМЫШЛЕНИЯ,
СООБЩЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS,
COMMUNICATIONS,
COMMENTS

В. Д. Потурухин
Россия и Китай
как претенденты на статус
геополитических центров силы
в контексте теории
международных отношений **205**

V. D. Poturukhin
Russia and China
as applicants for geopolitical
centers of power in the theory
of international relations
context

С. Ван
Международное
сотрудничество Китая
в области экологии
на современном этапе **216**

X. Wang
International cooperation
of China in the field
of ecology at the present
stage

<i>В. И. Плещенко</i> <i>К вопросу об архаизации труда</i> <i>и потребления в современном</i> <i>российском обществе</i>	228
--	-------------------

V.I. Pleshchenko
The archaization of labor and
consumption in modern Russian
society

<i>А. М. Алексеенко</i> <i>Влияние культуры</i> <i>на имидж политических</i> <i>лидеров России</i>	244
--	-------------------

A.M. Alekseenko
The influence of culture
on the image of political
leaders in Russia

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Е. Ю. Куликова</i> <i>«История. Время.</i> <i>Пространство»: рецензия</i> <i>на книгу А.Б. Давидсона</i> <i>«Наше неушедшее время»</i> <i>(М.: Изд. Дом ВШЭ, 2021)</i>	254
---	-------------------

REVIEWS

E.Yu. Kulikova
«History. Time. Space»:
the review of A.B. Davidson's
book «Our Ungone Time»
(Moscow: Publishing House
HSE, 2021)

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

DOI: 10.31249/rsm/2022.02.01

А.С. Щёкин

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ

***Аннотация.** В статье анализируется роль России как экспортера вооружения и военной техники в укреплении региональной безопасности на Ближнем Востоке. В условиях, когда Россия является вторым крупнейшим поставщиком вооружения и военной техники в регион, представляется важным дать оценку данного факта не только с позиций национальных интересов России, но и с точки зрения последствий для самого региона. Исследование опирается на международные и национальные данные по международной торговле вооружением и военной техникой, аналитические материалы, а также на нормативно-правовые акты, официальные заявления и интервью представителей профильных российских и зарубежных ведомств. Автор рассматривает положение Ближнего Востока в мировой торговле вооружением, а также на примере военного и военно-технического сотрудничества России с отдельными государствами региона – Сирией, Ираком, Ираном и Турцией – анализирует вклад России в укрепление национальных оборонительных систем этих стран. Сделан вывод о преимущественно конструктивном влиянии военного и военно-технического измерения российской внешней политики на региональную стабильность и безопасность, указаны отдельные ее негативные последствия, сформулированы потенциальные «ограничители» развития военно-технического сотрудничества России с государствами региона. Результаты исследования позволяют под новым углом взглянуть на роль России на Ближнем Востоке и дать прогноз относительно развития ситуации в регионе с учетом сохраняющейся внутренней нестабильности и в контексте его превращения в арену противостояния мировых и региональных держав.*

***Ключевые слова:** Ближний Восток; военно-техническое сотрудничество; региональная стабильность; поставки вооружения и военной техники; противодействие международному терроризму; противовоздушная оборона.*

Щёкин Анатолий Сергеевич – студент факультета
Международных отношений МГИМО МИД России.
Россия, Москва.
E-mail: as9416@yandex.ru

Shchyokin A.S. Russia's military-technical cooperation with Middle Eastern states as a factor of stability in the region

Abstract. *The purpose of this article is to analyze the role of Russia as an arms and military equipment exporter in the strengthening of regional security in the Middle East. As Russia is the second largest arms and military equipment supplier to the region, it is important to assess this fact not only from the perspective of Russia's national interests, but also with regards to its consequences for the region itself. The study is based on international and national data on international trade in arms and military equipment, analytical materials in this area, as well as on legal acts, official statements and interviews with representatives of the relevant Russian and foreign agencies. The article examines the position of the Middle East in the world arms trade. It also analyzes Russia's contribution to strengthening the national defense systems of individual states of the region (Syria, Iraq, Iran and Turkey) based on their military and military-technical cooperation with Russia. It concludes that the military and military-technical dimension of Russian foreign policy has a predominantly constructive influence on the regional stability and security, while also indicating some negative consequences and formulating potential 'constraints' to the development of military-technical cooperation between Russia and the states of the region. The results of the study allow one to look at the role of Russia in the Middle East from a new perspective and make a forecast regarding the development of the situation in the region taking into consideration its lingering internal instability and in the context of its transformation into an arena of confrontation between world and regional powers.*

Keywords: *Middle East; military-technical cooperation; regional stability; arms and military equipment supply; combatting international terrorism; air defense.*

Shchyokin Anatoly Sergeevich – Student of the faculty
of International Relations at the MGIMO-University.
Russia, Moscow.
E-mail: as9416@yandex.ru

Россия выступает одним из крупнейших экспортеров вооружений и военной техники (ВВТ) в страны Ближнего Востока. В данном исследовании изучается роль России, как поставщика ВВТ, в укреплении безопасности в этом регионе. В представленной работе проанализированы:

1. Положение региона на международном рынке ВВТ, место России в импорте вооружений регионом и место региона в экспорте российской оборонной продукции.
2. Военно-техническое сотрудничество (ВТС) России с отдельными странами региона на примере четырех государств: Сирии, Ирака, Ирана и Турции.
3. Выгоды и издержки для государств региона от развития ВТС с Россией; потенциальные «ограничители» его развития.

Указанные страны были выбраны в качестве объекта исследования в связи со сложным положением каждой из них на международной арене. Так, Сирия по-прежнему находится в состоянии гражданской войны; Ирак остается государством со слабой центральной властью; Иран действует в условиях жестких международных санкций, которые до сих пор не сняты полностью; Турция пытается балансировать между Западом и Востоком.

В качестве основных источников информации по данной теме использованы отчеты и базы данных Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), обладающего обширными данными по торговле вооружениями в мировом масштабе. Однако в связи с закрытым характером сотрудничества указанные материалы нельзя считать исчерпывающими. Кроме того, в материалах SIPRI находят отражение лишь поставки тяжелого вооружения. Поэтому в статье также использованы опубликованные межгосударственные и межправительственные соглашения; материалы об истории ВТС, о проектах и мероприятиях в данной сфере. Для анализа реализации этих соглашений используются заявления и интервью представителей профильных ведомств.

Тема военно-технического сотрудничества России и Ближнего Востока рассматривается в ряде исследований, как отечественных, так и зарубежных. Однако преимущественно объектом изучения в них являются основные направления сотрудничества [Ревенко 2017] или роль региона в экспорте российских вооружений [Сапронова 2014]. Зачастую упор делается на целях России – от финансовых до геополитических, сам же регион и его интересы как будто остаются на втором плане [Кузьмина, Молодова 2019; Allison 2013, p. 795].

В настоящей статье под термином «военно-техническое сотрудничество» будет пониматься «деятельность... связанная с вывозом и ввозом, в том числе с поставкой или закупкой, продукции военного назначения, а также с [совместной] разработкой и производством [такой] продукции» [Федеральный закон от 19 июля 1998 г.].

Под термином «военное сотрудничество» будет пониматься непосредственное взаимодействие вооруженных сил двух государств, в том числе в непосредственном ведении боевых действий.

Общие данные

Ближний Восток сегодня является одним из самых конфликтных регионов, где сочетаются старые и новые источники напряженности, которые усиливаются под влиянием процессов мировой и региональной политики: борьбой за нефтяные ресурсы, исламским фактором и территориальными спорами, вовлечением мировых держав в локальные конфликты [Юсеф 2015, с. 259]. Однако наибольшее влияние на нынешнее состояние региона оказала «Арабская весна» 2011 г. На фоне слабых политических институтов, «пле-

менного» фактора в распределении власти и традиционной политической культуры с сильным религиозным фактором, попытка демократизации по западному образцу привела к дестабилизации политических и социальных систем в регионе [Кудряшова 2015, с. 34]. Результатом стало возникновение крупных очагов нестабильности и насилия – гражданские войны в Сирии, Йемене. Более стабильные страны, такие как Египет, Турция, столкнулись с мощной террористической угрозой.

Ближний Восток сегодня – один из самых милитаризованных регионов мира. Согласно данным SIPRI, доля Ближнего Востока в мировой торговле ВВТ составила в 2016–2020 гг. 33% общемирового импорта, уступив по объемам только региону Азия и Океания [Wezeman et al. 2021]. Эта доля постоянно возрастает. Так, в 2001–2005 гг. она составляла только 21% мирового импорта вооружений [Holtom et al. 2011]. Рост спроса обусловлен началом модернизации армий Египтом и Алжиром, сложными межгосударственными отношениями (например, противостоянием между Саудовской Аравией и Ираном), а также участием (прямым или косвенным) региональных государств в различных вооруженных конфликтах [Ревенко 2017, с. 62].

«Арабская весна» изменила мотивы государств в области расходов на оборону. Ранее авторитарные лидеры в регионе поддерживали высокие военные расходы, чтобы обеспечить престиж и лояльность армии [Ахмедов 2012, с. 79]. После волны протестов и восстаний, проходившей в арабском мире в начале 2011 г., правительства столкнулись с серьезными политическими кризисами и неустойчивостью своей власти. Армия для них стала ключевым инструментом борьбы с внутренними беспорядками [Military Spending and Fiscal Deficit], а также ответом на конфликты, возникшие в регионе: соперничество за региональное лидерство с вовлечением внешних игроков, угрозу терроризма и экстремизма, обостряющуюся конкуренцию за водные ресурсы [Ежегодник СИПРИ 2019, с. 96].

Для России Ближний Восток – одно из ключевых направлений поставок ВВТ. Так, в 2016–2020 гг., по данным SIPRI, закупки стран региона составили 21% всего экспорта российских вооружений [Wezeman et al. 2021]. И хотя год от года объемы экспорта ВВТ в регион могут серьезно варьироваться (от 48% всего российского экспорта вооружений в 2017 г. до 20% в 2018 г. [Фролов 2019, с. 11–13]), эксперты признают высокое значение данного рынка для российского экспорта ВВТ, в том числе и как фактора его диверсификации – снижения зависимости от поставок ВВТ в Китай и Индию [Никольский 2019].

Доля России в импорте ВВТ ближневосточными государствами, по оценкам SIPRI, составляла около 13% в 2016–2020 гг., что соответствовало второму месту после США [Wezeman et al. 2021]. Третье место заняла Франция. Эти показатели в целом стабильны с начала 2000-х годов, что при общем

стремительном росте данного рынка свидетельствует о высоком приросте объема российских военных поставок в регион в абсолютном выражении.

Важно отметить принципиальное отличие нынешнего подхода России в отношении ВТС от позиции СССР по данному вопросу. Со второй половины 1950-х годов Советский Союз доминировал на рынках вооружений в таких странах, как Ирак, Сирия и Египет, но поставки носили «блоковый» характер, т.е. поставлялись только «дружественным» государствам, и предполагалось их использование против союзников Западного блока, как, например, в арабо-израильских войнах. Эти поставки осуществлялись на льготных условиях, а значительная часть задолженности не была погашена вовсе [Подцероб 2009]. В такой ситуации для СССР автоматически «закрывались» рынки таких государств, как Израиль или Саудовская Аравия, а получаемая прибыль оказывалась ниже потенциально возможной.

Российская Федерация строит ВТС на принципиально иной, многовекторной основе и готова сотрудничать со всеми государствами, которые смогут гарантировать непопадание российских технологий к вероятному противнику [Подцероб 2009]. Цели России при заключении подобных сделок могут быть различны, но, как правило, они не сводятся к экономической выгоде. Учитываются также перспективы для укрепления позиций России как регионального игрока [Blank, Levitzky 2015, p. 65], последствия для региональной стабильности и возможности укрепления самостоятельной внешней и внутренней политики государств [Allison 2013, p. 795–796].

Однако России сегодня приходится действовать в условиях жесткой конкуренции, как ценовой, так и неценовой. Так, за приобретением Турцией российских систем С-400 последовали не только ее исключение из программы производства F-35, но и персональные санкции в отношении ряда представителей Минобороны Турецкой Республики [Macías 2020]. Важно учесть и экономический фактор: военно-экономический потенциал России по-прежнему серьезно уступает советскому.

Сирия

Российско-сирийское военно-техническое сотрудничество получило резкое развитие на фоне сложной внутривосточной ситуации в Сирийской Арабской Республике после событий «Арабской весны», когда кроме гражданского противостояния в стране активизировалась деятельность террористических группировок Джебхат ан-Нусра¹ и Исламское Государство². В то

1. Отделение международной исламистской террористической организации «Аль-Каида» на территории Сирии и Ливана. Признана террористической организацией и запрещена в России.

же время Сирия оказалась объектом внимания внешних игроков: США и их европейских союзников, а также региональных акторов: Израиля, Турции и Ирана. Пытаясь частично разрубить, частично распутать этот клубок противоречий, Россия применила весь имеющийся у нее арсенал военных и политических мер.

Основой двустороннего сотрудничества России и Сирии остается Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и САР от 1980 г., где провозглашается намерение сторон развивать взаимодействие в том числе в военной и военно-технической области, а в случае угрозы миру или безопасности одной из сторон – сотрудничать в устранении этой угрозы.

На современном этапе подъем российско-сирийского сотрудничества начался с Совместной декларации о дальнейшем углублении отношений дружбы и сотрудничества, подписанной президентами двух государств в январе 2005 г. Стороны договорились сотрудничать в предотвращении и мирном урегулировании региональных кризисов и конфликтов, а также в борьбе с терроризмом. Также в 2005 г. была урегулирована проблема сирийских долгов перед СССР / Россией и подписана Комплексная долгосрочная программа ВТС на 2005–2010 гг.

В сентябре 2015 г. по просьбе Правительства САР с целью «консолидации усилий по противодействию террористическим угрозам» разместила в Сирии авиационную группу. Нормативно-правовой базой для этого стало Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики, подписанное 26 августа 2015 г. сроком на 49 лет с возможностью автоматического продления. Официально операция российских ВКС завершилась 11 декабря 2017 г., когда Президент России В.В. Путин приказал приступить к выводу основной части российской группировки войск из Сирии в пункты постоянной дислокации. Часть группировки осталась на территории САР и продолжила оказывать военную поддержку сирийскому правительству.

Сирия – это единственное государство, причем не только на Ближнем Востоке, но и вообще в мире, военно-техническое сотрудничество РФ с которым дополняет плановое проведение совместных военных операций. В частности, освобождение Пальмиры в марте 2016 г. осуществлялось как при участии российских военных советников, так и при непосредственной поддержке САА российскими ВКС [Брифинг 2016].

Вторая важная черта, которой отличается сотрудничество России с Сирией – это большие объемы и широкая номенклатура поставляемых ВВТ при

льготных условиях поставок. Согласно данным SIPRI, в 2005–2020 гг. САА получила шесть истребителей МиГ-29 К, 350 ПТРК «Корнет», 400 ПЗРК «Игла», не менее 36 ЗРПК «Панцирь-С1», восемь ЗРК «Бук-М2», 12 ЗРК «Печора-2 М», два береговых ракетных комплекса «Бастион» с 72 ракетами «Яхонт» и другое вооружение. С 2015 г. стала активно применяться практика безвозмездных поставок: десять танков Т-90 С, 25 танков Т-62 М, десять единиц БМП-1, 36 гаубиц М-30 и три установки С-300 ПМУ2 [SIPRI Trade registers]. Также в САР поставляются реактивные системы залпового огня, бронетранспортеры БТР-82 А, грузовики «Урал», стрелковое оружие, гранатометы, ТОС «Буратино» и «Солнцепёк», машины дистанционного разминирования, средства РЭБ и иное вооружение [Бондаренко 2015].

Отдельно остановимся на поставках зенитно-ракетных комплексов С-300. Переговоры о них велись еще с 2010 г., но в связи с протестами Израиля и ряда западных государств контракт был приостановлен, а на те средства, которые Сирия выплатила в качестве аванса, ей были переданы БТРы, армейские грузовики и стрелковое оружие [Военно-техническое сотрудничество России и Сирии 2015]. После спровоцированного израильским истребителем инцидента, в результате которого был сбит российский самолет, Россия передала Сирии комплексы С-300, уже на безвозмездной основе.

Впрочем, после передачи С-300 Сирийской армии налеты западной коалиции (преимущественно Израиля) на сирийскую территорию не прекратились. Отчасти это было связано с новой тактикой израильских ВВС – нанесение ракетных ударов из воздушного пространства Ливана. Сирийские ПВО в таких случаях осуществляют перехват ракет, но не ведут огонь по самим израильским самолетам.

Российско-сирийское ВТС можно считать ключевым фактором стабилизации обстановки в САР и повышения боеспособности САА. Так, если к сентябрю 2015 г. террористические группировки контролировали около 80% территории страны, то в сентябре 2020 г. – 5%, а территория под контролем правительственных войск составила 80% всей территории Сирии [Малаев и др. 2020].

Таким образом, военное и военно-техническое сотрудничество России и САР объективно способствует укреплению сирийской государственности и вносят решающий вклад в борьбу с терроризмом в регионе. Для САА, понесшей тяжелые потери в ходе затяжной гражданской войны, оказались чрезвычайно востребованы как поддержка российских ВКС в воздухе, так и поставки наземной техники. Большое значение сирийское правительство придает средствам ПВО различной дальности, от ПЗРК «Игла» до ЗРК С-300, которые выполняют задачи как борьбы с летательными аппаратами (прежде всего дронами) противника, так и «сдерживания» Израиля и США. Для самой России операция в Сирии стала серьезной проверкой качества вооружения и

техники, их возможностей успешно выполнять поставленные задачи. В 2015–2019 гг. Россия апробировала в Сирии более 600 перспективных образцов ВВТ [Степанов 2019], и результаты проверки оказались успешными. По итогам 2015 г., портфель заказов на российское вооружение достиг 56 млрд долл. – рекордного показателя с 1992 г. Наибольший интерес покупатели проявляют к российским системам ПВО, боевым вертолетам, танкам и БМП [Сирийские всходы, 2019].

Ирак

Военно-техническое сотрудничество между Россией и Ираком разворачивается на фоне крайне сложной внутривнутриполитической обстановки в республике. Результатом свержения в 2003 г. Саддама Хусейна стал кризис государственности. Сложная обстановка, как и в случае Сирии, привела к росту террористической активности, которая достигла пика в 2014–2017 гг. Крайне сложным остается курдский вопрос: фактически сейчас Курдский автономный район является протогосударством, которое самостоятельно ведет борьбу с международным терроризмом и находится в шаге от провозглашения независимости. Актуален и внешний фактор: в последние десятилетия Ирак превратился в объект соперничества между Ираном и США.

ВТС России и Ирака началось в 2004 г., после частичной отмены в июне 2004 г. введенного в 1990 г. эмбарго на поставки ВВТ в Ирак (Резолюция 1546 СБ ООН), был снят запрет на поставки в страну вооружения для восстановления государственной власти и борьбы с терроризмом. Первые поставки пришлось на 2006–2007 гг., когда Ирак приобрел в общей сложности 50 транспортных вертолетов Ми-8 / Ми-17 [SIPRI Trade registers]. В октябре 2013 г. было заключено двустороннее Соглашение о ВТС, в котором были прописаны конкретные направления сотрудничества: поставки продукции военного назначения, ее эксплуатация и ремонт, строительство военных объектов, командирование военных, подготовка кадров в военных учебных заведениях и т.д. [Соглашение 2013 г.].

В 2014 г., после начала боевых действий на севере Ирака между правительственными войсками и боевиками запрещенной в России террористической организации ИГ, военно-техническое сотрудничество России и Ирака получило новый импульс. В 2014 г. Ирак занял второе место среди импортеров российского оружия (11% российского военного экспорта) [Военно-техническое сотрудничество России и Ирака 2015].

В 2013–2019 гг. в Ирак были поставлены, по данным SIPRI, девять штурмовиков Су-25, 19 боевых вертолетов Ми-28 Н и 24 боевых вертолета Ми-35 М, семь вертолетов Ми-171 Ш с вооружением, 500 ПЗРК «Игла-С» и 48 ЗРПК «Панцирь-С1», 300 ПТРК «Корнет», десять единиц ТОС-1 «Буратино»

и 73 танка Т-90 С. В 2022 г. планировалось завершить исполнение заключенного в 2015 г. контракта на 300 единиц БМП-3 [SIPRI Trade registers]. Также в 2014 г. Ирак получил шесть истребителей Су-30 К. Россия поставляет вооружение также отрядам ополчения иракских курдов (но только через правительство Ирака) [Gly 2015].

Хотя Ирак, как и Сирия, ведет борьбу с террористами в регионе, сотрудничество с ним явного союзнического характера не имеет: не осуществляется льготных поставок, а российские военные специалисты занимаются преимущественно обслуживанием российской техники.

Для Ирака сотрудничество с Россией отчасти является средством сокращения зависимости от США и подталкивания американцев к более активному сотрудничеству в борьбе с терроризмом. Сейчас иракской армии приходится буквально годами ждать американскую технику. Так, поставки партии из 36 истребителей F-16 по контрактам, заключенным в 2011–2012 гг., завершились только в 2019 г. [BBC Ирака получили последние заказанные истребители 2019]. Для сравнения: все российские Су-25 и Су-30 К Ирак получил уже в год заключения соответствующих контрактов.

В военном отношении роль российских поставок вооружения оказалась чрезвычайно высока. Как отметили, в частности, сами иракские военные, «использованные для нанесения ударов [по террористам] штурмовики Су-25 внесли значительный вклад в изменение военного баланса в пользу иракской армии» [Минобороны Ирака 2015].

Появление альтернативного поставщика ВВТ также позволило Ираку выстраивать более равноправный диалог с США (так, в январе 2020 г. Парламент Ирака предпринял демарш в виде принятия резолюции с требованием вывода американских войск из страны в связи с убийством иранского генерала Касем Сулеймани). И к декабрю 2021 г. США в самом деле завершили вывод из Ирака боевых формирований своих войск, оставив около 2500 военнослужащих из сил обеспечения [U.S. Announces 2021].

Иран

Главным противоречием в российско-иранском военно-техническом сотрудничестве является соотношение прагматичного и взаимовыгодного взаимодействия, с одной стороны, и жесткой позиции США в отношении Ирана – с другой. Ситуация осложняется тем, что в 2006–2010 гг. против Ирана были введены санкции Совета Безопасности ООН, которые сильно ограничивали возможности для ВТС. И даже официальное прекращение их действия в 2020 г. не привело к радикальному изменению ситуации.

30 июня 1995 г. под давлением США между премьер-министром России Виктором Черномырдиным и вице-президентом США Альбертом Гором был

подписан меморандум, по которому Москва обязалась не заключать новых контрактов в сфере ВТС с Ираном, а выполнение существующих завершить к концу 1999 г., что Россия не успела сделать и была вынуждена прекратить исполнение контрактов, что привело к общим финансовым потерям в 2 млрд долл. [Военно-техническое сотрудничество России и Ирана 2015].

В ноябре 2000 г. Россия заявила о выходе из меморандума и вновь оказалась открыта для ВТС с Ираном, что сразу сказалось на их отношениях. В 2000–2010 гг в Иран были поставлены 42 вертолета Ми-171 Ш, шесть штурмовиков Су-25, 29 ЗРК «Тор-М1», а также ракеты для этого вооружения и РЛС [SIPRI Trade registers]. Поставлялись в Иран российские БМП-2 (около 300 штук), артиллерийские снаряды, танковые двигатели, проводились работы по модернизации фронтовых бомбардировщиков Су-24 [Военно-техническое сотрудничество России и Ирана... 2015].

В 2010 г. ВТС с Ираном вновь было остановлено, на этот раз в русле резолюции 1929 СБ ООН, которая ввела эмбарго на поставки в Иран любого вооружения, включая запасные части. Затем, согласно Совместному всеобъемлющему плану действий, заключенному в апреле 2015 г. и утвержденному резолюцией 2231 СБ ООН в июле того же года, международные санкции с Ирана постепенно снимались, и поставки ВВТ в Иран разрешались при условии уведомления и верификации СБ ООН. Такой режим должен был сохраняться для тяжелого вооружения – пять лет (до октября 2020 г.), для ракетного вооружения – восемь лет (до 2023 г.).

Данный режим снимал запрет на поставки ВВТ в Иран, но серьезно ограничивал возможности импортеров. В итоге в 2015–2020 гг. единственной сделкой в данной сфере между Россией и Ираном стала поставка в Иран четырех дивизионов ЗРК С-300 ПМУ2. Реализация контракта откладывалась с 2007 г. как из-за давления США, так и из-за введенных против Ирана международных санкций. Однако еще до принятия СВПД в 2015 г. из-под действия Указа Президента о мерах по выполнению резолюции 1929 СБ ООН была выведена система С-300 [Внесено изменение в Указ 2015]. Таким образом, по официальной позиции РФ санкции СБ ООН не затрагивают системы ПВО (и это действительно так – системы ПВО, относясь к оборонительному вооружению, в Резолюции 1929 не упоминаются). Эта позиция встретила жесткую критику со стороны Израиля и США, которые считают, что С-300 сможет прикрывать иранские ядерные объекты от воздушных ударов. Тем не менее обвинений в нарушении СВПД с их стороны не звучало [Russia lifts ban 2015].

В октябре 2020 г. международные ограничения на поставки тяжелого вооружения в Иран были сняты, и сейчас Россия не исключает начала переговоров об активизации ВТС, хотя конкретных предложений от Ирана пока не поступало.

России приходится также учитывать жесткую позицию Израиля, который выступает категорически против любого усиления иранской армии, и выход США из СВПД в мае 2018 г.

Сдерживающим фактором является недовольство Ирана усилением России в регионе. Так, в 2016 г. иранский министр обороны выступил с критикой в отношении России в связи с тем, что она не уведомила заранее иранскую сторону о публикации в открытом доступе информации, касающейся использования иранской авиабазы Хамадан для ударов по Сирии. Кроме того, Министерство обороны России рассчитывало не только использовать авиабазу Хамадан как аэродром подскока, но и разместить на ней собственные арсеналы, что не устроило иранскую сторону [Строкань, Сафронов 2016]. В результате Россия досрочно прекратила эксплуатацию авиабазы спустя всего неделю после выдачи разрешения Министерством обороны Ирана.

В 2020 г. стало известно о новых российско-иранских разногласиях. В апреле издание Military Watch опубликовало статью о перспективах обновления парка легких истребителей ВВС Ирана. Основными претендентами стали российский МиГ-35 и китайский J-10. Как отмечают авторы статьи, МиГ-35 имеет перед китайской машиной ряд преимуществ: большая грузоподъемность при большей дальности вооружения и более современной РЛС, лучшая маневренность и более длительный ресурс. J-10, в свою очередь, несколько дешевле в приобретении и обслуживании, но требует больших расходов по обучению летчиков [J-10 C vs MiG-35 2020]. В таких условиях МиГ-35 мог бы стать наиболее предпочтительным для Ирана вариантом, однако недовольство «уступками» Западу привело к пересмотру приоритетов.

Также негативным фактором является использование обеими сторонами подобных контрактов как предмета «политического торга». Так, в октябре 2019 г. советник премьер-министра Израиля Ариэль Бульштейн отметил в интервью газете «Известия», что Израиль «как минимум дважды» воздерживался от поставок вооружения Украине, Россия в ответ «учитывала израильские просьбы», воздерживаясь от поставок отдельных видов вооружения в Иран [Байназаров 2019]. Политика Ирана также зависит от обстановки на разных «шахматных досках». Так, упомянутый ранее демарш в отношении использования российскими ВКС авиабазы Хамадан мог быть связан с обвинениями со стороны США в нарушении международного санкционного режима [Хетагуров 2018].

Таким образом, ВТС России и Ирана имеет сложный характер. С одной стороны, страны готовы к укреплению сотрудничества. Существуют планы по налаживанию в Иране производства танков Т-72 С и Т-90 С, по поставкам истребителей Су-30, учебно-боевых самолетов Як-130, боевых вертолетов, береговых комплексов «Бастия» и даже боевых кораблей. Россия и Иран занимают близкие позиции по краткосрочным перспективам сирийского урегулирования. Однако на практике поставки вооружений носят спорадический характер.

Российское вооружение способно укрепить безопасность Ирана, способствуя снижению стимулов у западных государств и Израиля применить военную силу против Исламской Республики. Так, еще в июле 2015 г. председатель Комитета начальников штабов вооруженных сил США генерал Мартин Демпси признал, что передача С-300 Ирану существенно осложнит возможность применения вооруженной силы против Ирана, хоть и не сделает ее невозможной [США: Получение Ираном С-300 2015]. И в самом деле, в июне 2019 г., после инцидента со сбитым в воздушном пространстве Ирана американским беспилотником, США отказались от военной операции против Ирана, когда к ней уже все было готово. Сам факт наличия в Иране российской системы С-300 мог стать важным (хотя, безусловно, и не единственным) аргументом против данной операции.

Турция

Турция – один из наиболее противоречивых партнеров России. И если членство Турции в НАТО не становится препятствием для сотрудничества в связи с ее независимой внешней политикой, то расходящиеся позиции по региональным проблемам сказываются на двусторонних отношениях гораздо серьезнее. Применительно к Ближнему Востоку главной точкой противоречий является Сирия. Самый серьезный кризис в двусторонних отношениях был спровоцирован, когда 24 ноября 2015 г. ВВС Турции сбили российский фронтовой бомбардировщик Су-24 в небе над Сирией. Тогда стороны прошли путь от взаимных обвинений и введения Россией в декабре 2015 г. экономических санкций против Турции до официальных извинений Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в июне 2016 г. и первой совместной воздушной операции против боевиков в Сирии в январе 2017 г. Однако ряд противоречий сохранился. Наибольший конфликтный потенциал сосредоточен в районе Идлиба, где, по итогам переговоров России и Турции, было решено создать демилитаризованную зону и вывести из нее отряды радикальной оппозиции и ее тяжелое вооружение. Контроль за выводом возлагался на Турцию, которая не выполнила свои обязательства, и в 2019–2020 гг. САА провела наступление в Идлибской зоне. Сегодня ситуация в Идлибе по-прежнему не урегулирована и остается одним из главных раздражителей в российско-турецких отношениях.

Нормативно-правовая база ВТС России и Турции сегодня чрезвычайно широка. Ее основой стало Межправительственное соглашение о сотрудничестве по военно-техническим вопросам и в области оборонной промышленности от 20 апреля 1994 г.

Уже в начале 1990-х годов Турция стала налаживать ВТС с Российской Федерацией, которая поставляла БТР-60 и БТР-80, вертолеты Ми-8 и Ми-17, стрелковое вооружение и гранатометы [Овсеян 2011, с. 47]. Однако в 2000-х го-

дах развитие ВТС между двумя государствами замедлилось. База данных SIPRI за все время с 2000 до 2017 г. содержит только информацию о приобретении турецкой стороной 80 пусковых установок ПТРК «Корнет» и 800 ракет к ним [SIPRI Trade registers]. Такая динамика могла быть связана с новым «поворотом на Запад» Турции в связи с ее стремлением вступить в ЕС.

Ситуация стала меняться лишь с конца 2010-х годов с усилением напряженности между Турцией и НАТО, связанной как с возвращением Р. Эрдогана к политике многовекторности и его попытками превратить Турцию в ключевого регионального игрока, так и с реакцией турецкого руководства на попытку военного переворота 2016 г., в причастности к которому Турция обвиняет США [Шарапов 2019].

Главной осью ВТС России и Турции в последние полтора десятилетия являлись переговоры о поставках в Турцию российских систем ПВО. Впервые такое предложение прозвучало еще в 2006 г., когда Исполнительный комитет оборонной промышленности Турции объявил тендер на приобретение комплексов ПВО / ПРО дальнего радиуса действия [Овсепян 2011, с. 49]. Возможность такого контракта обсуждалась еще с 2009 г., но только в 2015 г. начались прямые переговоры турецких военных с потенциальными поставщиками комплексов ПВО. Основными кандидатами стали Patriot и С-400. В итоге, признает турецкий военный эксперт Х. Килич, «все решила позиция США» – отказ снизить цену и рассмотреть возможность совместного производства [Шарапов 2019].

Контракт о приобретении Турцией четырех дивизионов С-400 на сумму около 2,5 млрд долл. был заключен в 2017 г. Первый этап сделки был выполнен досрочно 1 ноября 2019 г. Второй этап предполагал развертывание к концу 2020 г. совместного российско-турецкого производства комплексов. Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков в июле 2019 г. подтвердил, что в контракте содержится пункт о «частичной передаче технологий» [Ergin 2019]. Конечная цель Турции здесь не просто приобрести новое вооружение, а получить технологии для самостоятельной разработки комплексов ПВО [Ergin 2019]. В августе 2020 г. был заключен контракт о поставках в Турцию второго комплекта С-400, но уточнение его деталей по-прежнему продолжается.

В ответ на приобретение Турцией комплексов С-400 США приостановили ее участие в производстве истребителя пятого поколения F-35. Глава секретариата оборонной промышленности Турецкой Республики Исмаил Демир, в свою очередь, заявил в ноябре 2019 г., что Турция допускает приобретение российских истребителей Су-35 и Су-57 [Анкара изучает предложение России 2019]. Впрочем, это может оказаться попыткой Турции шантажировать США.

Таким образом, будучи сильной военной державой с собственным развитым военно-промышленным комплексом, Турция, в отличие от многих ре-

гиональных партнеров России, заинтересована прежде всего в высокотехнологичных вооружениях – современных ЗРК большой дальности и новейших истребителях, включая самолеты пятого поколения. Это требует со стороны России большой осторожности и детальной проработки контрактов, чтобы избежать утечки технологий.

Итоги российско-турецкого военного сотрудничества неоднозначны. Как и в случае с Ираком, Ираном и Сирией, оно способствует усилению восприятия Турции как самостоятельного регионального игрока и сокращению роли внерегиональных акторов (в первую очередь НАТО). Но в перспективе усиление Турции может привести ее к конфликту с другими региональными государствами (например, Израилем, Ираном), обострению ситуации в Сирии.

Так, в последние годы Турция провела ряд операций по установлению контроля над северными приграничными районами Сирии – «Щит Евфрата» (август 2016 – март 2017), «Оливковая ветвь» (январь–март 2018), «Источник мира» (октябрь 2019). Все операции проводились без согласования с Правительством САР и являлись не чем иным, как нарушением суверенитета и территориальной целостности Сирии.

Выводы

Таким образом, военно-техническое сотрудничество России с рассмотренными государствами оказывает существенное и преимущественно конструктивное влияние на региональную безопасность. В частности, именно благодаря данному сотрудничеству Сирия смогла избежать коллапса, а сам конфликт был переведен из военной в политическую плоскость [Вахшитех 2018, с. 520]. Велика роль России в Ираке, который благодаря своевременным поставкам российского вооружения сумел дать эффективный отпор террористическим вооруженным отрядам. Кроме того, не обставляя поставки вооружений конкретными политическими условиями, Россия способствует усилению позиций всех этих стран на международной арене.

Военно-техническое сотрудничество России с государствами региона носит преимущественно характер поставок вооружения, реже – направления военных советников, обучения военнослужащих, совместного планирования и осуществления военных операций (применительно к Сирии). Причем в Сирии и Ираке номенклатура поставок – самая широкая и включает различные типы ВВТ разной степени современности в связи с большими потерями этих армий в войне с террористами. В Иране и Турции, которые обладают более мощными и современными армиями, сотрудничество носит скорее точечный характер. Россия по ряду причин опасается поставлять в данные страны современное вооружение, хотя и не исключает такой возможности.

Главный принцип России на Ближнем Востоке – открытость, готовность сотрудничать со всеми игроками, что способствует диалогу и, как следствие, сглаживанию противоречий.

Укрепление обороноспособности региональных государств (Сирии, Ирака, Ирана, Турции) способствует укреплению их самостоятельности в международных делах и, как следствие, формированию собственного регионального баланса сил, участники которого признают существующие противоречия и готовы участвовать в их совместном разрешении. Наиболее ярким символом самостоятельности стали российские системы ПВО – в первую очередь С-300 или С-400, причем важно не столько их боевое применение, сколько сам факт их наличия на вооружении. Подобные сделки являются своего рода «индикатором самостоятельности», способности противостоять давлению извне и проводить собственную внешнеполитическую линию.

Тем не менее сохраняются и дестабилизирующие факторы. Иран, отношения которого с западными и некоторыми региональными государствами (Саудовская Аравия и Израиль) продолжают обостряться, и Турция (с зачатую унилатералистской политикой). С усилением каждого из этих государств и при отсутствии механизмов урегулирования споров конфликтный потенциал в регионе может серьезно возрасти. Сейчас России удается балансировать интересы региональных игроков, однако цена ошибки очень высока. Нельзя не учитывать и политическое давление со стороны США, которое испытывают на себе все потенциальные приобретатели российского оружия. И если для Сирии Россия действительно стала гарантом безопасности, то для ряда других государств (например, Ирака или ОАЭ) ключевым партнером все же остаются США, а Россия является «резервной» альтернативой [Wasser 2019, р. 12–13].

Наконец, Россия не является монополистом. Первое место по объемам военных поставок в регион по-прежнему занимают США. Всё большую роль начинает играть Китай, но пока его позиции в регионе гораздо слабее российских и серьезная конкурентная борьба между РФ и Китаем (если она все же произойдет) – вопрос более отдаленного будущего.

Библиография

Анкара изучает предложение России о поставках истребителей Су-35 и Су-57 // Газета.ру. 2019. 04 нояб. URL: <https://m.gazeta.ru/army/news/2019/11/04/13656542.shtml> (дата обращения: 13.04.2021).

Ахмедов В.М. Армия и арабские революции на Ближнем Востоке // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв. ред-ры: В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов / ИВ РАН; Ф-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. С. 72–90.

Байназаров Э. «Мы не знаем, когда Трамп захочет обнародовать сделку века» // Известия. 2019. 29 окт. URL: <https://iz.ru/937166/elmar-bainazarov/my-ne-znaem-kogda-tramp-zakhochet-obnarodovat-sdelku-veka> (дата обращения: 13.04.2021).

Брифинг начальника Главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ генерал-лейтенанта Сергея Рудского // Министерство обороны Российской Федерации. 2016. 31 мар. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12082004@egNews (дата обращения: 12.04.2021).

Бондаренко М. СМИ узнали детали поставок российского вооружения в Сирию // РБК. 2015. 10 сен. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/09/2015/55f0b8309a7947ac108933c6> (дата обращения: 12.04.2021).

Вахшитех А.Н. Роль России в урегулировании сирийского конфликта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2018. Том 18. № 4. С. 514–522.

ВВС Ирака получили последние заказанные истребители F-16 // Новости ВПК. 2019. 13 мая. URL: https://vpk.name/news/280376_vvs_iraka_poluchili_poslednie_zakazannye_istrebiteli_f-16.html (дата обращения: 12.04.2021).

Внесено изменение в Указ о мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН № 1929 // Президент России. 2015. 13 апр. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49248> (дата обращения: 12.04.2021).

Военно-техническое сотрудничество России и Ирака. Досье // ТАСС. 2015. 20 мая. URL: <https://tass.ru/info/1981871> (дата обращения: 12.04.2021).

Военно-техническое сотрудничество России и Ирана в перспективе снятия санкций СБ ООН: что дальше? // ЦАМТО. 2015. 09 апр. URL: <https://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2015/0409/100528656/detail.shtml> (дата обращения: 12.04.2021).

Военно-техническое сотрудничество России и Сирии. Досье // ТАСС. 2015. 30 сент. URL: <https://tass.ru/info/2305654> (дата обращения: 12.04.2021).

Волков М.Н. Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 2012–2017 гг.: прорыв в новых геополитических условиях // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 53. С. 93–98.

Ежегодник СИПРИ 2019: «Вооружения, разоружение и международная безопасность» о Специальном приложении ИМЭМО РАН / Редкол: А.А. Дынкин, А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский и др. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 893 с.

Кудряшова И.В. Кризисы политического развития: арабское измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 4. С. 33–52.

Кузьмина В.М., Молодова А.С. Оценка военно-технического сотрудничества Российской Федерации со странами Европы и Ближнего Востока // Седьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества: тезисы докл.: в 2 ч. Ч. 1. СПб.: ГУАП, 2019. С. 211–213.

Малаев М., Козичев Е., Егупец А., Степанов В., Кравченко А., Гадас Ю. Война в Сирии: от бомбардировок к патрулированию // Коммерсантъ. 2020. 30 сент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4475419> (дата обращения: 12.04.2021).

Минобороны Ирака: поставка РФ Су-25 переломила ситуацию в боях с ИГ // РИА Новости. 2015. 05 фев. URL: <https://ria.ru/20150205/1046152699.html> (дата обращения: 12.04.2021).

Никольский А. Ближний Восток становится крупнейшим рынком для российских вооружений // Ведомости. 2019. 18 фев. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/02/18/794445-blizhnii-vostok-stanovitsya-krupneishim-rinkom-vooruzhenii> (дата обращения: 11.04.2021).

Овсепян Л. Основные тенденции и перспективы турецко-российского военно-технического сотрудничества // Центральная Азия и Кавказ. 2011. Том 14. № 3. С. 46–52.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Подцероб А.Б. Военно-техническое сотрудничество России с арабскими странами // Институт Ближнего Востока. 2009. 11 янв. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7994> (дата обращения: 12.04.2021).

Ревенко Н.С. Экономические аспекты военно-технического сотрудничества России со странами Азии и Ближнего Востока // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 9. С. 59–72.

Рыжов И.В. Экономические аспекты взаимоотношений России с арабскими государствами: от экспорта вооружений к новым аспектам сотрудничества // Вестник Башкирского университета. 2012. № 1. С. 382–384.

Сапронова М.А. Российско-арабское сотрудничество до и после «Арабской весны» // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 3(36). С. 27–36.

«Сирийские всходы». Военная кампания РФ увеличила продажи российского оружия // Life. 25.02.2019. 25 фев. URL: <https://life.ru/p/1194566> (дата обращения: 07.11.2021).

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Ирак о военно-техническом сотрудничестве от 10 октября 2013 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=203005122&collection=1 (дата обращения: 12.04.2021).

Степанов А. Проверка боем // Российская газета. 2019. 24 июн. URL: <https://rg.ru/2019/06/24/v-sirii-aprobirovano-bolee-600-obrazcov-vooruzheniia-i-tehniki.html> (дата обращения: 07.11.2021).

Строкань С., Сафронов И. Аэродром отскока // Коммерсантъ. 2016. 23 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3070510> (дата обращения: 13.04.2021).

США: Получение Ираном С-300 не отменит возможность военной операции против него // Взгляд. 2015. 29 июл. URL: <https://m.vz.ru/news/2015/7/29/758566.html> (дата обращения: 13.04.2021).

Федеральный закон от 19 июля 1998 г. N 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» (с изменениями на 8 декабря 2020 года). Ст. 1. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901713129> (дата обращения: 15.04.2021).

Фролов А. ВТС России со странами Ближнего Востока и Северной Африки: состояние и перспективы // Новый оборонный заказ. Стратегии. 2019. № 4(57). С. 11–13. URL: <https://dfnc.ru/vtc/vts-rossii-so-stranami-blizhnego-vostoka-i-severnoj-afriki-sostoyanie-i-perspektivy/> (дата обращения: 12.04.2021).

Хетагуров А.А. Геополитические аспекты российско-иранского сотрудничества в военно-технической сфере // Российский совет по международным делам. 2018. 06 июн. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/geopoliticheskie-aspekty-rossiysko-iranskogo-sotrudnichestva-v-voenno-tekhnicheskoj-sfere/> (дата обращения: 12.04.2021).

Шарапов А. Россия – Турция: военно-технический тандем // Армейский стандарт. 2019. 05 нояб. URL: <https://armystandard.ru/news/20191111025-EPCSh.html> (дата обращения: 13.04.2021).

Юсеф Д.А. Российско-сирийские отношения в контексте геополитической конкуренции на Ближнем Востоке // Символ науки: международный научный журнал. 2015. № 11(2). С. 258–263.

Allison R. Russia and Syria: explaining alignment with a regime in crisis // International Affairs. 2013. № 89(4). С. 795–823.

Blank S., Levitzky E. Geostrategic aims of the Russian arms trade in East Asia and the Middle East // Defence Studies. 2015. № 15(1). С. 63–80.

Ergin S. S-400’lerde ortak üretim ve teknoloji transferi // Hürriyet. 2019. 07 Aug. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/sedat-ergin/s-400lerde-ortak-uretim-ve-teknoloji-transferi-41295517> (date of access: 13.04.2021).

Holtom P., Bromley M., Wezeman P.D., Wezeman S.T., Lucie Béraud-Sudreau L. Trends in international arms transfers, 2010 // SIPRI Fact Sheet. Stockholm International Peace Research Institute. 2011. March. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/FS/SIPRIFS1103a.pdf> (date of access: 11.04.2021).

J-10 C vs MiG-35: Why Tehran Might Choose the Chinese Firebird Over the Russian Fulcrum For Fleet Modernisation // Military Watch Magazine. 2020. 01 Apr. URL: <https://militarywatchmagazine.com/article/j-10c-vs-mig-35-why-tehran-might-choose-the-chinese-firebird-over-the-russian-fulcrum-for-fleet-modernisation> (date of access: 13.04.2021).

Macias A. U.S. sanctions Turkey over purchase of Russian S-400 missile system // CNBC. 2020. 14 Jan. URL: <https://www.cnbc.com/2020/12/14/us-sanctions-turkey-over-russian-s400.html> (date of access: 12.04.2021).

Majeed Gly. Lavrov: Russia sending arms to KRG via Baghdade // Rudaw. 2015. 02 Oct. URL: <https://www.rudaw.net/english/world/02102015> (date of access: 12.04.2021).

Military Spending and Fiscal Deficit in MENA Post-Arab Spring // Vision of humanity. URL: <https://www.visionofhumanity.org/military-spending-and-fiscal-deficit-in-mena-post-arab-spring/> (date of access: 07.11.2021).

Russia lifts ban on S-300 missile system delivery to Iran // BBC News. 2015. 13 Apr. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-32290335> (дата обращения: 12.04.2021).

SIPRI Trade registers // SIPRI. Stockholm International Peace Research Institute. URL: https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (date of access: 12.04.2021).

U.S. Announces End to Combat Mission in Iraq, but Troops Will Not Leave // The New York Times. 2021. 09 Dec. URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/09/world/middleeast/us-iraq-combat-mission.html> (date of access: 15.02.2022).

Wasser B. The Limits of Russian Strategy in the Middle East // RAND. 2019. Nov. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE300/PE340/RAND_PE340.pdf (date of access: 15.04.2021).

Wezeman P.D., Kuimova A., Wezeman S.T. Trends in international arms transfers, 2020 // SIPRI Fact Sheet. Stockholm International Peace Research Institute. 2021. Mar. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-03/fs_2103_at_2020_v2.pdf (дата обращения: 11.04.2021).

References

Ahmedov V.M. Armiya i arabskie revolyucii na Blizhnem Vostoke [The Army and the Arab Revolutions in the Middle East] // Blizhnij Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she? [Middle East, Arab Spring and Russia: what's next?] / Otv. red-ry: V.V. Naumkin, V.V. Popov, V.A. Kuznecov / Moscow: IV RAN, 2012. C. 72–90. (In Russ.)

Allison R. Russia and Syria: explaining alignment with a regime in crisis. *International Affairs*. 2013. N 89(4). P. 795–823.

Ankara izuchaet predlozhenie Rossii o postavkakh istrebitelei Su-35 i Su-57 [Ankara is considering Russia's offer to supply it with Su-35 and Su-57 fighters]. *Gazeta.ru*. 2019. 04 Nov. URL: <https://m.gazeta.ru/army/news/2019/11/04/13656542.shtml> (date of access: 13.04.2021). (In Russ.)

Bainazarov E. «My ne znaem, kogda Tramp zakhochet obnarodovat' sdelku veka» [‘We don't know when Trump will decide to publish the Deal of the Century’]. *Izvestiia*. 2019. 29 Oct. URL: <https://iz.ru/937166/elnar-bainazarov/my-ne-znaem-kogda-tramp-zakhochet-obnarodovat-sdelku-veka> (date of access: 13.04.2021). (In Russ.)

Blank S., Levitzky E. Geostrategic aims of the Russian arms trade in East Asia and the Middle East. *Defence Studies*. 2015. N 15(1). P. 63–80.

Bondarenko M. SMI uznali detali postavok rossiiskogo vooruzheniia v Siriiu [Media gets to know the details of Russian arms transfer in Syria]. RBK. 2015. 10 Sept. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/09/2015/55f0b8309a7947ac108933c6> (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Brifing nachal'nika Glavnogo operativnogo upravleniia General'nogo shtaba vs RF general-leitenanta Sergeia Rudskogo [Briefing of the Chief of the Main Operational Directorate of the General Staff of the Russian Federation AF, Lieutenant General Sergei Rudskoy]. Ministerstvo oborony Rossiiskoi Federatsii. 2016. 31 Mar. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12082004@egNews (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Ergin S. S-400'lerde ortak üretim ve teknoloji transferi. Hürriyet. 2019. 07 Aug. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/yazarlar/sedat-ergin/s-400lerde-ortak-uretim-ve-teknoloji-transferi-41295517> (date of access: 13.04.2021).

Ezhegodnik SIPRI 2019: «Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost» so Special'ny'm prilozheniem IME'MO RAN [SIPRI Yearbook: armaments, disarmament and international security] / Redkol: A.A. Dy'nkin, A.G. Arbatov, V.G. Baranovskij i dr. Moscow: IMEMO RAN, 2020. 893 p. (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 19 iyulya 1998 g. N 114-FZ «O voenno-tekhnicheskome sotrudnichestve Rossijskoj Federatsii s inostrannymi gosudarstvami» (s izmeneniyami na 8 dekabrya 2020 goda). St. 1 [Federal Law of July 19, 1998 N 114-FZ «On military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states» (as amended on December 8, 2020). Art. 1]. Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901713129> (date of access: 15.04.2021). (In Russ.)

Frolov A. VTS Rossii so stranami Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki: sostoyanie i perspektivy [Russian military-technical cooperation with Middle East and North African countries: current state and prospects] // Novyj oboronnyj zakaz. Strategii. 2019. N 4(57). P. 11–13. URL: <https://dfnc.ru/vtc/vts-rossii-so-stranami-blizhnego-vostoka-i-severnoj-afriki-sostoyanie-i-perspektivy/> (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Hetagurov A.A. Geopoliticheskie aspekty rossijsko-iranskogo sotrudnichestva v voenno-tekhnicheskoy sfere [Geopolitical aspects of Russian-Iranian cooperation in the military-technical field]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. 2018. 06 June. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/geopoliticheskie-aspekty-rossijsko-iranskogo-sotrudnichestva-v-voenno-tekhnicheskoy-sfere/> (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Holtom P., Bromley M., Wezeman P.D., Wezeman S.T., Lucie Béraud-Sudreau L. Trends in international arms transfers, 2010 // SIPRI Fact Sheet. Stockholm International Peace Research Institute. 2011. March. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/FS/SIPRIFS1103a.pdf> (date of access: 11.04.2021).

J-10 C vs MiG-35: Why Tehran Might Choose the Chinese Firebird Over the Russian Fulcrum for Fleet Modernisation // Military Watch Magazine. 2020. 01 Apr. URL: <https://militarywatchmagazine.com/article/j-10c-vs-mig-35-why-tehran-might-choose-the-chinese-firebird-over-the-russian-fulcrum-for-fleet-modernisation> (date of access: 13.04.2021).

Kudryashova I.V. Krizisy politicheskogo razvitiya: arabskoe izmerenie [Political development crisis in The Arab dimension]. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya. 2015. N 4. P. 33–52. (In Russ.)

Kuz'mina V.M., Molodova A.S. Otsenka voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva Rossiiskoi Federatsii so stranami Evropy i Blizhnego Vostoka [Evaluation of military-technical cooperation between Russia and European and Middle Eastern countries] // Sed'maya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya: Filosofiya i kul'tura informacionnogo obshchestva: tezisy dokl.: v 2 ch. Ch. 1. SPb.: GUAP, 2019. P. 211–213. (In Russ.)

Macias A. U.S. sanctions Turkey over purchase of Russian S-400 missile system. CNBC. 14.12.2020. URL: <https://www.cnbc.com/2020/12/14/us-sanctions-turkey-over-russian-s400.html> (date of access: 12.04.2021).

Majeed Gly. Lavrov: Russia sending arms to KRG via Baghdade. Rudaw. 2015. 02 Oct. URL: <https://www.rudaw.net/english/world/02102015> (date of access: 12.04.2021).

Malaev M., Kozichev E., Egupets A., Stepanov V., Kravchenko A., Gadas Iu. Voina v Sirii: ot bombardirovok k patrulirovaniu [War in Syria: from bombing to patrolling]. Kommersant". 2020. 30 Sept. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4475419> (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Military Spending and Fiscal Deficit in MENA Post-Arab Spring. Vision of humanity. URL: <https://www.visionofhumanity.org/military-spending-and-fiscal-deficit-in-mena-post-arab-spring/> (date of access: 07.11.2021).

Minoborony Iraka: postavka RF Su-25 perelomila situatsiiu v boiakh s IG [Iraqi Ministry of Defense: Su-25 shipments by Russia has reversed situation in battles against IS]. RIA Novosti. 05.02.2015. URL: <https://ria.ru/20150205/1046152699.html> (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Nikol'skii A. Blizhnii Vostok stanovitsia krupneishim rynkom dlia rossiiskikh vooruzhenii [Middle East is becoming the main market for Russian arms]. Vedomosti. 2019. 18 Feb. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/02/18/794445-blizhnii-vostok-stanovitsya-krupneishim-rinkom-vooruzhenii> (date of access: 11.04.2021). (In Russ.)

Ovsepiyan L. Osnovnye tendentsii i perspektivy turetsko-rossiiskogo voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [Main trends and prospects of Turkish-Russian military-technical cooperation]. Tsentral'naia Aziia i Kavkaz. 2011. Vol. 14. N 3. P. 46–52. (In Russ.)

Podtserob A.B. Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii s arabskimi stranami [Military-technical cooperation between Russia and Arab states]. Institut Blizhnego Vostoka, 2009. 11 Jan. URL: <http://www.iimes.ru/?p=7994> (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Revenko N.S. Ekonomicheskie aspekty voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva Rossii so stranami Azii i Blizhnego Vostoka [Economic aspects of Russian military-technical cooperation with Asian and Middle East countries]. Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik. 2017. N 9. P. 59–72.

Russia lifts ban on S-300 missile system delivery to Iran. BBC News. 2015. 13 Apr. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-32290335> (date of access: 12.04.2021).

Ryzhov I.V. Ekonomicheskie aspekty vzaimootnoshenii Rossii s arabskimi gosudarstvami: ot eksporta vooruzhenii k novym aspektam sotrudnichestva [Economic aspects of Russian and Arabian relations: from arms export to new cooperation]. Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2012. N 1. P. 382–384.

Sapronova M.A. Rossiisko-arabskoe sotrudnichestvo do i posle «Arabskoi vesny» [Russian-Arab cooperation before and after the «Arab Spring»]. Vestnik MGIMO Universiteta. 2014. N 3(36). P. 27–36. (In Russ.)

Sharapov A. Rossiya – Turkiya: voenno-tekhnicheskij tandem [Russia – Turkey: a military-technical tandem]. Armejskij standart. 2019. 05 Nov. URL: <https://armystandard.ru/news/20191111025-EPCSh.html> (date of access: 13.04.2021). (In Russ.)

SIPRI Trade registers // SIPRI. Stockholm International Peace Research Institute. URL: https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (date of access: 12.04.2021).

Sirijskie vskhody [Syrian seedlings]. Life. 2019. 25 Feb. URL: <https://life.ru/p/1194566> (date of access: 07.11.2021). (In Russ.)

Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Irak o voenno-tekhnicheskom sotrudnichestve ot 10 oktyabrya 2013 g. [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Iraq on military-technical cooperation signed October 10, 2013]. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=5&nd=203005122&collection=1 (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

SSHA: Poluchenie Iranom S-300 ne otmenit vozmozhnost' voennoj operacii protiv nego [US: Iran's receipt of the S-300 will not remove the possibility of a military operation against it]. Vzglyad. 2015. 29 July. URL: <https://m.vz.ru/news/2015/7/29/758566.html> (date of access: 13.04.2021). (In Russ.)

Stepanov A. Proverka boem [Combat test]. Rossijskaya Gazeta. 2019. 24 June. URL: <https://rg.ru/2019/06/24/v-sirii-aprobirovano-bolee-600-obrazcov-vooruzheniia-i-tehniki.html> (date of access: 07.11.2021). (In Russ.)

Strokan' S., Safronov I. Aerodrom otskoka [Bounce from the airfield] // Kommersant". 2016. 23 Aug. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3070510> (date of access: 13.04.2021). (In Russ.)

U.S. Announces End to Combat Mission in Iraq, but Troops Will Not Leave. The New York Times. 2021. 09 Dec. URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/09/world/middleeast/us-iraq-combat-mission.html> (date of access: 15.02.2022).

Vakhshitekh A.N. Rol' Rossii v uregulirovanii siriiskogo konflikta [Role of Russia in the Syria's Negotiation Process]. Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia. 2018. Vol. 18. N 4. P. 514–522. (In Russ.)

Vneseno izmenenie v Ukaz o merakh po vypolneniiu rezoliutsii Soveta Bezopasnosti OON № 1929 [Amendment made to the Decree on Measures to Implement the UN Security Council Resolution 1929]. Prezident Rossii. 2015. 13 Apr. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49248> (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Iraka. Dos'e [Military-technical cooperation between Russia and Iraq. Dossier]. TASS. 2015. 20 May. URL: <https://tass.ru/info/1981871> (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Irana v perspektive sniatii sanktsii SB OON: chto dal'she? [Military-technical cooperation between Russia and Iran with the prospect of the expiration of the UN Security Council sanctions]. TsAMTO. 2015. 09 Apr. URL: <https://armstrade.org/includes/periodics/mainnews/2015/0409/100528656/detail.shtml> (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Sirii. Dos'e [Military-technical cooperation between Russia and Syria. Dossier]. TASS. 2015. 30 Sept. URL: <https://tass.ru/info/2305654> (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Volkov M.N. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo rossiiskoi Federatsii na Blizhnem Vostoke i v Severnoi Afrike v 2012–2017 gg.: proryv v novykh geopoliticheskikh usloviakh [Military and technical cooperation of the Russian Federation on the Middle East and in the North Africa in 2012–2017: the breakthrough in the new geopolitical situation]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. 2018. N 53. P. 93–98. (In Russ.)

VVS Iraka poluchili poslednie zakazannye istrebiteli F-16 [Iraqi Air Force receives last ordered F-16 fighters]. Novosti VPK. 2019. 13 May. URL: https://vpk.name/news/280376_vvs_iraka_poluchili_poslednie_zakazannye_istrebiteli_f-16.html (date of access: 12.04.2021). (In Russ.)

Wasser B. The Limits of Russian Strategy in the Middle East. RAND. 2019. Nov. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE300/PE340/RAND_PE340.pdf (date of access: 15.04.2021).

Wezeman P.D., Kuimova A., Wezeman S.T. Trends in international arms transfers, 2020 // SIPRI Fact Sheet. Stockholm International Peace Research Institute. 2021. Mar. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2021-03/fs_2103_at_2020_v2.pdf (date of access: 11.04.2021).

Yusef D.A. Rossijsko-sirijskie otnosheniya v kontekste geopoliticheskoi konkurencii na Blizhnem Vostoke [Russian-Syrian relations in the context of geopolitical competition in the Middle East]. Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. 2015. N 11(2). P. 258–263. (In Russ.)

Ф.О. Трунов

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И ФРГ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ
К НАЧАЛУ 2020-х годов: ДОСТИЖЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ?**

***Аннотация.** Значимым фактором эволюции мирополитического ландшафта является растущая активность «восходящих» держав. Традиционно этот термин используется для обозначения поднимающихся центров влияния, расположенных вне Евро-Атлантического сообщества. В связи с этим рассматриваются особенности внешней политики России в середине – второй половине 2010-х годов. Однако существует и исключение из представленного географического восприятия «восходящих» держав – Германия. Задача статьи состоит в изучении состояния и перспектив взаимодействия РФ и ФРГ по решению вопросов безопасности и обороны к концу 2010-х годов.*

Выделяются три магистральных фактора, определяющих взаимоотношения двух стран – историческая память, интегрированность Германии в состав Евро-Атлантического сообщества и движение ФРГ к положению полновесного мирового игрока. В первом случае рассматривается вклад, включая объем потерь, российской (советской) стороны в сдерживание агрессии германо-прусского государства в ходе Семилетней, Первой мировой и Великой Отечественной войн. Во втором – показываются те границы кооперации, которые устанавливает органичная интегрированность Германии в состав евро-атлантических институтов. При изучении третьего фактора исследуется исторически определенная важность поддержки «позднего» СССР и России в процессе движения Германии к возвращению статуса мировой державы, особенно на примерах подъема отношений в 1990–1994 гг. и 2002–2005 гг. Выявленные закономерности подтверждаются посредством детального исследования фазы улучшения отношений в 2017–2018 гг. и их последовавшей деградации. Делается вывод о перспективах динамики кооперации двух держав с учетом определенных в статье циклических закономерностей.

***Ключевые слова:** Германия; Россия; историческая память; сотрудничество; вооруженные конфликты; Украина; Сирия; Ливия; Сочинский формат; Берлинская конференция.*

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки
ИНИОН РАН. Россия, Москва.
E-mail: 1 trunov@mail.ru

Trunov Ph.O. German-Russian cooperation in the sphere of security and defense by early 2020-s: reaching the limits?

Abstract. *The growing activity of emerging powers is one of the key factors of the evolution of global political landscape. Traditionally, this term is used to refer to the rising centers of influence which are located outside the Euro-Atlantic community. Consequently, the article considers Russian foreign policy during the second half of the 2010 s. But there is an exception to such geographical rule of emerging powers' location, which is Germany. The goal of the article is to explore the current state and prospects of Russian-German relations in the sphere of security and defense.*

The paper identifies three main factors that determine the relationship between Russia and Germany. These are historical memory, Germany's integration in the Euro-Atlantic community, and its shift towards the role of a global power. In the first case, the paper explores the contribution, including human losses, of the Russian (Soviet) state to the containment of aggression of the German-Prussian state during the Seven Years' war, World War I and the Great Patriotic war. In the second case, the author shows the limits of bilateral cooperation, which are determined by the Germany's integration into the Euro-Atlantic institutions. As part of the study of the third factor, the article shows the historically determined importance of late Soviet and Russian support for the success of German efforts in becoming a global power, particularly in 1990–1994 and 2002–2005. The paper confirms the revealed patterns by detailing the improvement of relations in 2017–2019 and their further deterioration. The paper makes a conclusion regarding the prospects of the bilateral cooperation dynamics based on the previously defined cyclic patterns.

Keywords: *Germany; Russia; historical memory; cooperation; armed conflicts; Ukraine; Libya; Sochi format; Berlin conference.*

Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher, the Department of Europe and America,
Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). Russia, Moscow.
E-mail: 1 trunov@mail.ru

Современный процесс ускорения сдвигов мирополитического ландшафта в полной мере затронул и Евро-Атлантическое сообщество. Его основа сформировалась во второй половине 1940-х – 1950-х годах, исходя из ведущей роли трех западных держав: США, Великобритании и Франции. Органичным элементом данной системы являлась и Западная (а в последующем и объединенная) Германия, двигавшаяся по пути наращивания ресурсной базы и увеличения удельного веса в принятии и реализации многосторонних решений по линии НАТО и ЕС (до 1992 г. Европейских сообществ). ФРГ превращалась в едва ли ни единственную «восходящую» державу в составе Евро-Атлантического сообщества.

Одним из магистральных изменений мирополитического ландшафта в XXI в. стало постепенное движение России по пути восстановления позиций, утраченных после распада СССР. Наиболее отчетливые формы этот процесс приобрел начиная с третьего президентского срока Владимира Путина (2012–2018). Это выразилось в ускорении интеграции внутри Евразийского союза и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Знаковыми событиями стало, во-первых, присоединение Крыма к РФ (17 марта 2014 г.), что внутри страны вызывало ассоциации с формулой «собирая земель» – базовой концептуальной основой внешней политики еще с эпохи Великого княжества Московского. Во внешнеполитическом контексте данное событие стало поводом и отправной точкой возникновения конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и Российской Федерацией. Этот процесс сразу приобрел полноценные общеполитическое, ценностно-информационное, экономическое и собственно военное измерения [Bartels, Glatz 2020, S. 1–2]. По количественным параметрам (особенно применительно к сфере безопасности и обороны) вновь возникшая конфронтация существенно отличается от «классической». Однако их качественные характеристики с учетом существенной эволюции мирополитических реалий позволяют утверждать о сопоставимости «новой» и «классической» конфронтации. Еще одним знаковым событием, уже на фоне стремительно развивавшейся конфронтации, стало применение Вооруженных Сил РФ для борьбы с террористическими группировками в Сирии (с 30 сентября 2015 г.). Это символизировало возвращение РФ на Ближний Восток как гаранта региональной стабильности. С данной географической точки зрения операция стала прецедентной в двух отношениях: она осуществлена впервые с момента самороспуска СССР и притом вне взаимодействия с Евро-Атлантическим сообществом: коалиция РФ – правительство Сирийской Арабской республики (САР) – Исламская Республика Иран (ИРИ) вела борьбу с международным терроризмом на сирийско-иракском ТВД параллельно со II западной антитеррористической коалицией. Эта линия диссонировала с участием миротворческих контингентов РФ в миссиях с ведущей ролью государств – членов НАТО и ЕС IFOR / SFOR в Боснии (1996–2003), KFOR в Косове (1999–2003), EUFOR Tchad в Чаде и ЦАР (2008–2010)¹, а также логистической поддержкой стран Запада в Афганистане.

Стремление к укреплению позиций на международной арене являлось для внешней политики ФРГ и РФ общим знаменателем, что отнюдь не было эквивалентно понятию «объединяющий». Задача данной статьи – изучить характер и перспективы российско-германского взаимодействия во второй

1. В скобках указаны хронологические рамки периодов практического взаимодействия (до момента их вывода) российских миротворческих контингентов с войсками стран – участниц ЕС и НАТО.

половине 2010-х годов на примере сферы безопасности и обороны. Методами исследования избраны сравнительный и ивент-анализы. На фоне огромного пула отечественных и зарубежных исследований, посвященных российско-германским отношениям, по естественным причинам взаимодействие сторон к началу 2020-х годов получило пока еще достаточно ограниченное освещение. Его оценка, а также прогнозирование развития диалога, невозможны без учета исторического опыта. Притом протяженность «шага» будущего обычно эквивалента хронологической глубине проводимого ретроспективного анализа. Поэтому автор попытался выделить магистральные (стратегические) детерминанты, заметное влияние которых на возможности кооперации двух стран в политической и военной сферах прослеживается на длительных временных отрезках.

Фактор исторической памяти

Едва ли существуют еще одни межгосударственные отношения, где исторический опыт играет столь значимую роль. В ходе трех из четырех (исключая большую часть эпохи Наполеоновских войн) крупнейших войн в Европе и мире в XVIII–XX вв. страны участвовали в боевых действиях друг против друга. Неизменным общим знаменателем этих требовавших предельного напряжения сил действий Российской империи и СССР выступала борьба с наступательными устремлениями германо-прусского государства.

Масштабное применение российских войск в Центральной Европе в Семилетнюю войну объяснялось стремлением не допустить реализации растущих агрессивных планов Пруссии, особенно с учетом милитаризации ее внешней политики. На протяжении кампаний 1757–1761 гг. Россия несла основную нагрузку (по результативности существенно более высокую, чем Австрия или Франция) в ослаблении военного потенциала Пруссии, добившись серьезных успехов и безвозвратно потеряв 120 тыс. воинов [Шефов 1999, с. 224].

В период существования Второго рейха (1871–1918) агрессивные устремления получили идеологическую основу: была создана концепция «Mitteleuropa», согласно которой остзейские провинции и Царство Польское, находившиеся в подданстве российского императора, подлежали включению в зону процветания германо-прусского государства [Уткин 2001, с. 61–63]. Соответственно, стратегическим фактором вступления Российской империи в Первую мировую войну стало стремление к защите своей территориальной целостности (показательно, что в обществе войну именовали «германской»). Восточный фронт вносил на протяжении кампаний 1914–1917 гг. вклад в борьбу с германским милитаризмом, вполне сопоставимый с Западным фронтом. Потери были более 1,7 млн солдат и офицеров [Шефов 1999, с. 444].

Несмотря на последующее вынужденное подписание уже советским руководством Брестского мира с Германией (1918), усилия страны имели огромное и до сих пор не до конца оцененное значение для итоговой капитуляции Второго рейха и обнуления его агрессивных устремлений.

Особое место в ряду рассматриваемых военных конфликтов традиционно занимает Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: мощнейшая агрессия Третьего рейха и его сателлитов была направлена на уничтожение национальной государственности на территории СССР. Нацистская Германия в 1941–1942 гг. захватила огромные, большие в абсолютном отношении (особенно по численности населения), чем когда-либо занимались любым иным агрессором в российской истории, территории. На них последовательно насаждался жесточайший, направленный на физическое уничтожение, обнищание и порабощение проживавшего на них населения, оккупационный режим. Несмотря на тяжелые неудачи в ходе начального периода войны, именно Советский Союз внес решающий вклад в полный разгром мощнейшей «военной машины» Третьего рейха и уничтожение «коричневой чумы» – самой опасной угрозы человечеству. На фоне продолжающихся научных дискуссий об общих потерях СССР в Великой Отечественной войне, наиболее верифицируемой признается цифра в 26,6 млн человек, в том числе 11 млн 444 тыс. солдат, офицеров и генералов, включая 8 668 тыс. убитыми и умершими в плену [Шефов 1999, с. 510].

Таким образом, в ходе трех крупнейших конфликтов с германо-прусским государством было потеряно 10,5 млн военных (!). Дважды – в ходе Первой мировой и Великой Отечественной войн – страна понесла колоссальные людские и материальные утраты в результате наступательных операций Германии, которые объективно являются одной из магистральных причин трудностей социально-экономического развития современной России – прежде всего, в демографическом плане. Поэтому фактор исторической ответственности Германии не может не выступать бессрочно «краеугольным камнем» при выстраивании ФРГ как внешней политики в целом (особенно курса в области безопасности и обороны), так и особенно диалога с Москвой.

Создавая и развивая Боннскую (впоследствии Берлинскую) республику, ее руководство последовательно подчеркивало ее глубокое отличие как зрелой парламентской демократии от германо-прусского государства, при этом декларируя учет фактора исторической ответственности. Так, в вопросах развития и боевого использования военного потенциала власти ФРГ стремились демонстрировать градуированный подход, т.е. принцип «стратегической сдержанности». В соответствии с Парижскими соглашениями (от 23 октября 1954 г., подписаны с западными державами), а затем и договором об окончательном урегулировании в отношении Германии (от 12 сентября 1990 г., заключен с США, Великобританией, Францией, а также СССР) официальный

Бонн принимал на себя добровольные обязательства по отказу от производства, владения и распоряжения ОМУ / ОМП. В документе была зафиксирована формула мира и только мира, исходящего с немецкой земли [Договор 1994]. Воссоздавая вооруженные силы, власти ФРГ лимитировали число соединений, а также отказывались от их применения вне зоны ответственности НАТО в «классическую» «холодную войну» [The Bundeswehr 2009, p. 14]. В реалиях постбиполярного мира уже объединенная Германия отошла от этих самоограничений, однако стремилась сосредоточиться на небоевом (несиловом) использовании бундесвера, официально лишь дважды отойдя от этого принципа в ходе военно-воздушных операций на Балканах 1995 и 1999 гг.

Соответственно, в целом на практике уровень учета официальным ФРГ фактора исторической ответственности демонстрирует тенденцию к снижению. Одной из иллюстраций этого является эволюция отношения руководства ФРГ к визитам в Россию во время празднования Дня Победы. С одной стороны, эта составляющая диалога действительно оказалась «всесезонной», оказавшись редким исключением в частично разрушенной после 2014 г. системе контактов РФ с акторами Евро-Атлантического сообщества. С другой стороны, показателен характер данных визитов. Так, 10 мая 2015 г. А. Меркель прибыла в Москву, хотя сама дата визита (уже после Дня Победы, а не непосредственно 9 мая или накануне, как это делалось ранее), тональность и содержание переговоров [Pressekonferenz 2015] свидетельствовали об исключительно непростом восприятии друг друга в реалиях новой «холодной войны». 10 мая 2018 г., сразу же по завершении визита в Москву, глава МИДа Х. Маас провел переговоры с руководителями внешнеполитических ведомств стран Балтии, подчеркнув учет ФРГ в полной мере их обеспокоенности «российской угрозой» [Außenminister Maas 2018]. Вместе с тем это отнюдь не отрицало практической ценности регулярных переговоров с властями ФРГ 8–10 мая для улучшения диалога, в частности для запуска Сочинского формата (2017–2019).

8 мая 2020 г., в преддверии 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, состоялся достаточно дружественный по тональности телефонный разговор В. Путина и А. Меркель [Bundeskanszlerin Merkel 2020] (ее визит в Москву невозможен вследствие эпидемии COVID-19). Однако руководство ФРГ в принципе не рассматривало возможности своего присутствия на торжествах, перенесенных из-за пандемии на 24 июня, – день Парада Победы, что иллюстрировало начавшуюся деградацию диалога.

Показательно и то, что при праздновании уже своего юбилея – 30-летия объединения под эгидой ФРГ (1990) – ее действующий истеблишмент не обозначил определяющего вклада Советского Союза в этот процесс. Здесь следует подчеркнуть, что двусторонние отношения содержали в себе не только отмеченный негативный, но и значительный позитивный объем. Показатель-

но следующее правило развития диалога: его подъем в основном приходился на периоды движения германо-прусского государства к восстановлению или укреплению своего державного статуса: в этих случаях поддержка официального Санкт-Петербурга / Кремля приобретала важное значение. Так, в 1807 г. отечественная дипломатия сыграла ключевую роль в сохранении Пруссии на политической карте мира после катастрофического поражения войсками Франции [Тарле 1993, с. 191–192]. Активная координация усилий двух стран по борьбе с наполеоновской угрозой в 1813–1815 гг. обеспечила возвращение Пруссией утраченного статуса державы. Российская дипломатическая поддержка стала значимым фактором успехов Пруссии в войнах за объединение Германии в 1864–1871 гг. [Чубинский 1988, с. 145–261]. Чувствительными для Веймарской республики были контакты (в том числе военно-технические) с Советской Россией [Уткин 2000, с. 7–20]. Наконец, особо следует выделить вклад СССР в объединение ФРГ (1990), притом на условиях полного сохранения ее связей с партнерами по НАТО и Европейским сообществам.

Фактор органичной интегрированности ФРГ в состав Евро-Атлантического сообщества

В отличие от предшествующей истории германо-прусского государства, развивавшегося как мощное национальное государство с подчеркнутым собственным «я», ФРГ рассматривалась основателями ее политической системы в качестве постоянной, органичной части Евро-Атлантического сообщества. При этом еще со времен правления Конрада Аденауэра (1949–1963) официальный Бонн стремился занять роль четвертого партнера для трех западных держав, тем самым пытаясь вытеснить с этой позиции СССР – союзника «западных демократий» по антигитлеровской коалиции. Этим положением определялась парадоксальная на первый взгляд заинтересованность истеблишмента Боннской республики в возникновении и нарастании конфронтации предшествующей «холодной войны», хотя она таила огромные риски обороны для самой ФРГ, располагавшейся на линии разделения Запада и Востока. Состояние конфронтации «цементировало» германский раскол. Отвергнув предложение СССР (1952) о создании единой, но внеблоковой Германии, руководство Боннской республики пошло по иному пути. С одной стороны, ФРГ охватывала территориально в 1949–1989 гг. лишь часть германских земель. С другой стороны, используя фактор интегрированности в Евро-Атлантическое сообщество, руководство Боннской республики рассчитывало утвердиться в положении западной державы [Наске 1988]. Вместо формулы внеблокового статуса предпочтение было отдано членству в НАТО, под эгидой которой был создан и стал развиваться военный потенциал ФРГ. Де-юре

отложив решение «германского вопроса» на длительную перспективу, истеблишмент Боннской республики надеялся добиться его урегулирования посредством включения в свой состав ГДР. В итоге этот сценарий, заложенный К. Аденауэром (1949–1963), был реализован Гельмутом Колем (1983–1998) – прежде всего благодаря резкому пересмотру при Михаиле Горбачеве основ внешнеполитического курса СССР [Из беседы 2006].

Притом вплоть до 1990-х годов Боннская республика играла роль «ведомого» со стороны трех западных держав, особенно в сфере обороны и безопасности. Изменение этого положения было обусловлено двумя основными факторами. Это, во-первых, объединение Федеративной Республики Германия (1990), позволившее начать использовать значительную ресурсную базу бывшей ГДР. Данное территориальное приращение резко диссонировало с ростом числа сецессий в мире, яркими примерами которых стали распад Югославии и Советского Союза. Полностью разрешив «германский вопрос» в выгодном для себя направлении, истеблишмент ФРГ смог переключить внимание на решение широкого спектра иных внешнеполитических задач. Во-вторых, этому в огромной мере способствовало окончание «классической» «холодной войны», позволяя высвободить часть военных ресурсов ФРГ, ранее целиком используемых для территориальной обороны, на решение проблем безопасности вне зоны ответственности НАТО [The Bundeswehr 2009, p. 28–29].

Хронологически совпавшие факты: боевое применение бундесвера в военно-воздушной операции НАТО против Югославии и решение о переносе столицы из Бонна (ассоциировавшегося с периодом истории ФРГ, когда она играла роль «политического карлика») в Берлин (символ имперской истории) иллюстрировали принятие Федеративной Республикой Германия статуса региональной державы (1999). Эпоха Берлинской республики стала продолжением в целом поступательного движения ФРГ по пути укрепления позиций в Европе и мире – к занятию в перспективе роли полновесного глобального игрока. Траектория данного движения была прочерчена еще при К. Аденауэре и последовательно оставалась ориентиром для истеблишмента Боннской (Берлинской) республики. Первоочередная ориентированность на партнеров по Евро-Атлантическому сообществу оставалась неизменным знаменателем внешней политики ФРГ. Этот фактор как четко (особенно в собственно военной сфере), так и более лапидарно (применительно к политико-дипломатической сфере) лимитировал предельный объем кооперации Германии с государствами, расположенными вне ЕС и НАТО, позволяя реализовывать преимущественно тактическое и лишь в отдельных случаях стратегическое сотрудничество с таковыми. Хотя изначально и в меньших масштабах, чем другие западные державы ФРГ включилась в процесс «сдерживания» России с 2014 г.

РФ и движение Германии к положению полновесного глобального игрока

В 1990–2010-е годы, т.е. на временном отрезке, последовавшем за образованием объединенной ФРГ, наблюдалось два основных периода резкого подъема отношений ФРГ и РФ: 1990–1994 гг. и 2002–2005 гг. Хронологически они совпадали с периодами резкого возрастания активности ФРГ в вопросах увеличения своего влияния на региональном (Евро-Атлантическое сообщество), а затем и общемировом уровнях. Случайно ли это совпадение?

При «раннем» Г. Коле (1983 – начало 1990 г.) СССР продолжал восприниматься в качестве ключевого противника. Хотя первые симптомы возможного потепления отношений ФРГ и СССР просматривались еще с конца 1987 г., даже в первые месяцы решения «германского вопроса» (с начала февраля по первую половину июля 1990 г.) диалог был достаточно прохладным. Перелом произошел в ходе личных переговоров Г. Коля и М. Горбачева 15 июля 1990 г., продолженных в расширенном составе 16 июля 1990 г. [Из беседы 2006]. Официальному Бонну удалось добиться от советской стороны согласия на образование общегерманского государства под эгидой ФРГ с сохранением его интегрированности в состав евро-атлантических институтов, особенно НАТО. На первый план выходила задача оформления в виде официальных документов достигнутых договоренностей, а затем их реализация. Причем ключевой проблемой являлось скорейшее (с определением сроков до конца 1994 г.) обеспечение полного вывода советских войск с территории «новых земель» ФРГ. Де-юре эта задача была решена принятием цикла документов в сентябре-октябре 1990 г. В свою очередь, в понимании руководства СССР особую роль должен был играть договор о дружбе и сотрудничестве (от 9 ноября 1990 г., так называемый «большой» общеполитический договор), заключаемый на 20 лет с возможностью автоматической пролонгации и должный закрепить новое качество двусторонних отношений. Действительно, в начале 1990-х годов правительство ФРГ стало выступать главным «адвокатом» руководства СССР, а затем России перед странами Запада в целом, особенно в вопросах предоставления ему финансовой помощи. Более того, Ведомство федерального канцлера демонстративно противилось подготовке первого в реалиях постбиполярного миропорядка расширения НАТО на восток [Varwick 2007, S. 769–771]. Однако эта дружественная в отношении России линия проводилась строго на временном отрезке в 1991–1994 гг., а затем произошел резкий отход от нее [Максимычев, 2008: с. 32–36]. Чем он был обусловлен? Завершением вывода российских (советских) войск, т.е. демонтажем механизма военного присутствия на «новых землях» ФРГ иностранного государства, не входившего в Евро-Атлантическое сообщество. Для истеблишмента Боннской республики именно это событие означало ликвидацию

угроз, существовавших в его понимании в предшествующую «холодную войну». Это создавало «точку невозврата» в расширенном географически, выходящим далеко за пределы зоны ответственности НАТО, использовании бундесвера – как де-факто, так и де-юре: соответствующая процедура была оформлена 12–22 июля 1994 г. [The Bundeswehr 2009, p. 38–40], т.е. именно во время полного завершения вывода ЗГВ. В единой связке с этим Германия стала существенно более активно поддерживать трансформацию НАТО во всех отношениях – в том числе, в расширении на бывшие страны – участницы ОВД и часть республик СССР (страны Балтии) [Varwick 2007, S. 769–773]. Напротив, в российско-германских отношениях наблюдалось существенное ухудшение. Это свидетельствовало об «узком», более чем прагматичном подходе правительства еще Боннской республики к отношениям с РФ и перед тем к СССР при «позднем» М. Горбачеве. Осознавая себя лишь государством – членом Евро-Атлантического сообщества, ФРГ стремилась посредством диалога с Москвой прежде всего усилить свои позиции в нем, а не идти к долгосрочному сотрудничеству с РФ.

Этого «узкого» подхода первоначально – в 1998–2001 гг. – придерживалось и правительство Г. Шрёдера / Й. Фишера (СДПГ / «Зелёные») : его позиция в ходе кризиса вокруг Косова была существенно ближе к США, чем у Франции или Великобритании [Примаков 2001, с. 155–157] и даже жестче, чем у уходящего в отставку кабинета Г. Коля / К. Кинкеля, более правого по партийному составу. В условиях развернувшейся борьбы с международным терроризмом (2001) канцлер Г. Шрёдер провозгласил формулу «неограниченной трансатлантической солидарности» и пытался лоббировать использование бундесвера не только и не столько в небоевой деятельности МССБ в Афганистане, но и в операции «Enduring Freedom» (под эгидой США в национальном качестве) в различных регионах мира с четко выраженной силовой составляющей [Михайлин 2009, с. 23–24]. Однако в 2002–2003 гг. произошёл резкий, выражаясь языком геометрии, перелом на 120°–180°. Правительство Герхарда Шрёдера / Йошка Фишера активировало применение «треугольника» Россия – Германия – Франция, учрежденного еще в 1998 г. по инициативе РФ, но почти не используемого до этого. В феврале-марте 2003 г. трехсторонний механизм использовался для недопущения военного вторжения группы стран Запада по главе с США в Ирак. Параллельно РФ и ФРГ тесно сотрудничали на этом направлении по линии ООН и МАГАТЭ; Германия, как и ряд западноевропейских стран – участниц НАТО, четко обозначила готовность к блокированию механизма Альянса в случае попытки его использования США для военной кампании в Ираке.

Официальный Берлин проявил исключительную заинтересованность в подписании с РФ соглашения о транзитных перевозках грузов и войск (как своих, так и союзников из числа малых европейских стран – участниц НАТО)

по российской территории в Афганистан: воздушным (соглашение 9 октября 2003 г.) и железнодорожным (26 октября 2004 г.) путем. Признавая беспрецедентный характер этого шага в отношении государства – члена НАТО, В. Путин еще 26 февраля 2003 г. согласился на подписание данных документов [Начало переговоров 2003]. В свою очередь, ФРГ сыграла важную роль в запуске Совета Россия-НАТО (учрежден в 2002 г.) [Varwick 2007, S. 772–773]. Исключительно позитивно в Москве был воспринят проект реформы НАТО, выдвинутый в докладе Г. Шрёдера на ХLI Мюнхенской конференции от 12 февраля 2005 г.: предложения по усилению политической составляющей (и сокращению военной) в деятельности Альянса и увеличении удельного веса его европейских государств-членов при принятии решений [Комментарий 2005]. Именно такой сценарий трансформации Североатлантического блока рассматривался РФ в качестве наиболее благоприятного еще с середины 1990-х годов [Примаков 1999, с. 249]. В свою очередь, Путин выразил готовность оказать поддержку Германии в реализации ее намерений по получению постоянного места в Совете Безопасности ООН [Пресс-конференция 2005]. Чем обусловлен столь стремительный подъем двусторонних отношений в 2002–2005 гг.? У представителей истеблишмента Германии во главе с Г. Шрёдером возникло отчетливое осознание того, что решение задачи по обеспечению глобального лидерства требует иного качества отношений с игроками вне пределов Евро-Атлантического сообщества. Притом внутри него реализация амбиций ФРГ сопровождалась ростом противоречий с другими западными державами, особенно с США. Это отнюдь не означало пересмотра фактора ориентированности на партнеров по НАТО и ЕС, но привносило существенно бóльшую гибкость во внешнюю политику Германии. При «зрелом» Г. Шрёдере сближение с РФ, в отличие от «позднего» Г. Коля, стало носить не «узкий», но, по сути, стратегический характер.

Таким образом, во всех рассмотренных случаях подъем двусторонних отношений стартовал на фоне их глубокого спада, когда стороны или находились в состоянии конфронтации (к 1990 г.) или были близки к этому (на фоне кризиса вокруг Косова). Хронологически фаза подъема занимала три-четыре года, сменяясь затем достаточно продолжительным спадом диалога. Насколько данная закономерность оказалась применима к ситуации конца 2010-х годов?

Динамика российско-германского диалога в области безопасности и обороны во второй половине 2010-х годов

В 2014–2016 гг. ФРГ включилась – более быстро в общеполитическом, ценностно-информационном и экономическом отношениях, с запозданием – в военном плане – в процесс конфронтации «коллективного» Запада и России.

При использовании бундесвера Германия все же стремилась придерживаться принципа «стратегической сдержанности», что особенно отчетливо проявилось в 2014–2015 гг. в вопросах проведения учений и развертывания группировок НАТО в непосредственной близости от российских границ. В условиях «заморозки» странами – участниками Евро-Атлантического сообщества с апреля 2014 г. практически всех переговорных форматов с участием РФ германо-французский тандем инициировал запуск «Нормандского формата» (6 июня 2014 г.). ФРГ он воспринимался как площадка для демонстративно вынужденного взаимодействия с Москвой по урегулированию вооруженного конфликта на востоке Украины. Ключевым промежуточным результатом стало соглашение «Минск-2» от 12 февраля 2015 г. Несмотря на «пробуксовывание» процесса его имплементации, данная проблематика неизменно оставалась в фокусе внимания в рамках диалога ФРГ и РФ на высшем уровне.

В конце ноября 2015 г. на встрече в Париже А. Меркель и В. Путин обсуждали борьбу с «Исламским государством»² [Kanzlerin in Paris 2015]. Ключевая причина этого – начало успешной операции ВКС РФ в САР (с 30 сентября 2015 г.), что объективно напрямую способствовало снижению остроты миграционного давления из зоны сирийско-иракского конфликта на страны – участницы ЕС, хотя официально этот факт ФРГ и ее партнерами не признавался. Притом растущую обеспокоенность официального Берлина вызывала возможность разгрома коалицией РФ – правительства САР – ИРИ военизированных формирований «умеренной» сирийской оппозиции, неоднократно сближавшейся со структурами международного терроризма. Стремясь ее защитить, глава МИД ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер призывал к немедленному прекращению боев в Алеппо, указывая на риск возникновения в зоне боевых действий гуманитарной катастрофы [Außenminister Steinmeier 2016].

Симптоматичен рост числа телефонных переговоров Ангелы Меркель и Владимира Путина в январе–апреле 2017 г.: их было проведено четыре против шести за период с мая 2015 по декабрь 2016 г.³, т.е. частота возросла втрое. Результирующей этого стало проведение двусторонних переговоров в Сочи 2 мая 2017 г. О тональности переговоров свидетельствовало подчеркнутое удовлетворение канцлера готовностью РФ принимать активное участие в работе саммита «G20» в Гамбурге (июль 2017 г.) и отсутствие упоминаний о факте возвращения Крыма под российский суверенитет [Pressekonferenz 2017]. Наблюдался некоторый рост точек соприкосновения по урегулированию вооруженного конфликта на востоке Украины (в контексте поддержки наблюдателей ОБСЕ), а также по Сирии [Pressekonferenz 2017]. В сентябре

2. Запрещенная в России террористическая организация.

3. Рассчитано автором на основе данных Ведомства федерального канцлера: <https://www.bundesregierung.de>

2017 г. канцлер ФРГ заявила о принципиальной поддержке идеи РФ о запуске миротворческой миссии ООН на востоке Украины в дополнение к миссии ОБСЕ, наделенной лишь мониторинговыми функциями [Bundeskanzlerin Merkel 2017]. Однако стало возрастать напряжение на сирийском направлении. Формально растущую обеспокоенность германо-французского тандема вызывала близкая к гуманитарной катастрофе ситуация в САР (с возложением значительной части ответственности за это на ее власти), фактически же – опасения полного разгрома сил «умеренной» оппозиции [см.: Brief von Bundeskanzlerin 2018]. Эта тематика оказалась в фокусе телефонных переговоров А. Меркель и В. Путина во второй половине 2017 г. (состоялось лишь три консультации) и в январе–апреле 2018 г. (количество увеличилось до четырех⁴, т.е. частотность вновь стала ежемесячной), что ознаменовало подготовку к новой встрече в «Сочинском формате» (18 мая 2018 г.). Состоявшиеся переговоры показали, что «сирийская проблема» несколько снизила свою остроту: А. Меркель выразила поддержку «Астанинскому формату» [Pressekonferenz 2018 a], при этом изыскивая возможности вести диалог по ситуации в САР с Ираном, Россией, Турцией. 18 августа 2018 г., всего через четыре месяца после очередной встречи в «Сочинском формате», он де-факто вновь был активирован: если до этого переговоры проходили в резиденции В. Путина, то в этот раз в личном представительстве канцлера в замке Мезеберг. Президент РФ впервые посетил ФРГ с момента начала украинских событий вне переговоров в «Нормандском формате». Эти факты иллюстрировали определенный рост взаимодоверия в германо-российских отношениях. Примером тому стала совместная приверженность сохранению СВПД «шестерки»⁵ с Ираном (2015) в условиях выхода из нее США при Дональде Трампе [Pressestatements 2018].

В ходе двусторонней встречи в Мезеберге был продуман новый переговорный механизм: Россия – германо-французский тандем – Турция, позволявший официальному Берлину в достаточно полной мере влиять на работу «Астанинского формата». Четырехсторонняя встреча была организована 27 октября 2018 г. в Стамбуле. Были намечены контуры возможной взаимоприемлемой для РФ и ФРГ формулы урегулирования «сирийского вопроса»: эволюция вертикали власти в САР на основе сохранения действующего руководства и органичной интеграцией в нее действительно умеренной оппозиции [Pressekonferenz 2018 b]. Однако оказавшимся в реалиях конца 2010-х годов

4. Рассчитано автором на основе данных Ведомства федерального канцлера: <https://www.bundesregierung.de>

5. В ее состав входили пять постоянных членов Совета Безопасности ООН, являвшихся одновременно единственными легальными ядерными державами, а также ФРГ. – Прим. авт.

непреодолимым препятствием стал «идлибский вопрос». Солидаризируясь с Турцией и другими западными державами, официальный Берлин противился попыткам установления суверенитета правительства САР над сирийской провинцией Идлиб, где сосредоточились вытесненные из других районов страны остатки формирований «умеренной» оппозиции (Свободной сирийской армии, ССА) и террористических группировок, вступивших в тесные отношения. Не признавая данный факт, германская сторона весьма болезненно воспринимала каждую попытку правительственных сирийских войск при поддержке РФ и ИРИ перейти в наступление в Идлибе [Pressekonferenz 2018 b].

Чем был обусловлен рост объемов взаимодействия между Россией и Германией в 2017–2018 гг., включая возникновение «Сочинского формата»? С точки зрения автора, магистральная причина этого со стороны ФРГ – одно-временное резкое возрастание как трудностей, так и «окна возможностей» на пути движения к положению полновесного глобального игрока. Соответствующий эффект, во-первых, оказал не только и не столько Брекзит, но глубокий спад в отношениях Германии (и в целом ряда континентальных европейских стран – участниц ЕС и НАТО) и США в период президентства Д. Трампа (2017–2021). Отнюдь не случаен факт совпадения старта интенсификации контактов между В. Путиным и А. Меркель (январь 2017 г.) и давления, оказываемого администрацией Д. Трампа на ФРГ декларативно и практически. Во-вторых, резко возросло давление экзистенциальных (а не сугубо потенциальных, как это было в случае «российской угрозы») рисков безопасности Германии и ее партнеров по ЕС и НАТО, исходящих из нестабильных государств. Это показали миграционный кризис 2015–2016 гг. и тесно связанный с ним рост террористической активности в странах Европейского союза. Основной массив стран, выступавших источниками нестабильности, располагался на Ближнем Востоке (Сирия, Ирак), в Северной Африке (Ливия, Мали с перспективой вхождения в их состав других стран «сахельской пятерки», а также Сомали) и в Центральной Азии (Афганистан). Отсюда рост, во многом вынужденный, интереса к взаимодействию с РФ в борьбе с угрозами нестабильности, особенно с учетом результативности борьбы России с международным терроризмом в САР.

Переход в 2017–2018 гг. к более тесному взаимодействию с Россией должен был продемонстрировать практическую способность ФРГ действовать автономно от США в вопросах урегулирования вооруженных конфликтов на востоке Украины (особенно с учетом запуска миссии Курта Волкера как альтернативы «Нормандскому формату»), в Сирии (где США играли роли главного координатора II западной антитеррористической коалиции), а также сохранению «ядерной сделки» с Ираном. Следует подчеркнуть, что в сближении с РФ германская сторона в 2017–2018 гг. прошла то расстояние и вы-

шла лишь на тот уровень взаимодействия, которые были возможны с учетом ее позиционирования как части Евро-Атлантического сообщества.

Означает ли это, что к началу 2020-х годов РФ и ФРГ подошли к пределам потенциала своего сближения? Следует дать скорее положительный ответ. Притом на рубеже 2019–2020 гг. наблюдалось взаимное стремление РФ и ФРГ «дореализовать» остававшийся потенциал взаимодействия. В случае Украины потенциальное «окно возможностей» открывал цикл выборов: президентских (31 марта и 21 апреля 2019 г., завершились убедительной победой В. Зеленского) и парламентских (21 июля 2019 г., по итогам голосования, большинство голосов получила ориентированная на нового президента партия «Слуга народа»). Это оказало определенное влияние на российско-германские отношения: из них почти исчез присутствовавший в них фактор экс-президента Петра Порошенко, сковывающий их развитие. 9 декабря 2019 г. в Париже была активирована работа «Нормандского формата» (с участием В. Зеленского). В ходе многочасовых переговоров (поэтапно проходивших по формуле «1+2+1», «1+1» (президенты России и Украины наедине) и затем вновь всей «четверкой») была подтверждена, хотя и не без проволочек со стороны официального Киева, приверженность реализации «Минска-2». Был намечен к реализации комплекс мер, включая обмен пленными (по схеме «всех на всех»), увеличение числа отрезков на линии разделения сторон, где был запланирован отвод тяжелых вооружений, а также проведение местных выборов на территории ДНР и ЛНР по «формуле Штайнмайера» [Pressekonferenz 2019].

11 января 2020 г. состоялся визит А. Меркель в Москву, главной целью которого являлось налаживание сотрудничества по «ливийской проблеме» [Pressekonferenz 2020]. На протяжении 2012–2018 гг. Германия не могла найти возможности активно включиться в ее урегулирование. Поддержка РФ стала ключевым фактором, позволившим разрешить эту трудность, становившуюся все более чувствительной для ФРГ. На переговорах 11 января 2020 г. была окончательно согласована поэтапная схема налаживания межливийских переговоров: встреча лидеров враждующих сторон – Правительства национального согласия Фаиза Сараджа и Ливийской национальной армии Халифа Хафтара должна была сначала (13 января) пройти в Москве, а затем (19 января) в Берлине. Назначение двух раундов переговоров (притом одного вне Евро-Атлантического сообщества, а другого в его пределах) как «страховки» от их провала оправдалось. Если 13 января 2020 г. стороны еще оказались не готовы к принятию общих обязательств, то 19 января, с учетом предшествующей встречи, было заключено соглашение о прекращении огня и примирении [Einigung 2020]. Ключевую роль в Берлинской конференции играла именно переговорная «связка» В. Путин – А. Меркель [Einigung 2020].

Однако данный этап «дореализации» потенциала взаимодействия РФ и ФРГ в области безопасности и обороны оказался весьма кратковременным.

Если снижение контактов в феврале-марте 2020 г. вполне можно было объяснить «заморозкой» мирополитических процессов в условиях пандемии COVID-19, то со второй половины 2020 г. вновь началась деградация диалога.

Во-первых, она проявилась на постсоветском пространстве. Отказавшись признавать итоги президентских выборов в Беларуси (6 августа 2020 г., на которых победу одержал А.Г. Лукашенко), официальный Берлин избрал курс на поддержку оппозиции во главе со Светланой Тихановской и критически воспринял сам факт готовности РФ оказывать поддержку РБ в рамках договора о Союзном государстве [Regierungspressekonferenz 2020]. «Пробуксовывание» наблюдалось и в случае урегулирования вооруженного конфликта на востоке Украины. Были в значительной степени выполнены лишь два пункта (о прекращении огня, притом с июля 2020 г., и обмене пленными) из семи, принятых на встрече «Нормандской четверки» от 9 декабря 2020 г. [Комментарий 2020]. Весьма опасна с точки зрения возможности «разморозки» приднестровского конфликта инициатива, избранной президентом Молдовы, Майи Санду (от декабря 2020 г.), поддерживающей тесные контакты со странами Запада, о необходимости вывода российского миротворческого контингента из этой зоны. И в случае востока Украины и Приднестровья ФРГ стремилась к распространению на их территории соглашения об ассоциации с ЕС, подписанного официальными Киевом и Кишиневом еще в июне 2014 г., тем «отягощая» сам процесс урегулирования, и без того шедший сложно [Вступительное слово 2020].

Во-вторых, это раскручивание официальным Берлином сугубо политизированного «дела Навального». В этом вопросе ФРГ, стремясь позиционировать себя в качестве защитницы демократических ценностей (и тем отчасти перенимая данную роль у США), де-факто нарушила суверенитет РФ. Этот кризис был тем болезненнее, что оказался хронологически расположен между отсутствием А. Меркель на торжествах 24 июня 2020 г. в честь 75-летия Победы и замалчиванием роли СССР в образовании объединенной ФРГ (1990), 30-летие которого отмечалось в октябре 2020 г. [Вступительное слово 2020].

В-третьих, оказалось сведено к минимуму взаимодействие двух стран по урегулированию вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке (особенно в Сирии) и в Северной Африке (в Ливии) [Вступительное слово 2020].

* * *

Потепление отношений РФ и ФРГ в 2017 г. – начале 2020 г. оказалось менее продолжительным и, главное, достигло существенно меньших объемов и уровня роста доверия, чем это было в 1990–1994 гг. и особенно в 2002–2005 гг. Отчасти это объяснялось наличием такого фона, как новая конфронтация в отношениях Запада и РФ. Значимой причиной следует признать изме-

нение внешнеполитического положения ФРГ. В первой половине 1990-х годов поддержка России (и ранее «позднего» СССР) нужна была официальному Берлину для полноценного старта движения к положению региональной державы. В первой половине 2000-х годов помощь РФ оказалась востребованной в условиях начальных фаз попыток ФРГ утвердиться в роли глобального игрока.

К концу 2010-х годов официальный Берлин продвинулся в этом направлении существенно дальше и потому уже по-иному оценивал ценность перехода к более продвинутым отношениям с РФ. Более того, якобы существующая «российская угроза» де-факто все более активно использовалась для укрепления позиций Германии внутри Евро-Атлантического сообщества.

В процессе попыток ФРГ укрепить свои позиции в мире – в том числе на постсоветском пространстве – действующий истеблишмент страны не проявлял готовности к выстраиванию кооперативных схем безопасности с западными игроками. Именно это обстоятельство представляется ключевой преградой для дальнейшей реализации амбиций Германии как полноправного глобального игрока. При этом наблюдаемая к началу 2020-х годов неготовность официального Берлина к реальному учету интересов их стран особенно чувствительна и важна в отношении России. Тем самым принижается значение фактора исторической ответственности Германии за развязывание двух мировых войн. Осознание этой необходимости пока в полной мере сохраняется лишь у отдельных представителей истеблишмента ФРГ [Altkanzler Schröder 2020].

Библиография

Вступительное слово министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе встречи с делегацией партии «Альтернатива для Германии» // МИД РФ. 2020. 8 дек. URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4470110 (дата обращения: 11.01.2021).

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Выпуск XLVII. М.: Международные отношения, 1994. С. 34–37 // Гарант. Ру. Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/2541069/#friends> (дата обращения: 11.01.2021).

Из беседы М.С. Горбачева с Г. Колем один на один. 15 июля 1990 г. // Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. М.: Весь мир, 2006. С. 495–503.

Комментарий департамента информации и печати МИД РФ в связи с вопросом СМИ относительно предложений канцлера Г. Шрёдера по реформированию НАТО // МИД РФ. 2005. 24 фев. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670595/ (дата обращения: 11.01.2021).

Комментарий официального представителя МИД России М.В. Захаровой в связи с годовщиной парижского саммита «нормандского формата» // МИД РФ. 2020. 9 Дек. URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4472961 (дата обращения: 11.01.2021).

Максимычев И.Ф. Цена политических иллюзий // Обозреватель Observer. 2008. № 3. С. 29–38.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Михайлин К.Н. ФРГ и НАТО в Афганистане (2001–2008 гг.) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 1. С. 22–27.

Начало переговоров Президента России В.В. Путина и федерального канцлера ФРГ Г. Шрёдера, Москва // МИД РФ. 2003. 26 фев. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1751851/ (дата обращения: 11.01.2021).

Пресс-конференция В.В. Путина по итогам встречи с федеральным канцлером ФРГ Герхардом Шрёдером и президентом Франции Жаком Шираком. Калининград // Сайт президента РФ. 2005. 03 июль. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23075> (дата обращения: 11.01.2021).

Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс... М.: Мысль, 2001. 238 с.

Примаков Е.М. Годы в большой политике. М.: Совершенно секретно, 1999. 445 с.

Тарле Е.В. Наполеон. Минск: Беларусь, 1992. 427 с.

Уткин А.И. Первая мировая война. М.: ЭКСМО : Алгоритм, 2002. 670 с.

Уткин А.И. Россия над бездной. 1918 – декабрь 1941 г. Смоленск: Русич, 2000. 480 с.

Чубинский В.В. Бисмарк. Политическая биография. М.: Мысль, 1988. 416 с.

Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. М.: Вече, 2002. 526 с.

Altkanzler Schröder im Interview: «Die unsinnigen Russland-Sanktionen müssen weg» // Der Tagesspiegel. 2020. 03 Mai. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/altkanzler-schroeder-im-interview-die-unsinnigen-russland-sanktionen-muessen-weg/25795514.html> (date of access: 11.01.2021).

Außenminister Maas reist nach Litauen // Auswärtiges Amt. 2018. 09 Mai. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-litauen/2075686> (date of access: 11.01.2021).

Außenminister Steinmeier begrüßt Entsendung von UN-Beobachtern nach Aleppo // Auswärtiges Amt. 2016. 20 Dez. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/201216_Syrien_UNBeobachter.html (date of access: 11.01.2021).

Bartels H.-P., Glatz R.L. Welche Reform die Bundeswehr heute braucht – ein Denkanstoß // SWP-Aktuell. 2020. Oktober. № 84. 8 S.

Brief von Bundeskanzlerin Merkel und dem französischen Präsidenten Macron an den russischen Präsidenten Putin zur Lage der Zivilbevölkerung in Ost-Ghouta, Syrien // Bundeskanzleramt. 2018. 23 Feb. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/brief-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-an-den-russischen-praesidenten-putin-zur-lage-der-zivilbevoelkerung-in-ost-ghouta-syrien-319726> (date of access: 11.01.2021).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Putin // Bundeskanzleramt. 2020. 08 Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-putin-1751558> (date of access: 11.01.2021).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Staatspräsidenten Wladimir Putin // Bundeskanzleramt. 2017. 11 Sep. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-staatspraesidenten-wladimir-putin-482588> (date of access 11.01.2021).

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen // Bundeskanzleramt. 2020. 19 Jan. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (date of access 11.01.2021).

Hacke C. Weltmacht wider Willen. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart: Klett-Cotta, 1988. 340 S.

Kanzlerin in Paris. Merkel spricht mit Putin über Kampf gegen IS // Bundeskanzleramt. 2015. 30 Nov. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merkel-spricht-mit-putin-ueber-kampf-gegen-is-433536> (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky am 9 Dezember 2019 in Paris // Bundeskanzleramt. 2019. 09 Dez. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200> (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, Präsident Erdoğan, Präsident Putin und Präsident Macron zur Lage in Syrien in Istanbul // Bundeskanzleramt. 2018. 27 Okt. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-praesident-erdogan-praesident-putin-und-praesident-macron-zur-lage-in-syrien-1542886> (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Russland, Wladimir Putin in Moskau // Bundeskanzleramt. 2020. 11 Jan. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-russland-wladimir-putin-1711802> (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Putin in Sotschi // Bundeskanzleramt. 2017. 02 Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-putin-844758> (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Wladimir Putin in Sotschi // Bundeskanzleramt. 2018. 18 Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1006742> (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Staatspräsident Putin am 10 Mai 2015 in Moskau // Bundeskanzleramt. 2015. 10 Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-staatspraesident-putin-am-10-mai-2015-in-moskau-848730> (date of access: 11.01.2021).

Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Putin in Schloss Meseberg // Bundeskanzleramt. 2018. 18 Aug. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-putin-1514454> (date of access: 11.01.2021).

Regierungspressekonferenz vom 17. August 2020 // Bundeskanzleramt. 2020. 17 Aug. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungspressekonferenz-vom-17-august-2020-1777600> (date of access: 11.01.2021).

Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 763–778.

References

Altkanzler Schröder im Interview: «Die unsinnigen Russland-Sanktionen müssen weg». Tagesspiegel. 2020. 03 Mai. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/altkanzler-schroeder-im-interview-die-unsinnigen-russland-sanktionen-muessen-weg/25795514.html> (date of access 11.01.2021).

Außenminister Maas reist nach Litauen. Auswärtiges Amt. 2018. 09 Mai. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-litauen/2075686> (date of access: 11.01.2021).

Außenminister Steinmeier begrüßt Entsendung von UN-Beobachtern nach Aleppo // Auswärtiges Amt. 2016. 20 Dez. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/201216_Syrien_UNBeobachter.html (date of access: 11.01.2021).

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Bartels H.-P., Glatz R.L. Welche Reform die Bundeswehr heute braucht – ein Denkanstoß // SWP-Aktuell. 2020. Oktober. N 84. 8 S.

Brief von Bundeskanzlerin Merkel und dem französischen Präsidenten Macron an den russischen Präsidenten Putin zur Lage der Zivilbevölkerung in Ost-Ghouta, Syrien // Bundeskanzleramt. 2018. 23 Feb. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/brief-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-an-den-russischen-praesidenten-putin-zur-lage-der-zivilbevoelkerung-in-ost-ghouta-syrien-319726> (date of access: 11.01.2021).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Putin // Bundeskanzleramt. 2020. 08 Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-putin-1751558> (date of access: 11.01.2021).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Staatspräsidenten Wladimir Putin // Bundeskanzleramt. 2017. 11 Sep. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-staatspraesidenten-wladimir-putin-482588> (date of access: 11.01.2021).

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15 th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. 2009. Berlin: Federal Ministry of Defense. 120 p.

Chubinskij V.V. Bismark. Politicheskaja biografija [Bismark. Political biography]. 1988. Moscow: Mysl'. 414 p. (In Russ.)

Dogovor ob okonchatel'nom uregulirovanii v otnoshenii Germanii ot 12 sentjabrja 1990 g. [Treaty on the Final Settlement with Respect to Germany. September 12, 1990]. Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR i Rossijskoj Federacii. Vypusk XLVII. 1994. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. P. 34–37. (In Russ.)

Iz besedy M.S. Gorbacheva s G. Kolem odin na odin. 15 ijulja 1990 g. [From the conversation of M.S. Gorbachev with G. Kohl face to face. July 15, 1990]. Mihail Gorbachev i germanskij vopros. Sbornik dokumentov. 1986–1991. 2006. Moscow: Ves' mir. P. 495–503. (In Russ.)

Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen. Bundeskanzleramt. 2020. 19 Jan. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (date of access: 11.01.2021).

Hacke C. Weltmacht wider Willen. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Stuttgart: Klett-Cotta, 1988. 340 S.

Vstupitel'noe slovo ministra inostrannich del Rossijskoi Federatsii Lavrova v chode vstrechi s delegatsiej partii «Alternativa dlya Germanii» [Introduction of Russian ministry of foreign affairs S.V. Lavrov at the negotiations with the delegation of the party «Alternative for Germany»]. Russian Ministry of Foreign Affairs. 2020. 8 Dez. URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4470110 (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Kanzlerin in Paris. Merkel spricht mit Putin über Kampf gegen IS. Bundeskanzleramt. 2015. 30 Nov. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merkel-spricht-mit-putin-ueber-kampf-gegen-is-433536> (date of access: 11.01.2021).

Maksimychev I.F. Tcena politicheskikh illjuzij [The price of political illusions]. Observer. 2008. N 3. P. 29–38. (In Russ.)

Mihajlin K.N. FRG i NATO v Afganistane (2001–2008 gg.) [Germany and NATO in Afghanistan (2001–2008)]. Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. N 1. P. 22–27. (In Russ.)

Nachalo peregovorov prezidenta Rossii V.V. Putina i federal'nogo kanczlera FRG G. Shryodera, Moskva [The beginning of negotiations between the President of Russia V.V. Putin and G. Shryodera, Moskva]

the Federal Chancellor of Germany G. Schroeder, Moscow]. MID RF. 2003. 26 Fev. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1751851/ (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Press-konferencija V.V. Putina po itogam vstrechi s federal'nym kanclerom FRG Gerhardom Shrijoderom i prezidentom Francii Zhakom Shirakom. Kaliningrad [Press conference of Vladimir V. Putin following a meeting with German Federal Chancellor Gerhard Schroeder and French President Jacques Chirac. Kaliningrad] // President of the Russian Federation. 2005. 03 Jun. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23075> (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky am 9 Dezember 2019 in Paris. Bundeskanzleramt. 2019. 09 Dez. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200> (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, Präsident Erdoğan, Präsident Putin und Präsident Macron zur Lage in Syrien in Istanbul (b). Bundeskanzleramt. 2018. 27 Oct. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-praesident-erdogan-praesident-putin-und-praesident-macron-zur-lage-in-syrien-1542886> (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Russland, Wladimir Putin in Moskau. Bundeskanzleramt. 2020. 11 Jan. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-russland-wladimir-putin-1711802> (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Putin in Sotschi. Bundeskanzleramt. 2017. 02 Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-putin-844758> (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Wladimir Putin in Sotschi (a). Bundeskanzleramt. 2018. 18 Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1006742> (date of access: 11.01.2021).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Staatspräsident Putin am 10 Mai 2015 in Moskau. Bundeskanzleramt. 2015. 10 Mai. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-staatspraesident-putin-am-10-mai-2015-in-moskau-848730> (date of access: 11.01.2021).

Pressestatements von Bundeskanzlerin Merkel und dem russischen Präsidenten Putin in Schloss Meseberg. Bundeskanzleramt. 2018. 18 Aug. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-russischen-praesidenten-putin-1514454> (date of access: 11.01.2021).

Zajavlenie dlja pressy i otvety na voprosy na sovmestnoj press-konferencii posle trjohstoronnih peregovorov prezidenta Rossii V.V. Putina s federal'nym kanclerom FRG G. Shrijoderom i prezidentom Francii Zh. Shirakom. Sankt-Peterburg [Press statement and answers to questions at a joint press conference after trilateral talks between Russian President Vladimir V. Putin, Federal Chancellor of Germany G. Schroeder and French President J. Chirac. St. Petersburg]. Russian Ministry of Foreign Affairs. 2003. 11 Apr. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e43256d08002aadbe!OpenDocument> (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Primakov E.M. Vosem' mesjacev pljus... [Eight months plus...] 2001. M.: Mysl', 2001. 238 p. (In Russ.)

Primakov E.M. Gody v bol'shoj politike [Years in the big politics]. 1999. M.: Sovershenno sekretno. 445 p. (In Russ.)

Regierungspressekonferenz vom 17. August 2020. Bundeskanzleramt. 2020. 17 Aug. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungspressekonferenz-vom-17-august-2020-1777600> (date of access: 11.01.2021).

Kommentarij departamenta informacii i pečati MID RF v svjazi s voprosom SMI otnositel'no predlozhenij kanclera G. Shrjodera po reformirovaniju NATO [Russian MFA Information and Press Department Commentary Regarding a Media Question Regarding Proposals by Chancellor G. Schroeder for NATO Reform]. Russian Ministry of Foreign Affairs. 2005. 24 Dec. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670595/ (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Kommentarij oficialnogo predstavatelya MID Rossii M.V. Zakharovoy v svyazi s godovshinoy parizhskogo summita «normandskogo formata» [Russian MFA official representative M.V. Zakharova in the connection with anniversary of Paris summit of «Normandy format»]. Bundeskanzleramt. 2020. 9 Jan. URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_prestavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HquMdqBY/content/id/4472961 (date of access: 11.01.2021). (In Russ.)

Shefov N.A. Samye znamenitye vojny i bitvy Rossii [The most famous wars and battles of Russia]. 2002. Moscow: Veche. 526 p. (In Russ.)

Tarle E.V. Napoleon [Napoleon]. 19923. Minsk: Belarus'. 427 p.

Utkin A.I. Rossija nad bezdnoj. 1918 – dekabr' 1941 g. [Russia over the abyss. 1918–1941, December]. 2000. Smolensk: Rusich. 480 p. (In Russ.)

Utkin A.I. Pervaja mirovaja vojna [World War I]. 2001. Moscow: E'KSMO: Algoritm, 2002. 670 p. (In Russ.)

Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). 2007. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH. S. 763–778.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21st CENTURY

DOI: 10.31249/rsm/2022.02.03

Ж. Веркёй

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПАНДЕМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ВОЗМОЖНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются экономические и институциональные последствия пандемии COVID-19. В условиях пандемии государство становилось главным актором, принимавшим решения в экономической и социальной области. Во многих странах экономика была заморожена. Наиболее влиятельные экономические акторы – банки и корпорации были вынуждены подчиниться государственным решениям, а государство оказывало им помощь. Чтобы не допустить резкого обеднения населения и поддержать платежеспособный спрос, многие государства разработали меры, направленные на оказание социальной поддержки граждан. Государство формулировало принципы санитарной политики, принимая решение о введении режима самоизоляции, всеобщей вакцинации или тестирования населения. В мире сложились две стратегии санитарной политики. В странах Восточной Азии был принят принцип «нулевой толерантности к коронавирусу»: города, регионы, страны в случае обнаружения инфекции полностью закрывались, вводился жесткий карантин. В европейских странах преимущественно действовали социальные ограничения, ставка была сделана на всеобщую вакцинацию населения. Слабость первой стратегии состояла в том, что она была малоэффективна в условиях появления новых штаммов вируса, тогда как вторая стратегия приводила к высокой смертности и перегрузке медицинских учреждений. Пандемия имела серьезные экономические последствия, были разорваны цепочки стоимости, нарушены международные поставки. Вопрос, удастся ли восстановить экономические структуры допандемийного периода, пока остается открытым. Однако одно очевидно: поскольку пандемия носит глобальный характер, выход из нее может быть найден лишь на глобальном уровне.*

***Ключевые слова:** пандемия COVID-19; государство; экономика; социальная политика; регулирование; кризис; санитарная политика.*

Веркёй Жюльен – доктор экономических наук,
профессор экономики, вице-президент Национального
института восточных языков и цивилизаций (INALCO).
Франция, Париж.
E-mail: julien.vercueil@inalco.fr
Scopus Author ID: 36712657200

Vercueil J. Global pandemic crisis: regulatory opportunities

Abstract. *The article examines the economic and institutional consequences of the COVID-19 pandemic. State became the main decision-making actor in the economic and social fields. In many countries, the economy was frozen. The most influential economic actors, banks and corporations, were forced to submit to government decisions. In turn, the state provided them with assistance. In order to prevent a sharp impoverishment of the population and to support solvent demand in their countries, many states developed measures aimed at providing social support to citizens. The state formulated a sanitary policy, introducing a self-isolation regime, as well as universal vaccination or testing of the population. There are two strategies of sanitary policy in the world. In the countries of East Asia, a strategy of «zero tolerance to coronavirus» was adopted: in case of infection, cities, regions and countries were completely closed and strict quarantine was introduced. European countries mainly favored social restrictions, counting on universal vaccination of the population. The weakness of the first strategy was that it was ineffective with the emergence of new strains of the virus, while the second strategy led to high mortality and an overload of medical institutions. The pandemic had serious economic consequences, with value chains broken and international supplies disrupted. The question of whether it will be possible to restore the economic structures of the pre-pandemic period remains open. However, one thing is clear: since the pandemic is global in nature, a way out of it can only be found at the global level.*

Keywords: *COVID-19 pandemic; state; economy; social policy; regulation; crisis; sanitary policy.*

**Julien Vercueil – Ph.D., Professor of Economics, Vice-president
of National Institute of Eastern Languages
and Civilizations (INALCO). France, Paris.
E-mail: julien.vercueil@inalco.fr
Scopus Author ID: 36712657200**

Введение

Нынешний кризис, вызванный пандемией, является глобальным. Он разрушает географические, временные и концептуальные границы, до сих пор казавшиеся устойчивыми. Этот кризис играет роль «черного лебедя» в том значении, какое придавал ему писатель и исследователь инженерии рисков Н.Н. Талеб (Университет Нью-Йорка) [Taleb 2012]. Мировые пандемии уже случались, и многие прогнозы давно допускают сценарий некой пандемии, дезорганизующей экономику и общество. Пандемический кризис, охарактеризованный как «кризис, не имеющий аналогов» [World Economic Outlook 2020], таким образом является событием, которое можно было теоретически предвидеть, но которое не оценивалось властями как реальная перспектива со

всеми вытекающими из нее последствиями для политики и экономики. Первая часть настоящей статьи посвящена уникальности данного явления.

Масштабы кризиса ставят вопрос о его регулировании. Нас интересовало, какими возможностями располагают коллективные акторы, как частные (предприятия, неправительственные организации), так и государственные (государства, местные органы власти, международные организации), чтобы отреагировать на кризис и скорректировать последствия, вызванные резким изменением прежнего курса развития. Этот вопрос анализируется во второй части статьи. Вопрос регулирования не сводится лишь к способности людей, организаций, общества противостоять внешним ударам. Регулирование также зависит от логики «поиска пути» («path shaping») [Koleva 2008], с помощью которой акторы пытаются адаптироваться к возникшим в результате кризиса затруднениям с тем, чтобы выработать коллективные ответы, позволяющие вернуться к стабильному режиму функционирования.

Кризис произошел в мировой экономике в тот момент, когда еще не были преодолены последствия предыдущего международного финансового кризиса 2007–2008 гг., пусть даже многие макроэкономические показатели и превысили докризисный уровень. Кроме того диспропорции, ставшие причиной первого кризиса, в частности доминирование финансовой системы над всей остальной экономикой, так и не были исправлены принятыми в последующие годы политическими решениями. Это подразумевает, что роль государства, являющегося практически повсеместно основным регулятором настоящего кризиса, будет поставлена под сомнение по мере выхода из него, о чем будет сказано в третьей части статьи. Подобная перспектива сохраняет уязвимость национальных программ выхода из кризиса по отношению к международным рынкам капитала, что может ограничить эффективность этих программ во многих странах с быстро развивающейся экономикой, а также в обремененных долгами развитых странах.

1. Пандемия COVID-19 – глобальный «черный лебедь»

Превентивные меры в сфере санитарной политики существенно варьируются в зависимости от страны и эпохи, однако особенностью глобального кризиса является то, что он, как правило, находится за пределами прогностических возможностей участников политического процесса. В борьбе с пандемией Франции пришлось столкнуться с нехваткой медицинских масок, случившейся из-за сокращения стратегического запаса в 1 млрд масок, накопленного предыдущими администрациями. Это произошло несмотря на неоднократные предупреждения Министерства здравоохранения. Высший совет по вопросам общественного здравоохранения сравнивал инвестиции в

запасы масок с расходами на страховку, «приобретая которую, люди надеются, никогда ею не воспользоваться. Расходы на нее не могут быть отнесены к излишним расходам» [Lhomme, Davet 2020]. Размышления Н.Н. Талеба о «черных лебедях» относятся к страховым механизмам. Неподготовленность к пандемии являет собой контраст с уже превратившимися в рутинные тренировочными учениями в борьбе с другими возможными бедствиями (пожарами, землетрясениями, ядерной катастрофой и с некоторого времени терроризмом), которые проводятся в большинстве стран. Превращение этих организационных и логистических мероприятий в категорию регулярных и рутинных придает им характер безотлагательности и большей эффективности. К такого рода действиям, которые проводятся в ситуации полной неопределенности и были изучены в экономике, политической науке и дипломатии в рамках теории игр [Schelling 1960], можно отнести военные учения.

Пандемия является «черным лебедем» еще и потому, что носит всемирный характер. С интервалом в несколько недель кризис затронул все страны мира. Власти были вынуждены приспосабливать принимаемые меры к имеющимся в их странах средствам и инфраструктуре с учетом скорости распространения пандемии. Им пришлось определять приоритеты государственной политики и искать компромисс между ее санитарными, социальными и экономическими составляющими. Поведение вируса исследователям становилось понятно постепенно, в ходе приобретения опыта и по мере его распространения. Это дало знания о способах лечения вирусного заболевания и мерах предупреждения его распространения. Если говорить о медицинских исследованиях, именно глобальный характер кризиса позволил провести небывалое количество научных исследований (см.: [Corvol 2021]), а также составить масштабные базы данных за счет применения мониторинга состояния и системы отслеживания больных [Bernelin, Desmoulin 2021]. С этой точки зрения кризис, связанный с пандемией, обострил дебаты о неприкосновенности частной сферы жизни и индивидуальной ответственности, показав, с одной стороны, опасность построения обществ, в которых перемещения и состояние здоровья людей становятся известны властям в режиме реального времени, и с другой – необходимость максимально быстро предупреждать население и медицинские власти о существовании опасности общественному здоровью. Подобно войне (метафора, часто используемая политиками при описании борьбы с пандемией) кризис, вызванный COVID-19, является глобальным, поскольку затрагивает повседневную жизнь каждого гражданина, каждой семьи, каждого предприятия. Он внедряется в личное пространство, занимает время каждого человека, вытесняет, по крайней мере временно, другие вопросы, нуждающиеся в обсуждении и решении, и требует к себе постоянного внимания.

Будучи глобальным кризисом, пандемия вновь поставила вопрос о будущем международных отношений. В условиях пандемии возобновились споры о международном сотрудничестве и солидарности в ситуации международного кризиса, о распределении ролей между частными и государственными (часто – национальными) мировыми акторами здравоохранения в области финансирования исследований, о важности доступа развивающихся стран и стран с быстро развивающейся экономикой к медицинским знаниям и аппаратуре для предотвращения и лечения заболеваний. Пандемия также остро поставила вопрос о перераспределении ресурсов в таких сферах, как цифровая экономика, производство медицинской продукции и медицинского оборудования, логистика, вышедших на первый план в связи с санитарным кризисом. Кризис вызвал к жизни как новых «победителей», так и «побежденных», к которым относятся сообщества и социальные категории, страдающие от социально-экономических и медицинских последствий санитарного кризиса.

Будучи глобальным кризисом, пандемия является эпизодом «созидательного разрушения» в мировом масштабе в том значении, которое придавал этому понятию Й. Шумпетер. Она ускоряет происходящие трансформации, ставит под сомнение необходимость существования некоторых уже ослабленных институтов, создавая новые институты, призванные заменить старые. Во многих странах авторитарные политические системы использовали пандемию, чтобы усилить репрессивные структуры и организовать контроль за населением, в то время как демократические режимы попытались сочетать уважение к личной свободе с заботой о сохранении жизни [Bizberg 2020]. В области экономики капитализм цифровых платформ, «основанный на эксплуатации информации во всех ее формах» [Boyer 2020], воспользовался изменением образа жизни, обусловленным пандемией, чтобы ускорить свое развитие, постепенно оттесняя прежние формы взаимодействия экономических акторов. Сторонники «возвращения государства» также получили новые аргументы [Transition Report 2020] в связи с возрождением, пусть и временным, мобилизационной экономики, вызванной санитарным кризисом и необходимостью его преодоления. Вероятность сценария распада международных отношений, о котором мы писали в 2015 г. [Vercueil 2015], возросла в связи с пандемией COVID-19 из-за обострения китайско-американского соперничества. Не будучи причиной кризиса международных отношений, напряженность между двумя странами тем не менее способствовало его усилению.

Следует, однако, отметить неоднозначность этих процессов: все они не являются необратимыми. На фоне основного кризиса наблюдаются тенденции, свидетельствующие о возврате к нормальному состоянию, поскольку любой кризис вызывает способность к возрождению.

2. Многомерность кризиса как фактор его глобальности

Глобальный характер кризиса связан с его способностью преодолевать границы. Преодоление коронавирусом межвидового экологического барьера стало возможным из-за увеличения контактов человеческих сообществ с традиционно удаленными от мест их обитания вирусными резервуарами. В результате роста населения, расширения его экономической и прочей деятельности давление на природную среду возросло, что повысило риск передачи инфекции. Пандемия является примером экологического многомерного кризиса в области санитарии, связанного с тем, что последствия человеческой деятельности исчерпали возможности экологического и климатического саморегулирования планеты [Diamond 2006].

Социальные контакты способствуют распространению пандемий. Перемещения и мобильность, являющиеся органической частью глобализации, стали основными причинами кризиса. Наиболее мобильные участники процесса глобализации стали основными переносчиками вируса на национальном и международном уровнях. Международные перемещения первыми были взяты под контроль, а затем закрыты в целях борьбы с эпидемией. Новый китайский шёлковый путь стал главным распространителем пандемии: из Уханя, являющегося промышленным, логистическим и коммерческим центром, пандемия перекинулась в связанные между собой крупные международные центры. Распространение вируса в мире происходило через международные аэропорты в направлении внутренних районов, подтверждая роль логистических узлов в мировых экономических сетях, наподобие той роли, которую играли порты в период коммерческого капитализма (Ф. Бродель). В Европе первыми оказались затронуты регионы, наиболее тесно связанные с китайской провинцией Ухань, в частности Ломбардия. Скорость, с которой распространялась пандемия, зависела от ряда факторов, среди которых стоит отметить организацию городского пространства, особенно плотную в регионе Бергамо и долине Валь-Сериана [Consolandi 2021]. Тот факт, что волны заражения следовали по основным коммуникационным путям, создавало дифференцированную по времени заболеваемость внутри страны, что было особенно заметно в странах с обширными территориями (Россия, Бразилия, Индия).

Санитарная политика, международное сотрудничество и политический консенсус

Вызванный пандемией COVID-19 кризис за короткое время поразил системы здравоохранения затронутых ею стран. Стремительно повысилась потребность в специализированных медицинских учреждениях по оказанию экстренной помощи, значительно превысившая имеющиеся возможности. В связи с этим потребовалось добавить к уже существующим новые ресурсы,

мобилизовав большое число медицинских учреждений, что ограничило возможности оказания помощи остальным пациентам. В результате пандемия спровоцировала двойную нагрузку на систему здравоохранения. С одной стороны, перегрузку испытывали учреждения специализированной помощи, ориентированные на лечение COVID-19, и их персонал¹, а с другой – дополнительную нагрузку ощущали другие медицинские организации, что влекло за собой риск недостаточного внимания к другим пациентам.

Для лечения, в первую очередь, необходимо было исследовать вирус, чтобы понять механизмы его функционирования и выявить эффективные методы борьбы с ним. Пандемия подвергла серьезному испытанию в режиме реального времени национальные и международные научно-исследовательские и прикладные учреждения, системы вакцинирования, виды медицинской помощи, оборудование, предназначенное для детекции и измерения, предупреждения и лечения. Первые научные прорывы в исследовании вируса и бесплатный доступ к результатам этих фундаментальных исследований в сочетании с производством вакцин частными фирмами, вызвавшим резкий скачок их биржевых котировок, поставили вопрос о приватизации выгоды от государственных исследований. В частности, подчеркивалась роль государства в финансировании исследований в области производства лекарственных препаратов [Sécurité sanitaire 2021]. Рассмотрение способов, позволяющих ускорить производство вакцин и лекарств для борьбы с пандемией в достаточных количествах, натолкнуло на размышления о том, в какой степени развито международное сотрудничество в области лекарственного обеспечения. Мальтузианский рефлекс, наблюдавшийся в большинстве стран в начале пандемии в том, что касается масок и других необходимых предметов, не сразу был преодолен². В рамках Европейского союза сотрудничество в данной области было формально налажено лишь после долгих обсуждений³. В то время как

1. В начале пандемии недостаточная защищенность медицинского и вспомогательного персонала вызвала распространение эпидемии среди них и тем самым снизила возможности системы здравоохранения.

2. Автор употребляет этот термин по аналогии с понятием «мальтузианская ловушка» – «типичная для доиндустриальных обществ периодически повторяющаяся ситуация, в результате которой рост населения в конечном счете обгоняет рост производства продуктов питания, ограниченного плодородием почвы» (Википедия). Здесь, видимо, имеется в виду, что в начале эпидемии число нуждающихся в средствах защиты превышало имевшиеся на тот момент наличные возможности. – Прим. переводчика.

3. Commission decision of 18.6.2020 approving the agreement with Member States on procuring Covid-19 vaccines on behalf of the Member States and related procedures / European Commission. 2020. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/decision_approving_the_agreement_with_member_states_on_procuring_covid-19_vaccines_on_behalf_of_the_member_states_and_related_procedures.pdf (date of access: 02.02.2022).

страны с высоким уровнем доходов и уровнем доходов выше среднего использовали три четверти всех вакцин, производимых в мире, лишь менее 5% африканского населения получили доступ к полной схеме вакцинации на момент написания данной статьи. Несмотря на предложения Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) основные мировые экономические державы не разработали стратегию распространения средств вакцинации для развивающихся стран и стран с быстро развивающейся экономикой в масштабах, достаточных, чтобы препятствовать распространению пандемии.

Санитарная политика, проводимая властями, должна учитывать позицию населения в отношении санитарных мер. В обществах, где высок уровень недоверия граждан к властям, политические институты – уже и так находящиеся в затруднительном положении – сталкиваются с большими сложностями, чтобы заставить граждан соблюдать санитарные рекомендации. Таким образом, разные политические режимы и степень доверия / недоверия в отношениях между обществом и властью являются одними из причин различий в последствиях пандемии, наблюдаемых в странах мира, как в области санитарии, так и в сфере экономики и политики [Bizberg 2020]. Неравномерный охват населения научным знанием порождает недоверие к мнению ученых. Представителям науки не всегда удается эффективно противостоять суждениям, отрицающим научные рекомендации. Недоверие к научному дискурсу, являющемуся фундаментом современного общества, отсылает нас не только к более или менее высокой научной культуре населения. Оно также связано со способностью политических институтов в момент тяжелого кризиса мобилизовать национальное сообщество. В тех политических системах, в которых общественный договор не действует, политический фактор может противостоять санитарным соображениям, даже если у руководства страны существует понимание важности борьбы с пандемией.

Экономическая и социальная политика и ее финансирование

Вначале пандемический кризис подействовал как депрессивный шок одновременно на предложение и спрос. В отношении предложения, закрытие границ, запрет путешествий, меры по самоизоляции занятых, работающих в неосновных секторах, вызвали резкое падение производства и нарушили международные цепочки поставок. В отношении спроса, кризис прежде всего затронул производственные инвестиции и спрос предприятий на промежуточные товары. Наибольшие риски касались спроса со стороны домохозяйств, поскольку многие люди (самозанятые, наемные работники наиболее затронутых ограничениями секторов) оказались в уязвимом положении из-за падения доходов, вызванного снижением трудовой активности. В странах с высоким уровнем доходов, где в потреблении домохозяйств высока доля

сферы услуг (досуг, туризм, посещение гостиниц и ресторанов), падение спроса обещало быть особенно существенным. Можно было также опасаться значительного роста накоплений на черный день из-за возросших тревог граждан по поводу будущего трудоустройства и заработка. Лишь спрос на онлайн-покупки, которые доставляются на дом, продолжил свой рост.

Чтобы предупредить падение спроса, правительства развернули активную политику социальных трансфертов, поощряя при этом занятых переключаться на дистанционные формы работы там, где это было возможно. Чаще всего использовались такие меры, как компенсация вынужденного отпуска, режим неполного рабочего времени, прямые выплаты наиболее уязвимым домохозяйствам. Эта политика была дополнена поддержкой банковской системы и предприятий (прямая помощь и отсрочка налоговых и социальных платежей)⁴. Хотя во многих странах социальная политика была достаточно эффективной и способствовала сдерживанию роста бедности, тем не менее число домохозяйств, оказавшихся в результате пандемии за чертой бедности, увеличилось за 2020 г., по предварительным оценкам Всемирного банка, на 97 млн человек [Gerszon Mahler et al 2021]⁵.

В развитых странах рост бедности был ограничен благодаря социальной политике. В результате сдерживание кризиса было перенесено на государственную финансовую систему: во всех странах вырос дефицит государственного бюджета и в большинстве случаев – размер государственного долга⁶. И все же в глобальном масштабе различия между странами усилились. Страны с надежной финансовой системой не сразу пострадали от возросшего бремени, и процентные ставки по гособлигациям остались низкими, в частности благодаря действиям Европейского центрального банка на вторичном рынке государственного долга. Зато у других стран, чьи государственные финансы уязвимы и подвержены волатильности капиталов, бюджетные возможности для маневра были более ограниченными. В наиболее сложных случаях роль спасательного круга сыграло соглашение с МВФ о резервном кредите, как это случилось, например, с Украиной [Ukraine: Request 2020].

Во время пандемии дилемма, стоящая перед властями, заключалась в несовместимости продолжительного режима самоизоляции с возобновлением

4. Информацию по политике экономического стимулирования по отдельным странам в ситуации кризиса, вызванного COVID-19, см. на сайте МВФ: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19>

5. Исследования Национального института статистики и экономических исследований (INSEE) показали, что в случае Франции принятые меры позволили сохранить уровень бедности на докризисном уровне, тогда как ВВП страны за 2020 г. существенно сократился (–7,8%).

6. В еврозоне государственный долг вырос на 17 пп ВВП.

экономического роста. Постепенно для ее решения были найдены способы благодаря набирающей темпы вакцинации, принятию профилактических мер и развитию ухода за больными. Однако полностью эта проблема остается нерешенной. Долгосрочная финансовая устойчивость многих стран, пострадавших от кризиса, возможна при сокращении государственного долга, что предполагает сочетание нескольких благоприятных факторов: динамичного экономического роста, постоянно низких или даже отрицательных реальных процентных ставок, осмотрительной бюджетной политики в том, что касается дефицита, и, по крайней мере частичного, принятия государственного долга денежно-кредитными органами, в сочетании с мониторингом инфляции цен на финансовые и недвижимые активы. В последнем случае денежно-кредитная политика рассматривается как основное оружие государственной политики, но она должна согласовываться с принципом политической независимости денежных институтов, как, например, в Европейском союзе [Saint-Martin 2020].

Потрясения эпохи глобализации: от разрывов к реорганизации

Меры, принятые для защиты общества от пандемии, вызвали сбои международных цепочек поставок. Последние были выстроены на основе моделей оптимизации международных потоков и стабильности транспортных издержек, позволяющих находить равновесие между затратами и сроками доставки. Распространение в мире цепочек стоимости основывалось на логике производства, в основе которой лежал принцип «точно в срок». Это ограничивало резервные запасы, которые считаются дорогостоящими. Промышленные слияния привели к сокращению количества поставщиков, а требования рентабельности в сфере оптимизации логистики – к уязвимости производственной системы в кризисных ситуациях. Они также вызвали возникновение узких мест, которые могут дать о себе знать на стадии возобновления производства.

Экономические последствия пандемии заставили радикально пересмотреть гипотезы, считавшиеся сторонниками экономической либерализации в высшей степени обоснованными. В частности, речь идет об определении критериев устойчивости и успешности. Филипп Дельмас [Delmas 1991] показал на примере Японии, что в некоторых случаях высокий уровень экономической эффективности достигается ценой высокой неустойчивости. Производственная эффективность, являющаяся целью специализации, чаще всего связывается еще со времен Адама Смита с экономическим ростом и экономией на масштабе. Считалось, что производство можно растянуть до спроса в мировом масштабе. Однако чрезмерная специализация подвергает производственную систему крайне высоким рискам из-за стратегических решений, при-

нимаемых каждым из ключевых партнеров (с технологической точки зрения или с точки зрения производственных мощностей). Кроме того специализированное предприятие обладает низкой способностью быстро и адекватно реагировать на нарушение спроса, вызванное радикальными инновациями или непредвиденными макроэкономическими сдвигами.

Как и в случае с японскими транснациональными корпорациями во время землетрясения 2011 г. [Canis 2011] чрезмерная специализация цепочек стоимости сыграла негативную роль во время кризиса, выявив слабую диверсифицированность источников поставок критически важных комплектующих [Javorcik 2020]. В сфере поставок медико-санитарного оборудования этот феномен был проиллюстрирован зависимостью большого числа западных стран от ситуации с пандемией в Китае, которая влекла за собой открытие или закрытие того или иного предприятия или той или иной границы. Преобладание поставок из Китая сыграло центральную роль в дезорганизации производства в мировых масштабах. Оживление экономики в 2021 г. не только не способствовало преодолению этих трудностей, но добавило к ним новые по мере возобновления роста спроса.

Исторический крах плановых экономик представляет другой пример рисков, связанных с чрезмерной специализацией в том случае, когда она не сопровождается экономическим ростом и не реагирует на меняющиеся спрос и ожидания потребителей. Специализация, установленная характерной для экономик советского типа системой централизованного планирования, вызвала спонтанное поведение со стороны производственных единиц, стремившихся компенсировать собственную уязвимость по отношению к другим звеньям в вертикальных цепочках стоимости [Kogut 1992]. Кроме того, когда советская система рухнула, затраты на реструктуризацию промышленности оказались тем больше, чем выше был уровень концентрации производства. Таким образом, внутри самой производственной системы существует множество компромиссов между *статической эффективностью*, понимаемой как способность снижать затраты для данного производства здесь и сейчас, и *динамической эффективностью*, предполагающей способность к обучению и инновационной деятельности и проецирующей высокую производительность на перспективу. Оценить по достоинству подход, основанный на динамической эффективности, означает реабилитировать традицию анализа, восходящую к критике Д.Ф. Листом англосаксонского либерализма, применительно к международным экономическим отношениям [List 1998 (1841)].

Сбои, вызванные разрывами в цепочках поставок, более всего сказались на сырьевом секторе, производстве промежуточных промышленных товаров и грузовых перевозках. На этапе послекарантинного восстановления экономики в этих секторах наблюдалось сочетание роста цен и дефицита, за которым иногда следовало падение цен, когда производство резко возобновлялось

или когда спрос возвращался к прежним темпам роста либо стабилизировался. Так обстояло дело с морским, наземным и воздушным транспортом, где постковидное восстановление в 2021 г. сопровождалось ростом цен и сроков выполнения заказов. Одним из факторов, объясняющих эти трудности, является нехватка рабочей силы, которая вынуждает промышленность находиться в состоянии простоя. Другим фактором является упреждающее поведение покупателей (компаний, а также частных лиц), которые склонны запасать избыточное количество товаров, что вызывает дефицит даже в тех секторах, где поставки происходят без перебоев. В розничной торговле в 2021 г. товарные запасы достигли исторически низкого уровня [Rees, Rungharoenkitkul 2021]. Это явление было отмечено в 1980-х годах Яношом Корнаи в экономиках советского типа [Kornai 1984].

Среди предприятий, у которых не было складских запасов, наблюдались сильные колебания производства, иногда им даже приходилось временно его приостанавливать. Асинхронный характер закрытия производств в сочетании с волнами эпидемии, которые вели к новым ограничениям экономической активности, добавил к неопределенности, присущей сфере принятия решений, и к чередующимся колебаниям экономической активности. Цепочки поставок, дестабилизированные последствиями пандемии, трудно восстановить, что приводит к сохранению дисбаланса между спросом и предложением, в момент выхода из острой фазы кризиса.

С самого начала кризиса Робер Буаье предупреждал о сложности восстановления связей, необходимых для перезапуска глобальных цепочек поставок [Boyer 2020]. Дезорганизации цепочек поставок свойственна определенная инерция, которая проявляется во время возобновления экономического роста. Сложность восстановления нарушенных во время пандемии связей с поставщиками способствовала росту товарного дефицита, который наблюдался во многих секторах в 2021 г. Перезапуск сетей поставок идет медленнее, чем восстановление спроса, произошедшее очень быстро в странах, где программы поддержки доходов позволили части населения сделать накопления за время санитарных ограничений. Пример Великобритании, где отток рабочей силы из транспортной отрасли не был компенсирован и где экономическая активность возобновилась лишь в отдельных секторах, иллюстрирует эффект неравномерного развития экономики, связанный с временным лагом между возобновлением спроса и предложения. Кроме того, изменения в политике пограничного контроля в различных странах не были синхронизированы, что создало особые проблемы для цепочек стоимости, которые формировались на основе сети, охватывающей несколько стран. В этих условиях компаниям становится все труднее найти новых поставщиков, а способность производственных сетей к восстановлению зависит от международной координации национальных политик, которая далека от совершенства.

Некоторые отрасли не инвестировали достаточно средств в предшествующие пандемии годы и, когда спрос возобновился, уже находились на пределе своих производственных мощностей. Это особенно характерно для углеводородной отрасли, участники которой опередили тенденцию к снижению спроса, вызванного императивом энергетического перехода. В целом в 2021 г. объемы торговли оставались высокими. На конец 2021 г. американские и китайские порты пропустили объем контейнеров, превышающий уровень 2019 г., что не исключает случаи дефицита, связанные с повышением спроса [Rees, Rungharoenkitkul 2021].

Также для объяснения напряженности с поставками на этапе восстановления экономической активности можно добавить наложение структурных эффектов: при восстановлении спрос больше направлен на промышленные товары, чем на услуги, а эти товары больше зависят от цепочек стоимости, которые были нарушены. Кроме того, промышленные товары более капиталоемкие, и для увеличения производственных мощностей в этой области требуется больше времени, чем для услуг, являющихся более трудоемкими. В производстве промышленных товаров тяжесть последствий различается по секторам в зависимости от степени их близости к конечному потребителю. Для секторов, связанных с производством промежуточной продукции, риск узких мест будет наибольшим. Для секторов, связанных с производством конечного продукта, подобные эффекты будут ощущаться не всеми партнерами цепочки в силу того, что там легче найти замещающие поставки. В случае со стратегическими компонентами (в частности, полупроводниками), производство которых сконцентрировано на международном уровне и которые широко используются во многих отраслях, каскадный дефицит, скорее всего, сохранится. Зато для секторов, ориентированных на внутренний рынок (например, строительство и неэкспортируемые товары и услуги), последствия дефицита останутся в национальных рамках и не вызовут последствий в глобальном масштабе [Rees, Rungharoenkitkul 2021].

3. Долгосрочная перспектива: переосмыслить роль государства

Пандемия, как и другие крупные кризисы до нее, повысила роль государства в обществе и экономике [Transition Report ... 2020]. Именно государство настояло на необходимости принять меры в связи с ухудшением санитарной обстановки. Отдав приоритет санитарно-эпидемиологической ситуации и введя всеобщую самоизоляцию, государства в большинстве стран мира спровоцировали спад экономической активности. Исключение составили Швеция и Великобритания, которые ради поддержания экономики, а также рассчитывая на социальную стратегию коллективного иммунитета, не спешили при-

нимать радикальные меры. Со временем им все же пришлось изменить свой подход, что свидетельствует: цена в виде человеческих жертв, которые понесли западные страны, припозднившиеся с решением о закрытии экономики, оказалась невыносимой.

Государство взяло на себя управление санитарным кризисом. Во многих странах оно обеспечивало первоочередную медицинскую помощь, будь то лечение, профилактика или вакцинация населения. Используя свою «монополию на законное насилие», государство проводило в зависимости от страны принудительные аспекты санитарной политики (изоляция, карантин, закрытие предприятий и границ, социальное дистанцирование, вакцинацию, введение санитарных паспортов). Наконец, государство приняло на себя компенсацию социальных потерь, связанных с приостановкой экономической деятельности, отвечая тем самым на усиленный кризисом растущий запрос населения в государственном вмешательстве [Transition Report 2020].

Даже финансовая система, чье влияние в иерархии институтов оставалось сильным, несмотря на финансовый кризис 2007–2008 гг., временно оказалась подчинена тем же государственным правилам, что и другие сектора, и была вынуждена приспособиться к санитарным приоритетам, получая при этом основательную поддержку через программы поддержки экономической деятельности, а затем через программы ее восстановления. Тем не менее во все не очевидно, что ситуация подчинения финансового сектора государству сохранится с началом постковидного подъема. Как это было во время кризиса 2007–2008 гг., возвращение к более оптимистичным перспективам экономического роста и к снижению рисков дефляции может вновь сделать контроль над государственными финансами приоритетным направлением деятельности государства.

Зато менее ясны дальнейшие перспективы в высшей степени либерализованного режима международной торговли и инвестиций, приостановленных во время острой фазы кризиса. Предстоит понять, произойдет ли в среднесрочной и долгосрочной перспективе совпадение интересов, ориентированных на отступление от глобализации, которое подкрепляется различными аргументами, связанными с подъемом суверенных режимов и идеями сторонников экономического протекционизма, социального протекционизма, экологии. Так, Робер Буайе считает, что этот феномен может стать структурным: «В результате усилий по восстановлению национального суверенитета над производством товаров, считающихся стратегическими, международные цепочки добавленной стоимости не останутся незатронутыми. Способы регулирования будут изменены, и шансов на возврат к прошлому будет немного» [Boyer 2020, p. 10].

Заключение: глобальные ответы на грядущие глобальные кризисы

Преобладание санитарной политики над всеми остальными сферами вмешательства государства, и в частности над сферой экономики, различалось в разных странах. Когда использовалась политика «нулевой толерантности к ковиду» (в основном в Восточной Азии), новая волна эпидемии приводила к немедленному введению локального режима самоизоляции. Для властей это подразумевает необходимость в среднесрочной перспективе найти компромисс между двумя видами политики: (1) постоянным принуждением, хотя и локализованным, но потенциально чреватый дезорганизацией и, возможно, дорогостоящим в долгосрочной перспективе, и (2) большей терпимостью к циркуляции вируса. Западные страны выбрали второй вариант, что объясняется сервисной структурой их экономики. Эта политика имела неизбежные последствия: давление на систему здравоохранения оставалось на высоком уровне.

Тем не менее в долгосрочной перспективе, если охват вакцинацией будет неполным на местном уровне и низким в мировом масштабе, стратегия «нулевой толерантности к ковиду» может оказаться уязвимой при появлении новых штаммов вируса, которые будут регулярно испытывать на прочность системы здравоохранения. В свою очередь наиболее либеральные стратегии, нацеленные на выработку коллективного иммунитета (как та, что практиковалась одно время в Швеции), не смогли ограничить смертность на уровне, который можно было бы считать приемлемым. Как и предыдущие стратегии, эта политика зависит от международной циркуляции вируса. Учитывая роль вакцинации в ограничении распространения вируса, отсутствие солидарного вклада стран с высоким уровнем вакцинации населения в пользу стран, наименее охваченных вакцинацией, может замедлить выход из кризиса в мировом масштабе.

Итак, может ли нынешняя пандемия научить нас, как справляться с глобальными кризисами будущего? По всей вероятности, они будут связаны с потеплением климата и его экологическими последствиями. По многим параметрам эти критические проявления будут существенно отличаться от нынешнего кризиса. Тем не менее роль государственной власти во всех случаях останется ключевой при выработке коллективного ответа на новые вызовы. Анализ решений, принятых, чтобы справиться с пандемией COVID-19, показывает, что международное сотрудничество является важнейшей составляющей антикризисной политики: глобальный характер кризиса предполагает глобальный ответ на него. Как показывает нынешняя пандемия ни с одним глобальным кризисом нельзя справиться в течение длительного времени без осуществления международной координации антикризисной политики. В этом заключается один из вызовов для всех стран, к которым они должны быть готовы.

Перевод с французского языка Е.Л. Уиковой

Библиография

- Bernelin M., Desmoulin S. Données massives et santé publique // Actualité et dossier en santé publique. 2021. N 112. P. 2.
- Bizberg I. Le Covid-19 a transformé les régimes politiques // Le Grand Continent. 2020. 15 octobre. URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2020/10/15/politique-pandemie/> (date of access: 02.02.2022).
- Boyer R. Les capitalismes à l'épreuve de la pandémie. Paris: La Découverte, 2020. 200 p.
- Canis B. The Motor Vehicle Supply Chain: Effects of the Japanese Earthquake and Tsunami // CRS Report for Congress. Congressional Research Service. 2011. May 23. N R41831. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R41831.pdf> (date of access: 02.02.2022).
- Consolandi E. Lombardie, la region italienne la plus touchée par la Covid-19 // Revue Franco-phone sur la santé et les territoires [en ligne]. 2021. URL: <https://doi.org/10.4000/rfst.856> (date of access: 02.02.2022).
- Corvol P. L'envolée des publications scientifiques en temps de Covid-19: Séparer le bon grain de l'ivraie / Fondation Collège de France. 2021. Janvier. URL: <https://www.fondation-cdf.fr/2021/01/12/lenvolee-des-publications-scientifiques-en-temps-de-covid-19/> (date of access: 02.02.2022).
- Delmas Ph. Le maître des horloges : Modernité de l'action publique. Paris : Odile Jacob, 1991. 352 p.
- Diamond J. Effondrement : Comment les sociétés décident de leur disparition ou de leur survie. Paris : Gallimard, 2006. 672 p.
- Gerszon Malher D., Yonzan N., Lakner Ch., Andres Castaneda Aguilar R., Wu H. Updated estimates of the impact of COVID-19 on global poverty : Turning the corner on the pandemic in 2021? // World Bank Data Blog. 2021. June 24. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/updated-estimates-impact-covid-19-global-poverty-turning-corner-pandemic-2021> (date of access: 02.02.2022).
- Javorcik B. Global supply chains will not be the same in the post-Covid-19 world // Covid-19 and Trade Policy: Why turning inward Won't Work / Baldwin R., Evenett S. (Eds). London: CEPR Press, 2020. P. 111–116.
- Koleva P. Changement institutionnel et dialectique entre héritage et création : Le cas de la transformation de la structure de propriété dans l'agriculture bulgare // Les cahiers du CEDIMES. 2008. Vol. 2, N 2. P. 51–77.
- Kornai J. Socialisme et économie de pénurie. Paris: Economica, 1984. 587 p.
- Kornai J. The socialist system. The political Economy of Communism. Oxford: Clarendon Press, 1992. 644 p.
- Lhomme F., Davet G. 2017–2020: Comment la France a continué à détruire son stock de masques après le début de l'épidémie // Le Monde. 2020. 7 mai. URL: https://www.lemonde.fr/sante/article/2020/05/07/la-france-et-les-epidemies-2017-2020-l-heure-des-comptes_6038973_1651302.html (date of access: 02.02.2022).
- List F. Système national d'économie politique. Paris: Gallimard, 1998 (première éd. 1841).
- Rees D., Rungcharoenkitkul Ph. Bottlenecks: Causes and macroeconomic implications // BIS Bullentin. 2021. N 48. November 11. URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull48.pdf> (date of access: 02.02.2022).
- Saint-Martin L. Rapport d'information de la commission des finances, de l'économie Générale et du contrôle budgétaire déposé en application de l'article 145 du Règlement relatif au débat d'orientation des finances publiques / Assemblée Nationale. 2020. 15 juillet. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/rapports/cion_fin/15b3202_rapport-information (date of access: 02.02.2022).
- Schelling T. The Strategy of Conflict. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 309 p.
- Sécurité sanitaire sous dépendance / Coris M., Piveteau A., Gorry Ph., Montalban M. // Revue de la régulation [en ligne]. 2021. N 29. URL: <http://journals.openedition.org/regulation/20065> (date of access: 02.02.2022).

Taleb N.N. Le cygne noir: La puissance de l'imprévisible. Paris : Les Belles lettres, 2012. 2nd ed. 608 p.

Transition Report, 2020–21. The states strikes back / EBRD. London: EBRD, 2020. URL: <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-202021.html> (date of access: 02.02.2022).

Ukraine : Request for Stand-by Arrangement-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for Ukraine / International Monetary Fund. Country Report N 20/197. 2020. June 11. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2020/06/10/Ukraine-Request-for-Stand-by-Arrangement-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-the-49501> (date of access: 02.02.2022).

Vercueil J. Les pays émergents. Brésil – Russie – Inde – Chine ... Mutations économiques, crises et nouveaux défis. Paris: Bréal, 2015. 4ème éd. 276 p.

World Economic Outlook Update – A crisis like no other, an uncertain recovery / International Monetary Fund. 2020. June. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/WEOENG202006.pdf> (date of access: 02.02.2022).

References

Bernelin M., Desmoulin S. Données massives et santé publique. Actualité et dossier en santé publique. 2021. N 112. P. 2.

Bizberg I. Le Covid-19 a transformé les régimes politiques. Le Grand Continent. 2020. 15 octobre. URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2020/10/15/politique-pandemie/> (date of access: 02.02.2022).

Boyer R. Les capitalismes à l'épreuve de la pandémie. Paris: La Découverte, 2020. 200 p.

Canis B. The Motor Vehicle Supply Chain: Effects of the Japanese Earthquake and Tsunami. CRS Report for Congress. Congressional Research Service. 2011. May 23. N R41831. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R41831.pdf> (date of access: 02.02.2022).

Consolandi E. Lombardie, la région italienne la plus touchée par la Covid-19. Revue Franco-phone sur la santé et les territoires [on-line]. 2021. URL: <https://doi.org/10.4000/rfst.856> (date of access: 02.02.2022).

Corvol P. L'envolée des publications scientifiques en temps de Covid-19: Séparer le bon grain de l'ivraie / Fondation Collège de France. 2021. Janvier. URL: <https://www.fondation-cdf.fr/2021/01/12/lenvolée-des-publications-scientifiques-en-temps-de-covid-19/> (date of access: 02.02.2022).

Delmas Ph. Le maître des horloges: Modernité de l'action publique. Paris: Odile Jacob, 1991. 352 p.

Diamond J. Effondrement: Comment les sociétés décident de leur disparition ou de leur survie. Paris: Gallimard, 2006. 672 p.

Gerszon Malher D., Yonzan N., Lakner Ch., Andres Castaneda Aguilar R., Wu H. Updated estimates of the impact of COVID-19 on global poverty: Turning the corner on the pandemic in 2021? // World Bank Data Blog. 2021. June 24. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/updated-estimates-impact-covid-19-global-poverty-turning-corner-pandemic-2021> (date of access: 02.02.2022).

Javorcik B. Global supply chains will not be the same in the post-Covid-19 world // Covid-19 and Trade Policy: Why turning inward Won't Work / Baldwin R., Evenett S. (Eds). London: CEPR Press, 2020. P. 111–116.

Koleva P. Changement institutionnel et dialectique entre héritage et création: Le cas de la transformation de la structure de propriété dans l'agriculture bulgare. Les cahiers du CEDIMES. 2008. Vol. 2, N 2. P. 51–77.

Kornai J. Socialisme et économie de pénurie. Paris: Economica, 1984. 587 p.

Kornai J. The socialist system. The political Economy of Communism. Oxford: Clarendon Press, 1992. 644 p.

Lhomme F., Davet G. 2017–2020: Comment la France a continué à détruire son stock de masques après le début de l'épidémie. *Le Monde*. 2020. 7 mai. URL: https://www.lemonde.fr/sante/article/2020/05/07/la-france-et-les-epidemies-2017-2020-l-heure-des-comptes_6038973_1651302.html (date of access: 02.02.2022).

List F. *Système national d'économie politique*. Paris: Gallimard, 1998. 573 p. (première éd. 1841).

Rees D., Rungcharoenkitkul Ph. Bottlenecks: Causes and macroeconomic implications. *BIS Bulletin*. 2021. N 48. November 11. URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull48.pdf> (date of access: 02.02.2022).

Saint-Martin L. Rapport d'information de la commission des finances, de l'économie Générale et du contrôle budgétaire déposé en application de l'article 145 du Règlement relatif au débat d'orientation des finances publiques / Assemblée Nationale. 2020. 15 juillet. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/rapports/cion_fin/115b3202_rapport-information (date of access: 02.02.2022).

Schelling T. *The Strategy of Conflict*. Cambridge: Harvard University Press, 1960. 309 p.

Sécurité sanitaire sous dépendance / Coris M., Piveteau A., Gorry Ph., Montalban M. *Revue de la régulation* [on-line]. 2021. N 29. URL: <http://journals.openedition.org/regulation/20065> (date of access: 02.02.2022).

Taleb N.N. *Le cygne noir: La puissance de l'imprévisible*. Paris: Les Belles lettres, 2012. 2nd ed. 608 p.

Transition Report, 2020–21. *The states strikes back* / EBRD. London: EBRD, 2020. URL: <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-202021.html> (date of access: 02.02.2022).

Ukraine: Request for Stand-by Arrangement-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for Ukraine / International Monetary Fund. Country Report N 20/197. 2020. June 11. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2020/06/10/Ukraine-Request-for-Stand-by-Arrangement-Press-Release-Staff-Report-and-Statement-by-the-49501> (date of access: 02.02.2022).

Vercueil J. *Les pays émergents. Brésil – Russie – Inde – Chine ... Mutations économiques, crises et nouveaux défis*. Paris: Bréal, 2015. 4ème éd. 276 p.

World Economic Outlook Update – A crisis like no other, an uncertain recovery / International Monetary Fund. 2020. June. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/WEOENG202006.pdf> (date of access: 02.02.2022).

Д.В. Михель, И.В. Михель

**ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС:
ВЗГЛЯД АЗИАТСКИХ ЭКСПЕРТОВ**

***Аннотация.** В предлагаемой статье излагается точка зрения трех видных азиатских экспертов на современный глобальный кризис, связанный с распространением пандемии COVID-19. Причины нашего внимания к их рассуждениям закономерны. Еще в 2020 г. страны Восточной и Юго-Восточной Азии смогли показать остальному миру, что они лучше всего справляются с вызовом пандемии. В чем причина этого? Кишор Махбубани указывает на значимость эффективного государственного управления и доверия азиатских обществ к своим правительствам, обращает внимание на национальную психологию азиатов, а также на философские основания азиатского ответа на пандемию, связанные с принятием концепций «прав» и «обязанностей», «свобод» и «ответственности», от которых отказались на Западе. В последнее время главные мировые процессы все больше смещаются с берегов Евроатлантики в Азию, а геополитические процессы в самой Азии все больше начинают влиять на судьбы остального мира. Как влияет на них кризис, вызванный распространением коронавирусной инфекции? Шившанкар Менон считает, что пандемия COVID-19 – это событие, вписанное в более сложные геополитические процессы; пандемия серьезно осложняет перспективы развития такого региона, как Южная Азия и сможет сказаться на осложнении индо-китайских отношений, а также всей азиатской геополитики. Бурный экономический рост в Азии дает шанс освободиться от нищеты сотням миллионов людей. Но всегда ли этот рост и связанное с ним вхождение в глобальную капиталистическую систему является благом, и какими опасностями это чревато в условиях коронавирусного кризиса. Вандана Шива свидетельствует о том, что коронавирус – это проблема одновременно экологическая и политическая, и ее можно было бы избежать, если бы существовала адекватная экологическая политика. Нынешняя проблема, ассоциируемая с коронавирусом и кризисом здравоохранения, происходит из особенностей господствующего мировоззрения; современная коммерческая система здравоохранения, столкнувшись с вызовами COVID-19, в очередной раз доказала свою неэффективность, а современный коронавирусный кризис является порождением глобальной капиталистической экономики.*

***Ключевые слова:** пандемия COVID-19; азиатские эксперты; Кишор Махбубани; Шившанкар Менон; Вандана Шива.*

Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХИГС), ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН). Россия, Москва.

E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Web of Science Researcher ID: N-2263–2017

Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХИГС), старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН). Россия, Москва.

E-mail: irinamikhel@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: G-1568–2018

Mikhel D.V., Mikhel I.V. COVID-19 pandemic as a global crisis: Asian experts' view

Abstract. *This article presents the views of three prominent Asian experts on the current global crisis associated with the spread of the COVID-19 pandemic. The reasons for our attention to their reasoning are legitimate. Back in 2020, the countries of East and Southeast Asia could show the rest of the world that they were best able to cope with the challenges of the pandemic. What is the reason for this? Kishore Mahbubani points to the importance of good governance and the trust of Asian societies in their governments, and draws attention to the national psychology of Asians, as well as to the philosophical basis of the Asian response to the pandemic, related to the adoption of concepts of «rights» and «duties», «freedoms» and «responsibilities» abandoned in the West. Recently, the main global processes have been shifting more and more from the shores of the Euro-Atlantic to Asia, and geopolitical processes in Asia itself are increasingly beginning to influence the fate of the rest of the world. How are they affected by the crisis caused by the spread of the coronavirus infection? Shivshankar Menon believes that the COVID-19 pandemic is an event embedded in more complex geopolitical processes; the pandemic seriously complicates the development prospects of the South Asian region and could affect the complication of Indo-Chinese relations as well as Asian geopolitics in general. Asia's rapid economic growth offers a chance to lift hundreds of millions of people out of poverty. But is this growth and the associated entry into the global capitalist system always a good thing, and what dangers does it entail in the context of a coronavirus crisis? Vandana Shiva testifies that coronavirus is both an environmental and a political problem, and could have been avoided if there had existed adequate environmental policies; the current problem associated with coronavirus and the health crisis stems from the features of the dominant worldview; the current commercial healthcare system, faced with the COVID-19 challenge, has once again proven itself inefficient and the current coronavirus crisis is a product of the global capitalist economic.*

Keywords. *COVID-19 pandemic; Asian experts; Kishore Mahbubani; Shivshankar Menon; Vandana Shiva.*

Mikhel Dmitry Vickyrovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (IWI RAS). Russia, Moscow.
E-mail: dmitrymikhel@mail.ru
Web of Science Researcher ID: N-2263–2017

Mikhel Irina Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Senior Researcher at the Institute for Scientific Information in Social Sciences (INION RAS). Russia, Moscow.
E-mail: irinamikhel@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: G-1568–2018

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Введение

Продолжающаяся пандемия COVID-19 является предметом пристального внимания широкого круга экспертов в разных частях света. В отличие от вирусологов и эпидемиологов те, кого принято называть интеллектуалами, в своих размышлениях о пандемии обращают внимание на те аспекты современного пандемического кризиса, которые связаны с экономикой, политикой, философией. Весьма активны в этом плане европейские интеллектуалы [Михель 2021], однако не менее значимо и то, что думают, говорят и пишут эксперты на других континентах. С учетом того, какую роль в последнее время стал играть азиатский мир, особую значимость приобретает точка зрения азиатских экспертов. Так, Азия, по крайней мере Восточная и Юго-Восточная, продемонстрировала, что она лучше всех прочих регионов смогла справиться с вызовом пандемии уже в 2020 г. В чем причина этого? Главные мировые процессы все больше смещаются с берегов Евроатлантики в Азию, а геополитические процессы в самой Азии все больше начинают влиять на судьбы остального мира. Как влияет на них кризис, вызванный распространением коронавирусной инфекции? Бурный экономический рост в Азии дает шанс освободиться от нищеты сотням миллионов людей. Но всегда ли этот рост и связанное с ним вхождение в глобальную капиталистическую систему – это благо, и какими опасностями оно чревато в условиях коронавирусного кризиса? В предлагаемой статье предполагается получить ответы на эти вопросы, обратившись за

разъяснениями к наиболее известным азиатским экспертам, имеющим за своими плечами большой опыт государственной и общественной работы, а также тесно связанным с научной и интеллектуальной деятельностью.

Кишор Махбубани об особенностях азиатского ответа на пандемию

Первая волна пандемии коронавирусной инфекции, эпицентром которой принято считать китайский Ухань, уже к февралю 2020 г. достигла Европы и большинства других частей света. Весной того же года вирус SARS-CoV-2 подступил к границам стран Юго-Восточной Азии, но там, к глубокому удивлению мировой общественности, вирус не сумел так широко распространиться среди населения, как это произошло в западных странах. К началу октября уровень заболеваемости и смертности в странах Юго-Восточной Азии оказались самыми низкими в мире – 2,1% и 1,9% от всех подтвержденных случаев заболеваний и смертей в мире [Pang 2020]. Феномен низкой заболеваемости и смертности от COVID-19 в Юго-Восточной и Восточной Азии в период первой волны пандемии вызвал широкое обсуждение среди экспертов по всему миру. Большинство из них обратили внимание на то, с какой решительностью в этих странах были введены необходимые противоэпидемические меры – ношение масок и перчаток, социальное дистанцирование, закрытие мест общественного пребывания и предприятий (локдаун). Эксперты указывали, что население стран этого обширного региона активно поддержало все эти меры, согласившись с необходимостью ношения средств индивидуальной защиты и домашней самоизоляции. Интересным представляется объяснение этого феномена со стороны азиатских экспертов. В частности, ниже будет представлена точка зрения Кишора Махбубани – одного из самых авторитетных сингапурских экспертов, имеющего за плечами богатый опыт дипломатической, научной и административной работы.

Прежде всего Махбубани указал на *значимость эффективного государственного управления и доверия азиатских обществ к своим правительствам*, без которых было бы невозможно добиться успехов в противодействии пандемии. Вера в сильные государственные институты, управляемые наиболее талантливыми личностями – это то, что объединяет весьма разные азиатские общества: и коммунистический Китай, и его идеологических оппонентов в Японии, Южной Корее, Тайване и Сингапуре. Эта вера в свои правительства, как отмечает Махбубани, стала важным фактором в ответе азиатских стран на вызов пандемии коронавирусной инфекции. По его словам, таким государственным деятелям, как Дэн Сяопин в Китае и Ли Куан Ю в Сингапуре, удалось «посеять семена знаний» и заразить свой народ желанием учиться у Запада только лучшему. В результате, за прошедшие десятилетия Азия многому научилась у

Запада и теперь начинает его обгонять. Америка больше не является моделью для подражания ни в азиатском мире, ни даже в европейском. Напротив, Китай и другие азиатские страны теперь поверили в то, что сильное государство в паре с динамичной рыночной экономикой способны кардинально изменить жизнь общества к лучшему. С началом распространения коронавируса Китай «быстро и решительно блокировал всю страну». Напротив, США «ослабили свои органы государственной службы, лишили их финансирования, деморализовали и лишили легитимности» [Mukhopadhyay 2020]. «Учитывая несчастья, выпавшие на его долю в “век унижений” с середины XIX и до середины XX веков, Китай хорошо понимает опасность слабого правительства; а поскольку китайская психика боится хаоса больше, чем любой другой силы, народ приветствует сильное государство. Успешная реакция на COVID-19 укрепила доверие населения к своим лидерам» [Mahbubani 2020 с]. Доверие азиатских обществ к своим правителям, ставшее важным фактором азиатского успеха в противодействии пандемии, не было, разумеется, только следствием харизматичности лидеров, что пришли к власти в этих странах. Это еще и следствие социально-экономической ситуации. Для большинства азиатских стран нормой является минимальное различие в доходах между теми, кого можно отнести к верхам, и теми, кто находится внизу. В то же время «США превратились в плутократию, в которой сверхбогатые люди захватили политическую систему для продвижения своих собственных интересов... а белый рабочий класс охватило отчаяние», из которого растет нынешнее недоверие американцев к своей власти [Mahbubani 2020 с].

В другом месте Махбубани наряду с доверием азиатских народов к своим правительствам обращает внимание на *особенности национальной психологии*, способствующие успешному ответу обществ Восточной и Юго-Восточной Азии на пандемию. «В то время как европейцы склонны надеяться на государственное социальное обеспечение, жители Восточной Азии по-прежнему считают, что жизнь состоит из борьбы и жертв». Обобщая свои взгляды на рассматриваемый вопрос, эксперт отмечает три важных момента, которые позволили странам Азии справиться с первой волной пандемии лучше, чем европейцам. В азиатских обществах не получила распространения западная концепция «конца истории», провозглашающая образцом совершенства современный западный стиль жизни с приматом индивидуализма над коллективизмом. В Азии все последнее время происходило укрепление государственных институтов, в том числе института здравоохранения, тогда как в США со времен президента Р. Рейгана шло планомерное ослабление всех государственных механизмов. Для всех стран Восточной и Юго-Восточной Азии примером для подражания стал быстрый взлет Китая, сотрудничество с которым стало нормальной практикой даже для его оппонентов, таких как Вьетнам [Mahbubani 2020 с].

Наконец, Махбубани специально затрагивает вопрос о *философских основаниях азиатского ответа на пандемию*. По словам самого эксперта, именно на этом глубинном уровне и скрывается ответ на вопрос, почему страны Азии справляются с COVID-19 лучше, чем американцы и европейцы. Сам Махбубани стал размышлять об особенностях азиатского мышления задолго до распространения пандемии. В своей книге «Могут ли азиаты мыслить» он в весьма осторожной форме высказал мысль о том, что азиатским народам еще только предстоит выйти на тот интеллектуальный уровень, которого уже давно достиг западный мир. Прошло всего несколько лет, и он был вынужден не только признать, что азиаты «могут мыслить», но и то, что они придерживаются более правильной философии. По-видимому, окончательно убедиться в этом ему позволили два обстоятельства – поразительная неспособность США и некоторых стран Европейского союза снизить смертность от COVID-19 и штурм Капитолия в США, случившийся 6 января 2021 г.

Прежде всего эксперт обращает внимание на то, что в господствующей на современном Западе философии наблюдается характерная диспропорция между представлениями о правах и обязанностях. В последнее время западные общества делают акцент преимущественно на правах, тогда как азиатские сосредоточены на правах и обязанностях. «Одна из причин того, что во многих западных странах число жертв COVID-19 намного выше, заключается в том, что граждане подчеркивают свое “право” не носить маски, никогда не упоминая при этом о своей “обязанности” носить маски, чтобы спасти жизни сограждан. К счастью, в большинстве азиатских обществ существует большее признание такой ответственности. Вот почему основополагающие философские предположения так важны для социального благополучия».

Весьма примечательно также, что на современном Западе наряду с концепцией «прав» также широко распространена концепция «свободы». Но как «обязанности» уравнивают «права», так и «свобода» должна быть уравновешена «ответственностью». Именно об этом, по мнению Махбубани, теперь хорошо знают и в Азии. Наиболее проницательные западные философы, такие как Виктор Франкл или Фридрих Хайек, предупреждали, что без ответственности свобода превращается в произвол, а Франкл предлагал, чтобы в США наряду со статуей Свободы на другом побережье страны была воздвигнута статуя Ответственности. Их голос не был услышан. Не был услышан и голос такого западного политика, как Гельмут Шмидт, которого поддерживали Ли Куан Ю, Пьер Трюдо и другие, подготовившего в 1997 г. Всеобщую декларацию ответственности человека. «Западные правительства и западные общественные организации развернули мощную кампанию по подавлению всех обсуждений этого документа. Я знаю, как все это происходило. Я лично присутствовал и видел все это своими глазами. Нежелание значительной части западного общества мыслить об обязанностях и ответственности стали важным фактором его неспособности моби-

лизоваться перед лицом пандемии». Эти же философские диспропорции на Западе привели к разрушению социальной связи между верхами, требующим еще больше прав и свобод, и многомиллионными низами, которые попытались в очередной раз напомнить об обязанностях и ответственности, что вылилось в знаменитый штурм Капитолия сторонниками президента Трампа. «Когда мы видим, что общество находится в беде, мы не должны просто фокусироваться на личностях и событиях. Мы должны глубоко погрузиться и попытаться обнаружить глубинные структурные причины» [Mahbubani 2021 a].

Обозначив основные факторы, предопределившие успех стран Восточной и Юго-Восточной Азии в борьбе с пандемией, Махбубани попытался оценить роль COVID-19 в современной истории Азии. По его мысли, нынешнее азиатское возрождение началось еще до пандемии, но ее приход обнажил подспудно накапливавшиеся проблемы Запада и выявил малозаметные прежде преимущества Азии. В ходе дискуссии, организованной журналом «Foreign Policy» в самом начале 2021 г., он отмечал: «Цифры не лгут. Уровень смертности от COVID-19 ниже в Восточной и Юго-Восточной Азии. Просто сравните Вьетнам (0,4 смертей на 1 млн человек), Китай (3), Сингапур (5), Южную Корею (10) и Японию (17) с Бельгией (1 446), Испанией (979), Великобританией (877), США (840) и Италией (944). Цифры – это верхушка айсберга. За ними скрывается гораздо более масштабная история переноса компетенции с Запада на Восток. Западные общества когда-то были известны своим уважением к науке и рациональности... Запад также был известен хорошим управлением, особенно Европейский союз. Мощная вторая волна пандемии подтверждает, что что-то пошло не так. Но что пошло не так? Один простой ответ – самоуспокоенность. Запад просто предположил, что он преуспеет в этой битве. Из своего предыдущего опыта борьбы с вирусными эпидемиями, такими как атипичная пневмония, общества Восточной и Юго-Восточной Азии знали, что они должны быть жесткими, бдительными и дисциплинированными. Одной из важнейших переменных является уважение к правительству. Сильные государственные институты, особенно в области здравоохранения и медицины, отреагировали компетентно. Кроме того, экономика стран Восточной Азии, вероятно, быстрее восстановится, что отражает эффективность ее управления. Когда будущие историки станут искать начало века Азии, они вполне могут указать на COVID-19 как на момент, когда азиатская компетентность вновь обрела силу» [Mahbubani 2021 b].

Шившанкар Менон о пандемии и новой азиатской геополитике

Успешный ответ стран Восточной и Юго-Восточной Азии на вызов пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. вызвал много дискуссий о том, к каким последствиям это может привести для глобальной геополитики и, в частности,

для продолжающегося соперничества между США и Китаем за мировое лидерство. Большинство экспертов, обсуждающих этот вопрос, подчеркивают, что успехи КНР и других азиатских стран в борьбе с пандемией так или иначе являются следствием общего возвышения азиатского мира во главе с Китаем и свидетельствуют о трансформации однополярного миропорядка в некую новую геополитическую конструкцию. Постепенный перенос центра мира с берегов Евроатлантики в Азию, однако, предстает как сложный и неоднозначный процесс, у которого могут быть и разные варианты развития, и разные по составу участники. В связи с этим особенно любопытными кажутся мнения об этом процессе представителей Индии – страны, которая все последнее время не только ведет упорную борьбу с пандемией коронавирусной инфекции, но и пытается занять важное место в новой геополитической реальности. Индийский взгляд на пандемию и новую азиатскую геополитику рассматривается нами на примере идей видного эксперта в этой области Шившанкара Менона. Он хорошо известен как крупный политический деятель умеренно либерального толка и интеллектуал, представляющий ряды оппонентов нынешнего индийского правительства.

Менон является яростным защитником интересов индийского государства, но при этом видит Индию как часть глобального мира, открытую для контактов с другими странами, как с Западом, так и с азиатским миром. Нынешняя политика индийского правительства, которое он воспринимает как крайне националистическое, видится ему ошибочной. Так называемая замкнутость Индии на себе рассматривается им как геополитическая ошибка, и Менон призывает индийскую власть к более активному сотрудничеству с США и Великобританией, а также к выстраиванию более прагматических отношений с Китаем. Менон весьма жестко высказывается о Китае и склонен видеть в его геополитической стратегии проблемы, которые упускают из виду многие другие эксперты. Успехи китайских властей в противодействии пандемии в первые месяцы распространения инфекции, которые произвели огромное впечатление на остальной мир, были восприняты Меноном весьма скептически. В частности, он охотно подхватил мысль американского президента Трампа об ответственности Китая за сокрытие информации о причинах пандемии. В начале мая 2020 г., когда в американских правящих кругах и СМИ стала муссироваться идея о китайском происхождении вируса, Менон критически высказался о китайском опыте противодействия COVID-19. «Китай не сможет преодолеть кризис, связанный с коронавирусом, как это произошло с эпизодом на площади Тяньаньмэнь в 1989 году... воздействие COVID-19 будет продолжать “кипеть”, что приведет к огромным репутационным потерям для Китая» [Basu 2020]. «Независимое исследование о происхождении пандемии коронавируса, проведенное уважаемыми во всем мире экспертами, придаст Китаю авторитет, поскольку он борется с глобальной репутационной потерей» [Krishnan 2020].

Для Менона пандемия COVID-19 – событие, вписанное в более сложные геополитические процессы. Пандемия, как он считает, ничего не изменила в принципе, но лишь ускорила те тенденции, которые уже существовали до этого. «До начала пандемии мировая экономика уже была многополярной, фрагментированной и локализованной. Рост Китая, Индии и других стран уже привел к смещению центра мировой экономической активности из средней Атлантики в Азию, увеличению доли Азии в мировом ВВП и изменению пропорции мирового ВВП между развитыми и развивающимися экономиками в период с 1980 по 2016 год». По его мысли, фрагментация мировой экономики началась уже после мирового экономического кризиса 2008 г., а введение локдаунов в связи с пандемией во всех странах вызвало экономическую рецессию и даже «крах» 2020 г. После этого, по Менону, экономический рост повсеместно замедлится, все национальные экономики, включая США, Китай и Индию, замкнутся на себе, а их правительства будут испытывать «сильное искушение свалить вину за внутренние экономические трудности на внешние факторы» [Menon 2020 a].

Менон считает, что *нынешняя пандемия оказывает существенное воздействие на существующий миропорядок*. При этом данный однополярный миропорядок, в котором до сих пор господствовали США, пребывает в кризисе, а кризис проявляется в том, что существующие международные институты – Совет безопасности ООН, ВОЗ, G-20, ВТО и пр. – действуют неэффективно: ни один из них не смог дать эффективного ответа на вызов пандемии. Но хотя старый миропорядок умирает, новый – двухполюсный или многополярный – на смену ему еще не пришел. США остаются единственной военной сверхдержавой, продолжают обладать огромным политическим влиянием и «мягкой силой». Китай уже стал экономической сверхдержавой, но остается всего лишь региональной военной державой с ограниченной и даже уменьшающейся «мягкой силой». Кризис прежнего миропорядка продолжается, а «непосредственным эффектом пандемии является отсрочка появления нового международного порядка». Каждое из государств вследствие пандемии становится все более слабым и все более нуждается в оппонентах извне, чтобы списать на них свои неудачи. Вместе с этим растет и враждебность государств по отношению друг к другу. Особенно это касается ухудшающихся американо-китайских отношений. «Я ожидаю, что мир после пандемии будет беднее, хуже и меньше – беднее из-за медленного роста глобальной среды, хуже из-за роста ксенофобии, расизма и шовинизма, и меньше из-за фрагментации глобальной государственности и экономики» [Menon 2020 a].

По мысли Менона, *пандемия серьезно осложняет перспективы развития Южной Азии*. Во-первых, она уже замедлила развитие Индии, а такие страны региона, как Пакистан, Афганистан и Шри-Ланка вообще оказались в глубокой рецессии: пандемия вызвала рост миграции и обнищание значительной

части неформального сектора экономики. Во-вторых, усилившийся во время пандемии конфликт между США и Китаем будет проецироваться на все страны Южной Азии: обе державы станут более требовательными к странам Южно-Азиатского региона, и это может привести к осложнению отношений между соседями. В-третьих, международная ситуация на глобальном уровне становится более сложной и нестабильной, и чем дольше будет затягиваться глобальный кризис, тем хуже будет для Южной Азии, которая сильно зависит от существующей международной системы. Пандемия COVID-19 препятствует рождению нового миропорядка, и поэтому все отношения и процессы на всех уровнях – локальном, региональном и глобальном – находятся в кризисе. «Пока что в этом кризисе нет победителей, есть только проигравшие... Большинство правительств находятся в режиме выживания... Южную Азию, вероятно, ждут тяжелые испытания» [Menon 2020 b].

Согласно Менону, *пандемия сможет сказаться и на осложнении индо-китайских отношений, а также всей азиатской геополитики*. В период холодной войны Азия была пространством конфронтации между США и Советским Союзом, и каждая из крупных азиатских стран, в особенности Индия и Китай, искали в рамках этого миропорядка собственное место, связывая себя теми или иными отношениями со сверхдержавами. После распада СССР в Азии сложилась новая геополитическая реальность, характеризующаяся появлением новых возможностей, отсутствием конфликтов, монопольным господством США и глобализацией. «Индия и Китай, вероятно, были двумя крупнейшими бенефициарами этих десятилетий с точки зрения экономического роста и вытаскивания миллионов людей из бедности» [Menon 2020 c]. После мирового экономического кризиса 2008 г. в Азии начался период новой конфронтации, на этот раз между США и Китаем. По мысли Менона, это не новая холодная война, поскольку США и Китай тесно связаны друг с другом экономически, но это конец прежней стабильности. «Азия возвращается к своему обычному состоянию – соперничеству великих держав, как это было на протяжении большего времени после Второй мировой войны» [Menon 2020 c]. Современная азиатская геополитика нестабильна, а отношения между Индией и Китаем перестали быть бесконфликтными. Пограничные столкновения 2020 г. и вторжение китайской армии на индийскую территорию – лишь один из примеров этого. Для Индии Китай продолжает оставаться крупнейшим торговым партнером в Азии, но также и геополитическим соперником – как на суше, так и на море. В то же время «открылись новые возможности для отношений Индии и США» [Chopra 2021], но Индии всегда следует занимать более прагматичную позицию и быть на равном удалении от США и Китая. Обе страны играют важную роль в решении текущих экономических проблем Индии. Индии следует «создавать коалиции» [Menon 2021] из азиатских стран для сдерживания чрезмерных амбиций Китая и не

позволять Азии превратиться в китаецентричный мир. Однако все эти необходимые для Индии шаги в условиях нынешней пандемии еще не сделаны. Правительство Моди в Индии предпочитает делать акцент на самодостаточности, и так же поступают почти все страны в мире. «Тройной удар пандемии, экономического краха и кризиса в отношениях с Китаем загнал Индию внутрь себя, подчеркивая самодостаточность и попытку сконцентрироваться на создании внутренних возможностей и сокращении внешних зависимостей» [Menon 2020 с]. Пандемия расколола мир, усилив стремление стран к протекционизму и отказу от глобализации, и поэтому индийский лидер, как и большинство других мировых лидеров, поглощен поиском способов удержаться у власти. «Эти тенденции существовали и прежде, но COVID-19 усилил их» [Gilani 2020].

Вандана Шива о пандемии и глобальном капитализме

Пандемия COVID-19, ставшая крупнейшим глобальным кризисом современности, продолжает уносить человеческие жизни, ведет к прекращению экономического роста, способствует осознанию того, что мир может уже никогда не стать прежним. Для жителей развитых стран многие переживания, вызванные пандемией, связаны, главным образом, с тем, что им надолго придется ограничить себя в возможностях путешествовать и реализовывать себя в разных сферах деятельности, а также с тем, что придется сократить свой уровень потребления. Но для огромного числа людей на планете главная проблема, вызванная коронавирусной инфекцией, состоит в выживании. По этой причине многие эксперты предпочитают обращать внимание не только на неудобства, вызванные пандемией, но и на то, что сама пандемия может быть воспринята как особый сигнал о том, что прежний образ жизни, рожденный глобализацией, возможно, придется оставить в прошлом. В азиатском мире к этой точке зрения склоняются многие интеллектуалы. Индийский взгляд на этот вопрос будет представлен точкой зрения Ванданы Шивы – видной сторонницей антиглобалистского движения, ученым, общественным деятелем, мыслителем.

Согласно Шиве, *коронавирус – это проблема одновременно экологическая и политическая, и ее можно было бы избежать, если бы существовала адекватная экологическая политика*. Как ученый, начиная с 1980-х годов Шива постоянно говорила о необходимости сохранения влажных тропических лесов и более заботливого отношения к воде и почве, без чего невозможна здоровая и счастливая жизнь людей не только в сельской местности, но и в городах. Руководствуясь современными научными знаниями, она закономерно указала на то, что приход пандемии COVID-19 был вызван пагубным

воздействием человеческой деятельности на окружающую среду. Как только коронавирусная инфекция появилась в Индии, Шива отметила, что главной причиной пандемии стали участвовавшие контакты людей с миром опасных микробов, которые были сравнительно редкими до тех пор, пока люди жили в гармонии с животными и уважали природу. «Около 300 новых патогенов, которые повлияли на человечество за последние 50 лет, являются результатом вырубки лесов». Согласно Шиве, сохранение влажных тропических лесов, как и вообще мира дикой природы, давно уже следует воспринимать как политический вопрос. Политика современного общества решительно должна измениться. Она должна быть сосредоточена не на «ведении бизнеса», а на «простоте жизни» и «простоте здоровья». Правительству следует поощрять местных производителей, а не иностранных, а глобальной капиталистической экономике, хищнически уничтожающей природу, следует противопоставить локальную экономику заботы, в которой у каждого человека есть работа и еда. По мысли Шивы, пришло время учиться у регенеративной силы природы и сократить экологически вредные производства. Правительству же пора «подумать об омоложении страны через возрождение сельских районов и сельского хозяйства» [Mathur 2020].

Шива также указывает на то, что *нынешняя проблема, ассоциируемая с коронавирусом и кризисом здравоохранения, происходит из особенностей господствующего мировоззрения*. По ее словам, СМИ бьют тревогу из-за чрезвычайной ситуации, сложившейся в здравоохранении, вызванной коронавирусом. Но почему-то никто не бьет тревогу из-за чрезвычайной ситуации в здравоохранении, вызванной вымиранием видов, потерей разнообразия и климатическим кризисом. Все эти чрезвычайные ситуации – суть одно и то же. Они – порождение механистического, милитаристского, антропоцентрического мировоззрения. «Все эти чрезвычайные ситуации коренятся в экономической модели, основанной на иллюзии безграничного роста и безграничной жадности, которые нарушают планетарные границы и разрушают целостность экосистем и отдельных видов». По словам Шивы, новые болезни, такие как COVID-19, возникают из-за того, что жадность глобальных корпораций ведет к вытеснению традиционного сельского хозяйства и замене его глобализованным, индустриальным, неэффективным сельским хозяйством, которое разрушает целые экосистемы, манипулирует животными и растениями без должного уважения к их целостности. «Когда мы увековечиваем иллюзию, что земля и жизнь являются сырьем... для получения прибыли, мы действительно объединяемся в единое глобальное целое. Но вместо того, чтобы соединяться континуумом здоровья, защищая биоразнообразие, целостность и самоорганизацию всех живых существ, включая людей, мы соединяемся через болезнь» [Shiva 2020 a].

Шива считает, что *современная коммерческая система здравоохранения, столкнувшись с вызовом COVID-19, в очередной раз доказала свою неэффективность*. С возникновением глобальной капиталистической экономики по всему миру происходит разрушение не только традиционного, крестьянского сельского хозяйства, но и традиционных систем здорового питания. В погоне за прибылями глобальные агропромышленные корпорации заваливают рынки «отравленными» продуктами питания, разрушающими здоровье миллионов людей. Плохое питание становится причиной плохого здоровья, что «вынуждает людей обращаться за дорогостоящей медицинской помощью, которая зачастую им не по карману». Плохое питание и ослабленный иммунитет оказываются неспособны противостоять вирусам, каждый из которых становится все более опасным для человечества. «Коммерческие системы здравоохранения являются бенефициарами современных эпидемий, предлагая технологически интенсивные и дорогостоящие тесты и лечение расстройств, которые можно и нужно было легко предотвратить с помощью правильного питания и здоровой окружающей среды. Одни и те же корпорации – например, Bayer и Monsanto – продают химикаты, вызывающие болезни, и фармацевтические препараты для их лечения» [Shiva 2020 b]. Коммерческое здравоохранение превращает здоровье в дорогостоящий товар, тогда как каждому из людей оно изначально дано от природы.

Наконец, Шива также подчеркивает, что *современный коронавирусный кризис является порождением глобальной капиталистической экономики*. По ее мнению, война против коронавируса, объявленная правительствами всего мира, едва ли увенчается успехом, поскольку она ведется от имени и во имя сохранения этой глобальной системы. На самом деле следовало бы отказаться от этой системы, которая сама и порождает такие кризисы, как COVID-19 [Shiva 2020 d]. Современный коронавирусный кризис, по Шиве, это лишь один из трех одновременно разворачивающихся кризисов наряду с кризисом средств существования и кризисом голода. Все три кризиса порождены «неолиберальной экономической моделью, основанной на прибыли, жадности и глобализации, используемой транснациональными корпорациями». Все эти три кризиса ведут к появлению нового класса – «оставленных». Этот класс составляет 99% от всех живущих, но им управляет 1% тех, кого Шива называет «баронами-разбойниками», установившими «цифровую диктатуру» [Shiva 2020 c]. По словам Шивы, «цифровым баронам-разбойникам», таким как Билл Гейтс и Марк Цукерберг, за последние 25 лет удалось превратить многие государства в инструменты своего влияния. Они образуют собой 1% человечества, для которого остальные 99% – бесполезны. Будущее для этого 1% – это «цифровое сельское хозяйство без фермеров, полностью автоматизированные заводы без рабочих» [Binctin 2020]. Глобальный цифровой правящий класс «баронов-разбойников» рассматривает пандемию как очередную

возможность для получения новых прибылей, а также использует ее для того, чтобы распространить цифровой контроль в еще большем масштабе. По инициативе цифровых корпораций в разгар пандемии правительства вводят все новые средства слежения за населением, тестируются все новые системы, призванные разобщать людей. 26 марта 2020 г. корпорация Microsoft Билла Гейтса, на самом пике пандемии и самоизоляции, получила от Всемирной организации интеллектуальной собственности очередной патент, предоставляющий ей право анализировать и отслеживать все формы активности человеческого тела – движение глаз, движение лиц, мускульную активность, кровоток, интерпретируя их в числах, градусах, текстах, изображениях и иным способом. Цель этого, полагает Шива, «колонизировать умы, тела и дух наших детей до того, как они получают возможность понять, как выглядят и ощущаются свобода и суверенитет, начиная с самых уязвимых» [Shiva 2020 a].

В целом Шива не склонна воспринимать COVID-19 как уникальное событие в современной истории. По ее мнению, пандемия – это всего лишь еще один симптом того планетарного бедствия, что поразило человечество в условиях глобальной капиталистической системы. Вознесший на вершину власти 1% цифровых «баронов-разбойников» и обрекший на нищету и безвременье остальные 99% человечества, глобальный капитализм использует пандемию, чтобы навязать всему миру свою антиутопию – «в которой дети никогда не возвращаются в школу, у них нет возможности поиграть, у них нет друзей». Шива считает, что это навязываемый всем остальным мир есть «мир без общества, без отношений, без любви и дружбы». Ее собственное видение будущего связано с альтернативой: «Мы стоим на грани исчезновения. Позволим ли мы нашему человечеству как живым, сознательным, разумным и автономным существам быть уничтоженным машиной жадности, не знающей границ и неспособной остановить ее колонизацию и разрушение? Или мы остановим эту машину и защитим нашу человечность, свободу и автономию, чтобы защитить жизнь на Земле?» [Shiva 2020 a].

Библиография

Михель Д.В. Интеллектуалы обсуждают пандемию COVID-19: дискуссии о коронавирусе как новое культурное явление // Этнографическое обозрение. 2021. № 6. С. 62–80.

Михель Д.В., Михель И.В. «Опасная культура» и опасные инфекции: китайские эпидемии в западном медицинском восприятии // Человек. 2020. № 6. С. 129–146.

Михель И.В. Индийский взгляд на глобализацию: анализ биоэтических идей Ванданы Шивы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 11 (85). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42542346>

Basu N. Covid-19 different from Tiananmen, China won't be able to tide over crisis: Ex-NSA Menon // The Print. 2020. May 7. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:VuJHx5XE1i4J:https://theprint.in/india/covid-19-different-from-tiananmen-china-wont-be-able-to-tide-over-crisis-ex-nsa-menon/416313/+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 26.01.2022).

Chopra R. Interview – Shivshankar Menon // E-International Relations. 2021. November 18. URL: <https://www.e-ir.info/2021/11/18/interview-shivshankar-menon/> (дата обращения: 12.12.2021).

Gilani I. COVID-19 Hits Globalization, Multilateralism Hard, Experts Say // Anadolu Agency. 2020. April 15. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/covid-19-hits-globalization-multilateralism-hard-experts-say/1805349#> (дата обращения: 1.12.2021).

Krishnan A. Independent Probe Will Give China Credibility: Shivshankar Menon // The Hindu. 2020. May 6. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/independent-probe-will-give-china-credibility-shivshankar-menon/article31520876.ece> (дата обращения: 9.12.2021).

Laudicina P. Episode 12: China, the US, and the new geopolitical order with Kishore Mahbubani. About Kishore Mahbubani. Kearney. Global Policy Council (DBPC). 2020 URL: <https://www.kearney.com/ru/web/global-business-policy-council/coronavirus-a-world-transformed/episode-12-china-the-us-and-the-new-geopolitical-order-with-kishore-mahbubani> (дата обращения: 6.12.2021).

Mahbubani K. Can Asians Think? Singapore: Marshall Cavendish International (Asia) Private Limited, 2009. 283 p.

Mahbubani K. The World After COVID-19: Kishore Mahbubani on the Dawn of the Asian Century // The Economist. 2020 a. April 20. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2020/04/20/kishore-mahbubani-on-the-dawn-of-the-asian-century> (дата обращения: 5.12.2021).

Mahbubani K. East Asia's New Edge // The Japan Times. 2020 b. July 26. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/07/26/commentary/world-commentary/east-asias-new-edge/> (дата обращения: 6.12.2021).

Mahbubani K. How East Asia Has Controlled Coronavirus, and What It Means for Its Recovery // World Economic Forum. 2020 c. July 29. URL: https://www.weforum.org/global_future_councils/gfc-on-china/articles/asia-china-singapore-vietnam-covid19-coronavirus-government (дата обращения: 6.12.2021).

Mahbubani K. What Do US Capitol Attack and the West's COVID-19 Death Rates Have in Common? // The Straits Times. 2021 a. February 2. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/what-do-us-capitol-attack-and-the-wests-covid-19-death-rates-have-in-common> (дата обращения: 7.12.2021).

Mahbubani K. The competent Asian Century. The World After the Coronavirus // Foreign Policy. 2021 b. January 2. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/02/2021-coronavirus-predictions-global-thinkers-after-vaccine/> (дата обращения: 7.12.2021).

Mahbubani K. Kishore Mahbubani Says More... // Project Syndicate. 2020 c. November 24. URL: <https://www.project-syndicate.org/say-more/an-interview-with-kishore-mahbubani-2020-11> (дата обращения: 6.12.2021).

Mathur B. Most Pathogens That Have Impacted Humans in Last 50 Years Came from Deforestation: Conservation Activist Vandana Shiva // NDTV. 2020. May 5. URL: <https://special.ndtv.com/coronavirus-61/news-detail/most-pathogens-that-have-impacted-humans-in-last-50-years-came-from-deforestation-conservation-activist-vandana-shiva-2223506/7> (дата обращения: 6.12.2021).

Menon S. India & China in the Post-Covid World // ICS Analysis. Delhi: Institute of Chinese Studies. 2020 a. N 104. June. URL: <https://www.icsin.org/publications/india-china-in-the-post-covid-world> (дата обращения: 9.12.2021).

Menon S. Effects of COVID-19 on South Asia's International Relations // ISAS Brief. Singapore: National University of Singapore, 2020 b. N 788. June 3. URL: <https://www.isas.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2020/06/788.pdf> (дата обращения: 9.12.2021).

Menon S. The Crisis in India-China Relations // ICS Occasional Paper. Delhi: Institute of Chinese Studies, 2020 c. N 63. November. URL: <https://www.icsin.org/uploads/2020/12/15/25da5b22cbfc731c25bd931c20127ca8.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).

Menon S. Preface // *India's Marathon: Reshaping the Post-Pandemic World Order* / ed. by P. Kotasthane, A. Kanisetti, N. Pai. Bangalore: Takshashila Institution Press, 2020 d. P. 7–9.

Menon S. *India and Asian Geopolitics: The Past, Present*. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2021. 406 p.

Mukhopadhyay A. Kishore Mahbubani: COVID-19 'Enhanced China's Position in the World Order' // *Deutsche Welle*. 2020. April 30. URL: <https://www.dw.com/en/kishore-mahbubani-covid-19-enhanced-chinas-position-in-the-world-order/a-53290579> (дата обращения: 5.12.2021).

Pang T. *Dealing with the Pandemic: Lessons Learnt and the Way Forward* // Asia Society. Australia, 2020. October 12 URL: <https://southeastasiacovid.asiasociety.org/dealing-with-the-pandemic-lessons-learnt-and-the-way-forward/> (дата обращения: 5.12.2021).

Shiva V. *The Pandemic Is a Consequence of the War Against Life* // *In These Times*. 2020 a. September 27. URL: <https://inthesetimes.com/article/vandana-shiva-bill-gates-war-against-life-extinction-pandemic> (дата обращения: 12.12.2021).

Shiva V. *Ecological Reflections on the Corona Virus* // *Navdanya. JIVAD – The Vandana Shiva Blog*. March 18, 2020 b. URL: <https://www.navdanya.org/bija-reflections/2020/03/18/ecological-reflections-on-the-corona-virus/> (дата обращения: 13.12.2021).

Shiva V. *Oneness vs the 1%: Shattering Illusions, Seeding Freedom*. London: Chelsea Green Publishing, 2020 c. 208 p.

Shiva V.: *Why Treating Coronavirus Crisis as a War Will Not Work* // *RT*. 2020 d. May 4. URL: <https://www.rt.com/shows/going-underground/487626-coronavirus-war-treating-shiva/> (дата обращения: 15.12.2021).

Binctin B., Vénétitay G. Vandana Shiva : «Avec le coronavirus, Bill Gates met en place son agenda sur la santé» // *Basta! Décrypter Résister Inventer*. 2020. May 22. URL: <https://basta.media/Vandana-Shiva-fondation-Bill-Gates-philanthropie-capitalisme-neo-colonialisme-covid-Inde> (дата обращения: 16.12.2021).

References

Basu N. Covid-19 different from Tiananmen, China won't be able to tide over crisis: Ex-NSA Menon. *The Print*. 2020. May 7. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:VuJHx5XE1i4J:https://theprint.in/india/covid-19-different-from-tiananmen-china-wont-be-able-to-tide-over-crisis-ex-nsa-menon/416313/+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (date of access: 26.01.2022).

Chopra R. Interview – Shivshankar Menon // *E-International Relations*. 2021. November 18. URL: <https://www.e-ir.info/2021/11/18/interview-shivshankar-menon/> (date of access: 12.12.2021).

Gilani I. COVID-19 Hits Globalization, Multilateralism Hard, Experts Say. *Anadolu Agency*. 2020. April 15 <https://www.aa.com.tr/en/economy/covid-19-hits-globalization-multilateralism-hard-experts-say/1805349#> (date of access: 1.12.2021).

Krishnan A. Independent Probe Will Give China Credibility: Shivshankar Menon. *The Hindu*. 2020. May 6. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/independent-probe-will-give-china-credibility-shivshankar-menon/article31520876.ece> (date of access: 9.12.2021).

Laudicina P. Episode 12: China, the US, and the new geopolitical order with Kishore Mahbubani. About Kishore Mahbubani. Kearney. Global Policy Council (DBPC). 2020 URL: <https://www.kearney.com/ru/web/global-business-policy-council/coronavirus-a-world-transformed/episode-12-china-the-us-and-the-new-geopolitical-order-with-kishore-mahbubani> (date of access: 6.12.2021).

Mahbubani K. *Can Asians Think?* Singapore: Marshall Cavendish International (Asia) Private Limited, 2009. 283 p.

Mahbubani K. The World After COVID-19: Kishore Mahbubani on the Dawn of the Asian Century. The Economist. 2020 a. April 20. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2020/04/20/kishore-mahbubani-on-the-dawn-of-the-asian-century> (date of access: 5.12.2021).

Mahbubani K. East Asia's New Edge. The Japan Times. 2020 b. July 26. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/07/26/commentary/world-commentary/east-asias-new-edge/> (date of access: 6.12.2021).

Mahbubani K. How East Asia Has Controlled Coronavirus, and What It Means for Its Recovery. World Economic Forum. 2020 c. July 29. URL: https://www.weforum.org/global_future_councils/gfc-on-china/articles/asia-china-singapore-vietnam-covid19-coronavirus-government (date of access: 6.12.2021).

Mahbubani K. Kishore Mahbubani Says More... // Project Syndicate. 2020 d. November 24. URL: <https://www.project-syndicate.org/say-more/an-interview-with-kishore-mahbubani-2020-11> (date of access: 6.12.2021).

Mahbubani K. What Do US Capitol Attack and the West's COVID-19 Death Rates Have in Common? The Straits Times. 2021 a. February 2. URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/what-do-us-capitol-attack-and-the-west-s-covid-19-death-rates-have-in-common> (date of access: 7.12.2021).

Mahbubani K. The competent Asian Century. The World After the Coronavirus // Foreign Policy. 2021 b. January 2. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/01/02/2021-coronavirus-predictions-global-thinkers-after-vaccine/> (date of access: 7.12.2021).

Mathur B. Most Pathogens That Have Impacted Humans in Last 50 Years Came from Deforestation: Conservation Activist Vandana Shiva. NDTV. 2020. May 5. URL: <https://special.ndtv.com/coronavirus-61/news-detail/most-pathogens-that-have-impacted-humans-in-last-50-years-came-from-deforestation-conservation-activist-vandana-shiva-2223506/7> (date of access: 6.12.2021).

Menon S. India & China in the Post-Covid World. ICS Analysis. Delhi: Institute of Chinese Studies. 2020 a. N 104. June. URL: <https://www.icsin.org/publications/india-china-in-the-post-covid-world> (date of access: 9.12.2021).

Menon S. Effects of COVID-19 on South Asia's International Relations. ISAS Brief. Singapore: National University of Singapore, 2020 b. N 788. June 3. URL: <https://www.isas.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2020/06/788.pdf> (date of access: 9.12.2021).

Menon S. The Crisis in India-China Relations // ICS Occasional Paper. Delhi: Institute of Chinese Studies, 2020 c. N 63. November. URL: <https://www.icsin.org/uploads/2020/12/15/25da5b22cbfc731c25bd931c20127ca8.pdf> (date of access: 12.12.2021).

Menon S. Preface // India's Marathon: Reshaping the Post-Pandemic World Order / ed. by P. Kotasthane, A. Kanisetti, N. Pai. Bangalore: Takshashila Institution Press, 2020 d. P. 7–9.

Menon S. India and Asian Geopolitics: The Past, Present. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2021. 406 p.

Mikhel D.V. Intellekтуалы obsuzhdaiut pandemiiu COVID-19: diskussii o koronaviruse kak novoe kul'turnoe yavlenie [Intellectual community discusses the COVID-19 pandemic: the coronavirus debate as a new cultural phenomenon]. Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. 2021. N 6. P. 62–80. (In Russ.)

Mikhel D.V., Mikhel I.V. «Opasnaya kultura» i opasnye infektsii: kitayskie epodemii v zapadnom meditsinskom vospriyatii [«Dangerous culture» and dangerous infections: Chinese epidemics perceived by western medical community]. Chelovek. 2020. N 6. P. 129–146. (In Russ.)

Mikhel I.V. Indiyanskiy vzglyad na globalizatsiyu: analiz bioeticheskikh idey Vandany Shivy [Indian view of globalization: an analysis of the bioethical ideas of Vandana Shiva]. Istoriya. 2019. N 11 (85). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42542346> (In Russ.)

Mukhopadhyay A. Kishore Mahbubani: COVID-19 'Enhanced China's Position in the World Order'. Deutsche Welle. 2020. April 30. URL: <https://www.dw.com/en/kishore-mahbubani-covid-19-enhanced-chinas-position-in-the-world-order/a-53290579> (date of access: 5.12.2021).

Pang T. Dealing with the Pandemic: Lessons Learnt and the Way Forward. Asia Society. Australia, 2020. October 12 URL: <https://southeastasiacovid.asiasociety.org/dealing-with-the-pandemic-lessons-learnt-and-the-way-forward/> (date of access: 5.12.2021).

Shiva V. The Pandemic Is a Consequence of the War Against Life // In These Times. 2020 a. September 27. URL: <https://inthesetimes.com/article/vandana-shiva-bill-gates-war-against-life-extinction-pandemic> (date of access: 12.12.2021).

Shiva V. Ecological Reflections on the Corona Virus. Navdanya. JIVAD – The Vandana Shiva Blog. March 18, 2020 b. URL: <https://www.navdanya.org/bija-reflections/2020/03/18/ecological-reflections-on-the-corona-virus/> (date of access: 13.12.2021).

Shiva V. Oneness vs the 1%: Shattering Illusions, Seeding Freedom. London: Chelsea Green Publishing, 2020 c. 208 p.

Shiva V.: Why Treating Coronavirus Crisis as a War Will Not Work // RT. 2020 d. May 4. URL: <https://www.rt.com/shows/going-underground/487626-coronavirus-war-treating-shiva/> (date of access: 15.12.2021).

Binctin B., Vénéitay G. Vandana Shiva : «Avec le coronavirus, Bill Gates met en place son agenda sur la santé». Basta! Décrypter Résister Inventer. 2020. May 22. URL: <https://basta.media/Vandana-Shiva-fondation-Bill-Gates-philanthropic-capitalisme-neo-colonialisme-covid-Inde> (date of access: 16.12.2021).

Е.Ш. Гонтмахер

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ COVID-19

***Аннотация.** Пандемия COVID-19 оказывает существенное влияние на российские общественные процессы. Однако, как показывают опросы, люди намного больше озабочены такими долгоиграющими текущими проблемами, как рост цен, бедность, качество работы системы здравоохранения. Это объясняется высокой степенью приспособляемости российского общества к реалиям пандемии и недооценкой ее медицинских последствий.*

Но если пандемия продлится еще несколько лет, в случае сохранения избыточной смертности на высоком уровне, общественное мнение, скорее всего, будет реагировать на COVID-19 более остро. Однако это предположение может не оправдаться из-за того, что дальнейшее ухудшение социальных стандартов жизни (снижение реальных доходов и качества предоставления нековидных медицинских услуг, ухудшение среды обитания), идущее с 2014 г., может стать более мощным триггером для роста общественной тревоги, чем пандемия.

Кампания по вакцинации от COVID-19 выявила то, что вызревало в российском обществе достаточно давно: отчуждение основной части взрослого населения от государства как института. Казалось бы, все рациональные аргументы специалистов призывают к вакцинированию, но во многих случаях это перекрывается подсознательным убеждением, что если к этому призывает государство, значит здесь скрывается какой-то подвох. Это настроение в массовом сознании поддерживается низкопробной пропагандой в СМИ, а также растущим недоверием к государственной статистике.

Длительный стресс, связанный с ухудшением качества жизни и неясностью перспектив перелома этой тенденции, приводит ко все большему эмоциональному «выгоранию» значительных групп населения и, прежде всего, малообеспеченных семей и «класса ниже среднего». Пандемия COVID-19 серьезно обострила ситуацию. Адекватно ответить на эти вызовы, а значит обеспечить успешное будущее России, могут только совместные действия государства и общества. Но нынешняя ситуация – со все более неэффективным и архаичным государством и постепенно выгорающим обществом – создает реальные риски для решения этой жизненно важной для страны задачи. Поэтому главным вызовом для нынешней России является избавление ее от этой институциональной и эмоциональной неустроенности.

Ключевые слова: общество; COVID-19; социально-экономические перспективы; эмоциональное выгорание.

Гонтмахер Евгений Шлёмович – доктор экономических наук,
профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики». Россия, Москва.
E-mail: e.gont53@gmail.com
Scopus Author ID: 56538613900

Gontmakher E.Sh. Russian society in the era of the COVID-19 pandemic

Abstract. *The COVID-19 pandemic continues to have a significant impact on Russian social processes. However, surveys show that people are much more concerned about such long-running current problems as rising prices, poverty, and the quality of the healthcare system. This is due to the high degree of adaptability of Russian society to the realities of the pandemic and the profound underestimation of its medical consequences.*

But if the pandemic continues for a few more years, with excess mortality remaining high, public opinion is likely to react more acutely to COVID-19. However, this assumption may not be justified due to the fact that further deterioration of social standards of living (decline in real incomes and quality of provision of non-standard medical services, deterioration of the living environment), which has been going on almost continuously since 2014, may become a more powerful trigger for the growth of public anxiety than a pandemic.

The COVID-19 vaccination campaign has revealed something that has been maturing in Russian society for quite a long time: the conscious alienation of the majority of the adult population from the state as an institution. Despite all rational arguments of the experts calling for vaccination, in many cases this is overlaid by the subconscious belief that if the state calls for this, then there is some kind of a catch hidden here. This mood in the mass consciousness is supported by low-grade propaganda in the media, as well as a growing distrust of government statistics.

Prolonged stress associated with the deterioration of the quality of life and the uncertainty of the prospects for reversing this trend leads to an increasing emotional «burnout» of significant groups of the population and, above all, low-income families and the lower-middle class. The COVID-19 pandemic has seriously aggravated the situation. Only joint actions of the state and society can adequately answer them and therefore ensure the successful future of Russia. But the current situation, characterized by an increasingly inefficient and archaic state and a gradually fading society, creates real risks for solving this vital task for the country. Therefore, the main challenge for today's Russia is to rid it of this institutional and emotional disorder.

Keywords: *society; COVID-19; socio-economic prospects; emotional burnout.*

Gontmakher Evgeniy Shlemovich – Doctor of Science (Economics),
National Research University Higher School of Economics.
Russia, Moscow.
E-mail: e.gont53@gmail.com
Scopus Author ID: 56538613900

Современное общество успело отвыкнуть от эпидемий, которые переходят в стадию пандемии, поражая сотни миллионов людей несмотря ни на какие заградительные меры. Последний такой эпизод был связан с «испанкой» в 1918–1920 гг., которой переболели не менее 550 млн человек, или около 30% тогдашнего населения Земли (см. об этом: [Испанский грипп])¹. Но оказала ли «испанка» какое-либо влияние на общественно-политические процессы – вопрос открытый. Дело в том, что именно в это время разворачивались тектонические исторические события – Русская революция и распад Австро-Венгерской и Германской империй, которые были спровоцированы начавшейся еще в 1914 г. Первой мировой войной.

Нынешняя пандемия разворачивается в условиях стабильности основных общественно-политических институтов как в развитых странах, так и в России: 2020–2021 гг. не привели к досрочным выборам в европейских странах, в США, Канаде, Австралии или Новой Зеландии. Возможно, только в США победа Джоозефа Байдена над Дональдом Трампом в некоторой степени была одержана из-за провалов последнего в борьбе с COVID-19. В России в разгар пандемии в июле 2020 г. успешно для власти прошло всенародное голосование по поправкам в Конституцию, а затем в сентябре 2021 г. без неожиданностей закончились выборы в Государственную думу.

Но значит ли это, что пандемия никак не повлияла на глубинные основания российского общества?

1. О чем говорят социология и официальная статистика?

1.1. Общественные настроения

Согласно данным Левада-центра², ответы на вопрос «Дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении или страна движется по неверному пути?» распределились следующим образом (табл. 1):

Таблица 1

В процентах от общего числа ответов	01.2020	06.2020	01.2021	06.2021	12.2021
В правильном направлении	52	43	49	49	48
По неверному пути	39	41	40	43	44
Затрудняюсь ответить	10	16	10	8	8

Источник: [Оценка текущего положения...].

1. Испанский грипп // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Испанский_грипп#:~:text=Испанский%20грипп%20или%20«испанка»%20\(фр.,\(около%2030%20%25%20населения%20планеты\)\)&date=28.01.2022](https://ru.wikipedia.org/wiki/Испанский_грипп#:~:text=Испанский%20грипп%20или%20«испанка»%20(фр.,(около%2030%20%25%20населения%20планеты))&date=28.01.2022).

2. Внесен Минюстом РФ в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов.

Как видно, пандемия ухудшила отношение к проводимой в стране политике. Разрыв между двумя главными вариантами ответов уменьшился с 13 до 4 процентных пунктов. Какие же факторы общественной жизни повлияли на этот тренд?

Ответы на задаваемый Левада-центром в феврале 2021 г. вопрос «Какие из следующих проблем нашего общества тревожат вас больше всего, и вы считаете их самыми острыми?» распределились так, как это показано на рисунке 1.

Интересно, что про коронавирус респонденты ничего не сказали, указав только на «недоступность многих видов медицинского обслуживания» (четвертый по значимости ответ). А вот по опросам ВЦИОМ в 2021 г. людей больше всего волновал вопрос охраны здоровья «и в пандемическом ключе, и не в пандемическом», на втором месте – инфляция, на третьем – доходы населения [ВЦИОМ: в 2021 году...].

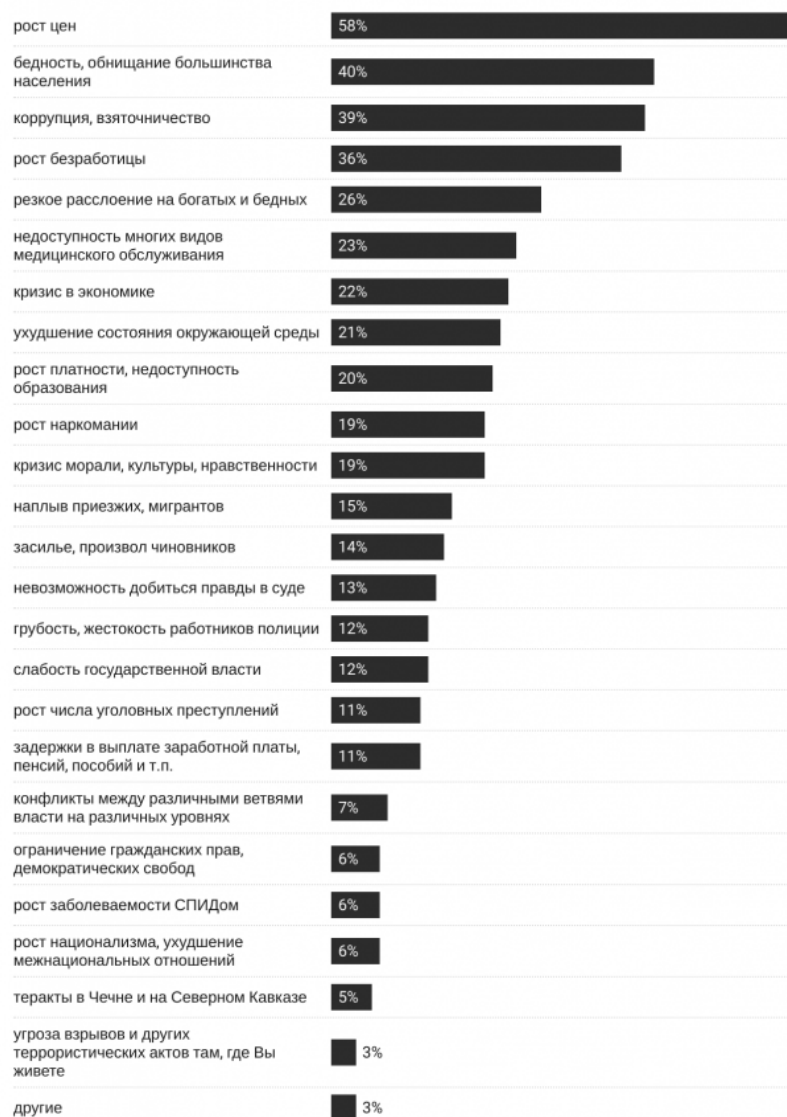
Несмотря на кажущуюся разницу в цифрах оба социологических агентства зафиксировали один и тот же феномен: людей волнует качество российского здравоохранения, а пандемия лишь еще больше обострила это ощущение. Но почему пандемия не вышла на уверенное первое место в тревогах россиян? Здесь можно высказать три предположения:

- люди все еще верят в то, что COVID-19 как пришел внезапно, так внезапно и довольно скоро уйдет;
- ослабление ограничений после жесткого локдауна весны 2020 г. и фактическое возвращение к прежней жизни, к которой прибавился только масочный режим и изредка необходимость показывать QR-код;
- несмотря на высокую избыточную смертность (только в 2021 г. – 1 млн человек [Демограф Алексей Ракша...]), люди недооценивают масштаб этого явления из-за *устойчиво высокой доковидной смертности* в России. Только в 2019 г. умерли 1,8 млн человек [Демография], из них значительная часть – это мужчины, не достигшие пенсионного возраста (во многих регионах до 65 лет по таблицам смертности 2019 г. не доживали 60% мужчин [Иванова, Сейбиль 2020]).

Конечно, если пандемия продлится еще несколько лет и избыточная смертность продолжит быть высокой, общественное мнение, скорее всего, будет реагировать на COVID-19 более остро. Но это предположение может не оправдаться из-за того, что дальнейшее снижение социальных стандартов жизни (снижение реальных доходов и качества предоставления нековидных медицинских услуг, ухудшение среды обитания), наблюдающееся практически непрерывно с 2014 г., может стать более мощным триггером для роста общественной тревоги, чем пандемия.

Какие из следующих проблем нашего общества тревожат вас больше всего, и вы считаете их самыми острыми?

в %% опрошенных

Левада-Центр, @levada_center, принудительно признан иноагентом
Создано с помощью Datawrapper

Рис. 1

Источник: [Проблемы общества].

Этот сценарий с точки зрения взгляда из января 2022 г. представляется более вероятным, если, конечно, власть не предпримет каких-либо остро непопулярных решений по борьбе с COVID-19 типа жесткого введения QR-кодов, фактически дискриминирующих невакцинированных людей, которых в России в конце 2021 г. все еще было большинство [В России вакцинировалась...].

1.2. Социально-экономическая обстановка

Согласно официальным данным, в 2020 г. ВВП России упал на 3,1% [Росстат представляет...], в то время как мировая экономика показала падение в размере 4,3% [В ООН подвели...]. Однако надо иметь в виду, что в результате пандемии больше всего страдает так называемый сервисный сектор, который в экономике России занимает не столь значительное место, как в развитых странах. Получается, что архаичная структура российской экономики, построенная, прежде всего, на экспорте минерального сырья (нефть, газ, металлы, древесина, зерно), оказалась более устойчивой в условиях ограничений, связанных с пандемией COVID-19.

Что произошло с сектором услуг? Росстат проводит специальные ежеквартальные обследования этого сектора. Вот, в частности, какова была разность долей респондентов, отметивших объем оказанных услуг как «более, чем достаточный (выше нормального), благоприятная ситуация» и «недостаточный (ниже нормального), неблагоприятная ситуация» в обследуемом периоде (в процентах, сезонность не исключена) (табл. 2):

Таблица 2

Уровень в текущем квартале	I	II	III	IV
2019	– 43	– 40	– 36	– 38
2020	– 38	– 68	– 59	– 55
2021	– 51	– 41	– 37	

Источник: [Опережающие индикаторы...].

Изменения индекса предпринимательской активности в секторе услуг, рассчитываемого как среднее арифметическое значение балансов оценок фактического изменения спроса на услуги, экономического положения организаций в текущем квартале по сравнению с предыдущим кварталом, а также ожидаемого изменения спроса на услуги в следующем квартале (в процентах, сезонная составляющая не исключена), представлены в таблице 3:

Таблица 3

	I	II	III	IV
2019	– 8	1	1	– 6
2020	– 8	– 40	– 9	– 19
2021	– 8	3	– 1	

Источник: [Опережающие индикаторы...].

Как видим, картина более оптимистическая по сравнению с оценкой объема фактически оказанных услуг. Только во втором квартале 2020 г. предприниматели из сервисной экономики выразили крайне тревожные оценки. Затем они выправились, хотя свидетельствуют скорее о рецессии, чем о выздоровлении этого сектора.

А каковы предпринимательские ощущения во флагманском секторе российской экономики – добыче полезных ископаемых? Росстат в этом случае замеряет их как среднее арифметическое значение балансов оценок фактически сложившихся уровней спроса (портфеля заказов), запасов готовой продукции (берется с обратным знаком), а также ожидаемого выпуска продукции (табл. 4, в %).

Таблица 4

месяцы	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
2019	– 1	0	1	3	1	1	1	0	0	– 2	– 4	– 4
2020	– 3	– 3	– 3	– 5	– 6	– 4	– 3	– 2	– 3	– 3	– 4	– 4
2021	– 3	0	– 1	– 1	0	– 1	0	– 1	0	0	0	

Источник: [Опережающие индикаторы...].

В этом секторе, как видно, несмотря на пандемию, ничего особенного не произошло. Экспорт сырья из России продолжился, более того – цены на мировом рынке были весьма благоприятны. Например, цена нефти марки Brent в январе 2020 г. составила 62,48 долл. США за баррель, к декабрю того же года она снизилась до 49,65 долл., но уже в марте 2021 г. выросла до 65,83 долл. [Цена на нефть...]. В декабре 2021 г. цена увеличилась почти до 80 долл. [Динамика цен...]. Аналогичные тренды наблюдались по природному газу и металлам.

А если взять бюджетный сектор экономики, который охватывает образование, здравоохранение, культуру, социальную защиту, государственное

управление, то там никаких сколько-нибудь заметных изменений в оплате труда работников не произошло. Более того, в здравоохранении были значительно увеличены зарплаты тем, кто работает в «ковидных» зонах.

Таким образом, сказать, что ковидные 2020–2021 гг. что-то серьезно меняли в социально-экономическом положении населения и его настроениях, было бы большим преувеличением. Более того, в этот период были произведены неоднократные разовые выплаты пенсионерам и семьям с детьми, а также произведены компенсации утраченной зарплаты (на уровне МРОТ) ряду малых предприятий. Это позволило смягчить падение реальных доходов у целого ряда социальных групп. В третьем квартале 2021 г., по оценке Росстата, за чертой бедности находились 16 млн россиян – на 2,8 млн меньше, чем годом ранее [Ткачёв 2021]. Правда, такую сверхоптимистичную картину несколько портят постоянные метания Росстата с методикой определения масштабов бедности³. Тем не менее фактом остается предотвращение резкого ухудшения материального положения большинства россиян.

Единственная неприятная новелла, которая портит эту экономическую благость, – инфляция. Рост цен стал ощутимым в повседневной жизни и распространился на самые необходимые предметы потребления. Например, продукты питания за 2021 г. подорожали, по официальным данным, в целом на 10,6% [Деготькова 2021], а некоторые из них, в частности яйца и куриное мясо, более чем на 20% [Королева 2021]. Это неизбежно рождает неприятные ощущения от происходящего в стране у большинства населения, особенно у его малообеспеченной части.

Связать ускорившийся рост цен с пандемией COVID-19 в обыденном сознании весьма сложно. Для объяснения этого феномена используются причины, связанные с мировыми трендами – массовым впрыскиванием наличных денег в экономику США и других развитых стран, что, конечно, связано с социальной поддержкой населения из-за экономического кризиса, вызванного пандемическими локаутами. В России есть свои специфические причины для роста цен – это широко распространенный монополизм товаропроводящих сетей (или их ценовые сговоры между собой); неудачное регулирование соотношения экспорта и продажи на внутреннем рынке целого ряда продовольственных товаров (зерно, сахар, подсолнечное масло); неурожай картофеля и ряда других овощей [Сухорукова 2021].

Сделанный выше обзор общественных настроений и социально-экономической обстановки в РФ позволяет сделать предварительный вывод о том, что несмотря на пандемию российское население вполне бесконфликтно проходит этот период и даже во многом приспособилось к новым реалиям

3. См., например: [Гонтмахер 2021].

типа масочного режима и повышенной смертности. COVID-19 никак не поколебал основ российского общественно-политического устройства, сложившегося за последние десятилетия.

Такой вывод подтверждается и данными о потенциальной протестной активности в России. Согласно опросам Левада-центра, если в ноябре 2019 г. 30% респондентов считали, что протесты с экономическими требованиями вполне возможны, а 25% приняли бы в них участие, то в ноябре 2021 г. эти цифры даже несколько снизились, составив, соответственно, 30 и 21% [Протестные настроения]. Что касается протестов с политическими требованиями, то и здесь наблюдается схожая тенденция. Если в ноябре 2019 г. 29% опрошенных считали, что они возможны, а 19% готовы были бы принять в них участие, то в ноябре 2021 г. эти цифры снизились до, соответственно, 27 и 17% [Протестные настроения].

Однако сформулированный выше предварительный вывод требует верификации в более широком контексте, чем только пандемия COVID-19. На самом деле 2020–2021 гг. стали, несмотря на кажущуюся общественно-политическую стабильность, периодом весьма важным, если не судьбоносным, для долгосрочного будущего России.

2. Глубинные общественно-политические тренды российского развития

2.1. Отчуждение между властью и обществом

Кампания по вакцинации от COVID-19 выявила то, что вызревало в российском обществе достаточно давно: сознательное отчуждение основной части взрослого населения от государства как института. Несмотря на призывы вакцинироваться (в противном случае – тяжело заболеешь и даже умрешь), люди не только не спешили этого делать из-за лени, нехватки времени и других подобных причин, но и встали в сознательную позицию отказа. Речь идет не о незначительном, маргинальном меньшинстве населения, а, видимо, о десятках процентов от его численности.

Казалось бы, все рациональные аргументы специалистов призывают к вакцинированию, но во многих случаях это перекрывается подсознательным убеждением, что если к этому призывает государство, то значит здесь скрывается какой-то подвох. Распространенный аргумент «отказников»: это очередной повод для зарабатывания денег фармацевтической мафией, которая, конечно же, делится с чиновниками. К этому прибавляется мнение о том, что российская вакцина недоработана и малоэффективна, а в массовый оборот была запущена чтобы, опять-таки, заработать на этом деньги.

Теперь, когда пандемия бушует уже два года, нужно признать, что «анти-ваксерное» движение родилось не на пустом месте. Давайте вспомним взаимоотношения государства и общества в России хотя бы за последние 30 лет.

В глубинной памяти людей отпечатались 90-е годы с их социальными бедствиями: обесценение вкладов, стремительное падение практически на 50% реальных доходов [Бедность и доходы] из-за либерализации цен в 1992 г., дефолт 1998 г. В 2000-х жить стало лучше из-за стремительного роста цен на российское экспортное сырье, и люди стали осторожно поворачиваться к государству лицом, надеясь, что оно обеспечит им светлые перспективы навсегда. Присоединение Крыма внесло в это настроение мощную великодержавную ноту.

Однако начавшееся в 2014 г. затяжное падение уровня жизни (к началу пандемии COVID-19 реальные доходы в среднем уменьшились на 7% [Уровень жизни]) сильно поколебало зародившиеся симпатии по отношению к государству. А повышение пенсионного возраста, объявленное в 2018 и начавшееся в 2019 г., эти симпатии быстро уничтожило. Достаточно посмотреть на динамику рейтингов доверия к В.В. Путину, который возглавляет и олицетворяет современное российское государство. Согласно опросам Левада-центра, в марте 2014 г. 80% опрошенных одобряли деятельность Владимира Путина, затем этот уровень повысился до 88% в октябре того же года. Но в конце 2018 г. этот показатель опустился ниже 65% и практически не менялся до самого начала пандемии [Президентские рейтинги...].

Параллельно в обществе нарастал подспудный запрос на перемены. Люди начали понимать, что социальная и экономическая стагнация последних лет вряд ли может быть прервана без каких-либо значимых изменений. Доля россиян, выступающих за решительные перемены в стране, выросла за 2017–2019 гг. с 42 до 59% – таковы данные совместного исследования Московского центра Карнеги и «Левада-центра». За незначительные изменения выступает – 31%, а 8% никаких перемен не нужно. По мнению 53% респондентов, такие реформы возможны лишь при условии серьезного изменения политической системы, а на перемены с сохранением существующей системы согласны 34%. Эти цифры не говорят о полной готовности людей к смене власти, но означают, что в обществе нарастает недовольство [Волков, Колесников 2019], которое пока выражается в отмеченном выше нигилизме и психологическом неприятии того, что делает государство.

Необходимо отметить, что общественное недоверие подогревается весьма неуклюжей, допотопной государственной информационной политикой. Федеральные телеканалы, контролируемые государством, «кормят» своих зрителей низкопробными шоу, где вместо дискуссий на насущные темы происходит крикливая клоунада, рассчитанная на крайне низкий образовательный и личностный уровень зрителей. Неудивительно, что эффективность та-

кой пропаганды крайне низка и люди, особенно молодые поколения, все больше перемещаются в Интернет для того, чтобы получить интересующую их информацию и включиться в одну из социальных сетей.

Важным фактором, усиливающим глубинное недоверие к государству, является и качество государственной статистики. Упомянутые выше федеральные телеканалы и другие подконтрольные государству СМИ регулярно сообщают о таком уровне инфляции, который не воспринимается общественным мнением как достоверный. То, что цены растут как-то аномально быстро, уже, кажется, признали все вплоть до руководителей страны. Официально объявленная инфляция по итогам 2021 г. превысила 8%. Но общественное мнение дружно говорит: «Не верю».

Инфляция рассчитывается по изменениям стоимости потребительской корзины, которая включала в 2021 г. 556 товаров и услуг. Там, в частности, 20 видов мяса и мясопродуктов, включая самые деликатесные. Есть и стоимость организованных туристических поездок в Грецию и Китай. А с 2021 г. в корзину включаются стоимость дня проживания в гостиницах разного типа (от хостела до «пяти звезд»), туризм в Турцию и ОАЭ, подписки на онлайн- и видеосервисы, а также услуги по аренде автомобиля (каршеринг) [Приказ о структуре...].

Но кто в России может себе позволить приобретать товары и услуги в соответствии с этой корзиной? Это в основном семьи из городов-миллионников, имеющие доходы не ниже средних по своему месту жительства. В Москве, например, до пандемии COVID-19 среднедушевой доход составлял 75 тыс. руб. в месяц, в Санкт-Петербурге – около 50 тыс. руб. [Уровень жизни] и так далее по нисходящей. Но и в этих городах распределение доходов крайне неравномерно. Поэтому выше среднего уровня – явное меньшинство жителей, которым посчастливилось хорошо зарабатывать. Именно их потребление строится на упомянутой выше потребительской корзине.

А как же большинство, те кто составляют подавляющую часть жителей средних и малых городов, сел и деревень? Их потребительская корзина весьма примитивна. В нее входят самые элементарные продукты питания (хлеб и хлебопродукты, картофель, овощи из «борщевого набора», сахар, подсолнечное масло, молоко, самые дешевые мясо и колбаса). К этому прибавляются платежи за квартиру и коммунальные услуги, средства гигиены, лекарства. На оставшиеся гроши (если они, конечно, остаются) покупается самая дешевая одежда и обувь. Как показывают многочисленные обследования, у большинства российских семей нет даже символических сбережений⁴, что ставит их в невыносимую ситуацию, если возникают экстренные расходы, напри-

4. См., например: [Старостина 2020].

мер, на стоматологию, сбор детей в школу. Неслучайно Президент распорядился выдать к началу 2021 / 2022 учебного года пособия родителям каждого школьника.

Для этой потребительской корзины ситуация с ростом цен несколько иная, чем для относительно зажиточного меньшинства. Например, в течение 2020 г. подсолнечное масло подорожало в среднем по России на 25%, куриные яйца – на 15, сахар-песок – на 64,5, макаронные изделия – на 12, картофель – на 34, яблоки – на 20%. Даже хлеб и хлебобулочные изделия выросли в цене на 9% [Цены]. При этом, согласно тем же официальным данным, рост «индекса потребительских цен на товары и услуги» в России, если сопоставить декабрь 2020 и декабрь 2019 г., составил всего лишь 4,9% [Таблицы инфляции].

Подводя итоги теме отчуждения между обществом и государством, надо отметить, что оно носит *глубинный характер* и поэтому преодолеть его очень быстро практически невозможно. Нужны годы, а возможно, десятилетия кропотливых усилий прежде всего государства для того, чтобы этот феномен начал хотя бы уменьшаться в своем масштабе. Наилучший рецепт: столь же глубинные перемены (если угодно, реформы) в основополагающих институтах политической, экономической, социальной и общественной жизни. Их может инициировать только само государство, потому что противоположный вариант – это революция, лимит на которые, по выражению президента Путина, мы исчерпали еще в XX в. [Путин заявил...]. Есть и третий вариант, который связан с быстро идущим выгоранием российского общества.

2.2. Выгорание российского общества: вклад пандемии COVID-19

Термин «выгорание» появился в свое время по отношению к трудовой деятельности. Это эмоциональное переутомление, связанное с длительным нахождением в состоянии стресса [Пережогин 2021]. Но в последнее время «выгорание» можно увидеть и у больших групп людей, уставших, например, от постоянной гонки за выживание. В частности, это относится к так называемым «потомственным бедным», т.е. людям, которые выросли в бедных семьях и продолжают оставаться в таком положении уже с собственными детьми [Мареева 2015].

Можно с уверенностью предположить, что значительная часть бедных россиян, по официальным данным в конце III квартала 2021 г. их насчитывалось 16 млн (или 11% от всего населения) [Росстат назвал ...], относится к «потомственным» пауперам. Но если считать бедность, исходя из определения «малообеспеченности», т.е. жизни, не соответствующей принятым в российском обществе представлениям о «нормальности» (минимальный

потребительский бюджет), то речь уже пойдет о десятках миллионов человек [Мелик-Шахназарова 2019].

Экономический подъем 2000-х оказался слишком коротким для того, чтобы сколько-нибудь значительно снизить «потомственную бедность». Уже в начале 2010-х появились признаки стагнации в динамике реальных доходов, особенно в наименее обеспеченных группах населения. А с 2014 г. наблюдается постепенное, но неуклонное снижение уровня и качества жизни большинства населения. Пандемия COVID-19 здесь мало что поменяла: после падения доходов в 2020–2021 гг. наблюдался их восстановительный рост, который в ближайшие годы, скорее всего, снизится до символических величин.

Однако необходимо отметить, что, кроме малообеспеченных людей, длительный стресс, приводящий к выгоранию, в России наблюдается и у другой, не менее значимой группы – «класса ниже среднего» [Малева, Бурдяк, Тындик 2015]. Это та часть общества, которая расположена между малообеспеченными людьми и нижней стратой среднего класса. В России это не менее половины населения [Малева, Бурдяк, Тындик 2015, с. 117], куда входят самые разнообразные социальные слои, но прежде всего бюджетники, а также лица, занятые в малом и среднем бизнесе.

Главной характеристикой «класса ниже среднего» является его стремление подняться выше по социальной лестнице и войти в состав хотя бы нижнего среднего класса. Но для этого нужна не просто стабильность материального положения, но и его улучшение. За последние десять лет ситуация складывается скорее обратным образом. Экономическая стагнация и снижение реальных доходов отражается, прежде всего, на той части «класса ниже среднего», который связан с малым и средним бизнесом. Тем самым эта группа населения уже достаточно давно психологически напряжена из-за неясности своих жизненных перспектив. На этот фон, способствующий массовому «выгоранию» «класса ниже среднего», наложилась пандемия COVID-19, нанеся мощнейший удар по так называемой «сервисной» экономике, в которой массово занята эта социальная группа.

Ухудшение материального положения затронуло и бюджетников. Во-первых, в результате идущей уже не первый год «оптимизации» здравоохранения, образования и культуры часть из них лишилась работы, а оставшиеся получили дополнительную нагрузку при непропорционально повысившейся зарплате. Кроме того, инфляция, о которой говорилось выше, наносит значительный ущерб именно бюджетникам, у которых в последние годы практически не проводилась индексация оплаты труда. При этом государство в период пандемии практикует единовременные выплаты в пользу пенсионеров и семей с детьми, в первую очередь из числа малообеспеченных, а «классу ниже среднего» достается лишь очень ограниченная часть этой помощи, так как он не считается нуждающимся.

Все эти обстоятельства, касающиеся как малообеспеченной части населения, так и «класса ниже среднего», определяют рост масштабов «выгорания». С этим связана высокая приспособляемость (очень похожая на обреченность) к ухудшению стандартов жизни и потеря сколько-нибудь ясных перспектив ее изменения в лучшую сторону. В ноябре 2021 г., согласно опросу ФОМ, только 25% ожидали улучшения уровня жизни в ближайшие три-пять лет. Ровно столько же считали, что жизнь станет хуже, остальные ответили, что ничего не изменится [Повышения уровня жизни...].

Такой высокий уровень равнодушия к собственным перспективам говорит о низком эмоциональном потенциале российского общества в целом. А если посмотреть на внутрироссийские различия, то легко понять, что «выгорание» распространяется прежде всего в провинции, за пределами Московской и Санкт-Петербургской агломераций, а также городов-миллионников. Это вносит серьезный вклад в превращение многих регионов в депрессивные и социально неблагополучные. Пандемия COVID-19 этот глубинный тренд еще более усилила.

* * *

Приход пандемии COVID-19 отвлек внимание от поиска ответов на глобальные вызовы, которые стоят перед Россией. Но рано или поздно коронавирус отступит и, ослабев, станет, скорее всего, естественным фоном нашей жизни. И тогда снова на повестку дня будут вынесены такие проблемы как:

- обеспечение устойчивого экономического роста (не менее 5% в год) не только за счет добычи и экспорта минерального сырья, но и во все большей степени благодаря высокотехнологичным, интеллектуальным и «зеленым» отраслям;
- включение российской экономики в мировое хозяйство как одной из наиболее передовых ее частей;
- рост на этой базе общественной производительности труда, а значит и реальных доходов всех основных социальных групп;
- радикальное снижение малообеспеченности и быстрый рост средних классов;
- уменьшение социальных и пространственных различий, что, в свою очередь, неразрывно связано с радикальным улучшением предпринимательского климата для малого и среднего бизнеса.

Адекватно ответить на них – а значит и обеспечить успешное будущее России – могут только совместные действия государства и общества. Но нынешняя ситуация – со все более неэффективным и архаичным государством и постепенно выгорающим обществом – создает реальные риски для решения этой жизненно важной для страны задачи. Поэтому главным вызовом для

нынешней России является избавление ее от этой институциональной и эмоциональной неустроенности. Для этого, судя по всему, предстоит достичь общенационального согласия на проведение системных реформ, по масштабу (но не по содержанию), видимо, не уступающих преобразованиям начала 1990-х годов. Пандемия COVID-19 – хороший повод начать публичную дискуссию о них.

Библиография

Бедность и доходы // Демоскоп Weekly. 2001. 12–25 марта. № 11–12. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/011/tema03.php> (дата обращения: 29.01.2022).

Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен – 2: Почему и как формируется спрос на радикальные изменения / Московский центр Карнеги. 2019. Ноябрь. URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Volkov_Kolesnikov_Rus_Nov2109_final.pdf (дата обращения: 29.01.2022).

В ООН подвели экономические итоги 2020 года // ТАСС. 2021. 5 февр. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/10634307> (дата обращения: 29.01.2022).

В России вакцинировалась почти треть всего населения // НТВ [сайт]. 2021. 12 окт. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2618226/> (дата обращения: 29.01.2022).

ВЦИОМ: в 2021 году россиян больше всего волновала тема охраны здоровья // ТАСС. 2021. 24 дек. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13291739> (дата обращения: 28.01.2022).

Гонтмахер Е. Черта нищеты: с бедностью в России борются путем статистических манипуляций // МК.RU. 2021. 14 дек. URL: <https://www.mk.ru/economics/2021/12/14/cherta-nishhety-s-bednostyu-v-rossii-boryutsya-putem-statisticheskikh-manipulyaciy.html> (дата обращения: 29.01.2022).

Деготькова И. Рост цен в России превысил годовые прогнозы // РБК. 2021. 29 дек. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/12/2021/61cc712a9a79471af62fa210> (дата обращения: 29.01.2022).

Демограф Алексей Ракша: к концу 2021 года избыточная смертность от коронавируса в РФ достигнет миллиона человек // ЕАН: интерактивные новости. 2021. 5 дек. URL: https://eanews.ru/news/raksha-k-kontsu-2021-goda-izbytochnaya-smertnost-ot-koronavirusa-dostignet-milliona_05-12-2021 (дата обращения: 29.01.2022).

Демография // Росстат [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 29.01.2022).

Динамика цен на фьючерсный контракт на нефть Brent (MOEX, USD за баррель) // Yandex. URL: https://yandex.ru/news/quotes/1006.html?appsearch_header=1 (дата обращения: 29.01.2022).

Иванова Е., Сейбиль Н. Возраст НЕдожития: в каждом третьем регионе мужчины не доживают до 65 лет // Новые известия. 2020. 21 окт. URL: <https://newizv.ru/news/society/21-10-2020/vozrast-nedozhitiya-v-kazhdom-tretem-regione-muzhchiny-ne-dozhivayut-do-65-let> (дата обращения: 29.01.2022).

Испанский грипп // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Испанский_грипп#:~:text=Испáнский%20грипп%20или%20«испáнка»%20\(фр.,\(около%2030%20%25%20на_селения%20планеты\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Испанский_грипп#:~:text=Испáнский%20грипп%20или%20«испáнка»%20(фр.,(около%2030%20%25%20на_селения%20планеты)) (дата обращения: 28.01.2022).

Королева А. Курятина взлетела до небес // Эксперт. 2021. 7 окт. URL: <https://expert.ru/2021/10/7/kuryatina-vzletela-do-nebes/> (дата обращения: 29.01.2022).

Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3(27). С. 109–138. URL:

https://www.researchgate.net/publication/305307730_Maleva_TM_Burdak_AA_Tyndik_AO_Sredni_e_klassy_na_razlicnyh_etapah_ziznennogo_puti_Zurnal_NEA_2015_No_3_C_109-138 (дата обращения: 29.01.2022).

Мареева С.В. Обречены жить в бедности. С каждым годом в России все больше людей, которые уже никогда не выберутся из нищеты [Интервью] // Lenta.ru. 2015. 26 марта. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/03/26/bednost/> (дата обращения: 29.01.2022).

Мелик-Шахназарова Е. Минимальный потребительский бюджет // Солидарность: Центральная профсоюзная газета. 2019. 20 июня. URL: <https://www.solidarnost.org/special/profdict/minimalnyu-potrebitelskiy-byudzheta.html> (дата обращения: 29.01.2022).

Опережающие индикаторы по видам экономической деятельности // Росстат [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/leading_indicators (дата обращения: 29.01.2022).

Оценка текущего положения дел в стране // Левада-Центр [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения: 28.01.2022).

Пережогин А. Как бороться с эмоциональным выгоранием // Тинькофф журнал. 2021. 9 авг. URL: <https://journal.tinkoff.ru/burnout-help/> (дата обращения: 29.01.2022).

Повышения уровня жизни в течение трех-пяти лет ожидают около 40% россиян // Интерфакс. 2021. 2 ноября. URL: <https://www.interfax.ru/russia/800868> (дата обращения: 29.01.2022).

Президентские рейтинги и положение дел в стране // Левада-Центр [сайт]. 2021. 4 февр. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/04/prezidentskie-rejtingi-i-polozhenie-del-v-strane/> (дата обращения: 29.01.2022).

Приказ о структуре потребительских расходов населения для расчета индекса потребительских цен / Минэкономразвития России. Росстат. 2021. 4 февр. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/042Hqolh/pr63-%2004.02.2021.pdf> (дата обращения: 29.01.2022).

Проблемы общества // Левада-Центр [сайт]. 2021. 9 марта. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/09/problemu-obshhestva/print/> (дата обращения: 28.01.2022).

Протестные настроения // Левада-Центр [сайт]. 2021. 8 июня. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/08/protestnye-nastroeniya-2/> (дата обращения: 29.01.2022).

Путин заявил об исчерпанном Россией лимите на революции // РБК. 2021. 20 авг. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/611fc1359a79470034df466f> (дата обращения: 29.01.2022).

Росстат назвал число россиян с доходами ниже границы бедности // РИА Новости. 2021. 3 дек. URL: <https://ria.ru/20211203/bednost-1762110612.html> (дата обращения: 29.01.2022).

Росстат представляет первую оценку ВВП за 2020 год // Росстат [сайт]. 2021. 1 февр. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/113015> (дата обращения: 29.01.2022).

Старостина Ю. Большинство россиян оказались без сбережений в кризис. А те, кто имеет накопления, смогут прожить на них максимум полгода // РБК. 2020. 31 марта. URL: <https://www.rbc.ru/economics/31/03/2020/5e7dd7c59a7947c7f63c1e66> (дата обращения: 29.01.2022).

Сухорукова Е. Картофель и морковь оторвались от земли // РБК. 2021. 17 февр. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/02/17/602bc3e29a7947320beea6d1> (дата обращения: 29.01.2022).

Таблицы инфляции. URL: <https://уровень-инфляции.рф/таблицы-инфляции> (дата обращения: 29.01.2022).

Ткачёв И. Росстат впервые оценил число малоимущих исходя из «границы бедности» // РБК. 2021. 3 дек. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/12/2021/61aa34739a7947e24f034e11> (дата обращения: 29.01.2022).

Уровень жизни // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 29.01.2022).

Цены // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/price> (дата обращения: 29.01.2022).

Цена на нефть марки Brent – таблица с 1986 по сегодняшний день // World Table [сайт]. URL: <https://worldtable.info/yekonomika/cena-na-neft-marki-brent-tablica-s-1986-po-20.html> (дата обращения: 29.01.2022).

References

Bednost' i dokhody [Poverty and Income]. Demoskop Weekly. 2001. March 12–25. N 11–12. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/011/tema03.php> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Degot'kova I. Rost tsen v Rossii prevysil godovye prognozy [Price growth in Russia exceeded annual forecasts]. RBK. 2021. December 29. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/12/2021/61cc712a9a79471af62fa210> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Demograf Aleksei Raksha: k kontsu 2021 goda izbytochnaya smertnost' ot koronavirusa v RF dostignet milliona chelovek [Demographer Alexey Raksha: by the end of 2021, excess deaths from coronavirus in Russia will reach a million people]. EAN: interaktivnye novosti [EAN: interactive news]. 2021. December 5. URL: https://eanews.ru/news/raksha-k-kontsu-2021-goda-izbytochnaya-smertnost-ot-koronavirusa-dostignet-milliona_05-12-2021 (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Demografiya [Demography]. Rosstat [website]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Dinamika tsen na f'yuchersnyi kontrakt na neft' Brent (MOEX, USD za barrel') [Price dynamics for a futures contract for Brent oil (MOEX, USD per barrel)]. Yandex. URL: https://yandex.ru/news/quotes/1006.html?appsearch_header=1 (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Gontmakher E. Cherta nishchety: s bednost'yu v Rossii boryutsya putem statisticheskikh manipulatsii [Poverty line: Poverty in Russia is fought through statistical manipulation]. MK.RU. 2021. December 14. URL: <https://www.mk.ru/economics/2021/12/14/cherta-nishchety-s-bednostyu-v-rossii-boryutsya-putem-statisticheskikh-manipulyatsiy.html> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Ispanskij gripp [Spanish flu]. Wikipedia. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Ispanskij_gripp#:~:text=Ispánskiy%20gripp%20ili%20«ispánka»%20\(fr.,\(okolo%2030%20%25%20naselenija%20planety\)\(date of access: 28.01.2022\).](https://ru.wikipedia.org/wiki/Ispanskij_gripp#:~:text=Ispánskiy%20gripp%20ili%20«ispánka»%20(fr.,(okolo%2030%20%25%20naselenija%20planety)(date of access: 28.01.2022).)

Ivanova E., Seibil' N. Vozrast Nedozhitiya: V kazhdom tret'em regione muzhchiny ne dozhivayut do 65 let [Age of NOT surviving: In every third region, men do not live to be 65]. Novye izvestiya. 2020. October 21. URL: <https://newizv.ru/news/society/21-10-2020/vozrast-nedozhitiya-v-kazhdom-tretem-regione-muzhchiny-ne-dozhivayut-do-65-let> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Koroleva A. Kuryatina vzletela do nebes [The chicken flew up to the sky]. Ekspert. 2021. October 7. URL: <https://expert.ru/2021/10/7/kuryatina-vzletela-do-nebes/> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Maleva T.M., Burdyak A. Ya., Tyndik A.O. Srednie klassy na razlichnykh etapakh zhiznennogo puti [Middle classes at different stages of life]. Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]. 2015. N 3(27). P. 109–138. URL: https://www.researchgate.net/publication/305307730_Maleva_TM_Burdak_AA_Tyndik_AO_Srednie_klassy_na_razlicnyh_eta_pah_zhiznennogo_puti_Zurnal_NEA_2015_No_3_C_109-138 (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Mareeva S.V. Obrecheny zhit' v bednosti. S kazhdym godom v Rossii vse bol'she lyudei, kotorye uzhe nikogda ne vyberutsya iz nishchety [Doomed to live in poverty. Every year in Russia there are more and more people who will never get out of poverty [Interview]. Lenta.ru. 2015. 26 March. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/03/26/bednost/> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Melik-Shakhnazarova E. Minimal'nyi potrebitel'skii byudzheth [Minimum consumer budget]. Solidarnost': Tsentral'naya profsoyuznaya gazeta [Solidarity: Central Trade Union Newspaper]. 2019. June 20. URL: <https://www.solidarnost.org/special/profdict/minimalnyy-potrebitelskiy-byudzheth.html> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Operezhayushchie indikatory po vidam ekonomicheskoi deyatel'nosti [Leading indicators by type of economic activity]. Rosstat [website]. URL: https://rosstat.gov.ru/leading_indicators (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Otsenka tekushchego polozheniya del v strane [Assessment of the current state of affairs in the country]. Levada-Tsentr [Levada Center [website]]. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozenie-del-v-strane/> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Perezhogin A. Kak borot'sya s jemocional'nym vygoraniem [How to deal with emotional burnout How to deal with emotional burnout]. Tin'koff zhurnal. 2021. 9 avg. URL: <https://journal.tinkoff.ru/burnout-help/> (date of access: 29.01.2022).

Povysheniya urovnya zhizni v techenie trekh-pyati let ozhidayut okolo 40% rossiyan [About 40% of Russians expect an increase in living standards within three to five years]. Interfaks. 2021. November 2. URL: <https://www.interfax.ru/russia/800868> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Prezidentskie reitingi i polozhenie del v strane [Presidential ratings and the state of affairs in the country]. Levada-Tsentr [Levada Center [website]]. 2021. February 4. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/04/prezidentskie-rejtingi-i-polozenie-del-v-strane/> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Prikaz o strukture potrebitel'skikh raskhodov naseleniya dlya rascheta indeksa potrebitel'skikh tsen [Order on the structure of consumer spending of the population for the calculation of the consumer price index]. Minekonomrazvitiya Rossii. Rosstat [Ministry of Economic Development of Russia. Rosstat]. 2021. February 4. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/042Hqolh/pr63-%2004.02.2021.pdf> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Problemy obshchestva [Society problems]. Levada-Tsentr [Levada Center [website]]. 2021. March 9. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/09/problemy-obshhestva/print/> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Protestnye nastroyeniya [Protest moods]. Levada-Tsentr [Levada Center [website]]. 2021. June 8. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/08/protestnye-nastroyeniya-2/> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Putin zayavil ob ischerpannom Rossiei limite na revolyutsii [Putin announced that Russia has exhausted the limit on revolutions]. RBK. 2021. August 20. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/611fc1359a79470034df466f> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Rosstat nazval chislo rossiyan s dokhodami nizhe granitsy bednosti [Rosstat named the number of Russians with incomes below the poverty line]. RIA Novosti. 2021. December 3. URL: <https://ria.ru/20211203/bednost-1762110612.html> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Rosstat predstavlyaet pervuyu otsenku VVP za 2020 god [Rosstat presents the first estimate of GDP for 2020]. Rosstat [website]. 2021. February 1. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/113015> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Starostina Yu. Bol'shinstvo rossiyan okazalis' bez sberezhenii v krizis. A te, kto imeet nakopleniya, smogut prozhit' na nikh maksimum polgoda [Most Russians found themselves without savings during the crisis. And those who have savings will be able to live on them for a maximum of six months]. RBK. 2020. March 31. URL: <https://www.rbc.ru/economics/31/03/2020/5e7dd7c59a7947c7f63c1e66> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Sukhorukova E. Kartofel' i morkov' otorvalis' ot zemli [Potatoes and carrots off the ground]. RBK. 2021. February 17. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/02/17/602bc3e29a7947320beea6d1> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Tablitsy inflyatsii [Inflation tables]. URL: <https://уровень-инфляции.рф/таблицы-инфляции> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Tkachev I. Rosstat vpervye otsenil chislo maloimushchikh iskhodya iz «granitsy bednosti» [Rosstat for the first time estimated the number of the poor based on the «poverty line»]. RBK. 2021.

December 3. URL: <https://www.rbc.ru/economics/03/12/2021/61aa34739a7947e24f034e11> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Tsena na neft' marki Brent – tablitsa s 1986 po segodnyashnii den' [Brent oil price – table from 1986 to the present day]. World Table [website]. URL: <https://worldtable.info/yeconomika/cena-na-neft-marki-brent-tablica-s-1986-po-20.html> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Tseny [Prices]. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru/price> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Uroven' zhizni [Standard of living]. Rosstat [website]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

V OON podveli ekonomicheskie itogi 2020 goda [The UN summed up the economic results of 2020]. TASS. February 5. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/10634307> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

V Rossii vaktsinirovalas' pochtii tret' vsego naseleniya [In Russia, almost a third of the total population was vaccinated]. NTV [website]. 2021. October 12. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2618226/> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

Volkov D., Kolesnikov A. My zhдем peremen – 2: Pochemu i kak formiruetsya spros na radikal'nye izmeneniya [We are waiting for change – 2: Why and how the demand for radical change is formed]. Moskovskii tsentr Karnegi [Moscow Carnegie Center]. 2019. November. URL: https://carnegieendowment.org/files/Carnegie_Moscow_Article_Volkov_Kolesnikov_Rus_Nov2109_final.pdf (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

VTsIOM: v 2021 godu rossiyan bol'she vsego volnovala tema okhrany zdorov'ya [VTsIOM: in 2021, Russians were most concerned about the topic of health protection]. TASS. 2021. December 24. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13291739> (date of access: 29.01.2022). (In Russ.)

А.В. Белинский

**КОВИД-ДИССИДЕНТЫ И НОВЫЕ ФОРМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ**

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен движения ковид-диссидентов в ФРГ и Австрии. На основании анализа социологических данных автор выделяет три группы, которые составили основу движения. К первой относятся сторонники праворадикальных партий («Альтернатива для Германии», «Австрийская партия свободы») и примкнувших к ним различных экстремистских группировок. Для них участие в протестных акциях против локдауна является продолжением той борьбы против системы, которую они ведут на протяжении уже многих лет. Вторую группу участников протестных демонстраций составляют бывшие сторонники «зеленых» и левых партий, идейным установкам которых противостоят введенные правительством ограничительные меры. И, наконец, третью категорию образуют обычные граждане, для которых пандемия и последовавший локдаун стали сильным психологическим ударом. Отмечается, что у ковид-диссидентов нет четкой идеологии или позитивной программы. Главным образом их объединяет неверие в угрозу со стороны вируса COVID-19, неприязнь к правящей элите, СМИ, а также требование отмены всех ограничений. В своем развитии движение ковид-диссидентов последовательно прошло три этапа. На первом этапе наблюдался рост скептицизма в отношении правительственных мер и создавались группы в социальных сетях. Вторым этапом характеризовался началом первых протестных акций в крупных городах и активной агитацией в Интернете. И, наконец, на третьем этапе произошла радикализация протеста, которая находит свое выражение в стычках с полицией и распространением правопопулистских и экстремистских идей среди протестующих.*

***Ключевые слова:** ковид-диссиденты; пандемия COVID-19; ФРГ; Австрия; локдаун; протестные акции.*

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности
Института научной информации по общественным наукам
РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-3240-2020

Belinsky A.V. Covid deniers and new forms of social movements in Western Europe

Abstract. *The article discusses the phenomenon of covid deniers in Germany and Austria. Based on sociological data, the author distinguishes three groups comprising the body of the movement. Far-right parties (the «Alternative for Germany» and the «Freedom Party of Austria») and numerous extremist factions form the first group. They see protests against lockdowns as a continuation of their long-time battle against the system. The second group is composed of ex-adherents of green and left-wing parties, whose philosophy conflicts with restrictive measures imposed by the governments. And, lastly, the third group are ordinary citizens who were deeply shocked by the pandemic and the lockdowns that followed. The article highlights that covid deniers have neither a clear ideology nor an appealing program. Essentially, they are united by minimizing the Covid-19 danger, resenting the ruling elite and mass media, and their fundamentally demanding to lift all restrictions. The covid denier movement has been through three stages of development. The first stage is associated with the growing skepticism towards actions of the governments and creating social media communities. The second stage features the first protests in major cities and propaganda on the Internet. Finally, at the third stage, we can witness more radical protests leading to clashes with police and propagation of right-wing populist and extremist ideas among protestors.*

Keywords: covid-deniers; COVID-19 pandemic; Germany; Austria; lockdown; protests.

Belinsky Andrey Victorovich – Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social
Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAG-3240-2020

**«Тьма, пришедшая со Средиземного моря,
накрыла ненавидимый прокуратором город»**

История циклична. Безусловно, можно спорить с этим тезисом, приводя вполне убедительные контраргументы в пользу того, что нынешний этап развития человечества кардинально отличается от предыдущего. Однако в мировой истории есть тенденции, которые с завидной (и к сожалению, зловещей) регулярностью повторяются, заставляя задуматься о наличии закономерностей, независящих от времени. Одной из них являются эпидемии, которые подобно волнам гигантского цунами раз в 100–150 лет накатывались на страны Старого Света, собирая обильную жатву в виде сотен тысяч жизней муж-

чин, женщин, стариков, детей. «Итак, скажу, что со времени благотворного вочеловечения Сына Божия минуло 1348 лет, когда славную Флоренцию, прекраснейший из всех итальянских городов, постигла смертоносная чума, которая, под влиянием ли небесных светил или по нашим грехам, посланная праведным гневом Божиим на смертных, за несколько лет перед тем открылась в областях востока и, лишив их бесчисленного количества жителей, безостановочно подвигаясь с места на место, дошла, разрастаясь плачевно, и до запада. Не помогали против нее ни мудрость, ни предусмотрительность человека, в силу которых город был очищен от нечистот людьми, нарочно для того назначенными, запрещено ввозить больных, издано множество наставлений о сохранении здоровья» [Декамерон 2007, с. 20].

Так описывал в своем знаменитом «Декамероне» Боккаччо последствия «черной смерти» в родной Италии, живым свидетелем которой он сам являлся. Чума, оспа, тиф, «испанка» ... «Имя им легион».

Начало XXI столетия, к сожалению, не стало для человечества, вооруженного последними достижениями хай-тека, исключением в этом скорбном списке. Расплывчатые сообщения мировых информационных агентств в начале 2020 г. о вспышке неизвестной болезни сначала в Ухани, а затем – по всей КНР, очень скоро (обратная сторона глобализации) стали приобретать вполне конкретные и угрожающие формы после официальных заявлений европейских властей о первых случаях заражения новым вирусом.

COVID-19 прибыл в Италию вместе туристами из Китая, по дороге в Баварию и Австрию с легкостью перемахнул через Альпы, не обошел своим вниманием Испанию, Францию, Великобританию. И очень скоро европейские страны оказались во власти нового неизвестного науке вируса. На фоне все новых заражений, увеличившейся смертности и распространявшихся среди населения панических слухов правительства стран ЕС пошли на беспрецедентные с момента окончания Второй мировой войны меры, направленные на то, чтобы взять ситуацию под контроль и не допустить распространения эпидемии. Введенный в ряде стран локдаун поделил жизнь европейцев, в одночасье лишившихся своего привычного уклада, на доковидную и ковидную эпохи. Один за другим закрылись дорогие ювелирные бутики на Вандомской площади, еще недавно, как магнит, притягивавшие богатых туристов из Китая и России; опустела некогда шумная площадь Сан-Марко в Венеции, где традиционно к певучей итальянской речи примешивались добрая дюжина европейских, азиатских, африканских языков и наречий; необычная тишина воцарилась в аэропортах Руасси, Хитроу, Шёнефельд. В то же время миллионы учителей, офисных работников, мелких бизнесменов фактически оказались под домашним арестом.

Однако спустя два-три месяца после официального начала пандемии площади европейских городов стали снова заполняться людьми, но теперь уже не

праздными туристами и обычными горожанами, а протестующими против жестких карантинных мер властей (локдауна, закрытия общественных учреждений, ограничения свободы передвижения). Общественно-политический лексикон обогатился такими новыми терминами, как «ковид-диссиденты» («Querdenker» – нем.) и «противники вакцинации» («Impfgegner» – нем.). Особенно масштабный характер протесты ковид-диссидентов приняли в германоязычных странах – ФРГ, Австрии и Швейцарии.

«С введением первых ограничительных мер, направленных на подавление коронавируса, в Германии стали возникать протесты. Перед берлинским театром [Volksbühne. – прим. А. Б.] состоялись организованные двумя драматургами, Ансельмом Ленцем и Хендриком Зоденкампом, так называемые „демонстрации гигиены“. На этих демонстрациях раздавались предупреждения об угрозе надвигающейся диктатуры, которая прикрывается лозунгами защиты свободы» [Frei, Nachtwey 2021, S. 8]. За спонтанными демонстрациями последовало создание различных групп и объединений ковид-диссидентов. Этот термин, с подачи СМИ, закрепился за протестующими в общественном дискурсе, а затем и в научной среде. В Берлине большую известность получил повар и по совместительству сторонник теорий заговора Атилла Хильдман, чьи выступления и ролики на ютубе привлекли внимание десятков тысяч людей. В Штутгарте центром притяжения всех недовольных стала группа «Нестандартное мышление 711» (Querdenker 711), в Саксонии – правоэкстремистская партия «Свободная Саксония» и т.д. И в очень скором времени многие немецкие и австрийские города (Мюнхен, Гамбург, Констанц, Лейпциг, Вена) превратились в арену продолжающихся по сей день выступлений противников локдауна и ограничительных мер, которые нередко перерастали в столкновения с силами правопорядка.

С одной стороны, очевидно, что феномен ковид-диссидентства хорошо вписывается в «прокрустово ложе» тех социальных движений, которые волнами прокатились по западному миру (движение «Оккупай Уолл-стрит», скачкообразный рост влияния правопопулистских и несистемных партий и сил по обе стороны Атлантики, различные гражданские инициативы) в последние 10–15 лет, с другой – оно, безусловно, обладает рядом особенностей (идеология, организационная структура, повседневные практики), которые требуют детального изучения. Именно изучению этого феномена на примере преимущественно двух немецкоязычных стран (ФРГ и Австрии) посвящена данная статья.

Наше исследование будет строиться вокруг четырех ключевых вопросов: 1) социальной базы движения; 2) мировоззрения и основных требований участников протестов; 3) эволюции движения и повседневных практик; 4) дальнейших перспектив развития и возможного союза с правопопулистскими партиями.

Люди на площади: опыт социологического препарирования ковид-диссидентства

Пандемия, как это не раз бывало в истории, уже привела к серьезным изменениям в экономической, культурной жизни, вызвав при этом новую социальную динамику в виде возникшего спонтанно в ряде немецких и австрийских городов движения ковид-диссидентов и противников локдауна. Однако какие социальные группы составляют ядро протеста? Ответив на этот вопрос, нам будет проще понять их мотивы, логику и характер действий.

Сложность заключается в том, что у исследователя пока достаточно мало надежных социологических исследований, которые бы позволили снять точный «слепок» с этого движения. Имеющиеся в нашем распоряжении данные все же предоставляют возможность сделать определенные выводы относительно социального состава участников демонстраций и мотивов, которые подтолкнули их к участию в протестах против политики властей. Наша источниковая база основывается на трех исследованиях, осуществленных в 2020–2021 гг.:

1) исследовании ученых Университета Констанца (ФРГ), которые проводили опрос в родном городе во время протестов против ограничительных мер властей (выборка – 138 человек);

2) подготовленном группой исследователей Университета Базеля (Швейцария) докладе «Политическая социология протестов против карантина» (выборка – 1152 человека);

3) проведенных социологами Университета Вены полевых исследованиях среди участников демонстраций (выборка – 1500 человек).

Если первые два исследования акцентировали внимание на ситуации в ФРГ, то последнее было посвящено социологии протестов в Австрии. Широкий географический охват исследований, с одной стороны, дает богатую пищу для анализа природы протестов. С другой стороны, сами социологи отмечают определенные (и, к сожалению, неизбежные) изъяны исследований, будь то предоставление общественно одобряемых ответов или же ограниченная выборка. Это нужно учитывать при реконструкции социального профиля антиковидных протестов.

Все исследователи практически единодушно сходятся в том, что ядро протестующих составляют преимущественно представители среднего поколения, чей средний возраст составляет приблизительно 47–48 лет и вполне коррелирует с медианными показателями в этих странах [Nachtwey, Schäfer, Frei 2020, S. 6]. В то же время общая доля молодежи в протестах и демонстрациях была по сравнению с другими возрастными группами относительно невелика. Так, согласно исследованиям Университета Базеля, только шесть участников опроса были моложе 20 лет, только 37 из опрошенных не было

25 лет [Nachtwey, Schäfer, Frei 2020, S. 6] «Всего 10% (опрошенных. – А. Б.) не достигли тридцати лет» [Ibid.]. Эти данные во многом перекликаются с наблюдениями их коллег из Констанца, согласно которым среди демонстрантов преобладали представители средних возрастов.

Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку традиционная социология считает протест преимущественно «привилегией» молодого поколения, что в общем и целом до недавнего времени полностью подкреплялось эмпирическими данными. Мы к этому, достаточно интересному с точки зрения социальной психологии и политологии, обстоятельству еще вернемся.

Не менее интересен для понимания характера движения социальный и профессиональный состав участников протестов. В ходе личных бесед и проводившихся опросов социологи Базельского университета смогли установить, что большинство протестующих относят себя либо к высшей (32,42%), либо к нижней части среднего класса (34,28%), в то время как доля рабочих (8,61%) и представителей нижних социальных слоев была невысока (2,22%) и существенно ниже их удельного веса в обществе [Ibid., S. 9].

Однако гораздо большего внимания заслуживает анализ профессиональной принадлежности ковид-диссидентов. Среди участников демонстраций особо выделялась группа людей, которых в социологии принято обозначать термином «самозанятые» (Selbständig – нем.) – владельцы мелкого и среднего бизнеса, индивидуальные предприниматели, люди свободных профессий и т.д. Уступая пальму первенства лишь служащим (36%) [Ibid., S. 8], они составили без малого четверть участников движения, что примерно в 2 раза (!) превышает их долю среди населения (ФРГ – 9,6%, Австрия – 11,1%, Швейцария – 13%). Такая высокая концентрация самозанятых в рядах протестующих объясняется целым рядом факторов: более высокой по сравнению с другими странами общества ценностями индивидуализма и личной свободы, которая подчас присуща именно этой социально-профессиональной группе; чувством меньшей социальной защищенности, а также страхом утратить свой социальный статус или разориться.

Первые серьезные «трещины» внутри движения начали обнаруживаться при исследовании общественно-политических взглядов его участников, что проявилось не только в разных идеологических «вкусах», но и в региональных особенностях. Проводившие исследование преимущественно в юго-западной Германии (Баден-Вюртемберг, Констанц) ученые отмечают, что наибольшей популярностью из политических партий среди участников демонстраций пользовался «Союз 90 / зеленые», который традиционно имеет прочные корни в Швабии, а различные гражданские инициативы, в том числе и левые группы, являются неотъемлемой частью политического ландшафта. Как отмечается в докладе «Ковид-диссидентство», многие участники демонстраций и протестных акций в Баден-Вюртемберге против ограничительных

мер властей являются бывшими сторонниками «зеленых» и левых [Frei, Nachtwey 2021, S. 5]. «У опрошенных было либертарное понимание свободы, в котором индивидуальность, личная ответственность и самоопределение были абсолютными величинами» [Ibid., S. 3].

Лишь 15% опрошенных в той или иной форме поддерживали правопопулистскую «Альтернативу для Германии». Большинство же участников опросов демонстрировали скорее относительную аполитичность, отдавая явное предпочтение гражданским инициативам (членство в церковной общине, спортивном союзе и т.д.).

Совсем иная картина открывается исследователю при изучении протестов в Саксонии, где значительный процент протестующих составляют сторонники «Альтернативы для Германии» и правоэкстремистских партий. Как отмечается в докладе Федеральной службы защиты Конституции ФРГ по Саксонии за 2020 г.: «Среди протестующих во все более возрастающем количестве присутствовали правые экстремисты и представители так называемых “имперских граждан”. Пандемия COVID-19 приобрела основное значение в правоэкстремистском дискурсе» [Sächsischer... 2021, S. 21].

Усиление крайне правых на волне пандемии наблюдалось и по другую сторону границы, в Австрии. Проведенный исследовательской группой «Austrian Corona Panel Data» (Университет Вены) социологический опрос показал, что наибольшую поддержку (37%) участники протестных акций получают со стороны тех, кто поддержал на парламентских выборах 2019 г. «Австрийскую партию свободы», либо же намерен отдать ей или недавно созданной популистской партии «Люди. Свобода. Основные права» свой голос в будущем [Eberl, Lebernegg 2021].

Возникшее на волне охватившей весь мир пандемии движение ковид-диссидентов весьма далеко от гомогенности; скорее оно напоминает множество мелких ручейков и потоков, которые, сливаясь на площадях европейских городов воедино, образуют реку общественного гнева. «Некоторые протестующие размахивали флагами с надписью “Остановите Зёдера”, другие несли радужные флаги и транспаранты с логотипом “Свободные левые” или голубя мира. Рядом маршировали готовые к насилию футбольные хулиганы, правые экстремисты и активисты НДПГ» [Miller 2021]. В пестрой людской массе, где сторонники возрождения Германской империи нередко мирно соседствуют с экологами и гражданскими активистами, а эзотерики и приверженцы альтернативной медицины в едином порыве с мелкими предпринимателями и домохозяйками скандируют антиправительственные лозунги, порой действительно нелегко разглядеть основные движущие силы протеста. Однако приведенные выше данные социологических исследований, проводившихся в разных странах и регионах, позволяют вычленировать несколько различных социальных групп, которые составили основу протестного движения.

Первую группу составляют сторонники правопопулистских партий («Альтернатива для Германии», «Австрийская партия свободы», «Швейцарская народная партия») и примкнувшие к ним члены правоэкстремистских организаций («имперские граждане», группировки футбольных фанатов и т.д.). Для них пандемия является всего лишь новым этапом продолжающейся на протяжении многих лет войны против действующей системы и демократических сил, которые за дымовой завесой борьбы с COVID-19 якобы стремятся ликвидировать оставшиеся политические права и свободы и навязать обществу власть крупных корпораций. «Кикль распорядился установить фонарь на подиуме. Он должен служить символом поминовения усопших, причем не только погибших во время пандемии, “но и других жертв”. В числе таковых Кикль назвал “базовые права и право на свободу, демократию и правовое государство, человечность и человеческое достоинство”, а также “свободу мнения” и свободу науки» [Kickl 2021]. В реальности же лидеров правых популистов беспокоит не столько защита прав граждан, сколько желание подставить паруса своей несколько потерявшей ход «бригантины» новым ветрам политических перемен и набрать политические очки на предстоящих выборах.

Во вторую группу входят бывшие избиратели «зеленых» и левых партий, а также гражданские активисты, чьи политические убеждения и гражданский пафос не позволяют принять жесткие ограничительные меры правительства. С их точки зрения, действия властей не только в корне противоречат Основному закону и нарушают права граждан, но и создают опасные предпосылки для узурпации власти со стороны политической элиты.

В третью группу входят рядовые граждане, среди которых особо выделяются самозанятые, владельцы мелкого и среднего бизнеса, для которых локдаун и другие ограничительные меры стали серьезным испытанием. Можно ли утверждать, что их протест носит преимущественно социально-экономический характер и был обусловлен ухудшением материального благосостояния в период пандемии? Проведенные социологами из Базельского университета данные опросов свидетельствуют скорее об обратном. Хотя в качестве причин, побудивших их принять участие в акциях протеста, демонстранты называли утрату финансового статуса или финансового благополучия, однако на первое место все же вышли моральный протест и страх перед неизвестным будущим.

Неоправданная, с точки зрения ковид-диссидентов, жесткость ограничительных мер, болезненная ломка традиционного образа жизни, страх перед ухудшением ситуации, к которым примешивались «нотки» психологического стресса фактически оказавшихся под домашним арестом миллионов граждан, породили у части населения недовольство, которое потребовало канализации. Однако, если включение в протестную волну сторонников АдГ или тех же

«зеленых» произошло относительно быстро в силу их относительно высокой политизированности и социальной активности, то несколько иначе обстояло дело с обычными гражданами, мало интересовавшимися политикой до ковидных протестов.

О том, как на практике происходил процесс постепенной радикализации настроений будущих ковид-диссидентов, можно наглядно проследить на примере уроженки Гамбурга Зелины Фуллерт, ставшей впоследствии одним из лидеров ковид-диссидентов в родном городе. Изначально, будучи законопослушным гражданином, З. Фуллерт, как и миллионы ее сограждан, провела первые недели с момента начала пандемии дома, занимаясь детьми и домашним хозяйством. «У нас был огромный страх перед надвигающейся тяжелой болезнью. Я думала, как защитить детей» [Querdenker: Wie radikal]. Однако нарастающее чувство тревоги, расплывчатость и неубедительность сообщений официальных СМИ и постоянный просмотр роликов на YouTube и в социальных сетях постепенно изменили ее картину мира. «Затем я наткнулась на тренера, который рассказывал о здоровом питании, методах тренировки в домашних условиях. Его звали Сесил. И как-то он стал задаваться вопросом, что стоит за коронавирусом, насколько он опасен, как мы можем укрепить нашу иммунную систему. Затем он начал выпускать больше просветительских видео...» [Querdenker: Wie radikal]. Постепенно она все больше и больше погружалась в тематику и стала склоняться к тому, что поддерживаемая властями и СМИ официальная версия событий расходится с реальностью. За этим последовало знакомство с другими интернет-ресурсами, распространяющими альтернативную точку зрения, участие в группах ковид-диссидентов и, наконец, организация демонстраций и митингов против ограничительной политики властей.

Как мы видим, процесс радикализации З. Фуллерт, как и тысяч других ковид-диссидентов происходил постепенно и последовательно прошел несколько этапов. Первый из них характеризовался нарастающим чувством тревоги и фрустрации, к которому присовокуплялось пока еще глухое недовольство введенным локдауном. На втором этапе происходило первое знакомство (преимущественно в Интернете) с альтернативной картиной происходящего, которую активно пропагандировали различные группы правых популистов, эзотериков, сторонников теории заговора и т.д. И, наконец, на заключительном этапе наблюдалась радикализация настроений, что находит свое выражение как в риторике, так и в деятельности новоиспеченных ковид-диссидентов.

Фактически ковид-диссидентство представляет собой одну из разновидностей новых социальных движений, порожденных социально-экономическими, политическими и культурными «разломами», которые Запад переживает в последние десятилетия. Недоверие к правящей элите и СМИ, высокая роль среднего класса, объединение разнородных социальных групп вокруг нескольких

злободневных проблем, роднят антиваксеров и коронаскептиков с участниками движения «Оккупай Уолл-стрит» в Соединенных Штатах, «желтыми жилетами» во Франции и правопопулистскими партиями. «Участников протестных акций ковид-диссидентов, – отмечают исследователи из Университета Констанца, – не объединяют ни политическая программа, ни общая политическая идеология. Их соединило двойное отрицание: с одной стороны, отрицание большей части мер, направленных на защиту от инфекции, с другой – принципиальное недоверие в отношении политических акторов, их советников из научной среды, ведущих СМИ» [Holzer et al. 2021, S. 18]. Вместе с тем у нового движения есть ряд серьезных отличий, которые касаются как организационной структуры, так и идейной основы.

Тонкая красная линия

Век идеологий, как стройных и четко выстроенных философских конструкций, создаваемых на протяжении многих лет стараниями десятков мыслителей, ученых и государственных деятелей, вероятно, закончился вместе с «коротким двадцатым веком». И ковид-диссиденты стали еще одним живым доказательством тезиса о том, что современные социальные движения выстраиваются не вокруг отживших свой век идеологий, а вокруг нескольких идей, способных притягивать и объединять совершенно различные слои населения. Нас будут интересовать, в первую очередь, угрозы, которые представляют пропагандируемые ковид-диссидентами идеи для демократического порядка, а также их взаимосвязь с идеологией правых популистов или набирающей популярность по обе стороны Атлантики теорией заговора «QAnon».

Ключевым тезисом, который разделяют почти все участники движения ковид-диссидентов, является релятивация угрозы пандемии, что проявляется как в сравнениях COVID-19 с сезонным гриппом, так и в полном отрицании его существования. С их точки зрения, опасность эпидемии для общества крайне преувеличена и не подкреплена конкретными научными фактами. Создателями этого «королевства кривых зеркал», по мнению участников движения, являются федеральные СМИ и журналисты – еженедельные журналы «Der Spiegel» и «Der Stern», телеканалы ZDF и ARD.

«Люди подвергаются оскорблениям, на них наклеиваются всевозможные ярлыки, будь то “нацистов”, “сторонников теорий заговора” (Verschwörungstheoretiker – нем.) и т.д.», – 43-летняя банковская служащая. «[Общественные СМИ] я бойкотирую по меньшей мере 15 лет. Я не смотрю телевизор, не читаю новостей. Когда я хочу что-то узнать, я иду к людям, слушаю разговоры...», – монтажник, 33 года [Pantenburg, Reichardt, Sepp 2021, S. 36]. Как видим, скептицизм ковид-диссидентов в отношении СМИ проистекает не только из-за якобы отсутствия альтернативных точек зрения на страницах СМИ

или в выпусках новостей, но и из-за агрессивной риторики последних в отношении участников демонстраций. Последняя действительно иногда имеет место в некоторых популярных сатирических передачах и телерепортажах, делающих акцент на присутствии в рядах протестующих ультраправых и сторонников теорий заговора.

Еще одним излюбленным объектом нападок ковид-диссидентов являются политические партии, которые, по их мнению, являются не представителями населения, а душеприказчиками крупной промышленности, в первую очередь фарминдустрии, которая наживается на кризисе. Негативное отношение к политикам было сформировано не только личными убеждениями или пропагандой в социальных сетях, но и рядом громких политических скандалов в Германии и Австрии. В феврале 2021 г. выяснилось, что ряд депутатов Бундестага от правящего блока ХДС / ХСС активно сотрудничали с фирмами, занимающимися производством или поставкой защитных масок. К нарушению действующего законодательства примешивался и этический аспект, выставлявший законодателей в самом невыгодном свете. И хотя нарушителей подвергли политическому ostracismu, лишив депутатских мандатов и исключив из партии, горький осадок от скандала сохранился, подорвав доверие к немецким консерваторам. Скандалы не обошли стороной и «прекрасный берег Дуная», где публикация переписки канцлера С. Курца привела ко второму за последние два года политическому землетрясению.

Гораздо сложнее отношение протестующих к науке и ученым, занимающимся изучением COVID-19 и разработкой вакцин. Хотя большинство принявших участие в организованном исследователями Базельского университета опросе не являлись принципиальными противниками науки, однако они выразили уверенность в возможности существования альтернативных источников лечения и поддержания здоровья (народная медицина, личный опыт и т.д.).

Гетерогенный характер движения ковид-диссидентов проявляется не только в том, что оно охватывает самые различные социальные группы, но и в разнородности тех идей, которые они транслируют обществу. По меткому выражению, оно представляет «сообщество недоверия» (*Misstrauensgemeinschaft* – нем.), объединенное только скепсисом в отношении политики, индустрии и массмедиа. Участников митингов объединяет не позитивная повестка или требования, а страхи перед неопределенностью, усталость от ограничительных мер и нескрываемая неприязнь к государству и представителям «четвертой власти».

Созвучны ли скандируемые ковид-диссидентами лозунги той риторике, к которой прибегают такие политики, как М. Ле Пен или ее коллеги из «Альтернативы для Германии» и «Австрийской партии свободы»? Дать однозначный ответ на данный вопрос будет достаточно непросто. С одной стороны, большинство участников опроса в том же Констанце заявили о приверженно-

сти демократии, осуждали дискриминацию иностранцев и антисемитизм. В то же время между ковид-диссидентами и теми же праворадикальными популистами есть немало точек соприкосновения, которые создают мостик между этими движениями и тем самым облегчают лидерам правых популистов вербовку новых сторонников среди протестующих.

Общей чертой для обоих движений является неприязнь к правящей политической элите, СМИ и финансовому капиталу, которые, с их точки зрения, стремятся к узурпации власти в стране. Наряду с этим для них характерно упрощение происходящих в стране и мире событий («миром правит небольшая группа людей», «прививки облегчают чипирование населения» и т.д.), стремление представить происходящее в черно-белых тонах. А отсутствие сформированной политической культуры у участников протестных акций оставляет большое поле для деятельности праворадикальных популистов или адептов идей «QAnon».

Праздник непослушания

Возникшее весной 2020 г. движение ковид-диссидентов последовательно прошло в своем развитии три стадии. На первоначальном этапе их деятельность была сконцентрирована в основном вокруг каналов на YouTube, где регулярно выкладываются различные пропагандистские видео, или в популярной соцсети «Telegramm». Последняя получила большую популярность благодаря своей анонимности и отсутствию какой-либо цензуры, что являлось одной из «визитных карточек» «Telegramm». Именно здесь происходило создание групп активистов, обмен информацией, шло обсуждение дальнейших действий.

На втором этапе происходил переход к активным действиям, который проявился в нарушении масочного режима и ограничительных мер, а также в организации одиночных пикетов, а затем и массовых демонстраций. Именно такой путь прошла буквально за полтора месяца уже упомянутая нами выше З. Фуллерт. Начав с просмотра специальных роликов на YouTube и публикаций в Twitter с популярным в среде ковид-диссидентов хэштегом «Stayaway» («Останься в стороне»), 22 апреля 2020 г. она приняла участие в небольшом пикете в центре Гамбурга. А впоследствии стала выступать в качестве организатора крупных демонстраций не только в родном ганзейском городе, но и в Берлине.

Если изначально демонстрации ковид-диссидентов носили достаточно мирный характер и были направлены больше на привлечение внимания государства и общественности, то затягивание пандемии, ужесточение ограничительных мер властей и активная пропаганда праворадикальных популистов и сторонников теорий заговора способствовали радикализации протеста. Это

проявилось как в изменениях настроений, так и в действиях протестующих. С середины 2020 г. протестные демонстрации все чаще стали приобретать насильственный характер и нередко заканчивались столкновениями между представителями сил правопорядка и ковид-диссидентами. 29 августа группа демонстрантов попыталась прорваться в здание Бундестага, однако была остановлена полицией. А 29 января 2022 г. в Лейпциге возвращавшиеся с демонстрации ковид-диссиденты после перепалки с полицией предприняли попытку проникнуть на территорию психиатрической больницы [«Querdenker» greifen 2022].

Однако действия протестующих не ограничивались только нарушением общественного порядка и стычками с полицией. Угрозы в адрес неудобных политиков, нападения на офисы политических партий и попытки покушения на убийства с подозрительной регулярностью стали всплывать в новостях. Так, в начале января 2022 г. в саксонском Цвёнице неизвестные разбили окно офиса бывшего уполномоченного по делам восточных земель Марко Вандер-витца [Wahlkreisbüro... 2022]. Возрастающая радикализация протестующих и распространение в их среде правопопулистских и антидемократических взглядов создают предпосылки для увеличения электората антисистемных партий. Вместе с тем необходимо отметить, что реальная поддержка ковид-диссидентов в обществе едва превышает 15% [Eberl, Lebernegg 2021], а общее число участников демонстраций составляет всего несколько десятков тысяч. Улучшение эпидемиологической ситуации, ослабление ограничительных мер, вкупе с просветительской работой должны рассеять опустившийся над площадями европейских городов морок ковид-диссидентства.

Библиография

- Боккаччо Д. Декамерон. М. а: Пушкинская библиотека; АСТ, 2007. 752 с.
- Eberl J.-M., Lebernegg N.S. Corona-Demonstrant*innen: Rechts, wissenschaftsfeindlich und esoterisch // Universität Wien. 23.12.2021. URL: <https://viecer.univie.ac.at/corona-blog/corona-blog-beitraege/blog138/> (дата обращения: 14.02.2022).
- Frei N., Nachtwey O. Quellen des «Querdenkertums». Eine politische Soziologie der Corona-Proteste in Baden-Württemberg // Universität Basel. 2021. November. 79 S. URL: https://www.boell-bw.de/sites/default/files/2021-11/Studie_Quellen%20des%20Querdenkertums.pdf (дата обращения: 14.02.2022).
- Holzer B., Koos S., Meyer C., Otto I., Panreck I.-C., Reichardt S. Einleitung: Protest in der Pandemie // Die Misstrauensgemeinschaft der «Querdenker». Die Corona-Proteste aus kultur- und sozialwissenschaftlicher Perspektive / S. Reichardt (ed.). Frankfurt / New York: Campus Verlag, 2021. S. 7–26.
- Kickl und Sönnichsen beklagten verlorene Freiheit // Wiener Zeitung. 21.12.2021. URL: <https://www.wienerzeitung.at/archiv/2132176-Kickl-und-Soennichsen-beklagten-verlorene-Freiheit.html> (дата обращения: 20.01.2022).

Miller J. Demo in Nürnberg: Querdenker, Impfgegner und Rechtsextreme // BR 24. 20.12.2021. URL: <https://www.br.de/nachrichten/bayern/demo-in-nuernberg-querdenker-impfgegner-und-rechtsextreme,Ss4DRVI> (дата обращения: 14.02.2022).

Nachtwey O., Schäfer R., Frei N. Politische Soziologie der Coronaproteste / Universität Basel. 20.12.2020. 65 S. URL: <https://doi.org/10.31235/osf.io/zy3f> (дата обращения: 14.02.2022).

Pantenburg J., Reichardt S., Sepp B. Wissensparallelwelten der «Querdenker» // Die Misstrauensgemeinschaft der «Querdenker»: Die Corona-Proteste aus kultur- und sozialwissenschaftlicher Perspektive / S. Reichardt (ed.). Frankfurt / New York: Campus Verlag, 2021. S. 29–66.

«Querdenker» greifen in Leipzig Polizisten an und stürmen Klinikgelände // Redaktionsnetzwerk Deutschland. 29.01.2022. URL: <https://www.rnd.de/panorama/corona-demo-in-leipzig-querdenker-greifen-polizisten-an-und-stuermen-klinik-gelaende-UZNNX6CEVZHJTMSNRQS772ZJ64.html> (дата обращения: 14.02.2022).

Querdenker: Wie radikal machen Youtube, Telegram und Co.? // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WNPquMkTSwY&t=386s> (дата обращения: 14.02.2022).

Sächsischer Verfassungsschutzbericht 2020 / Staatsministerium des Innern. 2021. 308 S. URL: https://www.verfassungsschutz.sachsen.de/download/1Verfassungsschutzbericht_2020_Final.pdf (дата обращения: 14.02.2022).

Wahlkreisbüro des CDU-Politikers Wanderwitz angegriffen // Der Spiegel. 01.01.2022. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/marco-wanderwitz-wahlkreisbuero-von-cdu-politiker-angegriffen-a-95373244-f066-4002-8067-c0ab7d9f5b96> (дата обращения: 14.02.2022).

References

Bokkachcho D. Dekameron. Moscow: Pushkinskaja biblioteka; AST, 2007. 752 p.

Eberl J.-M., Lebernegg N.S. Corona-Demonstrant*innen: Rechts, wissenschaftsfeindlich und esoterisch. Universität Wien. 23.12.2021. URL: <https://viecer.univie.ac.at/corona-blog/corona-blog-beitraege/blog138/> (date of access: 14.02.2022).

Frei N., Nachtwey O. Quellen des «Querdenkertums». Eine politische Soziologie der Corona-Proteste in Baden-Württemberg. Universität Basel. 2021. November. 79 S. URL: https://www.boell-bw.de/sites/default/files/2021-11/Studie_Quellen%20des%20Querdenkertums.pdf (date of access: 14.02.2022).

Holzer B., Koos S., Meyer C., Otto I., Panreck I.-C., Reichardt S. Einleitung: Protest in der Pandemie. Die Misstrauensgemeinschaft der «Querdenker». Die Corona-Proteste aus kultur- und sozialwissenschaftlicher Perspektive. S. Reichardt (ed.). Frankfurt/New York: Campus Verlag, 2021. S. 7–26.

Kickl und Sönnichsen beklagten verlorene Freiheit. Wiener Zeitung. 21.12.2021. URL: <https://www.wienerzeitung.at/archiv/2132176-Kickl-und-Soennichsen-beklagten-verlorene-Freiheit.html> (date of access: 20.01.2022).

Miller J. Demo in Nürnberg: Querdenker, Impfgegner und Rechtsextreme. BR 24. 20.12.2021. URL: <https://www.br.de/nachrichten/bayern/demo-in-nuernberg-querdenker-impfgegner-und-rechtsextreme,Ss4DRVI> (date of access: 14.02.2022).

Nachtwey O., Schäfer R., Frei N. Politische Soziologie der Coronaproteste. Universität Basel. 20.12.2020. 65 S. URL: <https://doi.org/10.31235/osf.io/zy3f> (date of access: 14.02.2022).

Pantenburg J., Reichardt S., Sepp B. Wissensparallelwelten der «Querdenker». Die Misstrauensgemeinschaft der «Querdenker»: Die Corona-Proteste aus kultur- und sozialwissenschaftlicher Perspektive. S. Reichardt (ed.). Frankfurt/New York: Campus Verlag, 2021. S. 29–66.

«Querdenker» greifen in Leipzig Polizisten an und stürmen Klinikgelände. Redaktionsnetzwerk Deutschland. 29.01.2022. URL: <https://www.rnd.de/panorama/corona-demo-in-leipzig-querdenker>

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

greifen-polizisten-an-und-stuermen-klinik-gelaende-UZNNX6CEVZHJTMSNRQS772ZJ64.html (date of access: 14.02.2022).

Querdenker: Wie radikal machen Youtube, Telegram und Co.? Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WNPquMkTSwY&t=386s> (date of access: 14.02.2022).

Sächsischer Verfassungsschutzbericht 2020. Staatsministerium des Innern. 2021. 308 S. URL: https://www.verfassungsschutz.sachsen.de/download/1Verfassungsschutzbericht_2020_Final.pdf (date of access: 14.02.2022).

Wahlkreisbüro des CDU-Politikers Wanderwitz angegriffen. Der Spiegel. 01.01.2022. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/marco-wanderwitz-wahlkreisbuero-von-cdu-politiker-angegriffen-a-95373244-f066-4002-8067-c0ab7d9f5b96> (date of access: 14.02.2022).

Н.Ю. Лапина

ФРАНЦИЯ: ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

***Аннотация.** Франция, как и другие богатые страны мира, оказалась не готова к начавшейся весной 2020 г. пандемии COVID-19. У властей не хватало необходимых медицинских материалов, отсутствовала продуманная стратегия борьбы с новым вирусом. На первом этапе (март 2020 – июнь 2021 гг.) французские власти в основном копировали опыт европейских стран, которые первыми столкнулись с заболеванием. Основным средством борьбы с пандемией стал режим самоизоляции. Он вводился во Франции трижды и сопровождался почти полной или частичной «остановкой» экономики. На втором этапе (июнь 2021 г. и по настоящее время) с появлением в достаточном количестве импортных вакцин главным направлением санитарной политики стала всеобщая вакцинация населения. Введение для посещения общественных мест санитарного пропуска, а с января 2022 г. свидетельства о вакцинации должно было заставить людей вакцинироваться. Санитарная политика французских властей не была последовательной: жесткие меры, такие как режим самоизоляции и практически полное «закрытие» экономики, сменялись послаблениями, далеко не всегда оправданными, но которых ожидали бизнес и граждане.*

Несмотря на жесткие санитарные меры властей, во Франции возникло движение противников вакцинации, по опросам к ним относится 20% населения страны. По своему социальному профилю противники вакцинации близки участникам движения «желтых жилетов». Это представители народных слоев (рабочие, служащие) или низших страт среднего класса, люди во многом утратившие социальные ориентиры, не ощущающие своей принадлежности к нации. Они страдают от отсутствия социального признания и хотят быть услышанными властью и обществом. Новый феномен «критического гражданства» становится все более заметен в общественно-политической жизни Франции.

***Ключевые слова:** Франция; пандемия COVID-19; аномия; политика; общество; феномен «критического гражданства».*

Лапина Наталия Юрьевна – доктор политических наук,
главный научный сотрудник ИНИОН РАН. Россия, Москва.
E-mail: lapina_n@mail.ru
Web of Science researcher ID: AАН-6521–2020

Lapina N.Yu. France: living in a pandemic

Abstract. France, like other rich countries of the world, was not ready for the COVID-19 pandemic that began in the spring of 2020. The authorities lacked the necessary medical materials, and there was no well-thought-out strategy to combat the new virus. At the first stage (March 2020 – June 2021), the French authorities mainly copied the experience of European countries that were the first to encounter the disease. Self-isolation became the main means of combating the pandemic. It was introduced in France three times, was accompanied by an almost complete or partial «shutdown» of the economy and had severe social and economic consequences. At the second stage (from June 2021 up until the present), with the appearance of a sufficient number of imported vaccines, universal vaccination of the population became the main direction of sanitary policy. The introduction of a sanitary pass necessary for visiting public places and, from January 2022, a certificate of vaccination was aimed towards making people get vaccinated. The sanitary policy of the French authorities was not consistent: harsh measures, such as the self-isolation regime and the almost complete «closure» of the economy, were relaxed, which was expected by businesses and citizens, yet not always justified.

Despite the strict sanitary measures of the authorities, a movement of opponents of vaccination has emerged in France represented by 20% of the country's population according to surveys. Based on their social profile, the opponents of vaccination are close to the participants of the «yellow vests» movement. These are representatives of the working class (laborers, employees) or the lower strata of the middle class, people who have largely lost their social orientations and with no sense of belonging to the nation. They suffer from a lack of social recognition and want to be heard by the authorities and society. The new phenomenon of «critical citizenship» is becoming more and more noticeable in the socio-political life of France.

Keywords: France; the COVID-19 pandemic; anomie; politics; society; the phenomenon of «critical citizenship».

**Lapina Natalia Yur'evna – Doctor of Political Sciences (Sc. D. in Politics),
Principal Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). Russia, Moscow.
E-mail: lapina_n@mail.ru
Web of Science researcher ID: AAH-6521-2020**

В феврале 2020 г. в Париже уже чувствовалось приближение весны. Террасы были заполнены посетителями. Люди говорили о разном, в том числе о том, что в Китае появился неизвестный вирус. Парижская публика не испытывала страха. Ведь китайский Ухань – это далеко и экзотично. Мало кто тогда думал, что Франция находится на пороге новой жизни...

В XX в. прогресс медицины и вирусологии вселил в жителей богатых стран уверенность в том, что пандемии им больше не угрожают. Кроме того, все последние пандемии за исключением СПИДа (SARS в 2004 г., H1N1 в

2009 г.) были кратковременными, а эпицентры большинства из них находились за пределами Европы и США. Благополучная санитарная обстановка, развитая система здравоохранения «расслабили» французские власти, а либерализация экономической политики привела к сокращению расходов на здравоохранение.

Последний раз серьезно о борьбе с пандемией власти Франции задумались в 2009 г., когда произошла вспышка «свиного гриппа». Тогда министерством здравоохранения были закуплены 1,7 млрд медицинских масок и десятки миллионов доз вакцины. Однако эпидемия оказалась непродолжительной, из чего властями был сделан вывод: не следует тратить лишние средства, создавая ненужные запасы. Верные с точки зрения экономической эффективности решения оказались трагическими, когда в 2020 г. началась пандемия COVID-19. В этот момент во Франции не оказалось санитарных масок, защитной одежды, необходимых препаратов и медицинского оборудования. Свою роль сыграла и децентрализация французских предприятий в страны с дешевой рабочей силой. Производство медицинских масок и прочих санитарных материалов из Франции было перенесено в Китай.

В статье рассматриваются особенности французской модели управления санитарным кризисом и характер принятия решений в борьбе с COVID-19. Показано, что санитарная политика властей не смогла сплотить французское общество и вызвала социальные протесты со стороны критически настроенных граждан.

Хроника событий

Вирус COVID-19 был официально зарегистрирован в Китае в декабре 2019 г. Первой европейской страной, охваченной пандемией, стала Италия, 10 марта 2020 г. там был введен общенациональный карантин. Вирус стремительно распространялся по Европе, в марте Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о начавшейся пандемии. Учитывая рост заболеваемости и высокий уровень смертности, французские власти пошли по итальянскому пути. В обращении к нации 16 марта президент Э. Макрон заявил, что Франция «находится в состоянии санитарной войны» с COVID-19. А на следующий день во Франции был введен *режим самоизоляции*, санитарный карантин, хотя само это слово не употреблялось. Людям было запрещено свободно перемещаться по стране; выходить из дома разрешалось лишь для выхода в аптеку или магазин, занятий спортом, выгула собак, все это не далее 1 км от дома, а также визита к врачу. При этом французы должны были заполнять уведомление (*attestation sur l'honneur*), в котором декларировалась цель выхода на улицу. Работающие должны были иметь при себе документ, заверенный работодателем. Обучение в высших учебных заведениях перево-

дилось в онлайн-режим. В случае нарушения полагался штраф сначала в размере 38 евро, затем выросший до 135 евро. Поражают документальные кадры того времени: весенний, залитый солнцем Париж, тишину пустого города нарушают сирены машин полиции и скорой помощи...

Через неделю после введения карантина 23 марта во Франции был принят закон «о чрезвычайном положении в области здравоохранения». Первоначально рассчитанный на два месяца, закон впоследствии неоднократно продлевался. Он предоставил правительству возможность в условиях пандемии принимать чрезвычайные меры. Премьер-министр получал право декретом (1) ограничивать передвижение граждан, их деятельность, запрещать проведение собраний, устанавливать режим самоизоляции и / или вводить комендантский час; (2) реквизировать имущество, необходимое для борьбы с санитарным кризисом; (3) в случае необходимости устанавливать контроль над ценами [La loi d'urgence 2020].

Летом 2020 г. ситуация с заболеваемостью, казалось, улучшилась, однако по возвращении из отпусков численность инфицированных вновь стала расти. Осенью в стране началась вторая волна пандемии. Теперь вирус распространился по всей территории Франции, включая западные и юго-западные регионы (Аквитанию и Бретань). В результате 30 октября властями вновь был объявлен режим самоизоляции, продлившийся до декабря. Вторая самоизоляция была менее жесткой: было разрешены работы в строительной отрасли и в сельском хозяйстве; оставались открытыми ясли и школы; университетские библиотеки стали принимать студентов по записи; людям разрешили передвигаться на большее расстояние от дома, чем прежде; были открыты парки, сады и пляжи; стало возможно посещение домов для престарелых. Была еще и третья самоизоляция, введенная в апреле 2021 г. и отмененная 30 июня.

Лето 2021 г. стало переломным моментом в санитарной политике. Первоочередным средством борьбы с пандемией отныне становилась *вакцинация населения*. Родине Луи Пастера не удалось создать собственную вакцину. Эммануэль Макрон первоначально рассчитывал, что ЕС массово закупит вакцины для стран-членов, но эта стратегия не оправдалась. Каждой стране пришлось бороться с вирусом в одиночку. Импортных вакцин не хватало, поэтому массовая вакцинация населения во Франции началась позже, чем в других европейских странах. Первые прививки начали делать еще зимой 2020–2021 гг. наиболее уязвимым категориям населения – обитателям домов для престарелых, где была отмечена высокая заболеваемость и смертность от ковида, а также возрастным группам 80 и 80+, а позже – лицам старше 75 лет.

В обращении к нации 12 июля глава государства объявил об обязательной вакцинации медицинского персонала. По мере получения доступа к импортным вакцинам список профессий, представители которых были обязаны

вакцинироваться, неуклонно расширялся, в ноябре к нему добавились сотрудники баров, ресторанов, отелей, лица, занятые в туристической отрасли и на транспорте. Вакцинация становилась обязательной. В июне 2021 г. во Франции был введен *санитарный пропуск* (*pass sanitaire*), дававший вакцинированным возможность посещать общественные места. В начале 2022 г. вопрос об обязательной вакцинации был окончательно решен с принятием Закона «об усилении средств управления санитарным кризисом» (22 января) и заменой санитарного пропуска на *свидетельство о вакцинации* (*pass vaccinal*).

Принятие решений в эпоху пандемии

В различных странах власти по-разному решают вопросы, связанные с пандемией COVID-19. Во Франции сложилась *вертикальная модель управления санитарным кризисом*, в целом соответствующая особенностям политического режима Пятой республики. Ее отличает ряд специфических черт: ведущая роль президента в формировании санитарной политики, повышение статуса и политической значимости научно-медицинского сообщества, изменение соотношения сил между ветвями власти.

Основные решения, касающиеся мер борьбы с санитарным кризисом, принимались в Елисейском дворце. Глава государства не только находился в центре принятия решений, он стал основным коммуникатором по вопросам антиковидной повестки. На протяжении двух лет (2020–2021) Макрон неоднократно обращался к нации (с марта 2020 по ноябрь 2021 г. было 11 таких обращений), объявляя о введении новых санитарных ограничений или их снятии. С одной стороны, это подчеркивало значимость института президентства, занимающего центральное место в политической системе Французской республики, с другой – делало главу государства крайне уязвимым в случае ухудшения санитарно-эпидемиологической обстановки или принятия непопулярных мер. Итак, пандемия COVID-19 не ставила под сомнение центральную роль президента в процессе принятия решений, а лишь усилила ее. Глава государства постоянно находился в медийном пространстве, тем самым демонстрируя согражданам, что управление санитарным кризисом находится в надежных руках.

В условиях пандемии во Франции появился новый политический актор, им стал созданный по решению правительства и утвержденный декретом от 3 апреля 2020 г. Научный совет по вопросам борьбы с COVID-19 (*Conseil scientifique COVID-19*, далее НС). Совет возглавил известный французский иммунолог Ж.-Ф. Дельфресси. НС, состоящий из известных врачей, ученых – микробиологов, иммунологов, вирусологов, призван оказывать помощь властям в принятии решений, касающихся управления санитарным кризисом.

Кроме этого, члены Совета регулярно встречаются с президентом, что является еще одним ресурсом их политического влияния. Тем не менее во Франции политическая воля остается выше научного знания: далеко не всегда глава государства следует рекомендациям ученых. Так дело обстояло в марте 2021 г., когда, несмотря на возражения НС и высокую заболеваемость в стране, президент настоял на проведении первого тура муниципальных выборов. Правда, второй тур пришлось все-таки перенести на конец июня из-за роста заболеваемости в стране.

В нормальной политической обстановке политические решения принимаются в результате согласования интересов заинтересованных групп. В условиях «санитарной войны» обычная процедура согласования интересов нарушалась, у исполнительной власти не было времени на проведение консультаций с другими значимыми акторами. Парламент вынужден был принимать законы, которые предоставляли правительству полноту власти; на первый план в принятии решений вышли медики и ученые, тогда как «опыт и знание политиков были дисквалифицированы», пишет социолог, главный научный сотрудник Центра изучения французской политической жизни Л. Рубан. «Слово науки становилось определяющим, а его значимость, если и не противостояла представительной власти, то во многом ограничивала ее легитимность» [Rouban 2022]. Отношения между исполнительной и представительной ветвями власти обострились.

Пандемия COVID-19, усилив централизацию в процессе принятия решений, привела к нарастанию противоречий между уровнями власти. Весной 2020 г. местные власти выступили против проведения единой санитарной политики на всей территории страны, предлагая вводить защитные меры в зависимости от уровня заболеваемости. То же было и с обязательным ношением масок в общественных местах. Другое столкновение произошло между центральными и региональными властями той же весной. В стране не хватало медицинских масок, но когда президенты французских регионов предложили самостоятельно договориться об их поставках в свой регион из-за рубежа, Елисейский дворец им в этом отказал.

Существуют и другие напряжения, об одном из них упоминают Н.Н. Наумова и П.И. Фалалеев. Напомним кратко. В течение первого года борьбы с пандемией неуклонно повышался рейтинг премьер-министра Эдуара Филиппа. Рост популярности Филиппа, как считают российские ученые, мог стать одной из причин увольнения популярного и достаточно независимого премьера в отставку. Назначив на пост председателя правительства Ж. Кастекса, президент установил полный контроль над деятельностью кабинета министров [Наумова, Фалалеев 2021].

В своих обращениях к нации глава государства определяет магистральные направления политики, а исполнительная власть предлагает конкретные

решения, направленные на ее осуществление. Вместе с тем внутри кабинета министров отсутствовала согласованность действий. Серьезный кризис вспыхнул в начале 2022 г. В центре скандала оказался министр просвещения Ж.-М. Бланкер. В условиях роста заражений новым штаммом «омикрон» в конце декабря встал вопрос о закрытии школ. Многие классы к тому времени уже были закрыты (на начало января 2022 г. – 10 тыс.), численность учителей по причине болезни снизилась на 10%, нагрузка на оставшихся резко возросла. Несмотря на это, общество и власть были солидарны в одном вопросе, что бывает крайне редко во Франции: закрывать школы нельзя. Всем еще помнились драматические последствия закрытия школ в период первой самоизоляции, когда в чрезвычайно сложном положении оказались прежде всего малообеспеченные многодетные семьи. К тому же большая часть французов хотели продолжать работать.

С целью избежать всплеска заражений в учебных заведениях, Министерство просвещения разработало сложный санитарный протокол для детских садов, которые считаются во Франции первым этапом обучения в школе. Поскольку заболеваемость коронавирусом росла, составив в конце 2021 г. выше 300 тыс. человек в день, санитарные протоколы менялись в сторону ужесточения. Последний санитарный протокол, требовавший трех тестов в течение нескольких дней для детей, в классах которых был обнаружен заболевший ребенок, был озвучен министром накануне выхода детей в школу после новогодних каникул. Скорость, с которой внедрялся новый протокол, лишала родителей возможности подготовиться к новой ситуации. Учителя и родители были возмущены: 13 января во Франции вспыхнула забастовка, в которой приняли участие более 77 тыс. учителей и представителей родительских ассоциаций.

Сложившаяся ситуация была виной не одного министра, но всей его команды. Санитарный протокол был плохо продуман, не учитывал реальности повседневной жизни (в аптеках отсутствовало необходимое количество тестов), а главное, отсутствовала коммуникация между Министерством просвещения и обществом. Макрон был в крайней степени раздражен. Из «любимчика» главы государства Бланкер в одночасье превратился в «слабое звено» исполнительной власти. Еще более унижительным стало решение премьер-министра Ж. Кастекса, без согласования с министром в одностороннем порядке облегчившего санитарный протокол для школы. Дело не ограничивалось необдуманном решением одного человека. Вопрос более сложный и связан с тем, что огромная бюрократическая машина не справлялась с поставленными перед ней задачами. В кризисной ситуации ей не удавалось действовать быстро и слаженно, при этом каждое ведомство продолжало отстаивать свои интересы. Именно поэтому между министром просвещения и министром здравоохранения ранее возник конфликт по поводу ношения

масок в школах, а между министром здравоохранения и министром внутренних дел – конфликт по поводу проверки санитарных пропусков полицейскими.

На принятие решений оказывает влияние и политическая ситуация в стране. Перед Макроном стоит задача переизбраться на второй срок в 2022 г. Для этого ему нужно добиться значимых результатов в борьбе с эпидемией и расширить собственную электоральную базу. Школьная проблема, считает социолог Ж. Фурке (Французский институт изучения общественного мнения, IFOP), может перерасти в политическую, поскольку вызвала массовые протесты учителей и родителей школьников. Главу государства не может не тревожить, что он теряет поддержку левого электората – в начале пандемии перегруженных работой медицинских работников, а за ними и учителей.

На протяжении двух ковидных лет стратегия французских властей в борьбе с пандемией неоднократно менялась. Тональность президента тоже не оставалась неизменной. Она становилась все более жесткой по мере того, как идея всеобщей вакцинации стала рассматриваться властями в качестве основного инструмента борьбы с COVID-19. Макрон занял непримиримую позицию в отношении противников вакцинации. Однако приближение выборов и забота о расширении социальной базы заставили главу государства временами быть более сдержанным. В интервью новостному каналу LCI (16 декабря 2021 г.) он даже извинился перед гражданами за слова, «которые могли кого-то обидеть», подчеркнув, что «уважение является частью политической жизни». В новогоднем обращении глава государства от угроз в адрес противников вакцинации перешел к убеждению. Однако в начале января 2022 г. в интервью газете «Le Parisien» он высказался уже совсем в другом тоне, в частности сказав, что силой никого вакцинировать не будет, но надеется стимулировать к этому людей, сократив им до минимума доступ к общественным местам и участию в публичной жизни. «Я действительно хочу их задолбать, и мы продолжим делать это – до конца» (при этом использовалось гораздо более грубое слово «emmerder») [Beaumont, Doukhan, Théveniaud, Vernet, Wesfreid 2022]. Война противникам вакцинации была объявлена. А еще президент затронул важную тему гражданства, подчеркнув, что противники вакцинации подрывают внутреннюю солидарность нации: «когда моя свобода угрожает свободе других людей, я превращаюсь в безответственного человека, который не является гражданином» [Gatinois 2022].

Политические баталии вокруг «свидетельства о вакцинации»

По мере приближения президентских и парламентских выборов дискуссии вокруг санитарной политики властей все чаще политизировались. Особенно это проявилось в ходе обсуждения в ноябре 2021 г. вопроса о продле-

нии Закона «О чрезвычайном положении в здравоохранении» (оно продлялось до 31 июля 2022 г.), а также в начале января 2022 г., когда в парламенте обсуждался предложенный правительством законопроект «об усилении мер управления санитарным кризисом». Закон о мерах борьбы с пандемией 12-й за два года, был в конечном счете принят и вступил в силу 24 января 2022 г. Он заменял санитарный пропуск *свидетельством о вакцинации*, которое действует для всех граждан в возрасте старше 16 лет. Закон направлен против 5 млн отказавшихся от вакцинации французов. С момента вступления закона в силу они не смогут посещать общественные места – бары, рестораны, музеи, театры, концерты, спортивные залы. Руководители этих учреждений получили право наряду со свидетельством о вакцинации проверять удостоверение личности. Предусматриваются серьезные санкции в отношении лиц, использующих чужое свидетельство (штраф в размере 1000 евро), и еще большее наказание за использование поддельного свидетельства (три года тюремного заключения и штраф в размере 45 тыс. евро). В отдельных территориях, где сохраняется низкий уровень вакцинации населения, префект мог принять решение о продлении действия санитарного пропуска. В заморских территориях Франции до 31 июля сохранялось введенное в конце 2021 г. чрезвычайное санитарное положение, комендантский час и самоизоляция (Мартиника, Реюньон, Гваделупа, Гвиана, Майотта, Острова Святого Варфоломея и Святого Мартина).

Принятие закона сопровождалось бурными политическими дебатами в парламенте и за его пределами. Представители леворадикальной «Непокоренной Франции» критиковали законопроект за «нарушение фундаментальных свобод», подчеркивая, что введение свидетельства о вакцинации является вторжением в личную жизнь граждан, наносящим удар по их индивидуальным свободам. Праворадикальная партия «Национальное объединение» отождествляла законопроект с «санитарной диктатурой». А в Сенате, где преобладают представители правых партий, обеспокоились тем, что руководителям учреждений массового посещения делегировалась проверка удостоверений личности, право, относящееся к полномочиям полиции. Сенатор-социалист П. Каннер в связи этим с тревогой отмечал, что во Франции «чрезвычайные меры становятся нормой». С этим мнением согласен и известный французский правовед Дидье Мосс, считающий, что решение о проверке удостоверений личности в общественных учреждениях противоречит конституционным нормам [Vigoureaux 2022].

Все чаще оппозиция критиковала Макрона за авторитарные методы управления санитарным кризисом. Валери Пекресс, кандидат на президентских выборах от правоцентристской партии «Республиканцы», назвала политику главы государства «хаотичной». Его обвиняли в некомпетентности, а его правительство в непоследовательности и частой смене курса. Критика

обоснованная, но не учитывающая того факта, что смена курса определяется как ресурсами властей, так и политической мотивацией. Накануне президентских выборов глава государства не хотел выглядеть ни излишне мягким, ни излишне жестким. Именно поэтому введение свидетельства о вакцинации сопровождалось определенными послаблениями: открылись для посетителей массовые спортивные и развлекательные мероприятия; дискотеки, которые были закрыты уже три месяца. Масочный режим отменили на улице, но оставили обязательным внутри общественных помещений и на транспорте.

А еще оппозиция критиковала главу государства за то, что он использовал обращения к нации в предвыборных целях. С осени 2021 г., когда во Франции по сути стартовала президентская кампания, риторика Макрона становилась все более политически мотивированной, а многие его выступления носили ярко выраженный предвыборный характер. Запомнилось выступление 9 ноября 2021 г., в котором президент подвел итоги своего пребывания на посту главы государства, сделав акцент на щедрой социальной политике, поддержке предприятий и позитивных тенденциях в развитии экономики и рынка труда.

Власть и общество в условиях пандемии

Пандемия не только обострила отношения между ветвями и уровнями власти, между властью и политической оппозицией, но еще более углубила *взаимное отчуждение общества от власти*. Во Франции конфликт между обществом и элитой возник не сегодня. В последние годы напряженность в отношении граждан к власти и ее носителям нарастала: в 2020 г. 56% французов не доверяли избранным депутатам, 66% – премьер-министру, 67% – президенту. По уровню недоверия к действующим политикам французы опережают немцев и британцев [En qu (o)i les Français 2020]. Институты власти во Франции также поддержкой не пользуются: Национальному собранию в 2021 г. не доверяли 57% опрошенных, институту президента – 59%, правительству – 61% [En qu (o)i les Français 2021].

В Западной Европе Франция является одним из лидеров (наряду с Италией) по уровню неприятия элит обществом. С началом пандемии COVID-19 этот вопрос еще больше обострился. «Французы, – пишет Л. Рубан в книге «Причины недоверия», – оказались в прямой конфронтации с решениями Елисейского дворца» [Rouban 2022]. Это тем более удивительно, что в пандемийные годы власти отказались от проведения либеральных реформ и проводили кейнсианскую политику, направленную на поддержание платежеспособного спроса населения.

За время пандемии французское государство значительно расширило социальную помощь гражданам. В период самоизоляции административным

решением экономика была полностью или частично «заморожена» [Клинова 2020]. При этом работники предприятий, которые продолжали работать и не увольняли сотрудников, перешли на режим «частичной безработицы» и получали полную зарплату: государство выплачивало работникам 80% прежнего заработка, 20% — доплачивал работодатель (этот режим действовал с 24 марта по 1 ноября 2020 г.) [Чернега 2022]. Режимом «частичной безработицы» воспользовалась треть всех занятых, 47% работников в период самоизоляции были переведены на дистанционный режим работы. Зарплаты медицинских работников были увеличены на 200–400 евро в месяц. Серия мер была нацелена на поддержку многодетных семей.

Были приняты меры оказания помощи молодым французам. В ноябре 2021 г. 20% молодых людей были безработными, из них 1 млн — не имели ни работы, ни образования. С марта 2022 г. действует договор, который молодой человек заключает с центром профессиональной переподготовки, центром занятости или предприятием, которые будут «сопровождать» или профессионально обучать его (программа распространяется на лиц в возрасте от 15 до 29 лет). В рамках программы молодым людям назначается пособие 500 евро в месяц. В 2021 г. этой программой воспользовались 200 тыс. человек, в 2022 г. — 500 тыс.

Франция, по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСД), среди развитых стран мира являлась лидером по доли социальных расходов в ВВП (в 2020 г. они составили свыше 30%) [Le point sur les dépenses 2020]. Несмотря на эти высокие показатели и меры социальной поддержки, почти половина опрошенных французов в 2020 г. испытывали «крайнюю злость» в отношении антиковидной политики властей [Rouban 2022, p. 25]. Французское общество оказалось расколотым: санитарную политику Э. Макрона поддерживали главным образом люди, голосовавшие за него в 2017 г. (хотя далеко не все), тогда как сторонники других партий были настроены критически [Rouban 2022].

В чем причины неприятия французами политики властей? Выше уже отмечалось, что решения по вопросам борьбы с пандемией во Франции принимались централизованно. Государство в этом вопросе заняло все общественное пространство: по своему усмотрению устанавливало санитарные нормы и правила, объясняя гражданам, как они должны вести себя по отношению друг к другу (соблюдение санитарной дистанции, ношение масок и т.д.). Причем коммуникация между государственными структурами и обществом не была успешной, аргументы властей многими воспринимались как неоправданные и неубедительные. Для сравнения отметим, что в странах, где существует реальная децентрализация, уровень доверия к политике властей был гораздо выше. В ФРГ, Великобритании, Италии многие вопросы решались на уровне территорий. В свою очередь в странах, где государство доверяет своим граж-

данами и рассчитывает на их ответственное поведение, социальные ограничения вовсе не вводились (Швеция). Из этого следует, подчеркивает эксперт, что недоверие к решениям властей во Франции было связано не с тем, что государство действовало недостаточно эффективно, а с тем, что общество оказалось недостаточно сплоченным перед лицом опасности. Недоверие к власти во Франции нашло свое логическое продолжение в недоверии к информации, которая распространялась властями. В 2020 г. лишь 43% французов доверяли официальной статистике заражений коронавирусом, 48% – официальным данным о смертности от ковида [Rouban 2022].

Но самой главной причиной недоверия общества к власти во Франции стало появление нового социального актора – *критически настроенного гражданина*. В последние десятилетия во многих странах мира наблюдалось нарастание неинституциональных форм участия граждан в общественно-политической жизни. Пытаясь разгадать этот парадокс, Р. Инглхарт еще в конце XX в. писал, что произошел сдвиг моделей участия в политической жизни, которые ранее определялись элитами, а теперь стали связаны с противодействием элитам [Inglehart 1997].

Критически настроенный гражданин не доверяет действующим политикам, поскольку считает их коррумпированными; отстаивает принципы прямой демократии; убежден, что демократия функционирует хорошо, когда сами граждане, а не правительство, принимают решения, а депутаты не проходят процедуру выборов, но избираются путем жеребьевки. Идеи «критического гражданства» получили достаточно широкое распространение во многих европейских странах, но тем не менее между ними существуют отличия: в ФРГ и Великобритании эти представления распространены достаточно равномерно во всех слоях общества, тогда как во Франции они пользуются поддержкой главным образом среди представителей народных классов (рабочие и служащие), а если их и поддерживают представители высших классов (43%), то речь идет о молодых людях, не получивших диплома о полном цикле высшего образования, которые голосуют за М. Ле Пен или вовсе не участвуют в выборах. Социальное размежевание между сторонниками и противниками «критического гражданства» во Франции свидетельствует о *глубоком политическом расколе французского общества* [Rouban 2022].

Критически настроенные граждане уже проявили себя в 2018–2019 гг. в ходе движения «желтых жилетов». Во время пандемии они вновь заявили о себе, составив значительную часть противников вакцинации и введения санитарных пропусков. Критически настроенные граждане лидировали среди тех, кто не доверяет научному знанию, мнению врачей и других специалистов, верит в теорию заговора. В этом движении принимали участие многие бывшие «желтые жилеты», а также представители радикальных правых и левых политических партий.

В центре общественно-политической дискуссии во Франции находится вопрос о будущем республиканской модели. В Конституции Пятой республики записано: «Франция является неделимой, светской, демократической и социальной Республикой». На фронтонах официальных зданий значатся слова: «Свобода. Равенство. Братство». На практике «идея монокультурной республиканской нации сталкивается с внутренне разобщенной и мультикультурной нацией», пишет Л. Рубан, подкрепляя свои соображения данными опросов Центра изучения французской политической жизни Сьянс По (CEVIPOF). В 2021 г. лишь четверть граждан (25%) ощущала свою принадлежность к французской нации, среди представителей этнических меньшинств этот показатель еще ниже (16%). Почти половина французов (45%) не ощущали своей принадлежности ни к какому сообществу [Rouban 2021]. Важно подчеркнуть: в вопросе о единстве нации существуют значимые социальные расхождения. Лишь чуть больше трети представителей народных классов считают французскую нацию единой, среди представителей высших классов этот показатель составляет 52% [Rouban 2022].

Тот факт, что почти половина французских граждан не ощущает принадлежности ни к одной общности, свидетельствует об аномии – состоянии общества, при котором социальные нормы и политические представления утрачиваются, а институты перестают определять поведение граждан; социальные связи между людьми рушатся, а сами они испытывают чувство глубокого одиночества. Это уже наблюдалось у представителей «желтых жилетов». Пандемия COVID-19 еще больше усилила у людей ощущение одиночества и социальной уязвимости.

В условиях санитарного кризиса существовавшие ранее проблемы обострились, а социальные расколы стали еще более ощутимыми. Борьба с санитарным кризисом развернулась на фоне общественного недоверия к власти. В мае 2021 г. 21% отказавшихся от вакцинации французов заявили, что не собираются вакцинироваться. В августе, когда вакцинация стала обязательной для медицинского персонала и был введен санитарный пропуск, во Франции все еще сохранялось «твердое ядро» антиваксеров (16% населения страны). Тогда же развернулось массовое движение против вакцинации. Его участники протестовали против административного насилия и «полицейского государства», в введении пропуска они видели механизм дискриминации граждан. Как в свое время «желтые жилеты», антиваксеры выходили на манифестации в крупных городах по субботам. Нередко их выступления сопровождались погромами центров вакцинации. Одновременно во Франции наблюдалась радикализация отдельных групп граждан. За 2021 г. 600 депутатов и сенаторов заявили о получении угроз. Кто-то из них подвергся прямому нападению, у кого-то сожгли гараж. Документальные кадры зафиксировали сцены, когда избиратели забрасывали депутатов грязью, требуя, «чтобы те голосовали правильно».

Отказ от вакцинации, как и движение «желтых жилетов», стало проявлением глубокого недоверия части общества к власти. «Вакцинирование отрицалось, поскольку этот результат научной деятельности приобрел политический характер и стал своеобразным маркером принадлежности к “системе”». По своему социальному профилю антиваксеры, как свидетельствуют опросы общественного мнения, близки «желтым жилетам»: среди них преобладают представители рабочих и служащих (26% народных классов), 16% представителей средних и 13% высших классов [Rouban 2022].

Заключение

Франция оказалась неготова к пандемии. В стране отсутствовали не только средства индивидуальной защиты, но и продуманная стратегия борьбы с вирусной инфекцией. Именно поэтому на начальном этапе французские власти ограничились копированием опыта тех европейских стран, которые первыми столкнулись с пандемией. Политика правительства неоднократно менялась. При этом власти каждый раз должны были решать не только этический, но и экономический вопрос: что является приемлемой или неприемлемой платой за человеческую жизнь. На первом этапе (март 2020 – июнь 2021 г.) основным средством борьбы с пандемией стал режим самоизоляции. На втором этапе (начиная с июня 2021 г. и по настоящее время) с появлением в достаточном количестве импортных вакцин высшей целью санитарной политики стало достижение коллективного иммунитета, а средством – всеобщая вакцинация населения. Тогда же началась борьба властей с лицами, отказавшимися от вакцинации, приобретающая со временем все более жесткие формы.

Санитарный кризис не способствовал возникновению солидарности во французском обществе. В условиях пандемии громко заявил о себе новый социальный и политический актор – критически настроенный гражданин, негативно относящийся к властям и принимаемым ими решениям. Критически настроенные граждане выступали против обязательной вакцинации и санитарных ограничений. К началу 2022 г. во Франции насчитывалось 5 млн невакцинированных, среди них, как считают эксперты, убежденные антиваксеры составляли меньшинство.

С введением свидетельства о вакцинации число невакцинированных французов несомненно сократится, поскольку они были поставлены властями в очень жесткие ограничения. Но одно очевидно: феномен «критического гражданства» никуда не исчезнет. И в связи с этим возникает вопрос: как будут действовать его сторонники, когда (и если) пандемия завершится?

Библиография

Клинова М.В. Государство в экономике Франции: тест на коронавирус // Современная Европа. М., 2020. № 4. С. 72–82.

Наумова Н.Н., Фалалеев П.И. Пандемия COVID-19 и ее влияние на политическую ситуацию во Франции (весна-лето 2020 г.) // Французский ежегодник, 2021: Эпидемии в истории Франции. Т. 54. М.: ИВИ РАН. 2021. С. 181–212.

Чернега В.Н. Влияние пандемии коронавируса на экономику и внутривнутриполитическую борьбу во Франции // Актуальные проблемы Европы. Москва. 2022. № 1.

Beaumont O., Doukhan D., Théveniaud P., Vernet H., Wesfreid M. Europe, vaccination, présidentielle... Emmanuel Macron se livre à nos lecteurs // Le Parisien, 2022. 4 janv. URL: <https://www.leparisien.fr/politique/europe-vaccination-presidentielle-emmanuel-macron-se-livre-a-nos-lecteurs-04-01-2022-2KVQ3ESNSREABMTDWR25OMGWEA.php> (дата обращения: 7.01.2022).

En qu (o)iles Français ont-ils confiance aujourd'hui? Le Baromètre de la confiance politique // Sciences Po CEVIPOF. 2020. Février. URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Baromètre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague11%20-%20Comparaison-1.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).

En qu (o)iles Français ont-ils confiance aujourd'hui? Le Baromètre de la confiance politique // Sciences Po CEVIPOF. 2021. Février. URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Baromètre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague11%20-%20Comparaison-1.pdf> (дата обращения: 28.02.2021).

Gatinois C. COVID-19: l'offensive réfléchie d'Emmanuel Macron contre les antivacs // Le Monde. 2022. 5 janv. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2022/01/05/covid-19-l-offensive-reflechie-d-emmanuel-macron-contre-les-non-vaccines_6108240_823448.html (дата обращения: 6.01.2022).

Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Princeton: Princeton Univeristy-Press. 1997. P. 169.

La loi d'urgence pour faire face à l'épidémie de covid 19 // République Française. Légifrance. 2020. 23 mars. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/article_jo/JORFARTI000041746331 (дата обращения: 20.06.2020).

Le point sur les dépenses sociales (SOCX) // OCDE, 2020. Novembre. P. 1. URL: <https://www.oecd.org/fr/le-point-sur-les-depenses-sociales-SOCX.pdf> (oecd.org) (дата обращения: 18.07.2021).

Rouban L. La France: une République désintégrée. Note, Le Baromètre de la confiance politique / vague 12 // SciencesPo CEVIPOF. 2021. Février URL: https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/NoteBaroV12_LR_lafrance_fevrier2021_VF-1.pdf (дата обращения: 7.03.2021).

Rouban L. Les raisons de la défiance. Paris: Presses de Scinces Po. 2022. 175 p.

Vigoureux C. Le pass vaccinal peut-il être anticoonsstitutionnel? // L'Opinion. 2022. 17 janv. URL: <https://www.lopinion.fr/politique/le-pass-vaccinal-peut-il-etre-anticonstitutionnel> (дата обращения: 18.01.2022).

References

Klinova M.V. Gosudarstvo v ekonomike Francii: test na koronavirus [The role of State in France Economy: test for Coronavirus Klinova]. Sovremennaya Evropa. Moscow. 2020. N 4. P. 72–82. (In Russ.)

Naumova N.N., Falaleev P.I. Pandemiya COVID-19 i ee vliyanie na politicheskuyu situaciyu vo Francii (vesna-letno 2020 g.) [Naumova N.N., Falaleev P.I. The COVID-19 pandemic and its impact on the political situation in France (spring-summer 2020)] Francuzskij ezhegodnik, 2021: Epidemii v istorii Francii. Moscow: IVI RAS. 2021. Vol. 54, pp. 181–212. (In Russ.)

Chernega V.N. Vliyanie pandemii koronavirusa na ekonomiku i vnutripoliticheskuyu bor'bu vo Francii [Chernega V.N. The impact of the coronavirus pandemic on the economy and internal political struggle in France] Aktual'nye problemy Evropy. Moscow. 2022. N 1 (in print). (In Russ.)

Beaumont O., Doukhan D., Théveniaud P., Vernet H., Wesfreid M. Europe, vaccination, présidentielle... Emmanuel Macron se livre à nos lecteurs // Le Parisien, 2022. 4 janv. URL: <https://www.leparisien.fr/politique/europe-vaccination-presidentielle-emmanuel-macron-se-livre-a-nos-lecteurs-04-01-2022-2KVQ3ESNSREABMTDWR25OMGWEA.php> (date of access: 7.01.2022).

En qu (o)iles Français ont-ils confiance aujourd'hui? Le Baromètre de la confiance politique // Sciences Po CEVIPOF. 2020. Février. URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipoof/sites/sciencespo.fr/cevipoof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Baromètre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague11%20-%20Comparaison-1.pdf> (date of access: 20.03.2020).

En qu (o)iles Français ont-ils confiance aujourd'hui? Le Baromètre de la confiance politique // Sciences Po CEVIPOF. 2021. Février. URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipoof/sites/sciencespo.fr/cevipoof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Baromètre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague11%20-%20Comparaison-1.pdf> (date of access: 28.02.2021).

Gatinois C. COVID-19: l'offensive réfléchie d'Emmanuel Macron contre les antivacs // Le Monde. 2022. 5 janv. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2022/01/05/covid-19-l-offensive-reflechie-d-emmanuel-macron-contre-les-non-vaccines_6108240_823448.html (date of access: 6.01.2022).

Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Princeton: Princeton University Press. 1997. P. 169.

La loi d'urgence pour faire face à l'épidémie de covid 19 // République Française. Légifrance. 2020. 23 mars. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/article_jo/JORFARTI000041746331 (date of access: 20.06.2020).

Le point sur les dépenses sociales (SOCX) // OCDE. 2020. Novembre. P. 1. URL: <https://www.oecd.org/fr/dataoecd/20/20/Le-point-sur-les-depenses-sociales-SOCX.pdf> (oecd.org) (date of access: 18.07.2021).

Rouban L. La France: une République désintégré. Note, Le Baromètre de la confiance politique / vague 12 // SciencesPo CEVIPOF. 2021. Février. URL: https://www.sciencespo.fr/cevipoof/sites/sciencespo.fr/cevipoof/files/NoteBaroV12_LR_lafrance_fevrier2021_VF-1.pdf (date of access 7.03.2021).

Rouban L. Les raisons de la défiance. Paris: Presses de Sciences Po. 2022. 175 p.

Vigoureux C. Le pass vaccinal peut-il être anticonstitutionnel? // L'Opinion. 2022. 17 janv. URL: <https://www.lopinion.fr/politique/le-pass-vaccinal-peut-il-etre-anticonstitutionnel> (date of access: 18.01.2022).

А.В. Голубкин, Ю.К. Князев

**ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ КРИЗИС В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
НА ФОНЕ КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ COVID-19**

***Аннотация.** Статья посвящена анализу основных направлений и особенностей диверсификации торговых отношений стран Центрально-Восточной Европы с миром в период пандемии COVID-19. Распространение в 2020 г. по всему миру коронавирусной инфекции привело к повсеместному временному спаду деловой активности из-за карантинных ограничений. В последнее время интеграция государств ЦВЕ в Европейский союз постепенно утрачивает свою былую эффективность и вносит все меньший вклад в их экономическое развитие. Ставший основным для стран ЦВЕ европейский рынок демонстрирует stagнационные преграды для развития их внешне-торговых отношений, замедляя темпы экономического роста. Кризисная ситуация внутри Евросоюза может только усугубить нынешнюю экономическую рецессию и затруднить выход из нее в будущем. В связи с этим государства ЦВЕ столкнулись с необходимостью диверсифицировать торгово-экономические связи с целью поиска новых эффективных рынков сбыта своей продукции. В ходе статистического анализа было выявлено, что важнейшими направлениями диверсификации внешнеторговых потоков стран ЦВЕ являются на современном этапе рынки стран Азии, среди которых ведущую роль играет Китай, а также постсоветские государства, включая Россию. Исследование сдвигов в географической структуре внешней торговли стран ЦВЕ в рассматриваемый период позволило сделать вывод, что, хотя произошел спад товарооборота по всем направлениям, в наименьшей мере это коснулось связей с Китаем и другими азиатскими странами. Торговля с ними стала своеобразным якорем стабильности в условиях разразившейся бури в мировой экономике и частично компенсировала сокращение внешнеторговых потоков в направлении Европейского союза и во взаимных связях.*

***Ключевые слова:** Центрально-Восточная Европа; Европейский союз; внешняя торговля; диверсификация связей.*

Голубкин Александр Викторович – младший научный сотрудник
Института экономики РАН. Россия, Москва.
E-mail: golubkinaalexander@gmail.com

Князев Юрий Константинович – доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики РАН. Россия, Москва.
E-mail: kyuk151@rambler.ru

Golubkin A.V., Knyazev Yu.K. The foreign trade crisis in Central and Eastern Europe against the background of the Covid-19 coronavirus pandemic

Abstract. *The article analyzes the features and main directions of the diversification of trade relations between the countries of Central and Eastern Europe (CEE) and the world during the COVID-19 coronavirus pandemic. The emergence in 2020 of an existential danger from the spread of coronavirus infection around the world led everywhere to a temporary decline in business activity due to quarantine restrictions. Recently, the integration of these states into the European Union has been gradually losing its former effectiveness and making an ever-smaller contribution to their economic development. The European market, which has become the main one for the CEE countries, demonstrates stagnant trends in the development of their foreign trade relations, slowing down the pace of their economic growth. The crisis inside the European Union can only worsen the current economic recession and make it difficult to get out of it in the coming years. In this regard, the CEE states faced the need to diversify their trade and economic ties in order to find new effective markets for their products. Statistical analysis revealed that the most important areas of diversification of foreign trade flows of the CEE countries are the markets of Asian countries, among which China plays a leading role, as well as Russia and other post-Soviet states. The study of shifts in the geographical structure of foreign trade of the CEE countries during this period allowed us to conclude that, although there was a decline in trade turnover in all directions, it affected relations with China and other Asian countries to the least extent. Trade with them became a kind of anchor of stability amid the storm, which broke out in the global economy, and partially compensated for the reduction of foreign trade flows towards the European Union and in mutual relations.*

Keywords: *Central and Eastern Europe; the European Union; foreign trade; diversification of ties.*

**Golubkin Alexander Viktorovich – Junior Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow.
E-mail: golubkinaalexander@gmail.com**

**Knyazev Yuriy Konstantinovich – Doctor of Economics, Professor,
Principal Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy
of Sciences. Russia, Moscow.
E-mail: kyuk151@rambler.ru**

В процессе перехода от социалистического строя к рыночной экономике была радикально реформирована вся внешнеэкономическая система стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Она была приспособлена к работе в условиях рынка, что потребовало существенных изменений как внутренних, так и внешних механизмов ведения внешнеторговой деятельности.

Результатом реформ стала адаптация страновых экономик к современным условиям осуществления мирохозяйственных связей. Изменилась географическая ориентация внешней торговли стран ЦВЕ, в совокупном товарообороте которых стала преобладать торговля со странами Европейского союза (ЕС), включая самих новых членов этой организации.

1. Региональные особенности входа в кризис, его развития и преодоления

Внешнеторговый кризис, связанный с пандемией COVID-19, развернулся в странах ЦВЕ на фоне системного кризиса в Европейском союзе, который находит свое проявление во внутривнутриполитической, международной, экономической и социальной сферах, причем наибольшую остроту получили пока политические аспекты.

Во внутривнутриполитической сфере настоящим «яблоком раздора» послужил миграционный кризис, неожиданно разразившийся в 2015–2016 гг. в Западной Европе из-за массового наплыва беженцев из проблемных стран Африки и Ближнего Востока (в основном из разоренных войнами Ливии, Ирака, Сирии, Афганистана). Заметные трения между отдельными странами ЕС возникли также в связи с их неоднозначным отношением к введенным Евросоюзом и систематически продлеваемым антироссийским санкциям. Серьезным возбудителем разногласий и недовольства стран Брюсселем были также последствия мирового финансово-экономического кризиса, разразившегося на рубеже нулевых и десятых годов текущего столетия (экономический спад и длительная стагнация, острый долговой кризис в странах Европы, разбалансированность их внутренних финансов и проблемы в кредитно-банковской сфере, увеличение безработицы и падение жизненного уровня населения). Апофеозом кризиса в Европейском союзе стал выход с 2020 г. Великобритании из этой организации, нанесящий огромный имиджевый и материальный урон этому международному объединению, долгие годы считавшемуся образцом наиболее продвинутой экономической и политической интеграции.

В области внешней политики трения и разногласия среди отдельных стран ЕС и их озабоченность по поводу снижения безопасности были вызваны геополитической нестабильностью, опасениями из-за усилившейся активности международного терроризма, ожиданиями роковых последствий обострившегося противостояния между Западом и Россией в связи с украинским кризисом и открыто антироссийской направленностью активизировавшихся военных приготовлений США и НАТО вблизи европейских границ России, дифференцированным подходом администрации Д. Трампа к разным европейским странам и выделением фаворитов, таких как Польша и страны При-

балтики, фактическим развязыванием торговой войны США против европейских государств и Евросоюза в целом.

Экономические последствия разрастающегося кризиса в Евросоюзе для государств-членов начали проявляться в самое последнее время. По мере усугубления кризисной ситуации стали замедляться темпы экономического роста в этом объединении, которые снизились с 2,2% прироста ВВП в 2015 г. до 1,9% в 2016 г., а затем из года в год уменьшались до самого низкого уровня в 2019 г., немногим превысившим 1%. Падение темпов роста было еще больше в более развитых странах, что ограничивало потребительский спрос на их рынках и затрудняло сбыт экспортной продукции из стран Центрально-Восточной Европы. Тем не менее темпы роста внешнеторгового товарооборота стран ЦВЕ, включая членов ЕС, резко повысились в 2017 г. и продолжили увеличиваться в 2018 г. Однако в 2019 г. рост внезапно прекратился и произошел неожиданный спад.

Тренды социально-экономического развития стран ЦВЕ в 2017–2019 гг. свидетельствуют об ухудшении по сравнению с предыдущими двумя-тремя годами общей ситуации, что выражается в замедлении темпов роста ВВП, осложнении работы бизнеса, стагнации жизненного уровня, нарастающих трудностях во внешней торговле, ослаблении основного драйвера экономического развития предыдущих лет, каким был увеличивавшийся внешний и внутренний спрос.

Появление в 2020 г. экзистенциальной опасности от распространения по всему миру коронавирусной инфекции привело повсюду к временному спаду деловой активности из-за карантинных ограничений. Не стали исключением и страны ЦВЕ, понесшие серьезный ущерб, точные размеры которого только предстоит оценить. Очевидно, что кризисная ситуация внутри Евросоюза может только усугубить нынешнюю экономическую рецессию и затруднит выход из нее в предстоящие годы.

Как показал мировой кризис и трудности послекризисного восстановления, любое ухудшение политической и экономической ситуации в «старых» членах ЕС оказывает негативное влияние на внешнеэкономические связи стран ЦВЕ внутри интеграционного объединения. Емкость общего рынка неизбежно сужается при замедлении экономического роста в государствах Евросоюза, что ограничивает возможности экспорта всех стран, ориентированных преимущественно на западноевропейское пространство. У некоторых стран ЦВЕ доля Европейского союза во внешнеторговом товарообороте превышала до 2019 г. половину, а в государствах-членах – приближалась к 75–80% его совокупного объема, причем отдельные страны превосходили этот рубеж по экспорту.

Наступившая в 2019 г. рецессия во внешней торговле, а также начавшийся коронакризис не сказались существенно на отраслевой структуре экспорта и импорта стран ЦВЕ. Обнаружившаяся в 2019 г. тенденция на спад внешне-

торговой активности завершилась обвалом в 2020 г. из-за резкого снижения хозяйственной деятельности в условиях пандемии коронавируса.

2. Динамика внешней торговли стран ЦВЕ в 2020–2021 гг.

Показатели внешней торговли стран ЦВЕ сильно ухудшились с самого начала эпидемии коронавируса. После прироста объема совокупного внешне-торгового оборота этих стран в январе 2020 г. на 14,5% произошло его сокращение на 1,2% – в феврале и на 1,7% – в марте (по сравнению с предыдущими месяцами 2020 г.). Первые последствия введенных мер по борьбе с коронавирусом проявились в конце марта и в начале апреля 2020 г. В апреле 2020 г. случился спад внешней торговли на 30,5%, уже под влиянием пандемического коллапса.

В дальнейшем внешнеторговая динамика зависела в основном от распространения пандемии и принимавшихся мер по преодолению ее последствий, т.е. соответствовала эпидемическим волнам. В период ослабления антивирусного режима в мае и июне 2020 г. рост объема торговли возобновился темпами от 9,6 до 22,6% соответственно. Экономика стран, начавшая приспосабливаться к неблагоприятным условиям пандемии после ее первой волны, вновь оказалась в кризисе в результате локдаунов, последовавших из-за начавшегося в конце 2020 г. нового наступления пандемии.

В первой половине 2021 г. объем товарооборота стран ЦВЕ с миром коррелировал с мерами по борьбе с короновирусной инфекцией. В феврале и марте темпы прироста товарооборота увеличивались, составив 7,1% и 16,8%, соответственно. В апреле вновь произошло сокращение товарооборота стран ЦВЕ на 8,2% (рис. 1).

В мае 2021 г. темпы прироста товарооборота стран ЦВЕ продемонстрировали некоторое восстановление и к июню достигли 5,8%. В июле произошло очередное снижение объема внешней торговли, составившее 7,3%. В сентябре темпы прироста выросли до 12,8%, но в октябре снова был отмечен небольшой спад товарооборота на 1,3%. В самом конце 2021 г. динамика внешнеторгового оборота постепенно ускорялась, продемонстрировав 2,3% прироста в декабре (все данные по сравнению с предыдущими месяцами). Таким образом, динамика внешнеторгового товарооборота на протяжении 2021 г. была разнонаправленной по месяцам, но с менее выраженными колебаниями в сравнении с предыдущим годом.

Экспорт и импорт товаров стран ЦВЕ в основном повторяли динамику всего внешнеторгового оборота с небольшими месячными флуктуациями темпов в ту или иную сторону. В январе 2021 г. совокупные экспортные операции стран ЦВЕ выросли на 4,0%, в то время как импорт продемонстриро-

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

вал снижение на 3,8%. Объемы экспорта и импорта росли до марта 2021 г., а в апреле вновь сократились на 7,6% и 8,8% соответственно.

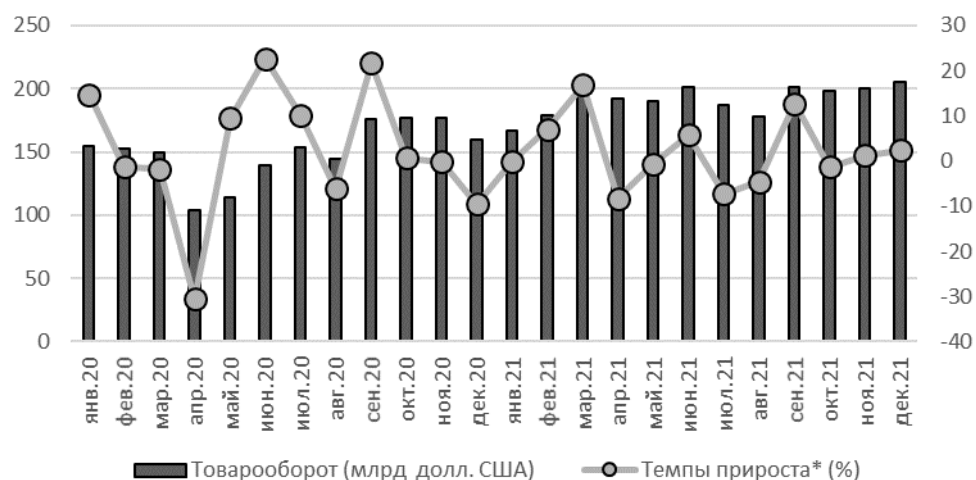

Рис. 1 Внешняя торговля стран ЦВЕ с миром, январь 2020 – декабрь 2021 г.

* Темпы прироста товарооборота расположены на правой шкале рисунка

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>), Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

Таблица 1

Внешняя торговля стран ЦВЕ с миром, январь 2020 – декабрь 2021 г.

Показатель / месяц	Экспорт (млрд долл. США) и его темпы прироста (% к предыдущему месяцу)											
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	76,7	76,2	73,0	49,7	56,8	71,6	75,8	71,1	88,9	89,4	88,3	78,0
Темпы прироста	18,6	-0,6	-4,2	-31,9	14,2	26,1	5,9	-6,2	25,0	0,6	-1,2	-11,7
	Янв. 21	Фев. 21	Мар. 21	Апр. 21	Май 21	Июн. 21	Июл. 21	Авг. 21	Сен. 21	Окт. 21	Нояб. 21	Дек. 21
Объем	84,7	89,3	103,3	95,5	92,9	98,9	90,1	84,5	97,5	97,1	98,4	101,2
Темпы прироста	4,0	5,4	15,7	-7,6	-2,7	6,5	-9,0	-6,2	15,4	-0,4	1,3	2,8

**ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ КРИЗИС В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
НА ФОНЕ КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ COVID-19**

Показатель / месяц	Импорт (млрд долл. США) и его темпы прироста (% к предыдущему месяцу)											
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	77,8	76,1	76,8	54,4	57,2	68,3	78,2	73,4	87,0	87,7	88,4	81,9
Темпы прироста	11,1	-2,1	0,8	-29,1	5,2	19,3	14,5	-6,1	18,5	0,8	0,8	-7,3
	Янв. 21	Фев. 21	Мар. 21	Апр. 21	Май 21	Июн. 21	Июл. 21	Авг. 21	Сен. 21	Окт. 21	Нояб. 21	Дек. 21
Объем	82,3	89,4	105,5	96,2	97,6	102,6	96,7	93,6	103,4	101,1	102,3	104,2
Темпы прироста	-3,8	8,7	18,0	-8,8	1,4	5,1	-5,7	-3,2	10,5	-2,2	1,2	1,9

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>), Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

В июле произошло очередное сокращение экспортно-импортной активности, которое продолжилось и в августе, когда темпы прироста экспорта и импорта были отрицательными, составив -6,2% и -3,2% соответственно. В октябре динамика экспорта и импорта восстановилась, темпы прироста составили 15,4% и 10,5%. В октябре вновь произошло незначительное замедление темпов роста. И только к концу года экспортные и импортные операции стали расти, увеличившись в декабре на 2,8% и 1,9%, соответственно. Как видно из таблицы 1, месячные данные за 2021 г. колебались в разных диапазонах, выйдя на положительные величины в последние два месяца.

3. Специфика внешнеторговой активности стран региона по разным географическим направлениям

С введением ограничительных противовирусных мер весной 2020 г. активность торговли стран ЦВЕ со странами ЕС снижалась – месячный объем товарооборота сократился с 104,6 млрд долл. в январе до 101,8 млрд долл. в марте, или на 3,3%. В первой половине 2021 г. объем внешней торговли стран ЦВЕ со странами ЕС рос вплоть до марта, насчитав рекордные 141,2 млрд долл. США (рис. 2).

Самый ощутимый спад основных показателей торговли стран ЦВЕ со странами ЕС произошел в апреле 2020 г., когда товарооборот сократился на 34,1%, экспорт – на 33,1, а импорт – на 35,1% по сравнению с предыдущим месяцем (рис. 3).

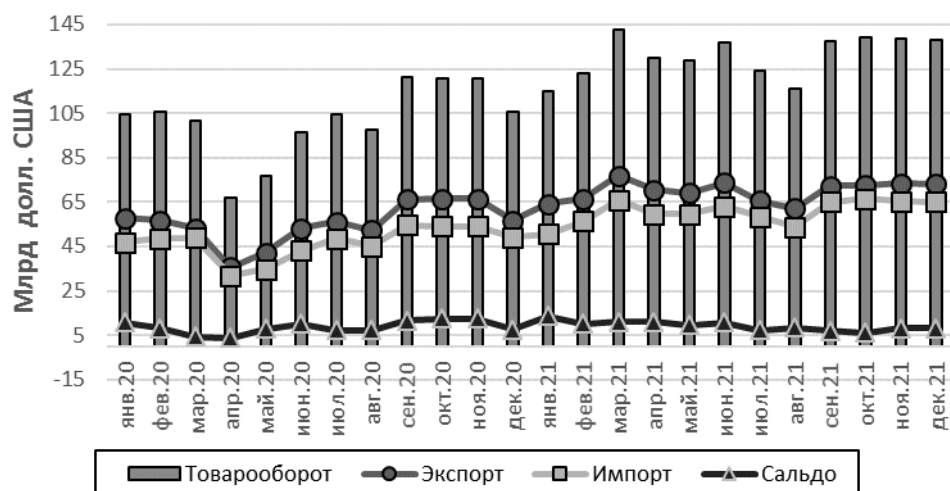

Рис. 2 Основные показатели внешней торговли стран ЦВЕ с государствами ЕС, январь 2020 – декабрь 2021 г.

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>), Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

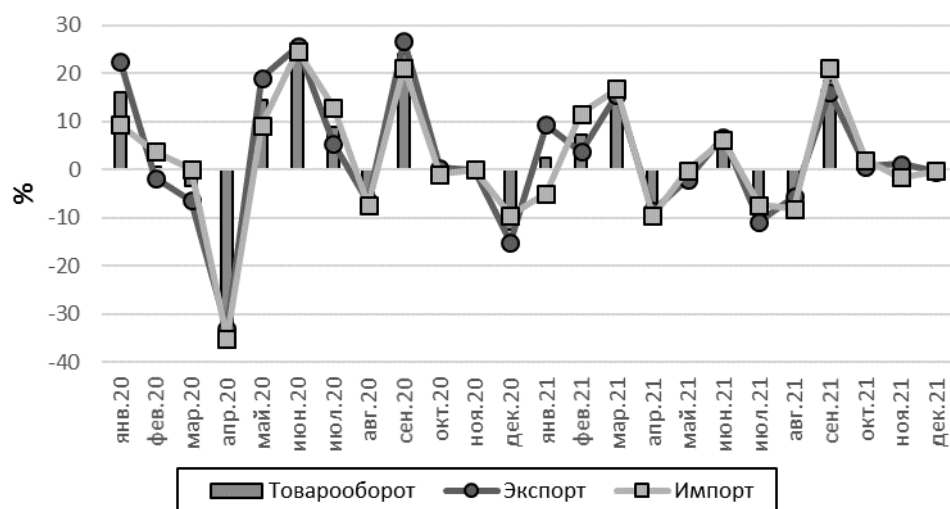

Рис. 3. Темпы роста внешней торговли стран ЦВЕ с государствами ЕС в месячном выражении, январь 2020 – декабрь 2021 г.

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>), Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

После прироста в июне 2020 г. на 25,4% объем товарооборота со странами ЕС снижался до сентября, когда он вновь вырос на 24,2%. В декабре 2020 г. торговые операции с этой группой стран снова существенно сократились: товарооборот уменьшился на 12,5%, экспорт – на 15,1, а импорт – на 9,5%.

В первые три месяца 2021 г. внешнеторговая активность со странами ЕС демонстрировала положительные темпы прироста основных ее показателей. В марте общий товарооборот увеличился на 16,1%, экспорт – на 15,6 и импорт – на 16,8%. Однако в апреле произошло очередное замедление торговой активности, тогда объем товарооборота сократился на 9,1%, экспорта – на 8,5, а импорта – на 9,6%. В сентябре 2021 г. основные внешнеторговые показатели стран ЦВЕ с ЕС выросли: товарооборот – на 18,5%, экспорт – на 16,1, импорт – на 21,2%. Начиная с октября месяца эти показатели стали ухудшаться, продемонстрировав в декабре незначительный прирост товарооборота, экспорта и импорта на 0,3%.

Торговля стран ЦВЕ с азиатскими государствами¹

Региональные различия последствий коронавирусной пандемии ярким образом прослеживаются в торгово-экономических связях стран ЦВЕ с Азией. Сокращение экспортных поставок государств ЦВЕ в этот регион началось уже в первом квартале 2020 г., когда в азиатских странах начались ковидные ограничения. В апреле произошел спад экспорта в Азию на 17,1%, который был примерно в 2 раза слабее, чем в ЕС (табл. 2).

Таблица 2

Динамика экспорта и импорта стран ЦВЕ в торговле с Азией, январь 2020 – декабрь 2021 г. (млрд долл. США)

Показатель / месяц	Экспорт (млрд долл. США) и его темпы прироста (% к предыдущему месяцу 2020 г.)											
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	2,8	2,8	2,8	2,3	2,3	3,2	3,3	3,0	3,7	3,5	3,2	3,4
Темпы прироста	-8,0	-1,4	-0,5	-17,1	0,7	38,8	3,6	-9,6	22,0	-4,3	-9,0	5,9
	Янв. 21	Фев. 21	Мар. 21	Апр. 21	Май 21	Июн. 21	Июл. 21	Авг. 21	Сен. 21	Окт. 21	Нояб. 21	Дек. 21
Объем	3,2	3,6	4,2	3,9	3,7	3,8	3,6	3,3	3,5	3,4	3,5	3,7
Темпы прироста	-14,4	10,3	17,8	-7,2	-4,4	1,6	-4,9	-8,1	5,6	-3,1	2,9	5,7

1. В данной группе стран рассматриваются четыре главных торговых партнера стран ЦВЕ в Азии – Китай, Турция, Республика Корея, Япония.

Продолжение таблицы

Показатель / месяц	Импорт (млрд долл. США) и его темпы прироста (% к предыдущему месяцу 2020 г.)											
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	13,2	10,7	10,7	10,2	10,9	11,0	13,3	12,1	14,2	15,0	15,6	14,8
Темпы прироста	22,8	-18,7	-0,2	-4,5	6,8	1,0	20,3	-9,1	17,9	5,5	3,7	-4,7
	Янв. 21	Фев. 21	Мар. 21	Апр. 21	Май 21	Июн. 21	Июл. 21	Авг. 21	Сен. 21	Окт. 21	Нояб. 21	Дек. 21
Объем	14,5	14,3	17,5	15,2	15,8	16,0	15,6	16,4	16,1	10,6	11,2	12,8
Темпы прироста	-3,0	-1,2	21,7	-12,9	3,9	1,1	-2,3	4,9	-1,4	-34,6	6,1	14,3

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>),
Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

Экспорт стран ЦВЕ в азиатские государства, после резкого спада в апреле, начал после этого восстанавливаться более динамичными темпами, чем импорт. В июне 2020 г. экспортные операции выросли на рекордные 39%, в августе они сократились на умеренные 10%. После роста на 22% в сентябре 2020 г., в октябре того же года произошел спад объема экспорта на 4,3%, который усилился в ноябре (-9%). Однако в декабре экспортная активность государств ЦВЕ выросла, продемонстрировав прирост объема экспорта на 5,9%.

В январе 2021 г. экспорт стран ЦВЕ в Азиатский регион упал на 14,4%, находясь в инерционном состоянии после вводимых в 2020 г. ограничительных мер по борьбе с коронавирусной инфекцией. В феврале и марте 2021 г. наблюдалось временное восстановление экспортных операций в страны Азии. Причем в марте были зафиксированы довольно высокие темпы прироста, которые составили 17,8%. В последующие два месяца экспорт стран ЦВЕ в Азию начал сокращаться: в мае произошло его уменьшение на 4,4%, после резкого спада на 7,2% в апреле. После умеренного снижения объема экспорта на 3,1% в октябре 2021 г., к концу года темпы прироста экспортных операций стран ЦВЕ с Азией начали восстанавливаться и в декабре составили 5,7%.

Импорт из стран Азиатского региона, после довольно существенного роста на 20,3% в июле 2020 г., сократился на 9,1% в августе. В последующие три месяца динамика импортных поставок государств ЦВЕ была положительной, несмотря на постепенное замедление среднемесячных темпов роста. В декабре 2020 г. импортные операции упали почти на 5%.

В начале 2021 г. импортная активность стран ЦВЕ из азиатских стран продолжила сокращаться. В январе 2021 г. импорт уменьшился почти на 3%, а в

феврале – на 1,2%. Затем в марте произошло довольно внушительное восстановление объема импортных операций на 21,7%. В октябре темпы сокращения импорта стран ЦВЕ из Азии составили рекордные 34,6%. В декабре 2021 г. объем импорта не только восстановился, но и зафиксировал прирост на 14,3%.

Отличительной особенностью внешнеторговых отношений стран ЦВЕ с азиатскими государствами является преобладание их импорта над экспортом. Вследствие резкого сокращения импортных поставок в эти страны из Азии в апреле 2020 г., объем взаимного товарооборота в том же месяце продемонстрировал рекордное падение почти на 16% (рис. 4).

Вторая волна замедления месячных темпов прироста товарооборота стран ЦВЕ с Азией на 9,2% случилась в августе 2020 г. в связи с обострением пандемии. На протяжении следующих трех месяцев, повторяя динамику импорта, товарооборот вырос на 19% в сентябре и незначительно (на 1,3%) в ноябре. В декабре 2020 г. динамика внешней торговли стран ЦВЕ с Азией вновь стала отрицательной (–3%).

После существенного увеличения объема внешней торговли стран ЦВЕ с Азией в марте 2021 г. на 20,6%, в апреле того же года произошла третья волна спада, когда темпы прироста товарооборота сократились на 11,7%. Рекордное сокращение внешнеторгового оборота стран ЦВЕ с Азией произошло в октябре 2021 г. – на 28,9%. В декабре того же года товарооборот с азиатскими странами вырос на солидные 12,2%, в сравнении с незначительным ростом торговли (на 0,3%) со странами ЕС (рис. 4).

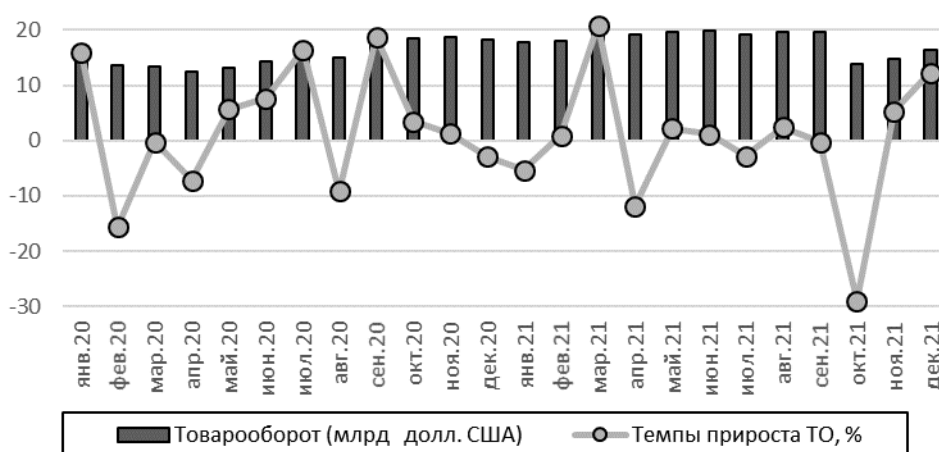

Рис. 4. Товарооборот стран ЦВЕ с Азией, январь 2020 – декабрь 2021 г.

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>), Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

Торговые связи стран ЦВЕ с Китаем

Главным торговым партнером стран ЦВЕ в Азии выступает Китай. Динамика их товарооборота с Китаем в 2020 г. отличалась от динамики товарооборота с миром тем, что самое глубокое его падение пришлось на февраль месяц – более чем на 20% после роста на 21,5% в январе. Именно тогда в Китае был разгар эпидемии. После небольшого сокращения торговли в марте на 1,3% произошел рост товарооборота в следующие четыре месяца разными темпами от 4 до 15%. В октябре зарегистрирован спад торговли на 8%, компенсированный почти двойным по объему приростом в ноябре 2020 г., но в декабре товарооборот снизился на 16% (рис. 5).

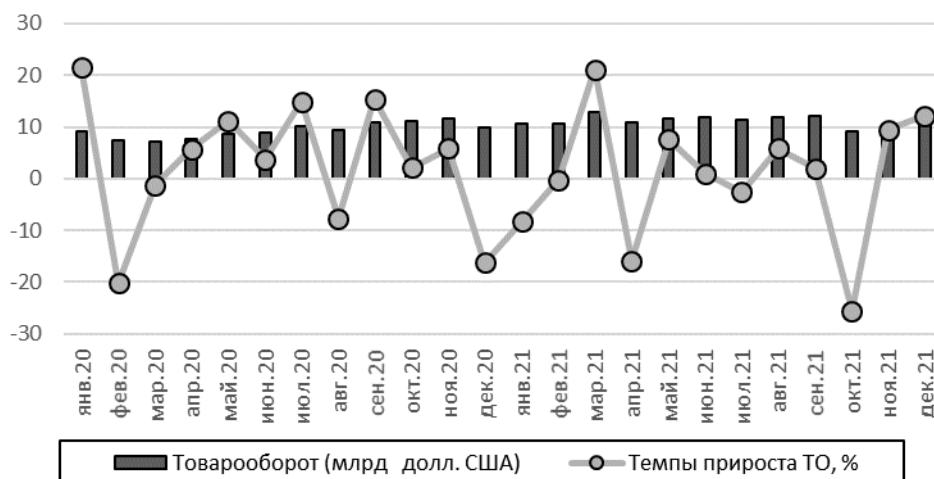

Рис. 5. Товарооборот стран ЦВЕ с Китаем, январь 2020 – декабрь 2021 г.

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>), Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

В первой половине 2021 г. товарооборот стран ЦВЕ с КНР рос вплоть до апреля, когда произошло резкое сокращение его объема на 15,8%. В мае 2021 г. уровень внешней торговли с Китаем продемонстрировал умеренное восстановление на 7,6%. Довольно сильное сокращение товарооборота произошло в октябре 2021 г. – на 25,5%. В декабре динамика внешней торговли стран ЦВЕ с Китаем восстановилась, темпы прироста составили 12,1%.

Экспорт в Китай сократился уже в январе 2020 г. на 15,7% и продолжил снижение в апреле на 13%. После этого в течение четырех месяцев был значительный рост темпами с 11% в марте до более 43% в июне, когда страны ЦВЕ стремились компенсировать сокращение экспорта с другими государст-

вами мира экспансией в Китай. После умеренного уменьшения объема экспорта в июле-августе произошло его увеличение в сентябре на 12%, сменившееся сокращением на 6% в октябре и на 10% в ноябре и декабре 2020 г. (табл. 3). Объясняется это исключительно очередным локдауном, наступившим в этих странах, так как в Китае ситуация уже нормализовалась.

В начале 2021 г. экспорт в КНР повторил динамику предыдущего года. В январе 2021 г. объем экспортных операций сократился на 15,7%, что аналогично темпам прироста в январе 2020 г. В феврале-марте 2021 г. объем экспорта увеличивался и достиг 1,6 млрд долл. США, рост составил 20,0%, однако в следующем месяце произошло сокращение на 7,1%. В мае 2021 г. экспортные операции стран ЦВЕ с КНР продемонстрировали умеренный рост на 3,4%. В конце года динамика экспорта была положительной, в декабре экспорт увеличился на 7,1%.

Объем импорта стран ЦВЕ из Китая после роста на 28% в январе 2020 г. уменьшился на 21% в феврале и далее в основном повторял динамику общего товарооборота за исключением трех последних месяцев года, когда импорт сначала рос умеренными темпами (3% в октябре и 8% в ноябре), а затем сократился на 17% в декабре (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика экспорта и импорта стран ЦВЕ в торговле с Китаем,
январь 2020 – декабрь 2021 г.**

Показатель / месяц	Экспорт (млрд долл. США) и его темпы роста (% к предыдущему месяцу 2020 г.)											
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май. 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	0,9	0,8	0,9	0,9	1,0	1,4	1,4	1,2	1,4	1,3	1,2	1,4
Темпы прироста	-15,6	-12,9	10,8	8,8	3,2	43,4	-2,5	-8,8	12,1	-6,0	-9,4	-9,6
Показатель / месяц	Янв. 21	Фев. 21	Мар. 21	Апр. 21	Май. 21	Июн. 21	Июл. 21	Авг. 21	Сен. 21	Окт. 21	Нояб. 21	Дек. 21
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май. 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	1,2	1,3	1,6	1,4	1,5	1,4	1,4	1,3	1,2	1,3	1,4	1,5
Темпы прироста	-15,7	4,7	20,0	-7,1	3,4	-3,2	-4,4	-5,0	-5,6	5,0	7,7	7,1
Показатель / месяц	Импорт (млрд долл. США) и его темпы роста (% к предыдущему месяцу 2020 г.)											
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май. 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	8,3	6,6	6,4	6,7	7,6	7,5	8,8	8,2	9,5	9,8	10,6	8,8
Темпы прироста	27,6	-21,0	-2,7	5,3	12,3	-1,4	18,2	-7,5	15,9	3,4	7,9	-17,0

Продолжение таблицы

	Янв. 21	Фев. 21	Мар. 21	Апр. 21	Май. 21	Июн. 21	Июл. 21	Авг. 21	Сен. 21	Окт. 21	Нояб. 21	Дек. 21
Объем	9,4	9,3	11,3	9,4	10,1	10,3	10,1	10,6	10,9	7,7	8,5	9,6
Темпы прироста	-7,1	-0,9	21,2	-17,0	8,3	1,6	-2,3	7,4	2,9	-29,0	9,7	12,9

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>), Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

Как показывают данные статистики, Китай в 2020 г. не стал отдушиной для экспорта стран ЦВЕ, но зато оставался важным поставщиком импортных товаров.

В первые два месяца 2021 г. импорт из КНР сокращался: на 7% в январе и на 1% в феврале. В марте произошел резкий рост импортных операций на 21,2%, а в апреле – довольно существенное сокращение на 17,0%. В мае 2021 г. объем импорта стран ЦВЕ из КНР увеличился на 8,3%, насчитав чуть более 10 млрд долл. США. В октябре 2021 г. импортные операции резко сократились на 29%. В конце того же года импорт стран ЦВЕ из Китая начал восстанавливаться, продемонстрировав рост на 9,7% в ноябре и 12,9% в декабре.

Торговые связи стран ЦВЕ с государствами постсоветского пространства²

В январе 2020 г. стоимостный объем товарооборота стран ЦВЕ со странами постсоветского пространства насчитывал 9,5 млрд долл., в том числе экспорта – 3,7 млрд долл., импорта – 5,8 млрд долл. На протяжении последующих двух месяцев происходило постепенное сокращение товарооборота, и в итоге он в марте составил менее 95% от уровня января.

В 2021 г. внешняя торговля стран ЦВЕ со странами постсоветского пространства развивалась с положительной динамикой, объем товарооборота вырос с 8,6 млрд долл. в январе до 11,4 млрд долл. в марте (рис. 6).

Резкий спад во внешней торговле государств ЦВЕ со странами постсоветского пространства произошел в апреле 2020 г. Так, товарооборот суммарно составил 6,1 млрд долл., сократившись на 32,1%. Экспортные поставки стран ЦВЕ снизились на 27,9% и составили чуть более 3 млрд долл. Объем импортных операций уменьшился еще больше – на 35,7% по сравнению с мартом 2020 г.

² В данной группе стран рассматриваются все республики бывшего СССР за исключением прибалтийских.

**ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ КРИЗИС В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
НА ФОНЕ КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ COVID-19**

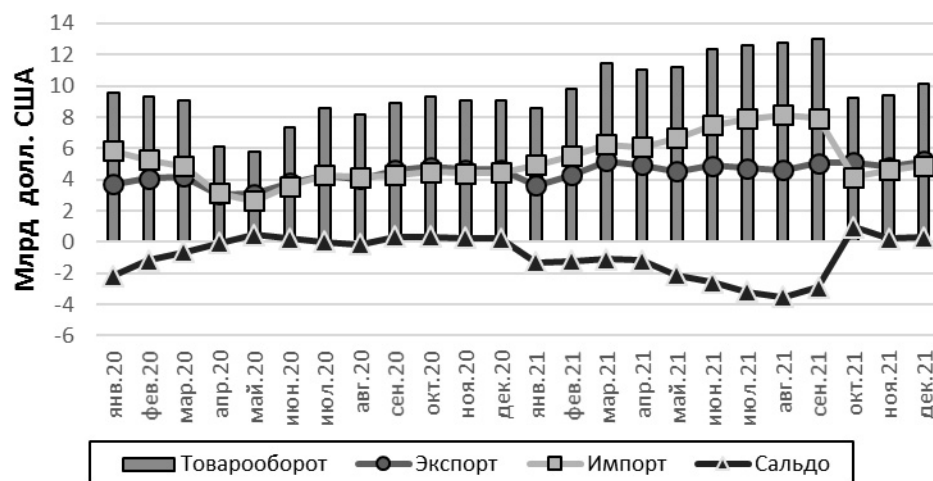

Рис. 6. Объемы торговли стран ЦВЕ со странами постсоветского пространства, январь 2020 – декабрь 2021 г., млрд долл.

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>), Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

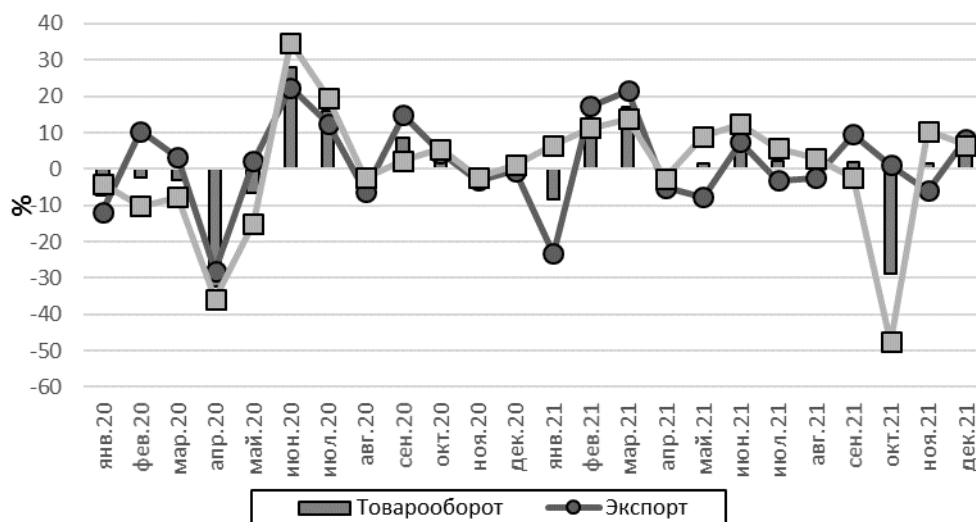

Рис. 7. Темпы прироста объема торговли стран ЦВЕ со странами постсоветского пространства, январь 2020 – декабрь 2021 г. в месячном выражении, %.

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>), Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

В начале 2021 г. объем товарооборота со странами постсоветского пространства сократился на 8,5%, повторяя тенденции предыдущего года. В феврале-марте наблюдался рост объема внешней торговли, темпы прироста которой составляли 13,8% и 17,1%, соответственно. Так же, как и 2020 г., в апреле произошло сокращение товарооборота на 3,7% (рис. 6 и 7).

Довольно резкий спад во внешней торговле государств ЦВЕ со странами постсоветского пространства произошел в октябре 2021 г. Так, товарооборот суммарно составил 9,2 млрд долл., сократившись на 28,6%, по сравнению с аналогичным объемом в сентябре 2021 г. В конце года объем товарооборота с постсоветским пространством восстановился и составил 10,1 млрд долл., увеличившись на 7,4%.

В первом квартале 2021 г. экспорт стран ЦВЕ в постсоветское пространство повторил динамику их товарооборота. В январе 2021 г. объем экспортных операций насчитал 3,6 млрд долл., сократившись на 23,3% по сравнению с уровнем декабря 2020 г. Затем на протяжении последующих двух месяцев экспорт увеличивался довольно быстрыми темпами, которые в феврале составляли 17,3%, а в марте – 21,5%. В мае 2021 г. экспорт продемонстрировал сокращение объема на 7,7%. После умеренного роста на 1,1% в октябре 2021 г., в ноябре экспорт стран ЦВЕ сократился на 5,8%, а в декабре вырос на 8,3%.

Что касается импорта стран ЦВЕ из государств постсоветского пространства, то его объем постепенно увеличивался на протяжении первых трех месяцев 2021 г. В марте объем импортных операций составил 6,2 млрд долл., увеличившись почти на 14%. В апреле 2021 г. импорт стран ЦВЕ уменьшился на 2,6%. В октябре произошло сильное сокращение импорта на 47,5%, когда его объем насчитал 4,1 млрд долл. В конце 2021 г. импортные операции стран ЦВЕ с постсоветским пространством восстановились умеренными темпами. В декабре объем импорта вырос на 6,5%.

Торговля стран ЦВЕ с Россией

Вводившиеся ограничительные меры по борьбе с коронавирусом неблагоприятно сказались на развитии торгово-экономических отношений стран ЦВЕ с Россией, хотя и в разной мере по месяцам.

Объем торговли стран ЦВЕ с Россией снизился уже в январе 2020 г. на 5,7% и продолжал падать в следующие два месяца умеренными темпами (в среднем на 2,5% ежемесячно), а в апреле случился обвал на 36%. После продолжившегося сокращения в мае на 7,2% произошел восстановительный рост в июне на 33,5%, за которым последовал прирост товарооборота на 10% в июле месяце. Очередное снижение торговой активности на 4% в августе сменилось ростом товарооборота в следующие два месяца на 11 и 9%, после чего наступил новый спад на 6,5% в ноябре и 12% в декабре 2020 г.

В начале 2021 г. внешняя торговля стран ЦВЕ с РФ демонстрировала рост. Так, в марте 2021 г. объем товарооборота РФ насчитал 6,7 млрд долл., увеличившись на 14,4%. В апреле произошло снижение товарооборота на 5,1% (рис. 8).

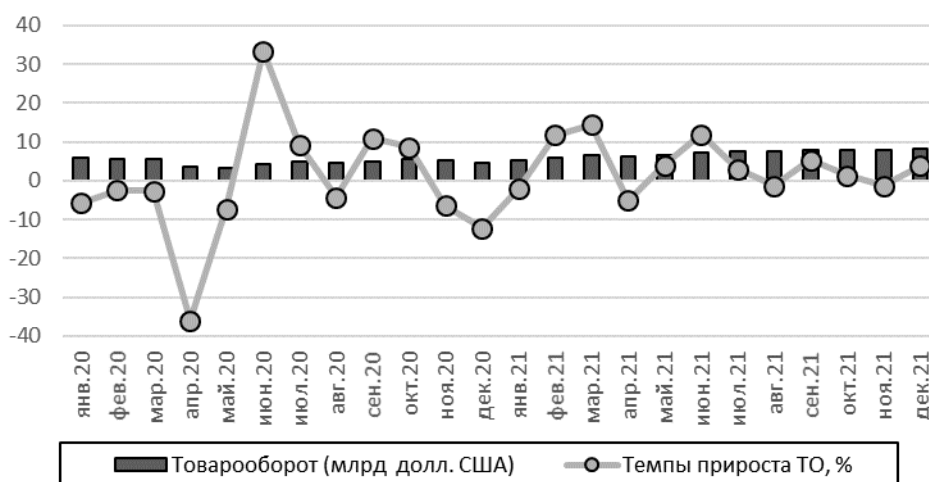

Рис. 8. Товарооборот стран ЦВЕ с Россией, январь 2020 – декабрь 2021 г.

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>), Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

Экспорт в Россию повторял динамику товарооборота, в то время как импорт колебался в более широком диапазоне (табл. 4).

Значительное сокращение объемов экспорта и импорта стран ЦВЕ в торговле с РФ наступило в апреле 2020 г., когда произошел спад экспорта на 28,1%, а импорта – на рекордные 41,4%. В июне и сентябре того же года объем внешнеторговых операций с Россией восстанавливался достаточно быстрыми темпами. Так, в июне экспортные поставки государств ЦВЕ составили почти 2 млрд долл., увеличившись на 21,9% по сравнению с маем. В сентябре экспорт вырос почти на 20% до 2,5 млрд долл.

В январе 2021 г. объем экспортных операций стран ЦВЕ с Россией насчитывал 2 млрд долл., сократившись на 18,7% по сравнению с уровнем декабря 2020 г. Максимальный объем экспорта в РФ пришелся на март и ноябрь 2021 г. – 2,7 млрд долл., при этом темпы его прироста составили в марте 20,9%, а в ноябре – 8,0%. В апреле-мае наблюдалось постепенное замедление экспортной активности стран ЦВЕ, направленной на Россию. Так, в апреле экспорт в РФ снизился на 6,7%, а в мае – на 8,2%. В декабре 2021 г. объем экспорта сократился на 3,7% до 2,6 млрд долл.

Таблица 4

**Торговля стран ЦВЕ с Россией, январь 2020 – декабрь 2021 г.,
объем и темпы прироста в месячном выражении**

Показатель / месяц	Экспорт (млрд долл. США) и его темпы прироста (% к предыдущему месяцу 2020 г.)											
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	1,9	2,1	2,3	1,6	1,7	2,0	2,2	2,0	2,5	2,6	2,5	2,2
Темпы прироста	-4,9	10,3	8,1	-28,1	2,3	21,9	7,3	-6,1	20,0	8,0	-5,3	-14,1
Показатель / месяц	Янв. 21	Фев. 21	Мар. 21	Апр. 21	Май 21	Июн. 21	Июл. 21	Авг. 21	Сен. 21	Окт. 21	Нояб. 21	Дек. 21
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	2,0	2,2	2,7	2,5	2,3	2,5	2,4	2,2	2,4	2,5	2,7	2,6
Темпы прироста	-18,7	13,1	20,6	-6,7	-8,2	8,5	-5,3	-7,6	11,8	2,4	8,0	-3,7
Показатель / месяц	Импорт (млрд долл. США) и его темпы прироста (% к предыдущему месяцу 2020 г.)											
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	3,9	3,6	3,2	1,9	1,6	2,3	2,6	2,5	2,6	2,9	2,7	2,4
Темпы прироста	-6,1	-8,6	-9,0	-41,4	-15,4	45,4	11,1	-2,6	3,7	9,4	-7,6	-10,5
Показатель / месяц	Янв. 21	Фев. 21	Мар. 21	Апр. 21	Май 21	Июн. 21	Июл. 21	Авг. 21	Сен. 21	Окт. 21	Нояб. 21	Дек. 21
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	3,2	3,6	4,0	3,8	4,3	4,9	5,2	5,3	5,4	5,5	5,2	5,6
Темпы прироста	11,9	10,9	10,7	-3,9	12,0	13,7	7,2	1,5	2,6	0,9	-5,5	7,7
Показатель / месяц	Товарооборот (млрд долл. США) и его темпы прироста (% к предыдущему месяцу 2020 г.)											
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	5,8	5,6	5,5	3,5	3,3	4,4	4,8	4,6	5,1	5,5	5,2	4,5
Темпы прироста	-5,7	-2,4	-2,6	-35,9	-7,2	33,4	9,3	-4,2	11,0	8,7	-6,5	-12,2
Показатель / месяц	Янв. 21	Фев. 21	Мар. 21	Апр. 21	Май 21	Июн. 21	Июл. 21	Авг. 21	Сен. 21	Окт. 21	Нояб. 21	Дек. 21
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
Объем	5,2	5,8	6,7	6,3	6,6	7,4	7,6	7,5	7,9	8,0	7,9	8,2
Темпы прироста	-2,1	11,8	14,5	-5,1	4,0	11,9	3,0	-1,3	5,3	1,4	-1,3	3,8

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>),
Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

В основном положительную динамику продемонстрировал импорт. В первом квартале 2021 г. импортные операции росли быстрыми темпами. В январе импорт вырос на 11,9%, в марте – на 10,7%. Однако в апреле, когда произошло сокращение объемов всех показателей внешней торговли стран ЦВЕ с РФ, объем импорта уменьшился на 3,9%. После спада на 5,5% в ноябре 2021 г., в декабре импортные операции с РФ выросли на 7,7%.

4. Подтверждение коронакризисом необходимости диверсификации внешнеторговых связей

Внешнеторговые связи государств ЦВЕ с другими членами Евросоюза после достигнутого отдельными странами максимума в 70–75% их товарооборота уже многие годы остаются на фактически неизменном уровне. Существенных изменений, приходящихся на них долей совокупной торговли в последние годы, не наблюдалось. Это означает, что внешнеторговый потенциал рынка ЕС для стран ЦВЕ уже исчерпан и не может служить фактором дальнейшего увеличения их товарооборота.

Евроинтеграция по-видимому достигла пика своего развития и постепенно утрачивает эффективность, перестав вносить свой вклад в экономический рост государств ЦВЕ. Нарастают стагнационные тенденции и в их внешнеэкономических связях, которые вызваны в значительной мере исчерпанием доступного для стран региона торгового потенциала ЕС. Это связано с неблагоприятной экономической ситуацией в самом Евросоюзе и стагнирующим внутренним рынком, причинами чего послужили мировой финансово-экономический кризис и обостряющийся в настоящее время внутренний многофакторный кризис Европейского союза.

Все это означает, что к настоящему времени в основном исчерпан абсорбционный потенциал региона ЕС для экспорта и лимитированы возможности импорта необходимой для рассматриваемых стран продукции. Их дальнейшая внешнеэкономическая экспансия теперь может проходить только в другие части света.

В сложившихся условиях перед странами региона возникает потребность в поиске новых эффективных внешних рынков, способных придать дополнительную динамику внешнеэкономическим связям и внутреннему хозяйственному росту в странах Центрально-Восточной Европы. Именно поэтому возникла настоятельная необходимость диверсификации внешнеэкономических связей стран ЦВЕ за счет расширения сотрудничества с другими перспективными регионами мира.

Общая картина помесечной динамики внешнеторговых связей стран ЦВЕ в 2020–2021 гг. по географическим направлениям в стоимостном выражении представлена в таблице 5.

Таблица 5

**Географическая структура внешней торговли стран ЦВЕ
за январь 2020 – декабрь 2021 г., доли в месячном выражении**

Страна / месяц	Товaroоборот (% общего товарoоборота стран ЦВЕ)											
	Янв. 20	Фев. 20	Мар. 20	Апр. 20	Май 20	Июн. 20	Июл. 20	Авг. 20	Сен. 20	Окт. 20	Нояб. 20	Дек. 20
ЕС	67,73	69,17	68,01	64,51	67,41	68,82	68,04	67,46	68,82	68,20	68,37	66,05
ПСП	6,18	6,12	6,05	5,90	5,04	5,26	5,55	5,66	5,05	5,26	5,13	5,68
Азия	10,38	8,88	9,01	12,04	11,62	10,20	10,79	10,45	10,19	10,47	10,63	11,41
Россия	3,85	3,71	3,67	3,38	2,87	3,12	3,10	3,16	2,88	3,11	2,92	3,29
Китай	5,98	4,83	4,86	7,38	7,41	6,31	6,61	6,49	6,17	6,26	6,79	7,21
	Янв. 21	Фев. 21	Мар. 21	Апр. 21	Май 21	Июн. 21	Июл. 21	Авг. 21	Сен. 21	Окт. 21	Нояб. 21	Дек. 21
ЕС	68,71	68,81	68,42	67,79	67,46	67,88	66,49	65,00	68,29	68,44	68,12	67,89
ПСП	5,14	5,46	5,48	5,74	5,87	6,13	6,76	7,16	6,46	6,55	6,69	6,89
Азия	10,63	10,02	10,37	9,97	10,26	9,81	10,29	11,05	9,78	9,89	10,02	10,21
Россия	3,12	3,26	3,20	3,31	3,46	3,66	4,07	4,21	3,93	3,97	4,06	4,14
Китай	6,37	5,94	6,15	5,64	6,11	5,84	6,14	6,81	6,05	6,19	6,31	6,48

Источник: Рассчитано авторами по данным UN Comtrade (<https://comtrade.un.org/data/>),
Trade Map (<https://www.trademap.org/>)

Динамика изменения географической структуры внешнеторгового оборота стран ЦВЕ в 2020–2021 гг. выглядит следующим образом. Доля ЕС с максимальных 69,17% в феврале 2020 г. резко снизилась в апреле до 64,61%, затем стабилизировалась на уровне примерно 68% и вновь упала до 66% в декабре. Таким образом, удельный вес ЕС заметно сокращался именно в периоды существенного спада общего объема товарооборота. В 2021 г. также происходило снижение доли основного для стран ЦВЕ рынка ЕС с более 68% в первом квартале до 65% в августе и менее 68% в декабре. В целом можно считать, что удельный вес ЕС в товарообороте стран ЦВЕ уменьшился за два года коронакризиса по меньшей мере на один пп с 69 до 68%.

Доля стран Азии колебалась в 2020–2021 гг. в пределах 9–11% с максимальным ростом до немногим более 12% в апреле и 11,41% в декабре 2020 г., а в 2021 г. оставалась в основном на уровне выше 10%. Можно утверждать, что удельный вес азиатских стран вырос за эти два года примерно на один пп.

Рост доли азиатских стран произошел преимущественно за счет Китая, удельный вес которого повысился приблизительно на 1,5 пп – с минимальных 5% в феврале-марте 2020 г. до 6,5% в декабре 2021 г. при максимальных значениях гораздо более 7% в апреле-мае и декабре 2020 г.

* * *

Протекающий примерно с 2015 г. системный кризис Европейского союза, выражающийся в двух десятках конкретных проявлений в сферах международных отношений, внешней политики, внутривластного и социального положения стран-членов, негативно сказался на внешней торговле государств ЦВЕ как в целом, так и в особенности внутри Евросоюза, доля которого в совокупном товарообороте разных стран сначала достигла своего максимума в 75–80%, а затем начала постепенно снижаться.

В условиях исчерпания потенциала дальнейшей интенсификации торгово-экономических отношений в регионе ЕС государства ЦВЕ оказались перед необходимостью диверсифицировать географические направления своей внешней торговли, расширяя связи со странами из других регионов, в первую очередь Северо-Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония) и Ближнего Востока (Арабские Эмираты, Турция, Израиль), а также Латинской Америки и Африки. В последнее пятилетие происходил ускоренный рост товарооборота с указанными странами, приведший к некоторому увеличению их доли в общей торговле стран ЦВЕ на фоне соответствующего снижения удельного веса Евросоюза.

Исследование сдвигов в географической структуре внешней торговли стран ЦВЕ в рассматриваемый период позволило сделать вывод, что, хотя произошел спад товарооборота по всем направлениям, в наименьшей мере это коснулось связей с Китаем и другими азиатскими странами. Торговля с ними стала своеобразным якорем стабильности в условиях разразившейся бури в мировой экономике и частично компенсировала сокращение внешне-торговых потоков в направлении Европейского союза и во взаимных связях.

Процесс географической диверсификации внешнеторговых связей стран ЦВЕ находится в самом начале, но будет, несомненно, развиваться и дальше под воздействием объективной необходимости универсализации внешнеэкономической деятельности ради повышения ее эффективности.

Библиография

Азиатский вектор в экономической стратегии стран Центрально-Восточной Европы: Монография / Синицина И.С. и др. / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019. 316 с.

Влияние Китая на Европу и Центральную Азию. Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии. Группа Всемирного банка. Апрель 2016. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24013/210912ru.pdf?sequence=6> (дата обращения: 06.02.2022).

Глинкина С.П., Куликова Н.В. К экономическому патриотизму: новые тенденции в постсоциалистических странах – членах ЕС // Экономическая наука современной России. 2019. № 2 (85). С. 131–149.

Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2018. 66 с.

Князев Ю.К., Фейт Н.В. Современные тенденции в экономических отношениях России со странами Центрально-Восточной Европы // Россия и современный мир. № 2. 2018. С. 64–75.

Куликова Н.В., Синицина И.С. Торговые отношения России со странами Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2019. № 3. С. 150–160. URL: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019150160> (дата обращения: 06.02.2022).

Орлик И.И., Князев Ю.К. Политическая и экономическая дифференциация Центрально-Восточной Европы: Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2019. 47 с.

Плюйко А.Ю. Трансформация экономической политики Европейского союза в результате кризиса 2008–2011 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2018. 224 с.

Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3-х тт. / Под общ. ред. С.П. Глинкиной. Т. 1. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н.В. Куликова. СПб.: Алетейя. 2017. 428 с.

Проблемы экономического роста в странах Центрально-Восточной Европы в условиях новой реальности в мировой экономике: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019. 366 с.

Центрально-Восточная Европа в поисках новых источников развития: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2018. 316 с.

Яковлев А.А., Голубкин А.В. Влияние китайской инициативы «Пояс и путь» на торговлю Китая с постсоциалистическими странами российского пояса соседства: эконометрический анализ // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 1 А. С. 320–329.

References

Aziatskij vektor v e'konomicheskoy strategii stran Central'no-Vostochnoj Evropy': Monografiya [Asian vector in the economic strategy of the countries of Central and Eastern Europe: Monograph] / Ed. by N.V. Kulikova. M.: IE RAN, 2019. 316 p. (In Russ.)

Central'no-Vostochnaya Evropa v poiskax novy'x istochnikov razvitiya: Monografiya [Central-Eastern Europe in search of new sources of development: A monograph] / Ed. by N.V. Kulikova. M.: IE' RAN, 2018. 316 p. (In Russ.)

Glinkina S.P., Kulikova N.V. K ekonomicheskom patriotizmu: novye trendiy v postsocialisticheskikh stranakh-member states of the EU [Toward Economic Patriotism: New Trends in Post-Socialist EU Member States] // E'konomicheskaya nauka sovremennoj Rossii [Economic science of modern Russia]. 2019. N 2 (85). P. 131–149. (In Russ.)

Glinkina S.P., Kulikova N.V., Turaeva M.O., Golubkin A.V., Yakovlev A.A. Kitajskij faktor v razvitii stran rossijskogo poyasa sosledstva: uroki dlya Rossii. Nauchny'j doklad [The Chinese factor in the development of the countries of the Russian Neighborhood belt: Lessons for Russia. Scientific

report]. M.: Institut e'konomiki RAN [Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2018. 66 p. (In Russ.)

Knyazev Yu.K., Fejt N.V. Sovremenny'e tendencii v e'konomicheskix ot-nosheniyax Rossii so stranami Central'no-Vostochnoj Evropy' [Modern trends in economic relations of Russia with the countries of Central and Eastern Europe] // Rossiya i sovremenny'j mir [Russia and the Modern World.]. N 2. 2018. P. 64–75. (In Russ.)

Kulikova N.V., Sinicina I.S. Torgovy'e otnosheniya Rossii so stranami Central'no-Vostochnoj Evropy' [Trade relations of Russia with the countries of Central and Eastern Europe] // Sovremennaya Evropa [Modern Europe]. 2019. N 3. P. 150–160. URL: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019150160> (date of access: 06.02.2022). (In Russ.)

Orlik I.I., Knyazev Yu.K. Politicheskaya i e'konomicheskaya differenciatsiya Central'no-Vostochnoj Evropy': Nauchny'j doklad [Political and economic differentiation of Central-Eastern Europe: Scientific report]. M.: IE' RAN, 2019. 47 p. (In Russ.)

Plyujko A. Yu. Transformatsiya e'konomicheskoy politiki Evropejskogo soyuza v rezul'tate krizisa 2008–2011 gg. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata e'konomicheskix nauk [Transformation of the economic policy of the European Union as a result of the 2008–2011 crisis. Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences]. M., 2018. 224 p.

Postsocialisticheskij mir: itogi transformatsii. V 3-x tt. [The post-Socialist world: the results of transformation. In 3 volumes] / Pod obshh. red. S.P. Glinkinoj. T. 1. Central'no-Vostochnaya Evropa [Vol. 1. Central-Eastern Europe] / Ed. by N.V. Kulikov. St. Petersburg: Aleteia. 2017. 428 c. (In Russ.)

Problemy' e'konomicheskogo rosta v stranax Central'no-Vostochnoj Evropy' v usloviyax novoj real'nosti v mirovoj e'konome: Monografiya [Problems of economic growth in the countries of Central and Eastern Europe in the context of a new reality in the world economy: A monograph] / Ed. by N.V. Kulikova. M.: IE' RAN, 2019. 366 p. (In Russ.)

Vliyanie Kitaya na Evropu i Central'nuyu Aziyu. Doklad ob e'konome regione Evropy' i Central'noj Azii. Gruppy Vsemirnogo banka [China's influence on Europe and Central Asia. Report on the economy of the Europe and Central Asia region. World Bank Group]. April 2016. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/24013/210912ru.pdf?sequence=6> (date of access: 06.02.2022). (In Russ.)

Yakovlev A.A., Golubkin A.V. Vliyanie kitajskoj iniciativy' «Poyas i put'» na trgovlyu Kitaya s postsocialisticheskimi stranami rossijskogo poyasa sosedstva: e'konometricheskij analiz [The Impact of the Chinese Belt and Road Initiative on China's Trade with the Post-Socialist Countries of the Russian Neighborhood Belt: an econometric analysis] // E'konomika: vchera, segodnya, zavtra [Economy: yesterday, today, tomorrow]. 2019. Vol 9. N 1 A. P. 320–329. (In Russ.)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2022.02.09

М.А. Фельдман

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОЕКТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

***Аннотация.** Статья посвящена осмыслению итогов исторических исследований реализации Индустриального проекта в годы Первой пятилетки. Замысел первого пятилетнего плана был обширен: впервые в мировой истории в рамках государственного плана намечалось пропорциональное и сбалансированное развитие регионального и отраслевого потенциалов; определялся широкий круг социальных программ. В статье отмечается, что осознание пагубности социально-экономического курса в годы Первой пятилетки привело советское руководство к убеждению в необходимости более рациональной политики. Возникшая в результате «миниреформ» 1931–1933 гг. советская экономическая система при Сталине (и после него) постоянно воплощала в себе несколько важных черт, отсутствующих в «командно-административной» модели. Осмысление событий Первой пятилетки затруднялось выстроенным мифологическим пространством, включавшим идеологические конструкции типа «создания фундамента социалистической экономики». Современным историкам удалось выявить и реконструировать механизмы конфликта между государством и обществом в годы Первой пятилетки, как ценностного конфликта между модернизацией и традицией. Однако малоизученными остаются пути минимизации указанных противоречий; выявление сил, способных решать политические и экономические конфликты.*

***Ключевые слова:** пятилетка; план; СССР; промышленность; партия; экономика; пленум; индустриализация; мифология; идеология.*

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления – филиал Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Россия, Екатеринбург.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300
Web of Science Researcher: AAE-3287–2020

Feldman M.A. Implementation of an industrial project during the First Five-year Plan: questions of historiography

Abstract. *The article is devoted to understanding the results of historical research on the implementation of an Industrial project during the first five-year plan. The idea of the first five-year plan was extensive: for the first time in world history, a proportional and balanced development of regional and sectoral potential was planned within the framework of the state plan; a wide range of social programs was defined. The article notes that the awareness of the perniciousness of the socio-economic course during the First Five-Year Plan led the Soviet leadership to believe in the need for a more rational policy. The Soviet economic system that emerged as a result of the «mini-reforms» of 1931–1933 under Stalin (and after him) constantly embodied several important features that were absent in the «command and administrative» model. The comprehension of the events of the first five-year plan was complicated by the constructed mythological space, which included ideological constructs such as «creating the foundation of the socialist economy». Modern historians have managed to identify and reconstruct the mechanisms of the conflict between the state and society during the First Five-year Plan, as a «value conflict between modernization and tradition». However, the ways to minimize these contradictions remain poorly understood, as is the identification of forces capable of solving political and economic conflicts.*

Keywords: *five-year plan; plan; USSR; industry; party; economy; plenum; industrialization; mythology; ideology.*

Feldman Mikhail Arkadevich – doctor of historical sciences, Professor, Ural Institute of Management is a Branch of the presidential Academy of national economy and public administration. Russia, Yekaterinburg.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru
Scopus Autor ID: 36349821300;
Web of Science Researcher: AAE-3287–2020

Историография рассматриваемой проблемы только формально подразделяется на два этапа: советский и постсоветский. При всем том, что первый период был «скован одной методологической цепью», накопление трудов, изданных в период «оттепели» в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов [Дробижев 1966], дало своеобразный синергетический эффект во второй половине 1980-х годов [Гордон, Клопов 1989], положив начало прощанию с целым рядом сталинских догм в оценках роли Первого пятилетнего плана; характера его вынужденной эволюции, итогов Первой пятилетки.

В постсоветский период внимание историков, как правило, было сфокусировано на общем фоне, с одной стороны, усилившегося в последние годы тренда безальтернативности сталинского варианта индустриализации [Сенявский 2020] с другой – парадигмы о необходимости рассмотрения внутренней политики в СССР в годы Первой пятилетки исключительно в «контексте со-

временного опыта экстремизма и терроризма» [Трукан 1994]. Волнообразная линия исследований последнего 30-летия – закономерное следствие наложения столь противоречивых векторов. Если дискуссии историков, посвященные столетию Октябрьской революции [Российская революция 2017]; аналогичной дате Гражданской войны, выявили в период 2017–2018 гг. определенное сближение позиций [Россия 2018], то взгляды исследователей на возможности потенциала нэпа в ходе индустриализации на рубеже 1920–1930-х годов далеки от консенсуса [Мухин 2020].

Значительное влияние на изучение вопросов индустриализации в СССР в годы Первой пятилетки оказали труды западных исследователей экономики Советского государства, историков, сумевших подняться над идеологическими и отраслевыми барьерами, в частности Э. Дэвиса, Р. Такера, П. Грегори, Р. Аллена. Очевидно и определенное торможение исследований, обусловленное, как подчеркивает О.В. Хлевнюк, неразработанностью инструментов исследования вариантности в советскую эпоху [Хлевнюк 2017, с. 76].

Для изучения состояния современной историографии систематизируем ряд важных вопросов в отдельные блоки.

Первый блок включает вопросы, посвященные эволюции представлений и практических действий правящей партии о путях реализации Индустриального проекта в годы Первой пятилетки, методах управления сферой промышленности. Стало ли время между двумя Пленумами ЦК ВКП (б) – от Ноябрьского (1929) до Январского (1933) – периодом переоценки управленческих ценностей?

Второй блок касается исследований, посвященных судьбе Первого пятилетнего плана: какие предпосылки для реализации Первого пятилетнего плана были созданы в годы нэпа? В какой степени были использованы потенциальные возможности экономики нэпа; позволяла ли многоукладная экономика в СССР выполнить основные задачи Первого пятилетнего плана? В чем заключается научное наследие Первого пятилетнего плана, и в том числе проблема рационального размещения промышленности? Каковы реальные итоги Первой пятилетки в экономической и социальной сферах?

Третий блок касается изучения проблем взаимоотношений советского руководства, региональных лидеров с представителями науки и инженерного корпуса. Означало ли утверждение командно-административной системы исключение влияния науки и мнения специалистов на принятие решений чиновниками всех уровней?

Четвертый блок охватывает историографию проблематики взаимоотношений рабочего социума и властных структур.

Вся история отношений большевизма и модернизации, большевизма и науки представляла собой постоянную борьбу рационального и утопического. Логика рационального пробуждала у части большевиков-хозяйственников

приверженность научным принципам в экономической и научной практике. В то же время логика утопической доктрины, противоречащей жизненному бытию, встречая сопротивление различных слоев общества, обращала большевизм к «чрезвычайщине» и террору. По мере развития индустриального общества, даже в относительно короткий период Первой пятилетки, чрезвычайные меры превратились в перманентную практику сталинизма, но они же в начале 1930-х годов стали причиной катастрофы в экономике и многочисленных крестьянских выступлений в деревне; забастовок на промышленных предприятиях. Выход из создавшейся ситуации зависел от гибкости взаимодействия власти и общества.

Судьба страны во многом зависела от реализации «Манифеста» индустриализации – Первого пятилетнего плана. Если в трудах советских историков волюнтаристское увеличение показателей пятилетнего плана рассматривалось, как «торжество научной политики» ВКП (б) [Исторический опыт 1971], то с конца 1980-х годов в научных исследованиях прослеживается линия на нарастающую деформацию плановых документов и как следствие – утрату научного значения Первого пятилетнего плана [Попов, Шмелев 1989, с. 284–326].

Следует отдать должное трудам американского историка Р. Такера и британского – Э. Дэвиса, сумевших проследить эволюцию общих взглядов руководства СССР на экономический курс в начале 1930-х годов. Как подчеркивал Такер, миф о «безграничных возможностях государства» привел Сталина к той степени экономического экстремизма, за которой начиналось «вакханальное планирование» и превращение плановой экономики в свою противоположность. Осознание пагубности социально-экономического курса в годы Первой пятилетки привело советское руководство к убеждению в необходимости более рациональной политики [Такер 2012, с. 123–124]. Одновременно, ответом Сталина стал политический маневр: согласившись на временную стабилизацию в экономике, генсек запустил противовес – «общепартийную чистку». Начавшаяся 1 июня 1933 г. сначала в десяти крупнейших городах СССР, она привела к исключению из партии каждого шестого коммуниста, вызванного в «комиссии по чистке» [Такер 2012, с. 301].

Э. Дэвису принадлежит форматирование эволюционных мер советского руководства в разряд «миниреформ». Как отмечает британский историк, поиски выхода из кризиса вынудили Сталина и его окружение приступить к ряду стабилизационных мер, получивших в монографии название «миниреформы», отсчет которых Дэвис начинает с проведения (30 января по 4 февраля 1931 г.) Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, собравшей представителей ВСНХ, ВЦСПС и руководителей ряда отраслевых профсоюзов, ряда управленцев из государственных и партийных контрольных структур [Davies 1996, p. 11].

«Миниреформы», согласно концепции Дэвиса, предполагали использование не только административных методов, но и различные формы стимулирования заработной платы, применение ограниченных рыночных рычагов. Возникшая в результате «миниреформ» 1931–1933 гг. советская экономическая система при Сталине (и после него) «постоянно воплощала в себе несколько важных черт, отсутствующих в “командно-административной” модели: деньги играли значительную, хотя и подчиненную роль в советском государственном социализме, а “экономический учет” ставился как вспомогательная цель для каждой экономической единицы. Труд контролировался не только административными приказами, но и посредством стимулирования заработной платы; существовал “квазирынок” для труда» [Davies 1996, р. XV]. Таким образом, в научную литературу был внесен новый объект исследования – командная система, но со стихийно действующими на всех уровнях производства и распределения рыночными и квазирыночными особенностями.

Исследователи обратили внимание на то, что определенное отрезвление после кризиса 1930–1931 гг. сопровождалось нарастанием относительного «разномыслия» в различных структурах партийно-государственного аппарата [Дэвис 1994]. Официальное констатирование победы социалистического сектора экономики (на деле – государственного) уживалось с неофициальным признанием существования квазирыночных отношений – некой комбинации элементов «чрезвычайных мер» и рыночных методов регулирования экономики.

Решения Январского (1933) Пленума ЦК ВКП (б), официально осудившего принципы форсированного развития, позволяли руководителям наркоматов и ведомств более полно считаться с социально-экономическими реальностями. Для участников Пленума ЦК ВКП (б) в январе 1933 г., подводящего итоги Первой пятилетки, руководителей наркоматов и ведомств, региональных лидеров, отвечавших за конкретные региональные или хозяйственные проекты, было очевидно, что переход к умеренному курсу является косвенным признанием провала политики «большого скачка» [Фельдман 2021].

Однако в какой степени можно говорить о коллективном прозрении и переосмыслении допущенных перегибов представителями советской элиты? – вопрос остается открытым. Это же следует сказать и в отношении общей оценки «миниреформ»: перед нами – генеральный курс экономической политики или вариант вынужденной мимикрии?

Развивая мысль Дэвиса, современные историки смогли углубить представления о возникшем в годы Первой пятилетки «гибриде», существовавшем в недрах советской экономики. С указанного времени (1932), пишет Ш. Мерль, командная экономика начала сливаться с «теневой», сохраняя широчайшее пространство действия неформальной рыночной экономики»

[Мерль 2017]. По мнению Е.А. Осокиной, внедрение сверху принудительно командной экономики уродовало рынок, но не могло искоренить его. Более того, командная экономика не могла существовать без рынка, ведь он, выполняя важнейшие социально-экономические функции, помогал плановой экономике компенсировать дефицит товаров и перераспределять товарные ресурсы [Осокина 2008].

Исследование, проведенное под руководством российских историков Л.И. Бородкина, О.В. Хлевнюка и американского экономиста Пола Грегори, позволило выявить взаимосвязь форсированной сталинской индустриализации и расширения зоны принудительного труда; уточнить масштабы использования принудительного труда в годы Первой пятилетки; изучить характер взаимоотношений властных структур и специалистов и рабочих, оказавшихся в системе ГУЛАГа [Гулаг 2005]. Обобщающий характер носит суждение О.В. Хлевнюка: в советской плановой экономике, в идеале предполагавшей распределение ресурсов и средств между предприятиями из единого центра, на самом деле действовали квазирыночные корректирующие элементы, прежде всего ограниченные, и, как правило, нелегальные товарно-денежные отношения [Хлевнюк 2017, с. 75].

Как видно, пример «союзнических отношений» в науке – тесное взаимодействие отечественных исследователей и тех их зарубежных коллег, кто на протяжении десятков лет добросовестно занимался советской историей – дал позитивный результат, позволив совершить методологический прорыв в постижении экономики СССР. Понимание характера существования внутри командно-административной экономики СССР, многообразие связующих квазирыночных связей, позволило историческим исследованиям выйти из научного тупика.

К разряду прорывных следует отнести исследование А.В. Маркевича о степени управляемости советской экономики в годы первых пятилеток [Маркевич 2003]. Маркевич, изучивший протоколы коллегий наркомата тяжелой промышленности за 1930-е годы пришел, на первый взгляд, к парадоксальному выводу. Из протоколов коллегий наркоматов следовало, что коллегии не утверждали и даже не рассматривали «общие» годовые планы наркоматов. Процесс годового планирования в коллегии наркомата заканчивался одобрением плановых заданий главкам. Максимум, что рассматривала коллегия – это итоговые варианты годовых планов наркомата по труду и себестоимости, финансовые планы, планы распределения.

Внешняя парадоксальность вывода Маркевича о стремительной переменчивости планов хорошо вписывается в определение «управляемая экономика», и достаточно далека от категории «плановая». Как видно, само понимание характера власти, характера управления советской экономики заметно изменилось за прошедшие годы постсоветского периода.

Бесспорным вкладом в понимание мобилизационных механизмов и технологий, позволявших властным структурам «концентрировать максимум ресурсов и возможностей общества на выполнение провозглашенных целей» стала, предложенная С.А. Красильниковым, концепция феномена социальной мобилизации как системной характеристики сталинского режима на стадии его утверждения (конец 1920-х – 1930-е годы) [Красильников 2013]. Концепция включает модель исследования социального действия на макро-, мезо- микро-уровнях, позволяющую выявить и проанализировать причины, факторы, механизмы, динамику и последствия изменений в раннесоветском обществе, включая диапазон векторов, масштабность, результативность и эффективность взаимодействия власти и различных социальных групп [Красильников 2020].

Очевидно, что исследование институциональных основ, механизмов и форм осуществления мобилизационных практик в важнейших сферах взаимодействия структур власти и советского общества должно сверяться не только с достижениями экономической модернизации, но и с масштабом людских потерь, нерентабельных затрат, а также с содержанием альтернативных вариантов; быстротой осмысления допущенных ошибок.

Подводя итог историографии вопросов первого блока, следует заметить: изучение эволюции управленческих ценностей и управленческих решений партийно-хозяйственной элиты в годы Первой пятилетки находится на начальном этапе: исследователи смогли проследить зигзаги решений руководителей страны и регионов, но только подступили к определению их эффективности в сравнении с альтернативными вариантами.

Судьба Первого пятилетнего плана – своеобразного моста между партийно-хозяйственной элитой и обществом – была не обделена вниманием историков ни в советское [Звездин 1979], ни в постсоветское время [Эрлих 2010]. Тезис о последовательном углублении экономической теории и народнохозяйственного планирования на всем протяжении 1920-х годов – вошел в историческую литературу [Ясный 2012].

Однако в «сокровищницу» советской исторической науки прочно вошли сталинские оценки безальтернативной обусловленности резких перемен количественных показателей Первого пятилетнего плана; не замечалась замена научных дискуссий на борьбу с «классовыми врагами». Догматические штампы, наиболее полно прозвучавшие в 1935 г. в статье И.А. Гладкова, сам формат которой придавал ей статус «редакционной» [Гладков 1935], стали обязательными для всех советских историков, так же как и отнесение ученых-экономистов, отстаивающих научные принципы планирования – к разряду враждебных «буржуазных» специалистов. В вину Госплану, «засоренному» буржуазными специалистами, была поставлена «непростительная» ошибка: «ни в одном варианте Госплана не была поставлена задача сокращения доли частного капитала» [Гладков 1935, с. 122].

Основные выводы и характеристики статьи Гладкова сохранились и в таких официальных изданиях, как История социалистической экономики [История 1977] и История советского рабочего класса [История 1984], в историографических трудах В.З. Лельчука [Лельчук 1975], считавшихся классическими в доперестроечный период.

Новацией в работах Лельчука было указание на глобальный разрыв запланированных и достигнутых показателей развития промышленности; на связь «низкой культуры труда» и «каждой второй аварии на производстве», а также на «сужение сферы действия экономических рычагов управления», и повсеместность слабой производственной дисциплины [Лельчук 1984, с. 183].

Отдавая должное А.М. Беляновой и З.К. Звездину – авторам солидных и не потерявших научной значимости монографий, сумевших выделить этапы внесения изменений в содержание Первого пятилетнего плана, дать характеристику методов формирования плановых заданий в 1926–1930 гг. [Белянова 1974] – отметим и зависимость исследователей советского периода от идеологических догм. Аксиомой исторической науки советской эпохи было признание безусловной научной обоснованности действий руководства СССР, в частности дальнейшей централизации управления и концентрации рычагов управления в руках центральных ведомств.

Только непосредственное обращение к первоисточникам позволяло исследователям хотя бы частично вырваться из круга марксистских (и псевдомарксистских) догм. Характерно в связи с этим изучение истории создания проекта Генерального плана развития народного хозяйства СССР в очерке В.А. Погребинской (1979): на первый план выходила не борьба с «незрелыми» буржуазными экономистами, а преемственность научной мысли на протяжении 1920-х годов [Погребинская 1979].

Необоснованная критика Сталиным концепции планирования, ориентирующейся на сбалансированный рост отраслей экономики, обернулась затяжным отставанием советской экономической науки. Например, моделирование товарно-денежных отношений было практически прекращено вплоть до конца 1950-х годов. Репрессии против ученых-экономистов привели к снижению общей научной культуры экономистов – и исследователей, и практиков [Белых 1990, с. 32, 51].

На рубеже 1920–1930-х годов принуждение становится главным методом общения власти и представителей науки, но это только снизило эффективность научного процесса. С конца 1920-х годов перестали выходить многие экономические журналы, в том числе, «Экономическое обозрение» и «Экономический бюллетень» Конъюнктурного института. В это же время на Западе начался период развития эконометрических исследований как синтеза экономической науки, статистики и математики [Белых 2011, с. 115].

Тем не менее очевидно, что Первый пятилетний план, задержавшись из-за внутрипартийной борьбы как минимум на год в «пеленках» многочисленных вариантов, жил своей собственной жизнью, требуя осмысления реальности начала 1930-х годов. Как уже отмечалось, Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности (30 января – 4 февраля 1931 г.) стала первым шагом на этом пути. Уточняя причины созыва конференции, О.В. Хлевнюк подчеркивает: огромные капитальные вложения в тяжелую промышленность, сделанные в 1929–1930 гг., в значительной мере были заморожены в незавершенных стройках. Индустриальные скачки, непомерное увеличение капитальных вложений в тяжелую промышленность, игнорирование экономических рычагов управления и массовые репрессии против специалистов, вызвавшие волну так называемого «спецедействия», падение дисциплины на производстве привели к кризису в советской промышленности [Хлевнюк 2010, с. 84].

Резолюции конференции, требуя укрепить хозрасчет, установить договорные отношения и материальную ответственность предприятий-поставщиков перед заказчиками, фактически являлись своеобразной формой косвенной критики политики штурма и внеэкономических командных методов управления [Хлевнюк 2010, с. 113].

В современной исторической литературе подчеркивается, что своеобразной реабилитацией варианта Первого пятилетнего плана, рожденного в годы нэпа, стали документы Январского (1933) Пленума ЦК. Вынужденное обращение Сталина к варианту Пятилетнего плана, одобренному Пятым съездом Советов СССР в мае 1929 г. (по докладу председателя СНК СССР А.И. Рыкова – лидера так называемых «правых») как к наиболее верному свидетельствовало, что «корабль» Первого пятилетнего плана, при всех значительных деформациях, выдержал испытание в кризисный период. Об этом же говорил и курс «миниреформ», воплотивший в себя несколько важных черт, отсутствующих в «командно-административной» модели (товарно-денежные отношения, система стимулирования заработной платы, «квазирынок» для труда, легализация рыночной торговли) [Davies 1996, p. 317–319].

Выход в свет публикаций, поднимающих проблему финансовой обеспеченности индустриализации на основе сохранения нэповской многоукладной экономики – как адекватной экономической модели, способной решать действительно сложные и противоречивые задачи модернизации страны [Фельдман 2021] – можно рассматривать как начало нового переосмысления, казалось бы, уже отброшенного варианта развития. При этом если вопрос об источниках финансирования индустриализации в конце 1920-х годов получил определенное освещение [Черемисинов 2006], то проблему распределения, степени рациональности и эффективности расходования собранных денег следует отнести к разряду практически неизученных.

Выполнение задач Первого пятилетнего плана оказалось тесно связанным с постоянно менявшимися программами милитаризации экономики: как обоснованными, так и откровенно фантастическими [Кен 2002]. Исследователи обращают внимание на разбалансирование советской финансовой системы и экономики в целом, поскольку военные расходы увеличивались в тайне даже от работников Госплана. Секретность распределения капиталовложений прочно вошла в практику управления в СССР как составная часть общей скрытости данных о подлинной финансовой политике Советского государства [Кен 2002, с. 271].

Постоянные изменения в сторону увеличения количественных показателей оборонных программ затрудняли внедрение повышенных требований к качеству военной продукции [Маркевич 2004]. Например, анализируя «Докладную записку РКИ о состоянии танкостроения по итогам 1931–1932 гг.», А.К. Соколов обратил внимание на низкое качество окончательной сборки всех выпущенных танков, из которых «только немногие были укомплектованы, согласно техническим требованиям» [Соколов 2012, с. 202–203].

Следует сказать, что такое важное направление исследований, как анализ деятельности властных структур и хозяйственников по повышению качества выпускаемой промышленной продукции в годы Первой пятилетки зачастую представлено в формате описания призывов и резолюций. Сложность данной проблемы обусловлена еще и тем, указывает Б.М. Шпотов, что многие предприятия индустрии были оснащены американским оборудованием. Однако в СССР наука управления работниками наталкивалась на недоверие партийных функционеров к научным институтам, изучающим системы организации производства, неумение работать с импортной техникой (из-за чего она ломалась и простаивала), на нехватку материалов и контрольно-измерительных приборов, дефицит жилья, разногласия среди управленцев [Шпотов 2012, с. 129].

Рациональному размещению производительных сил в СССР в годы Первой пятилетки в научной литературе и программных документах придавалось особое значение: оно должно было стать дополнительным источником повышения темпов социалистического строительства и помочь догнать и перегнать капиталистический Запад. Но конкретные условия первых пятилеток внесли изменения в «идеальную» схему размещения производительных сил: необходимость технического перевооружения страны вела к повышению роли машиностроения, что возлагало дополнительные задачи на старые промышленные районы. Первостепенное значение приобретали и сугубо оборонные задачи [Твердюкова 2010, с. 412].

Современные исследователи, анализируя качество территориального планирования, выделяют его специфические черты. По обоснованному утверждению А.В. Белова, особенности советской модели размещения эконо-

мического потенциала включали излишнюю специализацию регионов и недостаточную концентрацию промышленности. Положительной чертой этого являлось укрупнение предприятий и снижение издержек, отрицательной – неустойчивость монокультурной структуры и слабость эффектов концентрации и кластеризации [Белов 2012, с. 12].

Желание максимизировать экономию от масштаба вело к увеличению размеров предприятий, что в сочетании с установкой на равномерное пространственное развитие выражалось в сверхспециализации территорий. Привязка «соцкультбыта» к предприятиям заставляла рабочих и членов их семей расселяться в непосредственной близости от новых промышленных объектов [Белов 2012, с. 10].

В СССР с конца 20-х годов разрабатывалась идея промышленного комбината, предполагавшая тесные связи производственного объекта с другими предприятиями района, а также с местными источниками сырья, топлива и рабочей силы, а также потребителями продукции. Большинство комбинатов располагались на Урале, в Донбассе, Центральном районе. Однако комбинирование оказывалось зачастую оторванной от жизни задачей. Например, в Приложении к третьему тому Первого пятилетнего плана был дан перечень свыше 1400 новостроек по республикам и районам. На практике проекты планов в течение всего предвоенного десятилетия в значительной степени представляли собой сумму заявок с мест, в 2–3 раза превышающих реальные возможности регионов, которые стремились получить возможную сумму вложений [Твердюкова 2010, с. 414].

Таким образом, в исторической литературе присутствует понимание векторов, воздействовавших на характеристики Первого пятилетнего плана; описаны методы формирования плановых заданий; представлен ряд доказательств того, что многоукладная экономика в СССР была способна выполнить основные задачи Первого пятилетнего план.

Вместе с тем нуждается в дополнительном изучении вопрос: в какой степени в годы Первой пятилетки были использованы потенциальные возможности экономики нэпа? Опыт совмещения модернизации экономики и программы повышения уровня жизни населения остается актуальным и в плане содержания, и в плане расстановки приоритетов. В данном случае – что из себя представляла бы альтернативная модель развития, сочетающая сосуществование государственного и негосударственных секторов развития?

Проблема привлечения на сторону Советской власти того социального слоя, от которого более всего зависела борьба за качество промышленной продукции – специалистов всех уровней – была одной из ведущих в советской исторической науке. Ученые 1960–1980-х годов смогли выявить основные направления взаимодействия власти и инженерно-технического корпуса, демонстрируя понимание всех трудностей этого процесса [Главацкий 1974].

Многие из них, в постсоветский период, смогли продолжить свои исследования уже без идеологических барьеров [Научно-техническая 1993].

Судьба инженерно-технической интеллигенции в годы Первой пятилетки активно изучалась историками в последние десятилетия. Более успешно продвигались исследования, касающиеся репрессивных мер против специалистов [Красильников, Савин 2011]; анализа поведенческих установок [Осокина 2011].

Следует приветствовать появление исследований реальных жизненных практик специалистов в годы Первой пятилетки [Павлов 2010] даже с учетом того, что реконструкция жизненного пути директора промышленного предприятия в этот период носит единичный характер [Лейбович 2017]. Перспективным следует признать аналитические научные комментарии к (остается сожалеть, весьма редким) воспоминаниям представителей директорского корпуса [Евдошенко 2015].

Расширилась и углубилась проблематика исследований. Если в 1990-е годы общий тон задавали «черно-белые» темы, в рамках которых рассматривалась лишь линия отношений советской власти к интеллигенции с констатацией дискриминационного и репрессивного характера политики властей по отношению к специалистам, то в первые два десятилетия XXI в. тональность и постановка вопросов переходят в другую плоскость.

Исследователи вышли на принципиально новые вопросы: посреднические функции интеллигенции в социально-политических конфликтах, опыт «хождения во власть», оппозиционность интеллигенции политическим режимам, поведенческие стратегии интеллигенции в переломные эпохи, интеллигенция как субъект и проводник политических ценностей. Усиливается и расширяется «профессиональное» направление, когда исследователи рассматривают специфику взаимоотношений власти и отдельной профессиональной группы интеллигенции [Никитина 2007].

Важную роль в формировании специалистов промышленности как особой профессиональной группы в годы Первой пятилетки играло взаимодействие советских и иностранных инженеров и техников. В ноябре 1932 г., по оценке германского историка С. Шаттенберг, в СССР работали 5 тыс. иностранных инженеров, половина – немецкие; от одной пятой до одной трети – американские. Чтобы «американизировать» советских инженеров, их не только ставили под начало американцев, но и посылали в другие страны. В 1928 г. планировалось отправить на стажировку за границу 250 молодых специалистов в 1929 г. – 600 человек. Иностранные фирмы участвовали в проектировании советских предприятий, посылали на них своих консультантов для наблюдения за работами, помогали осваивать новые производственные технологии. На 1931 г. существовало 134 таких соглашений почти во всех отраслях промышленности. Из 218 контрактов, действовавших с 1930 по 1945 г., 64% были заключены с американскими фирмами; 15% – с германскими [Шаттенберг 2011, с. 264–265].

Возможности такого взаимовыгодного сотрудничества, по мнению исследователей, были использованы только частично: сказывалось недоверие советских чиновников к «буржуазным специалистам»; провокационные действия профсоюзных работников и сотрудников НКВД; невыполнение условий соглашений и т.д. [Шпотов 2011]. Очевидна необходимость специального исследования, суммирующего вклад иностранных инженеров и техников в выполнение заданий Пятилетнего плана.

Признание наличия квазирыночных отношений в советской экономике открывает новую область исследований работы специалистов всех уровней в формате дифференциации официальных и неофициальных связей и отношений. Например, к разряду малоизученных следует отнести проблему воздействия ученых и специалистов на властные структуры в конкретно-исторические периоды времени. Тезис о том, что активизм поддержки действующих государственных институтов сочетался с противоположной позицией оппозиционного протеста и поведенческого конформизма внутри каждого из социальных слоев советского общества – нуждается в ряде комплексных исследований.

Рабочая история периода Первой пятилетки в советский период была насыщена публикациями о количественных изменениях в составе рабочего социума. Складывалась, однако, парадоксальная картина: в трудах историков описывались, за небольшим исключением, только позитивные изменения в рабочей среде [Панфилова 1964]. Вместе с тем публикуемый обширный и далеко не однозначный статистический материал порождал массу вопросов у исследователей. Например, сообщение А.И. Вдовина и В.З. Дробижева о сокращении доли малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих с 81,5 до 59,5% за период 1925–1937 гг. непроизвольно указывало на преобладание рабочих с низкой профессиональной подготовкой и после «победы социалистических отношений в СССР» [Вдовин, Дробижев 1976, с. 209].

Совершенствовались методы исследований, вовлекались в научный оборот новые источники [Дробижев, Соколов 1975], но традиция «умолчания», ухода от ответов на острые вопросы продолжала существовать. Трагическая судьба историков «нового направления» в начале 1970-х годов [Поликарпов 1989], казалось бы, предостерегала исследователей от самостоятельности выводов.

Важным направлением исследований было изучение основных тенденций развития промышленных рабочих в тех областях, в которых за годы советской власти произошли наиболее глубокие изменения. Речь идет, прежде всего, о переменах в области технической и общеобразовательной подготовки рабочих. Эти вопросы нашли обстоятельное отражение как в специальных работах [Батышев 1974], так и в обобщающих трудах, посвященных истории рабочих крупной промышленности [Ворожейкин 1975]. Общим недостатком названных работ было акцентирование внимания исключительно на тех из-

менениях характеристик рабочих, которые подтверждали концепцию «класса-гегемона». Наиболее полно это проявлялось в работах, посвященных различным формам социалистического соревнования [Ворожейкин 1984], весьма далеких от реальных жизненных процессов.

Идеологические штампы прочно вошли в научный обиход и стали классическими в работах историков. «За годы Первой пятилетки рабочий класс не только вырос в количественном отношении, но и улучшился качественно; выросло его классовое самосознание и чувство хозяина своей страны» [Памфилова 1964, с. 174] – вывод «образцовой» книги А.М. Памфиловой, опубликованной в 1964 г., был столь же категоричным, как и оценки этого периода в официальных документах. В постсоветское время акцент делался на страданиях и лишениях советских рабочих, действительно имевших место [Иванов 1998].

Начало XXI в. позволило по-новому взглянуть на состояние исторических исследований по рабочей истории в России. Появление ряда крупных исследований, посвященных различным проблемам истории рабочих, занятых на промышленных предприятиях [Журавлев, Мухин 2004], свидетельствует о возрождении интереса исследователей к наиболее популярной тематике советской исторической науки. В связи с этим методологическое замечание А.К. Соколова о рабочем классе России и СССР как конкретно-историческом образовании [Соколов 2003, с. 132] наполняется конкретным содержанием. Истина достаточно далека, как от утверждений об отсутствии в СССР в годы Первой пятилетки рабочего социума индустриального общества, так и о появлении в указанный период «социалистического» рабочего класса.

Реконструкция социального поведения рабочих России немыслима без понимания эволюции подлинной социальной структуры рабочих промышленности СССР. Отсутствие такого понимания стало непреодолимым препятствием на пути многих историков прошлого и настоящего. Исследования [Постников, Фельдман 2009] подтверждают справедливость теории социальной стратификации, согласно которой понятие «рабочий класс» правомерно рассматривать как статистическую, но не как реальную социальную общность. Поскольку собственность в СССР была национализирована, постольку исчезла и сама база для деления на классы. Классовые признаки становятся вторичными. На первый план в этатрактическом обществе выходит и этатрактический тип стратификации [Радаев, Шкоротан 1995].

Согласно данному делению общества, дифференциация между социальными группами происходит, прежде всего, по их положению во властно-государственной иерархии. Специфика системы этатрактического типа заключается в том, что каркас стратификационной структуры образует сама государственная власть, распространяющаяся на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов. Расширяя партийную прослойку

в составе промышленных рабочих, массив ударников, властные структуры стремились обрести управляемую и послушную опору в рабочем социуме.

В этом корневое сходство сословного деления дореволюционного социума и иерархии послереволюционного общества: в России и в СССР сохранялась слоевая социальная система, основанная на властных отношениях. Поддерживая подобную концепцию, заметим, что она имеет важное значение для изучения истории социокультурного облика рабочих промышленности России и СССР вне деления на досоветский и советский периоды.

Американский историк Льюис Сигельбаум, обратившись к вопросу о правомочности употребления понятия «класс» относительно социума советских рабочих, пришел к выводу, что в свете пережитков патриархальных отношений, связей с деревней; кризиса «пролетарской идентичности» в годы Гражданской войны – говорить о классовом самосознании рабочих не приходится [Сигельбаум 2004]. Сигельбаум поддерживает мнение другого американского историка – Дона Филцера о том, что такое массовое социальное явление во второй половине 1920-х годов, как «выдвиженчество», не изменило «классового характера советского общества». Более того, лояльные отношения рабочих с непосредственным начальством зачастую подрывали постоянные мобилизационные кампании [Сигельбаум 2004, с. 61].

В постсоветский период внимание исследователей было обращено главным образом к вопросам материального положения рабочих [Илюхов 2010]. Менее исследована (как системное явление) тема рабочего протеста [Шильникова 2016], проблема обратной связи требований рабочих и изменения их социального положения. Разделяя это мнение, хочется сказать, что если в советское время «выдвиженцы» рассматривались как борцы с бюрократией, то ныне вскрыты многочисленные негативные стороны этого явления. Отсутствует, однако, исследование, способное дать объективную, всестороннюю оценку этого мобилизационного процесса.

Таким образом, в исторической литературе рассмотрены различные аспекты взаимодействия властных структур, ученых, специалистов и рабочих в годы Первой пятилетки. Неудача нэповского варианта советского проекта означала не только расставание с надеждами на возможность строительства социального государства без «ломки хребта» крестьянства; жизни в бедности рабочих и унижений интеллигенции, но и расчета возможности новой попытки менее болезненно повторно пройти стадию раннего капитализма.

Современным историкам удалось выявить и реконструировать механизмы конфликта между государством и обществом в годы Первой пятилетки, как «ценностного конфликта между модернизацией и традицией». Однако малоизученными остаются пути минимизации указанных противоречий; выявление сил, способных решать политические и экономические конфликты.

В чем заключалось конкретное воздействие рабочего социума на ход социальной политики в Советском государстве в годы Первой пятилетки? В какой степени ученые и специалисты смогли донести до корпуса управленцев и хозяйственников основные идеи экономической науки и внести их, даже в условиях острой борьбы двух ведомств – Госплана и ВСНХ, – в итоговый (оптимальный) вариант Плана первой пятилетки в конце 1920-х годов? Каким было воздействие хозяйственников на представителей власти в начале 1930-х годов? В какой степени прозрение пагубности прежнего экономического курса пришло к представителям советской элиты, включая Сталина? Поиск ответов на эти вопросы формирует основные задачи исследований по указанной теме.

Библиография

- Батышев С.Л. Формирование квалифицированных рабочих кадров в СССР. М.: Экономика, 1974. 383 с.
- Белов А.В. К вопросу о пространственном размещении факторов промышленности в современной России // Пространственная экономика. 2012. № 2. С. 9–28.
- Белых А.А. История российских экономико-математических исследований: первые столетия. 3-е изд. М.: URSS. Издательство ЛКИ, 2011. 240 с.
- Белых А.А. История советских экономико-математических исследований (1917 – начало 1960-х годов) Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 142 с.
- Белянова А.М. О темпах экономического развития СССР. М.: Экономика, 1974. 174 с.
- Вдовин А.И., Дробижев В.З. Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М.: Мысль, 1976. 264 с.
- Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма: Краткая история социалистического соревнования в СССР. М.: Политиздат, 1984. 326 с.
- Ворожейкин И.Е. Очерк историографии рабочего класса СССР. М.: Политиздат, 1975. 286 с.
- Главацкий М.Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1917–1940). Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. 214 с.
- Гладков И.А. К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 106–142.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Политиздат, 1989. 318 с.
- ГУЛАГ: Экономика принудительного труда // Под ред. Л. И. Бородкина, П. Грегори, О. В. Хлевнюка. М.: РОССПЭН, 2005. 315 с.
- Дробижев В.З. (и др.). Главный штаб социалистической промышленности. Очерки истории ВСНХ. 1917–1932. М.: Мысль, 1966. 285 с.
- Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры. (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи 1918 г.). М.: Наука, 1975. 267 с.
- Евдошенко Ю.В. Александр Серебровский. Вехи политической биографии // А.П. Серебровский. На нефтяном фронте. М.: Нефтяное хозяйство, 2015. С. 4–49.
- Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 238 с.
- Звездин З.К. От плана ГОЭЛРО к плану первой пятилетки. М.: Наука, 1979. 269 с.

- Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 1920 – начале 1930-х гг. // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28–43.
- Илюхов А.А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда. 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.
- Исторический опыт Коммунистической партии по осуществлению ленинского плана социалистической индустриализации СССР. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1971. 417 с.
- История советского рабочего класса: в 6 т. М.: Наука, 1984. Т. 2. 511 с.
- История социалистической экономики: в 7 т. М.: Наука, 1977. Т. 3. 532 с.
- Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). СПб: Изд-во Европ. ун-та, 2002. 472 с.
- Красильников С.А. «Великий перелом» как социальное действие и политика мобилизующей раннесоветское общество диктатуры // 1929: Великий перелом и его последствия: Материалы Двенадцатой международной конференции Екатеринбург. 26–28 сентября 2019 г. М.: РОССПЭН, 2020. С. 6–24.
- Красильников С.А. Социальная мобилизация как объект социогуманитарных исследований. Теоретические аспекты // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. С. 9–22.
- Красильников С.А., Савин А.И., Ушакова С.Н. Шахтинский политический процесс 1928 года: источники в контексте эпохи // Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. М.: РОССПЭН, 2011. Кн. 1. С. 10–70.
- Лейбович О.Л. Охота на красного директора. Пермь: изд-во Пермский гос. ин-т культуры, 2017. 236 с.
- Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.
- Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М.: Наука, 1975. 312 с.
- Маркевич А.В. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: 2004. С. 20–54.
- Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016–2017. М., 2017. С. 303–343.
- Мухин М.Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3–14.
- Научно-техническая интеллигенция Урала в 1920-е–1930-е годы: дела и судьбы / Под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург: Рос. фонд культуры. 1993. 118 с.
- Никитина А.О. Интеллигенция и власть на Урале: проблемы современной историографии // Известия Уральского федерального ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2007. Т. 49. № 13. С. 162–170.
- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН, 2008. 377 с.
- Осокина Е.А. О социальном иммунитете или критическом взгляде на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. 5–7 декабря 2008. М.: РОССПЭН, 2011. С. 387–440.
- Павлов К.С. Социальный облик директорского корпуса советских металлургических заводов в 1930–1940 гг. (по материалам Челябинской области). Автореферат дис.... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 27 с.

- Панфилова А.М. Формирование рабочего класса СССР в годы первой пятилетки. М.: изд-во МГУ, 1964. 176 с.
- Погребинская В.А. Разработка методологии генерального плана в конце 1920-х – начале 1930-х гг. М.: Ин-т экономики АН СССР, 1979. 122 с.
- Поликарпов В.В. «Новое направление» – в старом прочтении // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 44–61.
- Попов В., Шмелев Н. Была ли альтернатива сталинской модели развития // Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1989. С. 284–326.
- Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.
- Радаев В.В., Шкоротан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995. 240 с.
- Российская революция 1917 года: власть, общество культура: в 2-х томах // отв. ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т. 1. 2017. 743 с.
- Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 605 с.
- Сенявский А.С. Была ли альтернатива свертыванию новой экономической политики? Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 168–182.
- Сигельбаум Л. Поздний роман с советским рабочим в западной историографии // Социальная история. Ежегодник. 2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 53–71.
- Соколов А.К. От военпрома к ВПК: советская военная промышленность. 1917 – июнь 1941 г. М.: Новый хронограф, 2012. 527 с.
- Соколов А.К. Перспективы изучения рабочей истории в современной России // Отечественная история. 2003. № 4. С. 131–142.
- Такер Р. Сталин-диктатор. У власти. 1928–1941. М.: Центрполиграф, 2012. 797 с.
- Твердюкова Е.Д. Пространственное размещение промышленности и населения в СССР в 1930-е гг. // Центр и регионы в истории России. Проблемы экономического, политического и социокультурного взаимодействия. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2010. С. 412–430.
- Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929. М.: Наука, 1994. 166 с.
- Фельдман М.А. Могла ли экономика Нэпа стать основой Индустриального проекта? // ЭКО. 2021. № 3. С. 2–21.
- Фельдман М.А. Осмысление партийно-хозяйственной элитой СССР итогов Первой пятилетки: путь к прозрению не бывает легким // Гуманитарные науки Сибири. 2021. Т. 28. № 3. С. 76–84.
- Хлевнюк О.В. Сталинский период советской истории. Исторические тенденции и нерешенные проблемы // Уральский исторический вестник. 2017. С. 71–80.
- Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 478 с.
- Черемисинов Г.А. Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926 / 27–1928 / 29) // Экономическая история. Ежегодник. М.: Изд-во Ин-та рос. истории РАН, 2006. С. 323–365.
- Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.
- Шильникова И.В. Забастовки в советской промышленности в годы Первой пятилетки (по материалам информационных обзоров и сводок ОГПУ) // Экономическая история. 2016. № 4. С. 80–89.
- Шпотов Б.М. Американский бизнес и СССР в 1920–1930 гг. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 316 с.

Шпотов Б.М. Капиталистов приглашали, чтобы с ними бороться: «из истории иностранных концессий в СССР» // Россия в контексте мирового развития: история и современность: к 90-летию академика РАН В.А. Виноградова. Сб. статей. М.: Собрание, 2011. С. 274–293.

Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело, 2010. 248 с.

Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: Дело, 2012. 342 с.

Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London: Macmillan Press, 1996. 612 p.

References

Batyshev S.L. Formirovanie kvalificirovannykh rabochikh kadrov v SSSR. [Formation of skilled workers in the USSR]. Moscow: Economics. 1974. 383 p. (In Russ.)

Belov A.V. K voprosu o prostranstvennom razmeshhenii faktorov promyshlennosti v sovremennoj Rossii. Prostranstvennaja Jekonomika [On the question of the spatial placement of industrial factors in modern Russia. Spatial Economics]. 2012. N 2. P. 9–28. (In Russ.)

Belyanova A.M. O tempah jekonomicheskogo razvitija SSSR.M.: Jekonomika [On the pace of economic development of the USSR]. Moscow: Economics, 1974. 174 p.

Belykh A.A. Istorija rossijskich jekonomiko-matematicheskikh issledovanij: pervye sto let. [History of Russian Economic and mathematical research: the first hundred years]. 3rd ed. Moscow: URSS LKI Publishing House, 2011. 240 p. (In Russ.)

Belykh A.A. Istorija sovetskich jekonomiko-matematicheskikh issledovanij (1917 – nachalo 1960-h godov) [History of Soviet Economic and Mathematical research (1917 – early 1960 s)] Leningrad: Publishing House of LSU. 1990. 142 p. (In Russ.)

Cheremisinov G.A. Ispol'zovanie rezervov jekstensivnogo rosta gosudarstvennogo predprinimatel'stva v SSSR (1926 / 27–1928 / 29). Jekonomicheskaja istorija. Ezhegodnik [The use of reserves of extensive growth of state entrepreneurship in the USSR (1926 / 27–1928 / 29). Economic history. Yearbook]. Moscow: Publishing House of the Institute of Russian History of RAS, 2006. P. 323–365. (In Russ.)

Davies R.W. Industrialisation of Soviet Russia. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke; London: Macmillan Press, 1996. 612 p.

Drobizhev V.Z. (and others). Glavnyj shtab socialisticheskoj promyshlennosti. Oчерки istorii VSNH. 1917–1932. [The main headquarters of socialist industry. Essays on the history of VSNH. 1917–1932]. Moscow: Mysl, 1966. 285 p. (In Russ.)

Drobizhev V.Z., Sokolov A.K., Ustinov V.A. Rabochij klass Sovetskoj Rossii v pervyj god proletarskoj diktatury. (Opyt strukturnogo analiza po materialam professional'noj perepisi 1918 g.) [The working class of Soviet Russia in the first year of the proletarian dictatorship. (Experience of structural analysis based on the materials of the professional census of 1918)]. Moscow: Nauka, 1975. 267 p. (In Russ.)

Ehrlich A. Diskussii ob industrializacii v SSSR. 1924–1928 [Discussions about industrialization in the USSR. 1924–1928]. Moscow: Delo, 2010. 248 p. (In Russ.)

Evdoshenko Yu.V. Aleksandr Serebrovskij. Vехi politicheskoi biografii [Alexander Serebrovsky. Milestones of political biography]. A.P. Serebrovskij. Na neftjanom fronte. Moscow: Neftjanoe hozjajstvo, 2015. P. 4–49. (In Russ.)

Feldman M.A. Mogla li jekonomika Njepa stat' osnovoj Industrial'nogo proekta? [Could the Nep economy become the basis of an Industrial project?] ECO. 2021. N 3. P. 2–21. (In Russ.)

Feldman M.A. Osmyslenie partijno-hozjajstvennoj jelitoj SSSR itogov Pervoj pjatiletki: put' k prozreniju ne byvaet legkim. Gumanitarnye nauki Sibiri [Comprehension by the party and economic

elite of the USSR of the results of the First five-year plan: the path to enlightenment is not easy. Humanities of Siberia]. 2021. Vol. 28. N 3. P. 76–84. (In Russ.)

Gladkov I.A. K istorii pervogo pjatiletnego narodnohozhajstvennogo plana. Planovoe hozhajstvo [To the history of the first five-year national economic plan. Planned economy]. 1935. N 4. P. 106–142. (In Russ.)

Glavatsky M.E. KPSS i formirovanie tehnicheckoj intelligencii na Urale (1917–1940) [The CPSU and the formation of the technical intelligentsia in the Urals (1917–1940)]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo, 1974. 214 p. (In Russ.)

Gordon L.A., Klopov E.V. Chto jeto bylo? Razmyshlenija o predposylkah i itogah togo, chto sluchilos' s nami v 30–40-e gody [What was it? Reflections on the prerequisites and results of what happened to us in the 30–40 s]. Moscow: Politizdat, 1989. 318 p. (In Russ.)

GULAG: Jekonomika prinuditel'nogo truda [GULAG: The Economics of Forced labor]. Edited by L.I. Borodkin, P. Gregory, O.V. Khlevnyuk. Moscow: ROSSPEN, 2005. 315 p. (In Russ.)

Ilyukhov A.A. Kak platili bol'sheviki: politika sovetskoj vlasti v sfere oplaty truda. 1917–1941 gg. [How the Bolsheviks paid: the policy of the Soviet government in the field of remuneration. 1917–1941]. Moscow. ROSSPAN, 2010. 415 p. (In Russ.)

Istoricheskij opyt Kommunisticheskoy partii po osushhestvleniju leninskogo plana socialisticheskoy industrializacii SSSR [The historical experience of the Communist Party on the implementation of the Leninist plan of socialist industrialization of the USSR]. Moscow: In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS, 1971. 417 p. (In Russ.)

Istorija socialisticheskoy jekonomiki [History of the Socialist Economy]: in 7 vol. Moscow: Nauka, 1977. Vol. 3. 532 p. (In Russ.)

Istorija sovetskogo rabocheho klassa [History of the Soviet working class]: In 6 vol. Moscow: Nauka, 1984. Vol. 2. 511 p. (In Russ.)

Ivanov Yu.M. Polozhenie rabochih Rossii v 1920 – nachale 1930-h gg. Voprosy istorii [The situation of the workers of Russia in the 1920 s- early 1930 s. Questions of History]. 1998. N 5. P. 28–43. (In Russ.)

Ken O.N. Mobilizacionnoe planirovanie i politicheskie reshenija (konec 1920 – seredina 1930-h godov) [Mobilization planning and Political decisions (late 1920 – mid 1930 s)]. St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta, 2002. 472 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Hozjain. Stalin i utverzhenie stalinskoj diktatury [The owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 478 p. (In Russ.)

Khlevnyuk O.V. Stalinskij period sovetskoj istorii. Istoricheskie tendencii i nereshennye problem. Ural'skij istoricheskij vestnik [The Stalinist period of Soviet history. Historical trends and unsolved problems. Ural Historical Bulletin]. 2017. P. 71–80. (In Russ.)

Krasilnikov S.A. «Velikij perelom» kak social'noe dejstvie i politika mobilizujushhej rannesovetskoe obshhestvo diktatury. 1929: Velikij perelom i ego posledstvija: Materialy Dvenadcatoj mezhdunarodnoj konferencii Ekaterinburg. 26–28 sentjabrja 2019 g. [«The Great Turning point» as a social action and policy of the dictatorship mobilizing early Soviet society. 1929: The Great Turning Point and its consequences: Proceedings of the Twelfth International Conference Yekaterinburg. September 26–28, 2019]. Moscow: ROSSPEN, 2020. P. 6–24. (In Russ.)

Krasilnikov S.A. Social'naja mobilizacija kak ob'ekt sociogumanitarnyh issledovanij. Teoreticheskie aspekty. Social'naja mobilizacija v stalinskom obshhestve (konec 1920-h – 1930-e gg.) [Social mobilization as an object of socio-humanitarian research. Theoretical Aspects. Social Mobilization in Stalin's Society (late 1920 s – 1930 s)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2013. P. 9–22.

Krasilnikov S.A., Savin A.I., Ushakova S.H. Shahtinskij politicheskij process 1928 goda: istochniki v kontekste jepohi. Shahtinskij process 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi [Shakhta po-

litical process of 1928: sources in the context of the epoch. Shakhta process of 1928: preparation, conduction, results]: in 2 vol. Moscow: ROSSPEN, 2011. Vol. 1. P. 10–70.

Leibovich O.L. Ohota na krasnogo direktora [The hunt for the red director]. Perm: Perm State Institute of Culture Publishing House, 2017. 236 p. (In Russ.)

Lelchuk V.S. Socialisticheskaja industrializacija SSSR i ee osveshhenie v sovetskoj istoriografii [Socialist industrialization of the USSR and its coverage in Soviet historiography]. Moscow: Nauka. 1975. 312 p. (In Russ.)

Lelchuk V.S. Industrializacija SSSR: istorija, opyt, problem [Industrialization of the USSR: history, experience, problems]. Moscow: Politizdat, 1984. 304 p. (In Russ.)

Markevich A.V. Byla li sovetskaja jekonomika planovoj? Planirovanie v narkomatah v 1930-e gg. Jekonomicheskaja istorija: Ezhegodnik. 2003 [Was the Soviet economy planned? Planning in the People's Commissariats in the 1930 s. Economic History: Yearbook. 2003]. Moscow: 2004. P. 20–54. (In Russ.)

Merle Sh. Sovetskaja jekonomika: sovremennye ocenki. Jekonomicheskaja istorija. Ezhegodnik. 2016–2017 [The Soviet economy: modern assessments. Economic history. Yearbook. 2016–2017]. Moscow, 2017. P. 303–343. (In Russ.)

Mukhin M.Yu. [Sto let izuchenija njepa. Vremja podvodit' itogi? Rossijskaja istorija [One hundred years of studying NEP. Time to take stock? Russian History]. 2020. N 5. P. 3–14. (In Russ.)

Nauchno-tehnicheskaja intelligencija Urala v 1920-e – 1930-e gody: dela i sud'by. Pod red. M.E. Glavackogo [Scientific and technical intelligentsia of the Urals in the 1920 s – 1930 s: deeds and destinies. Edited by M.E. Glavatsky]. Yekaterinburg: Russian Cultural Foundation, 1993. 118 p. (In Russ.)

Nikitina A.O. Intelligencija i vlast' na Urale: problemy sovremennoj istoriografii. Izvestija Ural'skogo federal'nogo un-ta [Intelligentsia and power in the Urals: problems of modern historiography. Izvestia of the Ural Federal University]. Ser. 2. Humanities. 2007. Vol. 49. N 13. P. 162–170. (In Russ.)

Osokina E.A. O social'nom immunitete ili kriticheskom vzgljade na koncepciju passivnogo (povsednevnogo) soprotivlenija. Istoriya stalinizma: itogi i problemy izuchenija. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 5–7 dekabnja 2008 [About social immunity or a critical look at the concept of passive (everyday) resistance. The history of Stalinism: results and problems of study. Materials of the international scientific conference. December 5–7, 2008]. Moscow: ROSSPEN, 2011. P. 387–440. (In Russ.)

Osokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naselenija v gody industrializacii. 1927–1941 [Behind the façade of «Stalin's abundance»: Distribution and market in the supply of the population in the years of industrialisation. 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN, 2008. 377 p.

Panfilova A.M. Formirovanie rabocheho klassa SSS v gody pervoj pjatiletki [Formation of the working class of the SSS during the first fiveyear plan]. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1964. 176 p. (In Russ.)

Pavlov K.S. Social'nyj oblik direktorskogo korpusa sovetskih metallurgicheskikh zavodov v 1930–1940 gg. (po materialam Cheljabinskoj oblasti) [The social appearance of the director's corps of Soviet metallurgical plants in the 1930 s – 1940 s. (based on the materials of the Chelyabinsk region)]. Avtoreferat dis.... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2010. 27 p. (In Russ.)

Pogrebinskaya V.A. Razrabotka metodologii general'nogo plana v konce 1920-h – nachale 1930-h gg. [Development of the methodology of the master plan in the late 1920 s – early 1930 s]. Moscow: In-t jekonomiki AN SSSR, 1979. 122 p. (In Russ.)

Polikarpov V.V. «Novoe napravlenie» – v starom prochtenii. Voprosy istorii [«New direction» – in the old reading. Questions of history]. 1989. N 3. P. 44–61. (In Russ.)

Popov V., Shmelev N. Byla li al'ternativa stalinskoj modeli razvitija. Osmyslit' kul't Stalina [Was there an alternative to the Stalinist model of development. To comprehend the cult of Stalin]. Moscow: Progress, 1989. P. 284–326. (In Russ.)

Postnikov S.P., Feldman M.A. Sociokul'turnyj oblik promyshlennyh rabochih Rossii v 1900–1941 gg. [Socio-cultural appearance of industrial workers of Russia in 1900–1941]. Moscow: ROSSPEN, 2009. 367 p. (In Russ.)

Radaev V.V., Shkorotan O.I. Social'naja stratifikacija [Social stratification]. Moscow: Nauka, 1995. 240 p. (In Russ.)

Rossija v gody grazhdanskoj vojny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii [Russia during the Civil War, 1917–1922: Essays on History and Historiography]. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 605 p. (In Russ.)

Rossijskaja revoliucija 1917 goda: vlast', obshhestvo kul'tura [The Russian Revolution of 1917: power, society, culture]: in 2 vol. Ed. by Yu.A. Petrov. M.: ROSSPEN. Vol. 1. 2017. 743 p.

Senyavsky A.S. Byla li al'ternativa svertyvaniju novoj jekonomicheskoy politike? Voprosy teoreticheskoy jekonomiki [Was there an alternative to curtailing the new economic policy? Questions of theoretical economics]. 2020. N 3. P. 168–182. (In Russ.)

Shattenberg S. Inzhenerij Stalina. Zhizn' mezdu tehnikoj i terrorom v 1930-e gg. [Stalin's Engineers. Life between technology and terror in the 1930 s.] Moscow: ROSSPEN, 2011. 471 p. (In Russ.)

Shilnikova I.V. Zabastovki v sovetskoj promyshlennosti v gody Pervoj pjatiletki (po materialam informacionnyh obzоров i svodok OGPU). Jekonomicheskaja istorija [Strikes in Soviet industry during the First Fiveyear Plan (based on the materials of information reviews and summaries of the OGPU). Economic History]. 2016. N 4. P. 80–89. (In Russ.)

Shpotov B.M. Amerikanskij biznes i SSSR v 1920–1930 gg. [American business and the USSR in 1920–1930]. Moscow: Book House «LIBROCOM». 2012. 316 p. (In Russ.)

Shpotov B.M. Kapitalistov priglasjali, chtoby s nimi borot'sja: «iz istorii inostrannyh koncessij v SSSR». Rossija v kontekste mirovogo razvitija: istorija i sovremennost': k 90-letiju akademika RAN V.A. Vinogradova [Capitalists were invited to fight them: «from the history of foreign concessions in the USSR». Russia in the context of world development: history and modernity: to the 90 th anniversary of Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Vinogradov]. Collection of articles. Moscow: Sobranie, 2011. P. 274–293. (In Russ.)

Siegelbaum L. Pozdnij roman s sovetskim rabochim v zapadnoj istoriografii. Social'naja istorija. Ezhegodnik. 2004 [The Late Romance of the Soviet Worker in Western Historiography. Social History. Yearbook. 2004]. Moscow: ROSSPAN, 2005. P. 53–71.

Sokolov A.K. Ot voenproma k VPK: sovetskaja voennaja promyshlennost'. 1917 – ijun' 1941 g. [From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917 – June 1941]. Moscow: New chronograph. 2012. 527 p. (In Russ.)

Sokolov A.K. Perspektivy izuchenija rabochej istorii v sovremennoj Rossii. Otechestvennaja istorija [Prospects of studying working history in modern Russia. Russian History]. 2003. N 4. P. 131–142. (In Russ.)

Trukan G.A. Put' k totalitarizmu. 1917–1929 [The path to totalitarianism. 1917–1929]. Moscow: Nauka, 1994. 166 p. (In Russ.)

Tucker R. Stalin-diktator. U vlasti. 1928–1941 [Stalin is a dictator. In power. 1928–1941]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2012. 797 p.

Tverdyukova E.D. Prostranstvennoe razmeshhenie promyshlennosti i naselenija v SSSR v 1930-e gg. Centr i regiony v istorii Rossii. Problemy jekonomicheskogo, politicheskogo i sociokul'turnogo vzaimodejstvija [Spatial distribution of industry and population in the USSR in the 1930 s. The centre and the regions in Russian history. Problems of Economic, Political and Socio-Cultural Interaction]. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2010. P. 412–430. (In Russ.)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Vdovin A.I., Drobizhev V.Z. Rost rabocheho klassa SSSR [The growth of the working class of the USSR]. 1917–1940. Moscow: Mysl, 1976. 264 p. (In Russ.)

Vorozheikin I.E. Letopis' trudovogo geroizma: Kratkaja istorija socialisticheskogo sorevnovaniya v SSSR [Chronicle of labor heroism: A Brief History of Socialist Competition in the USSR]. Moscow: Politizdat, 1984. 326 p. (In Russ.)

Vorozheikin I.E. Rost rabocheho klassa SSSR. 1917–1940 gg. [An essay on the historiography of the working class of the USSR]. Moscow: Politizdat, 1975. (In Russ.)

Yasny N. Sovetskie jekonomisty 1920-h godov. Dolg pamjati [Soviet economists of the 1920 s. The debt of memory]. M.: Delo, 2012. 342 p. (In Russ.)

Zhuravlev S.V., Mukhin M.Yu. «Krepost' socializma»: Povsednevnost' i motivacija truda na sovetском predpriyatii, 1928–1938 gg. [«The Fortress of socialism»: Everyday life and motivation of work at a Soviet enterprise, 1928–1938]. Moscow: ROSSPEN. 2004. 238 p. (In Russ.)

Zvezdin Z.K. Ot plana GOJELRO k planu pervoj pjatiletki [From the GOELRO plan to the plan of the first fiveyear plan]. Moscow: Nauka, 1979. 269 p. (In Russ.)

Ю.Г. Бит-Юнан

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ 1960-х годов

Аннотация. В данной статье изучается история публикации очерка Некрасова о его путешествии на Камчатку, которое состоялось в начале 1960-х годов. В поле внимания исследователя – то обстоятельство, что очерк был напечатан дважды: сначала – в советском журнале «Новый мир» (1965) под заглавием «За двенадцать тысяч километров», а затем – в эмигрантском ежеквартальнике «Грани» (1970) – под названием «О вулканах, отшельниках и прочем» и якобы уже без цензурных изъятий, допущенных в советском издании.

В статье уточняются и комментируются результаты проведенного «Гранями» сличения той редакции очерка, которую печатали они, с редакцией, которая была помещена в «Новом мире», а также выявляются причины, в силу которых факт публикации неподцензурного варианта очерка в эмигрантском издании не привел к каким бы то ни было санкциям против Некрасова, сохранявшего в 1970 г. статус профессионального советского литератора.

Ключевые слова: В.П. Некрасов; Е.С. Гинзбург; В.Н. Войнович; А.Т. Твардовский; «Новый мир»; «Грани»; советская пресса; эмигрантская пресса; самиздат; тамиздат; советская цензура.

Бит-Юнан Юрий Геваргисович – доктор филологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Россия, Москва.

E-mail: bityunan@gmail.com

Web of Science Researcher ID: P-9203-2015

Bit-Yunan Yu. G. On the history of Soviet censorship of the 1960 s.

Abstract. The article describes the history of the publication of V. Nekrasov's sketchbook on his trip to Kamchatka, which took place in the early 1960 s. The researcher brings it into focus that the text has been published twice: in 1965 by the Soviet journal «Novy Mir» under the title «Twelve thousand kilometres away» and in 1970 by the emigrant journal «Grani», named as «About the volcanoes, recluses and so on», with «Grani»

declaring that their edition was free of any censorship omissions that had been made in the Soviet Union, and were now italicized so as not to remain unnoticed.

This work offers specifications and comments for most of the omissions and discrepancies between the editions. It also explains the absence of any sanctions against the professional Soviet writer V. Nekrasov despite the fact that his uncensored sketchbook had somehow been printed in an anti-Soviet periodical.

Keywords: V. Nekrasov; E. Ginzburg; V. Voynovich; A. Tvardovsky; «Novy Mir»; «Grani»; soviet press; emigrant press; samizdat; tamizdat; Soviet censorship.

**Bit-Yunan Yury Gevargisovich – D. Sci in Philology,
associate professor of Russian State University
for the Humanities (RSUH), associate professor of Russian
Presidential Academy of National Economy and Public
Administration (RANEPA). Russia, Moscow.
E-mail: bityunan@gmail.com
Web of Science Researcher ID: P-9203-2015**

В.П. Некрасова нельзя отнести к неизученным авторам. Более того, ему удалось преодолеть ассоциацию с названием своего дебютного произведения. Он – автор не только повести «В окопах Сталинграда» (в первой публикации – просто «Сталинград» [Некрасов 1946]), за которую он был в 1947 г. удостоен Сталинской премии второй степени.

На посвященном ему сайте собраны статьи литературоведов, критиков и публицистов [Статьи и передачи]. И все они, начав повествование с «В окопах Сталинграда», отмечают, что появление этого сочинения было лишь началом творческой карьеры Некрасова. Самое же интересное и важное происходило потом.

В 1954 г. в «Новом мире» появилась прекрасно написанная повесть «В родном городе» [Некрасов 1954]. Ее можно рассматривать как своеобразное продолжение «В окопах Сталинграда». Но здесь повествуется уже не о войне, а о том, что было после нее. Если точнее – о том, что найти свое место в мирной жизни очень непросто. Критики эту повесть хвалили буквально наперебой, лишь иногда отмечая мелкие недостатки [см., напр.: Тарасенков 1954; Капусто 1955; Воинов 1955].

В 1961 г., тоже в «Новом мире», была напечатана повесть «Кира Георгиевна», где даже затрагивалась лагерная тема [Некрасов 1961]. Это вызвало у рецензентов легкое неодобрение, но в целом отзывы были благожелательными [см., напр.: Николаев 1961; Светов 1962; Камянов 1962]. Настоящие проблемы начались лишь в следующем году.

В 1962 г. «Новым миром» был опубликован путевой очерк Некрасова «По обе стороны океана» [Некрасов 1962]. И тут писатель оказался под ударом критики высшего руководства. Его бранил сам Н.С. Хрущев. А 20 января 1963 г. в «Известиях» появилась редакционная статья «Турист с тросточкой», обличавшая идеологическую беспринципность Некрасова. Написал ее, как позже стало известно, М.Г. Стурва [Турист с тросточкой 1963].

Дальше шло только по нарастающей. Некрасова осуждали в прессе за его правозащитную деятельность, за то, что он заступался за Ю.М. Даниэля и А.Д. Синявского, открыто поддерживал А.И. Солженицына [см. подробнее: Пахалюк 2018, с. 376].

Особое место в биографии (точнее, в хронике изгнания Некрасова) занимает его внимание к еврейской теме. Еще в 1959 г. он поместил в «Литературной газете» статью, в которой призывал поставить памятник у Бабьего Яра [Некрасов 1959]. 29 сентября 1966 г. там проходила мемориальная встреча, которую организовал Некрасов. Впоследствии его за это критиковали [см. подр.: Парнис 2007].

Сохранились свидетельства, что не позднее начала 1969 г. за Некрасовым уже присматривали агенты КГБ [см. подр.: Матвеев 2014]. Хотя можно предположить, что под наблюдением он оказался существенно раньше.

С 1972 г. Некрасова уже почти не издавали. В 1973 г. исключили из партии и Союза писателей. А 17 и 18 января 1974 г. во время обыска, длившегося чуть ли не двое суток, изъяли у него рукописи, книги, личную корреспонденцию и мн. др. Часть изъятого вскоре вернули, часть – оставили в архиве КГБ [см. подр.: Матвеев 2014]. 12 сентября этого же года Некрасов с женой Г.В. Базий покинули СССР. Умер писатель в 1987 г. в Париже.

Впрочем, в этой истории, вполне правдоподобной с учетом репрессивных методов 1960–1970-х годов, традиционно пропускается одно событие, точнее – один текст. Это очерк Некрасова о путешествии на Камчатку «За двенадцать тысяч километров». Упоминания о нем содержатся только в одной критической работе – «Правда выше всего. Виктор Некрасов – его судьба и его книги» Л.И. Лазарева. Там сообщается, что в 1965 г. «Новый мир» опубликовал цензурированную версию очерка, а полная версия, «без цензурных купюр и цензурной правки» появилась впоследствии в эмигрантском ежеквартальнике «Грани» под заглавием «О вулканах, отшельниках и прочем». Впрочем, Лазарев никак этого события не комментирует. Просто было две публикации: купированная и полная [см. подр.: Лазарев 2004].

И на сайте памяти Некрасова разъяснений тоже не найти. В разделе, где помещен этот очерк, – лишь краткий комментарий: «Этот очерк, но уже без цензурных изъятий, был опубликован в журнале “Грани”, 1970, № 74, стр. 25–86 под названием “О вулканах, отшельниках и прочем”». Приведены, moreover, обе редакции – «Нового мира» и «Граней» [Некрасов 1965; Некрасов 1970].

Предисловие в «Гранях» гораздо более информативно. Там обозначены некоторые различия между двумя редакциями, а также сказано, что все материалы получены из СССР. Якобы это некий «“самиздатовский” экземпляр», более полный, нежели изувеченный Главлитом новомирский вариант [Предисловие к очерку 1970, с. 25].

Объяснение это, конечно, далеко от безупречного. В частности, непонятно, почему цензурирующей инстанцией признан именно Главлит. В «Новом мире» тоже были редакторы – и они тоже могли требовать сокращать, дописывать и переписывать. Можно предположить, что здесь сработала ассоциативная логика: раз оскопляли и переиначивали – значит, это Главлит. Но подобный ход мысли не всегда надежен. Что же касается прочих подробностей – когда и как очерк получен, есть ли в тексте какие-то пометки и т.п. – их, безусловно, в предисловии быть и не могло. Это было бы равносильно доносу.

Кстати, рекламировавшие свою находку «Грани» не стали сообщать в предисловии, что и у них оказалась лишь одна из редакций очерка – очевидно не самая полная. В новомирской редакции содержится глава «Баллада о сапогах», в «Гранях» ее нет. Сказано же об этом только в примечании на той странице, где она должна была бы помещаться.

Поэтому придется удовлетвориться гипотезой, что рукопись купировали по требованию Главлита, более полная ее версия (без «Баллады о сапогах») ходила в самиздате, а затем попала в так называемый «тамиздат».

Что же касается «Баллады о сапогах», то здесь редакция «Граней» поступила профессионально: не стала включать его в полученный экземпляр, чтобы не компилировать редакции.

Остальные разночтения обозначались курсивом, что, впрочем, не всегда позволяет судить о том, удален был фрагмент или изменен. Поэтому в данной статье изъятие текста будет показано курсивом, а изменение – полужирным шрифтом.

* * *

Некоторые несущественные разночтения между двумя редакциями можно объяснить необходимостью сократить текст. Здесь злого политического умысла не усматривается.

Например, в первой главе «За двенадцать тысяч километров» не уточняется, что Некрасов и его спутники в начале путешествия заночевали в Корфе. В «О вулканах, отшельниках и прочем» эта информация содержится. При этом в дальнейшем тексте новомирской редакции упоминания о Корфе есть [ср.: Некрасов 1965, с. 3; Некрасов 1970, с. 26].

Иногда несущественно сокращены были характеристики некоторых героев. Так, о советском писателе и сценаристе Р.И. Райгородецком, который

сопровождает Некрасова, сказано: «Лучшего гида и спутника трудно было найти: парень он энергичный, *пробивной*» [Некрасов 1970, с. 58]. Слово «пробивной» в редакции «Нового мира» отсутствует. Образ получается менее яркий, но оценка характера – прежняя. Похожий пример – ниже. Речь снова о Райгородцеком: «Кончалось все, как правило, победой – оставляли койки в гостинице, давали транспорт, назначали встречи. *Отказать ему было невозможно, так убедительно и настойчиво он говорил*» [Некрасов 1970, с. 59].

Куда интереснее, впрочем, последствия цензурирования очерка.

Их можно условно разделить на две группы: те, что относятся к описанию нравов и могли быть сняты из этических соображений, и те, что непосредственно касаются политики. «Условно» – потому как в советских условиях этика также во многом зависела от политики.

Начну с «этической правки».

При подготовке советской публикации корректировались оценки, относившиеся к гастрономическим предпочтениям москвичей, а именно – их любви к дальневосточным деликатесам. В новомирской редакции Некрасов описывает свою встречу в аэропорту с известным камчатским журналистом и добавляет, что в буфете не было ничего «кроме теплой воды, слипшихся конфет и нежно-розового лосося – чавычи, на которую здесь никто не смотрел, а в Москве, появившись она только, **к прилавку и не пробьешься**» [Некрасов 1965, с. 3]. В «Гранях» сказано суровее: «<...> кроме теплой воды, слипшихся конфет и нежно-розового лосося – чавычи, на которую здесь никто не смотрел, а в Москве, появившись она только, **из-за нее сломали бы прилавки**» [Некрасов 1970, с. 26]. Действительно, такое поведение характеризовало бы москвичей дурно.

Одна из глав, «Отшельник», была в новомирской редакции сокращена – очевидно, с целью повышения нравственности. В ней описана встреча с неким дядей Ваней, который жил вдали от всех в маленьком домике на берегу озера. Единственный его постоянный сожитель – кот. Вечером на дядю Ваню нахлынули воспоминания: «Мы сидели возле костра, подбрасывали сучки и веточки и слушали чуть-чуть захмелевшего старика. Он говорил о каком-то полковнике, который часто сюда приезжал и с которым они все ночи напролет о чем-то там судили-рядили, *потом о своей жене, весьма странной женщине, которую посадили за то, что она отрезала своему внуку весьма существенную деталь (говорил он об этом спокойно, без всякого гнева, не очень почему-то удивляясь, но осуждая)*, потом переключился на ключевский ресторан, очень его возмущивший» [Некрасов 1970, с. 41].

Неуместным, по-видимому, показался редакторам «Нового мира» и рассказ о походе в тот самый ресторан: «– “Одет, говорят, плохо, галстука нет”, – вот и не пустили. “Я есть, говорю, хочу, а галстука у меня отродясь не было”. – “Нет, говорят, нельзя”. “*Тащи, говорю, тогда сюда, на ступеньки*”, девице

этой говорю, горничной, что ли. “Это тоже, говорит, нельзя, не положено”. Ну тут я уж рассердился – и не в такие рестораны меня пускали. “Давай директора”, говорю. Ну, с директором поладили как-то. Такой пир задал, никто не пожаловался, никого не обошел...» [Некрасов 1970, с. 41].

Сокращения нравственного характера были также сделаны в главе «Котики», имевшей в граневской редакции более экспрессивное название – «Вырывай сердце к черту!».

На острове Беринга Некрасов стал свидетелем кровопролитной сцены. Группа молодых, крепких мужчин занималась привычным и прибыльным делом – забоем морских котиков. В новомирской редакции подготовка описана так: «Самки только начинают приходить, – объяснили нам зверобои, – но пока их мало, по две-три на одного секача. Потом будет по два, три, четыре, а то и пять десятков на каждого старика. Тогда начнутся драки, бои между холостяками и секачами, хозяевами гаремов. Этого вы сейчас не увидите. Это все будет позже. Сейчас разделять секачей и холостяков будем мы... Нам нужны только **холостяки**» [Некрасов 1965, с. 14].

В редакции «Граней» сказано иначе, более жестоко: «Нам нужны только **трех-четырёхлетки** – у них **лучший мех**» [Некрасов 1970, с. 46].

Изъяты были из «За двенадцать тысяч километров» и некоторые пугающие подробности охоты. Других изъятий не было. Более того, из содержания «За двенадцать тысяч километров» нетрудно заключить, почему в другой редакции эта глава могла бы называться «Вырывай сердце к черту!». Эти слова произносит один из опытных охотников, объясняя новичку, как следует добывать умирающего котика.

Но главной находкой для «Граней» были, конечно, фрагменты политического содержания.

Один из наиболее острых посвящен отношению в СССР не к жизни – а к смерти. Точнее, не только к жизни, но и к смерти.

В поисках рыбокомбината в Усть-Камчатске Некрасов и его спутники случайно набрали на заброшенное кладбище. Разглядывая изветшавшие надгробия, Некрасов вспомнил, как уже после войны оказался на разоренном еврейском кладбище недалеко от Бабьего Яра. И ему стало страшно: «*Кругом было нечто более страшное, чем смерть – надругательство над ней. Дикое, бесстыдное, ужасное, непонятное...*» [Некрасов 1970, с. 52].

Прошедший войну Некрасов отказывался верить в то, что это сделали немецкие нацисты: «*Я пытаюсь нарисовать себе картину происходящего – и не могу. Говорят, начали фашисты. В дни оккупации. Это я представляю. Зондеркоманды, опьяненные жаждой разрушения враги. О, они умели уничтожать: живое и мертвое... Всё это я вижу. Но фашисты разрушили только ничтожную часть, лишь центральную аллею, какую-нибудь сотню памятников. А остальные тысячи?*» [Некрасов 1970, с. 53].

Но страшно не только желание осквернить кладбище – страшно упорство, желанию сопутствовавшее. Страшны последовательность и целеустремленность: *«Кто же? Шайка хулиганов? Напилась и стала крушить все направо и налево, все, что подвернулось под руку? Но сколько же их должно было быть, этих хулиганов, чтобы уничтожить целое кладбище? И какая у них должна быть сила, какие орудия разрушения? Одними ломами и молотами этого не сделаешь. Здесь нужна техника, специальная техника, которую применяют при разрушении старых зданий. Надгробия – гранитные, на свинце; чтоб сва-лить их, нужен тягач, стальной трос»* [Некрасов 1970, с. 53].

А раз так – это, конечно, не обыкновенное хулиганство:

«Я в сотый раз задаю себе вопрос: кто это сделал? Я знаю, что тоже враг. Не менее страшный, чем тот, в стальном шлеме со свастикой. Но я хочу увидеть его в лицо, увидеть на скамье подсудимых, услышать его голос и голос судьи, выносящего ему приговор.

Но его нет на скамье подсудимых, он ходит, как мы с вами, по городу и, возможно, мы каждый день с ним встречаемся... Он жив. В руках его еще нет оружия, руки эти тянутся пока к кладбищам, к мертвым. Каждый год, в ночь под Судный день, то на этом, то на том кладбище оскверняется, уничтожается несколько десятков могил. Пока – могилы, надругательство над мертвыми, а потом?

В тысячу первый раз задаю себе вопрос, и не только я: кто сделал все это? Во второй половине XX века, в городе Киеве, на старом еврейском кладбище, возле Бабьего Яра, в пяти минутах ходьбы от троллейбусной остановки. И кто закрывал на это глаза? И кто даст ответ?» [Некрасов 1970, с. 53–54].

Формально СССР был интернациональным государством. Все этнические группы в его составе признавались равными и в профессиональном, и в культурном, и в юридическом отношении – во всех смыслах. Бытовой антисемитизм, считалось, был изжит еще в 1920-х годах. Иронически об этом написали И.А. Ильф и Е.П. Петров в романе «Золотой теленок», где один из героев говорит приезжему журналисту, что в СССР евреи есть, а еврейской проблемы нет. Некрасов, евреем не бывший, понимал, что шутка двух классиков оставалась и во второй половине XX в. не более чем шуткой.

Еще одной запретной темой в советской прессе было детальное обсуждение природных катастроф и масштаба их жертв. Советская власть в принципе не любила признавать существование неподконтрольной ей силы. Поэтому купирована была и новомирская глава «Цунами», имевшая в редакции «Граней» заглавие «О всяких ужасах». Посвящена она катастрофе 1952 г., когда второй по величине остров Курильской гряды, Парамушир, оказался под ударом цунами. Больше всего людей погибли в самом крупном городе – Северо-Курильске. Советская пресса тогда об этом умолчала.

В городе Ключи Некрасов познакомился с неким Александром Евгеньевичем Святловским – вулканологом и «цунамистом». Тот был откровенен: многие камчатские города, в частности Усть-Камчатск, расположены крайне неудачно – трагедия 1952 г. могла повториться в любой момент.

А далее начинаются расхождения.

Редакция «Нового мира» куда менее информативна, чем граневская. Следовательно, она и менее экспрессивна. Главное, о чем в ней не сказано, – это количество жертв: «4–5 ноября 1952 года цунами высотой в пятнадцать метров обрушилось на поселок Северо-Курильск на острове Парамушир и снесло его в океан вместе с двенадцатью тысячами жителей. В газетах об этом не писали» [Некрасов 1970, с. 54].

Выжили тогда лишь немногие – и отнюдь не благодаря сотрудникам советской службы спасения: «Северо-Курильск погиб из-за того, что население ничего не знало о цунами. Люди были все новые, переселенцы. Службы предупреждения, которая существует сейчас на Камчатке и Курилах, не было. О возможной катастрофе никто ничего не мог даже предположить – просто никто не знал, что существует на свете цунами. Рассказывают, что только несколько чудом сохранившихся на острове корейцев, по известным им признакам (отлив океана), успели предупредить своих соседей, и из двенадцати тысяч населения нескольким десяткам человек удалось все же спастись – они поднялись в горы» [Некрасов 1970, с. 56]. Этих сведений, очевидно, не было в новомирской редакции, поскольку они могли бы напомнить читателю о том, что часть Курильской гряды, включая Парамушир, отошла к СССР в 1945 г. Ранее остров был территорией Японии.

Упоминается в редакции «Граней» и число жителей Усть-Камчатска. В «Новом мире» этой информации нет: «Александр Евгеньевич не только вулканолог, он и “цунамист”, если можно так сказать. Особенно тревожит его судьба Усть-Камчатска, районного центра, самого крупного на восточном побережье Камчатки поселка с одиннадцатью тысячами жителей» [Некрасов 1970, с. 55]. Если предположить, что этот фрагмент был снят редактором, то объяснение, вероятно, могло быть таким: достаточно упомянуть о потенциальном риске – говорить, сколько человек может погибнуть – не следует.

Любопытны также замечания Некрасова о воспитательной работе и роли искусства в Советском Союзе. И здесь редакции вновь расходятся по линии нарастания / понижения искренности и откровенности. Этой проблеме посвящена глава «Царицы Савские и Жан Маре».

Некрасов начинает ее с цитаты из некоего произведения. Описаны в нем девушки неземной красоты: «Как вы думаете, а о ком это идет речь? Кто эти змеино-колюче-гибкие девушки, привыкшие повелевать и властвовать? И где все это происходит? В Монте-Карло? Майами? Или в ресторане

«Арагви»? Одна из них к тому же любит Альфреда Мюссе, другая прекрасна, как царица Савская, как Клеопатра, Земфира... Кто они такие?» [Некрасов 1970, с. 77–78].

Оказывается, речь идет об укладчицах сайры на острове Шикотан. Сам Некрасов, правда, их не видел, да и на Шикотане не бывал – он лишь доверился мнению некоего писателя, который и видел, и бывал. Те укладчицы, с которыми Некрасов повстречался, выглядели менее поэтично: «На них были грубые, топорщащиеся робы, резиновые фартуки, с ног до головы они были в рыбьей чешуе, руки красные, *грубые*, головы обмотаны платками. А кругом рыба, рыба, рыба... Отбирай ее, проталкивай по конвейеру, режь, опять отбирай, упаковывай в банки, заливай маслом, наклеивай на коробки этикетки...» [Некрасов 1970, с. 78].

Это заставило Некрасова сомневаться в искренности автора, лицезревшего Клеопатру и Земфир, с энтузиазмом консервировавших рыбу. Сам Некрасов не решился спросить камчатских укладчиц, приносит ли им это занятие радость. Впрочем, ответ и так нашелся – причем в том самом неназванном произведении. Одна из героинь, по имени Муза, будто случайно проговорила о своем отношении к работе, а повествователь будто случайно ее слова воспроизвел: «Какое уж тут, с позволения сказать, творчество! – ответила она герою упомянутой выше повести, оказавшемуся менее стеснительным, чем я. – Но эта механическая работенка дает мне ту лишнюю копейку, за которую можно даже в четвертый раз сходить на “Девять дней одного года”, посмотреть Смоктуновского» [Некрасов 1970, с. 78].

К слову сказать, Некрасов, отзывавшийся об этой повести не без иронии, явно не испытывал к ее автору антипатии. Скорее наоборот. Даже упомянул, что это сочинение, опубликованное в конце 1963 г. «Молодой гвардией», было почти сразу раскритиковано «Литературной газетой» – именно потому, что в нем проглядывает такая случайная правда. Поэтому и установить автора повести нетрудно – это советский прозаик и очеркист Л.М. Пасенюк (1926–2018) [см. о нем подр.: Пирагис 2007]. Цитируются же здесь его мемуары с интригующим названием «Тысяча девушек». Они действительно были опубликованы «Молодой гвардией» в 1963 г., в декабрьском выпуске [Пасенюк 1963].

Судить, что в рассказе Пасенюка правда, а что – нет, вряд ли возможно. История, к которой обращается Некрасов, субъективная. Можно даже сказать – интимная. Царицу Савскую на самом деле звали Галей. И она действительно была очень красива – по крайней мере в этом нас заверяет сам Пасенюк. Более того, он не скрывает, что она ему нравилась. Было ли чувство ответным – сказать труднее. Зато к повествователю оказалась равнодушна та самая Муза. Однако ей царственной красоты даровано не было – она простая, честная труженица. И она, конечно, немного завидовала Гале.

Далее Некрасов загадывает более сложную – для нас, не для своих современников, – загадку. Увлеченный рассуждением о правде и неправде в литературе, он приводит описание некоего романа: *«Труд в нашей стране – дело почетное. Кто с этим спорит? Но, ей-Богу же, мне как-то неловко было читать в романе одного нашего очень известного писателя о некой сезонной работнице, которая влюблена была в процесс укладывания железнодорожного балласта – вот, мол, как хорошо, что скоро по этим путям, уложенным по ее балласту, поедут отдыхать на юг наши советские люди...»* [Некрасов 1970, с. 79].

Установить, какой текст подразумевает Некрасов, не удастся. Однако можно предположить, что здесь ведется заочная полемика с оппонентом «Нового мира» В.А. Кочетовым. Похожая сцена содержится в его романе «Братья Ершовы». Он был опубликован журналом «Нева» в 1958 г. и вызвал полемику в прессе. Причем упреки в излишней консервативности высказывались даже на страницах изданий, не отличавшихся либеральной направленностью.

Угадывалось в «Братьях Ершовых» и осуждение В.Д. Дудинцева, автора романа «Не хлебом единым», опубликованного в 1956 г. журналом «Новый мир». Да и сам этот журнал у Кочетова вызывал раздражение. Поэтому постоянный автор «Нового мира», Некрасов, мог позволить себе колкость в его адрес.

Итак, Дмитрий, главный герой «Братьев Ершовых», изготавливает рельсы. Эта лишенная творческого содержания работа совершенно его не утомляет – наоборот, он радуется: ведь она позволяет ему думать о важном:

«Слитки один за другим, горя белым огнем, бежали по рольгангам под валки стана. Плавными движениями Дмитрий перебрасывал их с боку на бок, гонял под валки и обратно; слитки становились все длиннее и тоньше, все тусклее светились; потом, вытянутые в длинный брус, угасали совсем, и Дмитрий отпускал их под другие прессы и агрегаты, под которыми там, дальше, они превращались в железнодорожные рельсы.

Дмитрий любил эту работу в кабине огромного тяжелого стана. Он любил ощущать свою силу над металлом, над сталью. Вот он нажмет на рукоятку – и слиток, вжимаясь меж валов, плющится, как кусок теста под каталкой. Потом Дмитрий ставит его на ребро, и он, плющаясь в другом направлении, удлиняется. Точные движения, точный расчет, осязаемый результат. И сколько сотен тонн металла пройдет вот так за смену через руки Дмитрия, сколько километров рельсов получится в конце концов из этого металла!

Кроме всего прочего, когда привычные, опытные руки работают автоматически, есть время для размышлений, для раздумий» [цит. по: Кочетов 1959, с. 427].

С другой стороны, Некрасов был человеком отнюдь не робким. И Кочетова очень не любил, о чем свидетельствует, в частности, история с

В.М. Шукшиным. По словам самого Некрасова, Шукшин в начале 1960-х годов отнес одну свою повесть в «Октябрь», которым тогда как раз руководил Кочетов. Шукшин считал, что был у Кочетова в долгу, поскольку тот прописал его в Москве. Некрасов, узнав об этом, был в негодовании. Настоял на том, чтобы Шукшин отдал эту повесть в «Новый мир», где работала надежная знакомая Некрасова – А.С. Берзер. Та повесть не одобрила, но попросила принести ей рассказы – и в 1963 г. они были опубликованы. Кочетов злился, пытался аннулировать прописку, но ничего не вышло [Некрасов 1977].

Поэтому придется допустить, что здесь содержится намек на какой-то другой роман – или же на советскую производственную прозу в целом.

Иронично отзывается Некрасов и о некоем писателе, поведавшем миру об удивительно мужественном солдате. Он был ранен миной в живот, но она почему-то не взорвалась – однако *«Солдат не растерялся, вырвал мину и, размахивая ею направо и налево, ворвался в немецкий окоп»*. Некрасов счел эту историю маловероятной, однако автор парировал: *«Простите, но я ведь сам видел это»*. *«Я был обезоружен»*, – признается Некрасов [Некрасов 1970, с. 79].

Вероятно, такой рассказ не меньше удивил бы и Ю.П. Германа. В его романе «Дорогой мой человек» описана подготовка к извлечению неразорвавшейся мины из человеческого тела. Раненый в плечо матрос идет и гордо кричит: «Разойдись, подорвусь! Расходись, подрываюсь! Не подходи близко опасно для жизни!» – а потом говорит, что нужно звать «медицину с саперами». Иначе мину не извлечь: она может разорваться в любой момент [Герман 1988, с. 308].

Впрочем, это частности. В СССР забывать историю и скрывать прошлое принято на государственном уровне. Репутационным иммунитетом не владеет никто – даже вчерашние полубоги: *«Тут уж речь не только об искусстве. Молодой человек, которому сейчас двадцать пять лет, приходит в Исторический музей. Или в Музей Революции. Когда он был пионером, его сюда уже водили. Тогда на стенах музея висело бесчисленное количество портретов одного человека. Он был непогрешим и овеян славой. Мальчик этому верил. Сейчас он пришел сюда взрослым, а рядом с ним шагают по залам музея другие ребята в красных галстуках. Они видят на стенах портреты других людей, о которых наш выросший пионер знает сейчас только по юбилейным статьям, а наше поколение носило эти портреты на первомайских демонстрациях. Того, овеянного славой, непогрешимого уже нет... Я обошел все залы Киевского Исторического музея. На всех приказах Верховного Главнокомандующего фамилия старательно была заклеена бумажкой»* [Некрасов 1970, с. 80].

Примечательно, что удаление этого фрагмента перформативно доказывало правоту Некрасова. Автор пишет о том, как имя генсека заклеивали бумажкой – редактор, в свою очередь, «заклеивает бумажкой» этот фрагмент.

И это не единственный случай. В редакции «Нового мира» отсутствуют любые рассуждения Некрасова о допустимости или недопустимости переосмысления советского прошлого.

В редакции же «Граней» этой проблеме посвящены целые две главы: «А этот?» и «Землянка» (в редакции «Нового мира» их просто нет).

В главе «А этот?» описана не свойственная советскому политическому климату сцена. В день, когда тело И.В. Сталина было вынесено из мавзолея (очевидно, речь о 1 ноября 1962 г.), Некрасов находился на Красной площади. У гробницы, опустевшей наполовину, стояли люди. Они обсуждали случившееся, пытались друг друга в чем-то убедить. Но вдруг некий юноша, которому было на вид лет двадцать, обратился к ним с обвинительной речью. Он открыто сказал им, что ни он, ни его друзья не верят никому старше тридцати лет. Вся жизнь старшего поколения – сплошное вранье. И заслуга у них только одна – победа в Великой Отечественной. Но и этого недостаточно, чтобы оправдать десятилетия жизни во лжи.

Некрасов не стал с ним спорить. Он не мог ни согласиться с тем юношей, ни открыто ему возразить. Но главное – он его хорошо понимал.

Называется же глава «А этот?», поскольку ее герой противопоставлен Толе Побеленко – герою главы «Правильный парень», присутствующей в обеих редакциях. Название говорящее: Толя – хороший, добрый юноша, не слишком умный, не вовсе глупый. Говорит языком советской газетной прессы, учится полезному делу – будет потом этим делом заниматься. Пьет мало и только в хорошей компании. Одним словом – правильный парень.

В главе «Землянка» речь о киноновелле А. Вайды, составляющей пятую, заключительную часть кинопроекта «Любовь в двадцать лет»¹, созданного в 1962 г. коллективом режиссеров из разных стран.

Сюжет достаточно простой. Влюбленная пара, обоим около двадцати, приходит в зоопарк. Они целуются, обнимаются, умильно смотрят друг на друга. Внезапно в вольер с белыми медведями падает девочка. Девушка требует от своего кавалера, чтобы тот спас ребенка, но он вместо этого хватается за фотоаппарат и начинает делать один снимок за другим. Тут в вольер прыгает молодой мужчина, берет девочку на руки и бежит к выходу. Девушка открывает ему дверь и уезжает с ним на его велосипеде, оставив своего спутника в зоопарке. Ее ничто не смущает, ведь теперь она рядом с настоящим героем.

Они приезжают к ней домой, и вскоре к героине приходят ее друзья по университету. Все они хотят познакомиться с рыцарем, спасшим девочку.

1. У Некрасова – «Любовь двадцатилетних», однако такой вариант перевода тоже распространен.

Своего ухажера-фотографа, также позвонившего в ее дверь, она отвергает. Позвонить еще раз он не решается – уходит в никуда.

Однако вскоре молодые люди разочаровываются в «рыцаре». Танцует он неумело, робеет, заикается, а потом, когда выясняется, что он воевал, ничего героического об этом рассказать не может. Во время игры в жмурки он вдруг начинает дрожать от страха, чего беззаботные студенты даже не замечают. Зато замечает зритель. Оказывается, несколько лет назад его с повязкой на глазах немецкие нацисты вели на расстрел. И вот уже раздались автоматные очереди, тела стали падать в ров – но ему повезло: несколько пленных решили оставить как рабочую силу.

Затем он то ли хмелеет, то ли впадает в полузабытие – и тогда уже становится неприятен своим двадцатилетним знакомцам. Избавившись от морока, он уходит, взвалив себе велосипед на плечи. А героиня на следующее утро прощает своего ухажера с фотоаппаратом. У них впереди – новый день.

Некрасов этот фильм смотрел не один. С ним был его приятель по имени Генка. Генку, по словам Некрасова, картина оскорбила. Он начал кричать, что Вайда неправ, что советская молодежь не такая. Для них все, что связано с войной, – священо. И никто бы не позволил себе так обойтись с бывшим фронтовиком.

Некрасову хотелось бы в это верить. *«Для меня, моего поколения война была самым важным в жизни, для них самое важное – дай Бог не война! – еще впереди...»*, – говорит Некрасов [Некрасов 1970, с. 73]. И добавляет с экспрессией: *«И все же Генка прав! Я хочу, чтоб он был прав. Вайда слишком сгустил, обострил, уплотнил. Он дьявольски талантлив, он может убедить. А я сопротивляюсь, я не хочу этому верить»* [Некрасов 1970, с. 73]. И тут же перед ним останавливается машина. В ней – знакомые Некрасова. Все они актеры, трое – возраста Генки, двое – очевидно, ровесники Некрасова.

Они быстро едут в один продуктовый, потом – в другой, затем оказываются у кого-то дома – там молодая и совершенно не сварливая жена. Через несколько минут стол уже накрыт – из-за него доносятся шутки и анекдоты. Смеются все так громко, что это, пожалуй, неприлично в спальном многоквартирном доме... Затем со стены снимают гитару. Оказывается, что один из тех, кто постарше, некий Николай, хорошо поет. В его репертуаре и юмористические, и блатные композиции – ассортимент широкой. И вдруг... он начинает петь «Землянку». *«От нее мне всегда становится как-то не по себе, начинает что-то шевелиться, вспоминаться, становится грустно»*, – признается Некрасов [Некрасов 1970, с. 75]. И, видимо, не ему одному. Все мгновенно затихают. А потом: *«Может, рассказали бы нам что-нибудь о Сталинграде? – прерывает кто-то молчание. И в этом вопросе, в этой просьбе столько внимания, столько предупредительности»* [Некрасов 1970, с. 75].

И вот Николай начинает свою историю. Все слушают, затаив дыхание. Речь о схватке с немцами. Врагов много, они наступают. Дивизия Николая отстреливается, но товарищи гибнут один за другим. В итоге остаются только он сам и связист. И вот уже Николай ранен, он истекает кровью – и говорит связисту: *«Миша, друг, пока не поздно... Вся надежда на тебя... Пока немцы подтягиваются, сбегай-ка на кухню, там, в холодильнике, я видел – недопитая поллитровка стоит... Не жмись, тащи-ка ее сюда...»* [Некрасов 1970, с. 75]. Произведенный в связисты Миша (очевидно, хозяин квартиры) бежит на кухню и возвращается с бутылкой водки. Она тут же идет в употребление. И снова *«все становится на свое место, опять весело, шумно, опять бластные песенки, опять шутки, остроты, анекдоты»* [Некрасов 1970, с. 76].

«И мне тоже весело. Очень даже...», – с досадой говорит Некрасов [Некрасов 1970, с. 76].

Расходятся все ранним утром. Настроение у всех отличное: ночь прошла как надо. И Некрасов вроде бы рад, и даже *«ни на кого не в обиде, просто мне немного жаль, что Николай запел “Землянку”...»* [Некрасов 1970, с. 76].

Вымышленная эта история, нет ли – сказать невозможно. Но она очевидно идет в параллель с сюжетом новеллы из «Любви в двадцать лет». Вот он, бывший фронтовик, оказывается среди тех, кто «с фотоаппаратом». Они в вольере с белым медведем не бывали – только со стороны видели. И нет, они и чтят, и помнят – но многого уже не понимают. И никогда не поймут. И упрекнуть их в этом – нельзя. Ведь им двадцать лет. У них – другая жизнь и новый день впереди.

Более того: тот, кто был на войне, тоже не чувствует, что нельзя поместить «Землянку» в застольный репертуар. Некрасов не упрекает советскую молодежь. Она более предупредительна и учтива, чем герои фильма. Те ведь открыто выражали недовольство. Но итог тот же: и человек с велосипедом, и Некрасов оказались одиноки. Оказалось, что они немного чужие среди своих. И не так уж был прав Генка – и не так уж неправ Вайда.

Впрочем, политическая правка не всегда распространялась на идеи. Порой ее воздействие было точечным.

Так, в очерке «О вулканах, отшельниках и прочем» несколько раз упоминается Хрущев – в «За двенадцать тысяч километров» сама фамилия бывшего первого секретаря ЦК партии не встречается вовсе, хотя все реплики о нем были совершенно безобидными. Отшельник дядя Ваня, например, говорил, что хотел бы перекинуться с Хрущевым парой слов, начальник авиабазы говорил, что Хрущев опасается летать на кукурузниках.

Почему Хрущев стал персоной нон-грата, угадать нетрудно. Очерк создавался, когда тот еще возглавлял ЦК КПСС. А в октябре 1964 г. он был с этой должности смещен и отправлен на пенсию. Ко времени публикации

очерка в «Новом мире» любые отсылки к его имени стали неуместны – вот и «заклеили их бумажкой».

* * *

Однако утерянное содержание этого очерка – не единственное, чем он интересен. Не менее примечательна реакция литературного сообщества на эмигрантскую публикацию. Точнее – отсутствие какой бы то ни было реакции. Как, кстати, и политических последствий за эту публикацию. И это весьма необычно.

Дело в том, что за пять лет до появления граневской публикации и в том же году, когда заметки Некрасова были напечатаны «Новым миром», начался литературный скандал, о котором узнали как в СССР, так и за рубежом. Оказалось, что два советских литератора, А.Д. Синявский и Ю.М. Даниэль, на протяжении нескольких лет публиковались за границей под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак. Причем некоторые их тексты действительно противоречили актуальному на тот момент советскому политическому контексту. Личность нарушителей была установлена, осенью 1965 г. начался процесс, завершившийся в феврале 1966 г. Даниэлю дали пять лет, Синявскому – семь.

Едва утихли страсти, произошло еще одно событие, чем-то напоминавшее случай Синявского и Даниэля. В начале 1967 г. в газете «Посев», выходившей в одноименном издательстве (там же выходили и «Грани»), были опубликованы главы из мемуаров Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут» [Гинзбург 1967]. Причем редакция газеты услужливо сообщила, что эти материалы уже печатались в советском подпольном журнале «Феникс 1967». Далее следовало пояснение: «Слухи о том, что мать писателя Василия Аксёнова, репрессированная в ежовщину и освобожденная после XX съезда, написала свои воспоминания, ходят по Москве уже два-три года. Рассказывали, что воспоминания посвящены годам “культа личности”, что они были отданы якобы в редакцию журнала “Новый мир”, что произведение это оставляет неизгладимое впечатление» [Предисловие к хронике 1967].

Предисловие не просто «информативное» – оказись оно в нужных руках – получит силу доноса. Тут сказано и о родстве автора крамольной «хроники» с вполне благополучным тогда советским писателем В.П. Аксёновым, и о публикации в нелегальном «Фениксе 1967».

История более раннего «Феникса» – «Феникса 1966», кстати, была трагична. Его редактор – поэт Ю.Т. Галансков был арестован в январе 1967 г. Вместе с ним были арестованы и его товарищи: журналист А.А. Добровольский и выпускница Московского института культуры В.И. Лашкова. Галансков был приговорен к семи годам лишения свободы. Добровольский и Лашкова – к двум и

одному годам соответственно. Галансков, кстати, на свободу так и не вышел: умер от осложнений после операции, сделанной в лагерной больнице [Бит-Юнан, Митюшова 2015].

С Гинзбург, впрочем, ничего не случилось. В 1967 г. ее книга была опубликована в издательстве А. Мондадори, вопреки требованию «Посева» не перепечатывать даже фрагмента из своей удачной находки (претензия, кстати, более чем странная как с юридической, так и с этической точек зрения) [Гинзбург 1967 а]. Затем редакция коммунистической газеты «Unità» организовала для Гинзбург интервью, в котором та заявила, что считает себя честным советским писателем, никому своих работ не передавала, ни в какой самиздат их не отправляла и крайне огорчена тем, что кто-то это сделал за нее. О публикациях в «Посеве» даже не стала упоминать, зато критиковала Мондадори, который напечатал ее незаконченные мемуары. Даже намекнула на то, что он поступил как вор [Guerre 1967].

Осенью 1969 г. произошла еще одна неприятная история – и тоже с автором, рассчитывавшим опубликоваться в «Новом мире», – с В.Н. Войновичем. В 72-м номере «Граней» появилась первая часть его романа «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Редакция журнала вновь услужливо пояснила, что роман этот должен был печататься в «Новом мире», но редколлегия его не пропустила. И вот рукопись получена из неких самиздатовских закромов и теперь представлена эмигрантской аудитории [Предисловие к роману 1969]. В результате Войновича перестали издавать – и для того, чтобы не остаться вовсе без денег, ему, как и Гинзбург, пришлось объясняться. И выручили его, кстати, тоже коммунисты – только не итальянские, а отечественные. Четырнадцатого октября 1970 г. в «Литературной газете» появилось его письмо, в котором он осудил эмигрантов, опубликовавших без его ведома и согласия часть книги, предназначавшейся для советского читателя [Войнович 1970; см. об этом: Бит-Юнан, Пашенко 2016].

Наконец в октябре 1969 г. «Посев», перешедший к 1968 г. в журнальный формат, напечатал поэму Твардовского «По праву памяти», гордо заявив, что она должна была быть опубликована «Новым миром», но публикацию запретили – и через самиздат она перекочевала за границу [Предисловие к поэме 1969; Твардовский 1969]. Твардовский узнал об этом, как говорили мемуаристы, от К.В. Воронкова, члена Оргбюро СП СССР. Воронков не без труда якобы достал номер «Посева» – и все убедились, что поэма действительно там напечатана [Кондратович 1991, с. 464]. Подобно Гинзбург и Войновичу главред «Нового мира» выступил с открытым письмом. Оно было помещено в «Литературной газете» 11 февраля 1971 г. – причем лишь в части тиража. Допечатывали эти экземпляры или заменили теми, что письма не содержала, – до сих пор загадка: дата подписания к печати – одна и та же.

Твардовский заявил, что никаких зарубежных публикаций не санкционировал и осудил эмигрантов, укравших его текст [Твардовский 1970].

А вскоре – написал заявление по собственному желанию.

Иначе говоря, даже Твардовский оказался не в праве игнорировать факт эмигрантской публикации своего текста. И даже ему пришлось каяться и проклинать эмигрантских публикаторов. А Некрасов санкций избежал.

Более того, даже в период слежки за автором о контрабандной граневской публикации не упоминалось. Об этом стало известно сравнительно недавно.

В 2014 г. в киевском издательстве «Laugus» вышел сборник рассказов Некрасова «Арестованные страницы». И сборник этот – особенный. Его составитель и комментатор – украинский историк Л.М. Хазан. Она получила доступ в архивы киевского КГБ и нашла в них рукописи нескольких некрасовских рассказов, конфискованных во время обыска в 1972 г. Для публикации они явно не предназначались. По сути, они о том, чего бы очень хотелось, но что осуществиться не может. В одном – дипломат, в котором нетрудно узнать А.А. Громыко, едет в Америку, напивается и решает просить там политического убежища. В другом – описано ограбление квартиры одиозного драматурга А.Е. Корнейчука. Нашла Хазан также и характеристику, заведенную на Некрасова, и некоторые другие оперативные документы. На их основе был написан документальный очерк «С шулерами за одним столом сидел...», составляющий важную часть этой книги. И в нем – ни слова о граневской публикации [Хазан 2014, с. 79–182].

Почему? Вероятно, дело в том, что в **самиздате** очерк «О вулканах, отшельниках и прочем» **не распространялся**. По крайней мере в каталоге самиздата, который постоянно пополняется и корректируется, об этом очерке – ни единого упоминания. Два открытых письма («Письмо 25-ти советских деятелей науки и культуры Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу с протестом против “тенденций, направленных на реабилитацию Сталина”» и «Открытое письмо в редакцию газ. “Литературная Украина” в защиту В.М. Чорновила в связи с публикацией статьи О. Полторацкого (16.07.1968)»), подписанных Некрасовым как раз во второй половине 1960-х годов, а также его статья «Кому это нужно?», датированная 5 марта 1974 г., в самиздате действительно ходили [Каталог самиздата]. А камчатский очерк – нет.

Но тогда возникает вопрос: кем и зачем он был передан за рубеж?

Можно предположить, что самим Некрасовым или кем-то из его знакомых. Но это нелогично.

Ради денег? Но как получить гонорар? Да и какой это гонорар по сравнению с новомирским. Советские писатели, в отличие от эмигрантов, были очень богаты.

Некрасов напечатал очерк специально для эмигрантской аудитории? Тоже нелогично. Ничего сенсационного в этом сочинении нет. Обозначена

проблема антисемитизма в СССР, есть иронические замечания по поводу заклеенных бумажкой имен, а еще – сожаление, что правильный советский парень от парня неправильного отличается в первую очередь тем, что первый верит всему, что написано в газете, а второй живет своим умом. Но политического откровения в этом очерке нет. Лучше уж было отправить те рассказы, которые опубликовала Хазан. Но они как раз за границей не печатались. И в самиздате, отмечу, не ходили.

Предположение, что Некрасов старался для советского читателя также не выдерживает критики. Советская аудитория эмигрантскую периодику не читала. Некоторые умельцы добывали в СССР номера «Континента», «Посева» и т.п. Но это небезопасно, и рассчитывать на поставщика литературной контрабанды нельзя: сегодня он смог достать номер «Граней», а завтра – нет. А послезавтра – он оказался в тюрьме. А может, он вел оперативную работу – тогда в заключении окажется любитель крамольной прессы.

Но и это не единственная причина. Ведь очерк уже был опубликован «Новым миром». А значит, автор дал одобрение на публикацию той редакции, которая прошла все этапы согласования. Здравый ли расчет победил, компромисс ли с совестью был достигнут – другой вопрос. Но очерк напечатан, и деньги за него – получены. И помимо юридических факторов есть факторы репутационные. Пустить текст в самиздат или в тамиздат – значит подставить редакцию журнала, ранее его опубликовавшего. Ведь определить по самиздатовской копии, появилась она позже журнальной или нет, невозможно. А значит, возникает риск, что «Новый мир» напечатал текст, распространявшийся противозаконным способом, а потом еще и выплатил автору гонорар. И то обстоятельство, что в граневской редакции не было «Баллады о сапогах», не защитило бы «Новый мир»: там могло храниться несколько вариантов рукописи. Или же глава была позже добавлена к тексту, прошедшему согласование.

Однако Некрасову бюрократическая наивность не была свойственна. И уж тем более он не был недостойным человеком.

Более того, и Войнович понимал издательскую и репутационную логику. Поэтому и его Чонкин, ждавший своей очереди в «Новом мире», в самиздате не ходил. Открытые письма, обращения, фельетоны были в самиздате. А Чонкина, за которого пришлось извиняться, – не было [Каталог самиздата].

И для Гинзбург случайная публикация в «Фениксе» была крайне невыгодна. Не ради этого она несколько лет свои мемуары смягчала и переписывала [см. подробнее: Гинзбург 1979, с. 371–376]. Книга изначально создавалась именно для советского читателя. А в эмигрантской среде была воспринята без энтузиазма. Коммунистка, оказавшаяся в 1930-х годах между жерновов. Прошла тюрьму, этап и лагерь. Освободилась с поражением в правах, дожила до реабилитации. Сохранила верность партии и В.И. Ленину.

Ничего поразительного, но есть небезынтересные замечания о советской истории [см., напр.: Иверни 1980; Кузнецов 1980].

Следует также отметить, что рукопись «Крутого маршрута» Гинзбург отнесла в два журнала: в «Юность» и в «Новый мир». Но о «Юности» в посевовском предисловии не было сказано ни слова.

Не менее загадочна и история с поэмой «По праву памяти». Ее самиздатовская копия сохранилась. Но тут в пору задаться вопросом, какой способ тиражирования какому предшествовал: она сначала появилось в самиздате, а потом была напечатана в журнале «Посев», или посевовская публикация стала источником самиздатовской? Вероятность того, что 60-летний главред «Нового мира» отдаст кому-то свою поэму для подпольного распространения – невысока.

Впрочем, это предположения. А факты сводятся к тому, что рукописи авторов «Нового мира» неким образом попадали за границу и печатались как самиздатовские. При этом редакция «Граней» (как и «Посева», – это единая сущность) каждый раз заботливо напоминала читателю, что эти тексты должны были публиковаться в «Новом мире», но цензура их не пропускает. Или – увечит, как то было с очерком «За двенадцать тысяч километров». Но читателям «Граней» повезло: они по лучшую сторону железного занавеса, поэтому будут получать качественную литературу.

Однако кому везло на самом деле, так это советским чиновникам от литературы и партийному руководству. У них на крючке благодаря эмигрантским изданиям мог оказаться любой непокорный писатель. И перспектива тюремного заключения – вполне реальна. Прецедент был создан еще в 1965–1966 гг. И мировая общественность подсудимому не поможет. Есть шанс эмигрировать. Но для этого нужно как минимум не оказаться в тюрьме, а как максимум – выйти оттуда живым. Получить право на выезд – тоже проблема.

Или другой вариант. Автора не лишают свободы, но лишают заработка. Тогда придется уходить из профессии и учиться выживать на небольшие деньги.

Иначе говоря, условий – много, а гарантий – мало. Поэтому и каялись, и проклинали.

И все же, почему Некрасов этого не стал делать?

Очевидно, не только потому, что его еще издавали и не только потому, что он мало боялся уголовного преследования. Дело в том, что его покаяние / протест **уже** не требовались. 74 номер «Граней» – январский, как указано на обложке. Следовательно, вышел он или в конце января, или в начале февраля. И ровно тогда произошло событие, которое и было реальной целью описанной выше кампании с заграничными публикациями. А именно – в «Литературной газете» появилось письмо Твардовского, после чего он оставил свою должность.

Некрасов, конечно, раздражал советских ретроградов и этатистов. Однако еще больше их раздражал Твардовский. Именно в его журнале еще при И.В. Сталине появились произведения, оценивавшиеся впоследствии как советская литература высокого качества: «Районные будни» В.В. Овечкина, «Саша отправляется в путь» В.Ф. Тендрякова, «За правое дело» В.С. Гроссмана, «Сердце друга» Э.Г. Казакевича и т.п. Именно «Новый мир» был символом хрущевской «оттепели» и дал читателю «Один день Ивана Денисовича». И не где-то, а именно в «Новом мире» Твардовского были напечатаны «Кира Георгиевна» и «По обе стороны океана».

Но время Твардовского – ушло.

Во второй половине 1960-х годов наступили очередные «заморозки». Гласность, реабилитация, либерализация политической и культурной жизни, дух XX и XXII съездов, признание не только того, что ошибки были, но и того, что их неплохо бы исправить, – все это так и не осуществилось. А те, кто пришел на смену Хрущеву, не всегда умели скрывать неприязненного к нему отношение. И к людям его эпохи – тоже.

То обстоятельство, которое документировалось письмом Твардовского, неизбежно делало его заложником. Если его поэму публикует антисоветский журнал, значит, главный редактор «Нового мира» утратил политическую бдительность. А если к этому присовокупить, что в тех же антисоветских изданиях печатаются тексты, находящиеся или находившиеся на рассмотрении в «Новом мире», то картина становится полной. Твардовский в лучшем случае недееспособен как руководитель журнала – в худшем – занимается вредительской деятельностью.

Что же касается Некрасова, то и он оказался в зависимом положении. Но до поры его не трогали. А после обыска 1972 г. у сотрудников КГБ оказались материалы более весомые, нежели публикация в «Гранях». В каком-то смысле она просто утратила свой компрометирующий потенциал. А еще через два года Некрасов уехал из СССР. И уже не вернулся.

И все же, говоря в стилистике самого Некрасова, жаль, что его очерк сначала был использован против талантливых людей, а потом и вовсе оказался забыт.

Библиография

Бит-Юнан Ю.Г., Пашенко Д.О. Протестное письмо в литературной газете как форма управления советским литературным процессом // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 8. С. 9–21.

Бит-Юнан Ю.Г., Митюшова А.С. Между «Новым миром» и «Посевом»: К судьбе запрещенных произведений Е.С. Гинзбург и В.С. Гроссмана // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 5. С. 61–72.

- Воинов А. В родном городе // Комсомольская правда. 1955. 29 марта.
- Войнович В.Н. В редакцию «Литературной газеты» // Литературная газета. 1970. 14 октября.
- Войнович В.Н. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: Роман-анекдот в пяти частях. Часть первая // Грани. 1969. № 72. С. 3–83.
- Герман Ю.П. Дорогой мой человек: Роман. Л.: Лениздат, 1988. 573 с.
- Гинзбург Е.С. Крутой маршрут // Посев. 1967. 17 февраля; 24 февраля; 3 марта; 10 марта.
- Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. Том 2. Milano: Mondadori, 1979. 379 с.
- Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Mondadori, 1967. 473 с.
- Иверни В.И. Книга-жизнь // Континент. 1980. № 23. С. 388–392.
- Камянов В.И. Этическое и эстетическое // Вопросы литературы. 1962. № 8. С. 13–17.
- Капусто Ю.Б. Митисов и Чекмень // Литературная газета. 1955. 26 марта.
- Каталог самиздата. URL: <http://samizdat.memo.ru/samizdat/search> (дата обращения: 15.09.2020).
- Кондратович А.И. Новомирский дневник, 1967–1970. М.: Советский писатель, 1991. 528 с.
- Кочетов В.А. Братья Ершовы: роман. М.: Молодая гвардия, 1959. 431 с.
- Кузнецов Э. Статус советского политзаключенного // Континент. 1980. № 26. С. 187–206.
- Лазарев Л.И. Правда выше всего. Виктор Некрасов – его судьба и его книги // Некрасов В.П. Там, где горела земля: собр. соч.: в 3 кн. / Сост. Г.А. Анисимов, В.Л. Кондырев, Л.И. Лазарев. М.: Изографус, 2004. Кн. 1. С. 3–28.
- Матвеев П. Виктор Некрасов и КГБ // COLTA.ru: [информационный портал о культуре и обществе]. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/4592-viktor-nekrasov-i-kgb> (дата обращения: 15.09.2020).
- Некрасов В.П. Арестованные страницы. Рассказы, интервью, письма из архивов КГБ / В.П. Некрасов; сост., документальный очерк, коммент. Л.М. Хазан. Киев: Laugus, 2014. 262 с.
- Некрасов В.П. В родном городе // Новый мир. 1954. № 10. С. 3–66; № 11. С. 97–179.
- Некрасов В.П. За двенадцать тысяч километров // Новый мир. 1965. № 12. С. 3–34.
- Некрасов В.П. Кира Георгиевна // Новый мир. 1961. № 6. С. 70–126.
- Некрасов В.П. О вулканах, отшельниках и прочем // Грани. 1970. № 74. С. 25–86.
- Некрасов В.П. По обе стороны океана. В Италии – в Америке // Новый мир. 1962. № 11. С. 112–148; № 12. С. 110–152.
- Некрасов В.П. Почему это не сделано? (О памятнике погибшим в Бабьем Яру в Киеве) // Литературная газета. 1959. 10 октября.
- Некрасов В.П. Сталинград // Знамя. 1946. № 8–9. С. 3–83; № 10. С. 38–146.
- Некрасов В.П. Вася Шукшин // Новое Русское Слово. 1977. 27 февраля.
- Николаев Д.П. По какой правде жить? // Вопросы литературы. 1961. № 10. С. 88–98, 105–106.
- Парнис А.Е. Виктор Некрасов и Бабий Яр // Виктор Некрасов: сайт памяти писателя. URL: <http://nekrasov-viktor.com/Papers/Parnis-Viktor-Nekrasov-Babiy-Yar.aspx> (дата обращения: 15.09.2020).
- Пасенюк Л.М. Тысяча девушек: повесть // Молодая гвардия. 1963. № 12. С. 3–87.
- Пахалюк К.А. От Сталинской премии к диссидентству. Виктор Платонович Некрасов (1911–1987) // Русское зарубежье. Великие соотечественники : 100 судеб русской эмиграции в XX веке / [Автор идеи, художник и составитель Л.В. Козлов; научный редактор и составитель Р.Т. Гагкуев]. М.: Яуза [и др.], 2018. С. 373–377.
- Пирагис А.П. Пасенюк Леонид Михайлович (биография) // Камчатский край: краеведческий сайт. URL: <http://www.kamchatsky-krai.ru/biography/pasenuk.htm> (дата обращения: 15.09.2020).
- [Предисловие к очерку «О вулканах, отшельниках и прочем»] // Грани. 1970. № 74. С. 25.

- [Предисловие к поэме «По праву памяти»] // Посев. 1969. № 10. С. 52.
[Предисловие к роману «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»] // Грани. 1969. № 72. С. 3.
[Предисловие к хронике «Крутой маршрут»] // Посев. 1967. 17 февраля.
Светов Ф.Г. Нравственный кодекс героя (Некоторые проблемы прозы 1961 года) // Вопросы литературы. 1962. № 3. С. 3–37.
Статьи и передачи о Викторе Некрасове и его творчестве // Виктор Некрасов: сайт памяти писателя. URL: <http://nekrassov-viktor.com/Articles.aspx> (дата обращения: 15.09.2020).
Тарасенков А.К. Трудные судьбы // Литературная газета. 1954. 20 ноября.
Твардовский А.Т. В редакцию «Литературной газеты» // Литературная газета. 1970. 11 февраля.
Твардовский А.Т. По праву памяти // Посев. 1969. № 10. С. 52–55.
Турист с тросточкой: ред. статья // Известия. (Вечерний выпуск). 1963. 20 января.
Хазан Л.М. «С шулерами за одним столом сидел...» // Некрасов В.П. Арестованные страницы. Рассказы, интервью, письма из архивов КГБ / В.П. Некрасов; сост., документальный очерк, коммент. Л.М. Хазан. Киев: Laurus, 2014. С. 79–182.
Guerra A. Colloquio a Mosca con Evghenia Ginzburg. Il viaggio nella vertigine // l'Unita. 1967. 1 Giugno.

References

- Bit-Yunan Yu.G., Mityushova A.S. Mezhdú «Novym mirom» i «Posevom»: K sud'be zapreshchennykh prozvedenij E.S. Ginzburg i V.S. Grossmana [Between «Novy mir» and «Posev» journals: on the fate of E.Ginzburg's and V. Grossman's banned works]. Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie» [RGGU Bulletin. «History. Philology. Culture Studies. Oriental Studies» Series]. 2015. N 5. P. 61–72. (In Russ.)
Bit-Yunan Yu.G., Pashchenko D.O. Protestnoe pis'mo v «Literaturnoj gazete» kak forma upravleniya sovetskim literaturnym protsessom [A letter of protest in the «Literaturnaya gazeta» newspaper as a way to control Soviet literature process]. Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie» [RGGU Bulletin. «History. Philology. Culture Studies. Oriental Studies» Series]. 2016. N 8. P. 9–21. (In Russ.)
German Yu.P. Dorogoj moj chelovek [«My dear man»]: the novel. Leningrad: Lenizdat, 1988. 573 p. (In Russ.)
Ginzburg E.S. Krutoi marshrut [A Journey into the whirlwind]. Posev [The «Posev» journal]. 1967. 17 February; 24 February; 3 March; 10 March. (In Russ.)
Ginzburg E.S. Krutoi marshrut: Khronika vremyon kul'ta lichnosti [A Journey into the Whirlwind]. Milan: Mondadori, 1967. 473 p. (In Russ.)
Ginzburg E.S. Krutoi marshrut. Tom 2 [Within the whirlwind. Vol 2] Milan: Mondadori, 1979. 379 p. (In Russ.)
Guerra A. Colloquio a Mosca con Evghenia Ginzburg. Il viaggio nella vertigine. L'Unita. 1967. 1 June. (In Ital.)
Hazan L.M. «S shulerami za odnim stolom sidel...» [«He was at one table with sharpers...»]. Nekrasov V.P. Arestovannye stranicy. Rasskazy, interv'yu, pis'ma iz arhivov KGB [Arrested pages. Short stories, interviews, letters from the KGB archives]. Compiled and commented by L.M. Hazan. Kiev: Laurus, 2014. P. 79–182. (In Russ.)
Iverni V.I. Kniga-zhizn' [A life-book]. Kontinent [The «Kontinent» journal]. 1980. N 23. P. 388–392. (In Russ.)

- Kamyranov V.I. Eticheskoe i esteticheskoe [The ethical and the aesthetical]. Voprosy literatury [Russian Studies in Literature]. 1962. N 8. P. 13–17. (In Russ.)
- Kapusto Yu.B. Mitisov i Chekmen' [Mitisov and Chekmen]. Literaturnaya gazeta [The «Literaturnaya gazeta» newspaper]. 1955. 26 March. (In Russ.)
- Katalog samizdata [The Samyzdat catalogue]. URL: <http://samizdat.memo.ru/samizdat/search> (date of access: 15.01.2022). (In Russ.)
- Kochetov V.A. Brat'ya Ershovy [The Ershov Brothers]: the novel. Moscow: Molodaya gvardiya, 1959. 431 p. (In Russ.)
- Kondratovich A.I. Novomirskii dnevnik, 1967–1970 [The «Novy mir» diary, 1967–1970]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991. 528 p. (In Russ.)
- Kuznetsov E. Status sovetskogo politzaklyuchennogo [The status of a Soviet political criminal]. Kontinent [The «Kontinent» journal]. 1980. N 26. P. 187–206. (In Russ.)
- Lazarev L.I. Pravda vyshe vsego. Viktor Nekrasov – ego sud'ba i ego knigi [Above all is the truth. V. Nekrasov: his fate and his books]. Nekrasov V.P. Tam, gde gorela zemlya [Where the Ground was burning]: Collected works. 3 books. Moscow: Izografus, 2004. Book 1. P. 3–28. (In Russ.)
- Matveev P. Viktor Nekrasov i KGB [Viktor Nekrasov and KGB]. COLTA.ru: [information portal about culture and society]. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/4592-viktor-nekrasov-i-kgb> (date of access: 15.01.2022). (In Russ.)
- Nekrasov V.P. Arestovannye stranicy. Rasskazy, interv'yu, pis'ma iz arhivov KGB [Arrested pages. Short stories, interviews, letters from the KGB archives]. Compiled and commented by L.M. Khazan. Kiev: Laurus, 2014. 262 p. (In Russ.)
- Nekrasov V.P. Kira Georgievna [Kira Georgievna]. Novyi mir [The «Novy mir» journal]. 1961. N 6. P. 70–126. (In Russ.)
- Nekrasov V.P. O vulkanah, otshel'nikah i prochem [About the volcanoes, recluses and so on]. Grani [The «Grani» journal]. 1970. N 74. P. 25–86. (In Russ.)
- Nekrasov V.P. Po obe storony okeana. V Italii – v Amerike [On both sides of the ocean. In Italy – in the USA]. Novyi mir [The «Novy mir» journal]. 1962. N 11. P. 112–148; N 12. P. 110–152. (In Russ.)
- Nekrasov V.P. Pochemu eto ne sdeleno? (O pamyatnike pogibshim v Bab'em Yaru v Kieve) [Why has this not been done yet? (About a monument for those killed in Baby Yar)]. Literaturnaya gazeta [The «Literaturnaya gazeta» newspaper]. 1959. 10 October. (In Russ.)
- Nekrasov V.P. Stalingrad [Stalingrad]. Znamya [The «Znamya» journal]. 1946. N 8–9. P. 3–83; N 10. P. 38–146. (In Russ.)
- Nekrasov V.P. V rodnom gorode [In the hometown]. Novyi mir [The «Novy mir» journal]. 1954. N 10. P. 3–66; N 11. P. 97–179. (In Russ.)
- Nekrasov V.P. Vasya Shukshin [Vasya Shukshin]. Novoe Russkoe Slovo [The «Novoe Russkoe Slovo» newspaper]. 1977. 27 February. (In Russ.)
- Nekrasov V.P. Za dvenadsat' tysyach kilometrov [Twelve thousand kilometres away]. Novyi mir [The «Novy mir» journal]. 1965. N 12. P. 3–34. (In Russ.)
- Nikolaev D.P. Po kakoi pravde zhit? [Which truth to choose for living?]. Voprosy literatury [Russian Studies in Literature]. 1961. N 10. P. 88–98, 105–106. (In Russ.)
- Pakhalyuk K.A. Ot Stalinskoi premii k dissidentstvu. Viktor Platonovich Nekrasov (1911–1987) [From the Stalin Prize to being a dissident. Viktor Platonovich Nekrasov (1911–1987)]. Russkoe zarubezh'e. Velikie sootechestvenniki : 100 sudeb russkoj emigracii v XX veke [Russian Abroad. Great compatriots : 100 fates of Russian emigration in the XX-th century]. Moscow: Yauza [etc.], 2018. P. 373–377. (In Russ.)

Parnis A.E. Viktor Nekrasov i Babij Yar [Viktor Nekrasov and Baby Yar]. Viktor Nekrasov: memory site. URL: <http://nekrassov-viktor.com/Papers/Parnis-Viktor-Nekrasov-Babiy-Yr.aspx> (date of access: 15.01.2022). (In Russ.)

Pasenyuk L.M. Tysyacha devushek [One thousand maidens] : story. Molodaya gvardiya [The «Molodaya gvardiya» journal]. 1963. N 12. P. 3–87. (In Russ.)

Piragis A.P. Pasenyuk Leonid Mihajlovich (biografiya) [A biography of Leonid Mikhaylovich Pasenyuk]. Kamchatskii krai [Kamchatka region]: local history website. URL: <http://www.kamchatsky-krai.ru/biography/pasenuk.htm> (date of access: 15.01.2022). (In Russ.)

Stat'i i peredachi o Viktor Nekrasove [Articles and programs about Viktor Nekrasov and his work]. Viktor Nekrasov: memory site. URL: <http://nekrassov-viktor.com/Articles.aspx> (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Turist s trostochkoj [A tourist with a walking stick]: editorial article. Izvestiya. (Vechernii vy-pusk) [The evening issue of the newspaper «Izvestiya»]. 1963. 20 January. (In Russ.)

Predislovie k hronike «Krutoi marshrut» [The preface to «A journey into the whirlwind»]. Posev [The «Posev» newspaper]. 1967. 17 February. (In Russ.)

Predislovie k ocherku «O vulkanah, otshel'nikah i prochem» [The preface to V.P. Nekrasov's sketchbook «About the volcanoes, recluses and so on»]. Grani [The «Grani» journal]. 1970. N 74. P. 25. (In Russ.)

Redkollegiya zhurnala «Grani». Predislovie k romanu «Zhizn' i neobychnye priklyucheniya soldata Ivana Chonkina» [The preface to V.N. Voynovich's novel «The Life and Extraordinary Adventures of Private Ivan Chonkin»]. Grani [The «Grani» journal]. 1969. N 72. P. 3. (In Russ.)

Predislovie k poeme «Po pravu pamyati» [The preface to A.T. Tvardovsky's poem «By the right of remembering»]. Posev [The «Posev» journal] 1969. N 10. P. 52. (In Russ.)

Svetov F.G. Nравstvennyi kodeks geroya (Nekotorye problemy prozy 1961 goda) [The hero's moral codex (on some problems of the prose of 1961)]. Voprosy literatury [Russian Studies in Literature]. 1962. N 3. P. 3–37. (In Russ.)

Tarasnikov A.K. Trudnye sud'by [Dark fates]. Literaturnaya gazeta [The «Literaturnaya gazeta» newspaper]. 1954. 20 November. (In Russ.)

Tvardovskij A.T. Po pravu pamyati [By the right of remembering]. Posev [The «Posev» journal]. 1969. N 10. P. 52–55. (In Russ.)

Tvardovskij A.T. V redakciyu «Literaturnoj gazety» [To the editorial board of the «Literaturnaya gazeta» newspaper]. Literaturnaya gazeta [The «Literaturnaya gazeta» newspaper]. 1970. 11 February. (In Russ.)

Voinov A. V rodnom gorode [In the hometown]. Komsomol'skaya Pravda [Komsomol Truth: newspaper]. 1955. 29 March. (In Russ.)

Voynovich V.N. V redakciyu «Literaturnoj gazety» [To the editorial board of the «Literaturnaya gazeta» newspaper]. Literaturnaya gazeta [The «Literaturnaya gazeta» newspaper]. 1970. 14 October. (In Russ.)

Voynovich V.N. Zhizn' i neobychnye priklyucheniya soldata Ivana Chonkina: Roman-ankdot v pyati chastyah [The Life and Extraordinary Adventures of Private Ivan Chonkin. A joke-novel in five parts]: Part 1. Grani [The «Grani» journal]. 1969. N 72. P. 3–83. (In Russ.)

В.Д. Потурухин

**РОССИЯ И КИТАЙ КАК ПРЕТЕНДЕНТЫ НА СТАТУС ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
ЦЕНТРОВ СИЛЫ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

***Аннотация.** В статье исследуются причины возникновения текущей тенденции к изменению конфигурации геополитического баланса сил в рамках современной системы международных отношений, а также циклические закономерности в смене моделей международных отношений. Рассматриваются методологические аспекты модели международных отношений, а также центров и полюсов силы. Исследуется соответствие Китайской Народной Республики и Российской Федерации параметрам претендента на статус центра силы. Изучается способность указанных государств конкурировать текущему гегемону Соединенным Штатам Америки.*

***Ключевые слова:** Российская Федерация; Китайская Народная Республика; Соединенные Штаты Америки; теория международных отношений; мировая политика; модель международных отношений.*

Потурухин Вячеслав Дмитриевич – аспирант факультета
глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.
Россия, Москва.
E-mail: poturukhin@yandex.ru

**Poturukhin V.D. Russia and China as applicants for geopolitical centers
of power in the theory of international relations context**

***Abstract.** The article studies the reasons behind the current trend towards a change in the configuration of the geopolitical balance of forces within the framework of the modern system of international relations, as well as cyclical patterns in the change of models of international relations. Methodological aspects are considered in terms of the model of international relations, as well as centers and poles of power. The article also investigates the applicability of the People's Republic of China and the Russian Federation to the parameters of a contender for the status of a center of power. Finally, it examines the ability of these states to compete with the current hegemony of the United States.*

***Keywords:** Russian Federation; People's Republic of China; United States of America; theory of international relations; world politics; model of international relations.*

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Poturukhin Viacheslav Dmitrievich – PhD student faculty
of global studies Lomonosov Moscow State University.
Russia, Moscow.
E-mail: poturukhin@yandex.ru

Современный характер процессов межнационального взаимодействия за последние годы претерпел значительную трансформацию и не перестает видоизменяться в настоящее время. Направленность на обострение международных общественно-экономических противоречий ведет к росту геополитической напряженности и усилению рисков столкновений между государствами-нациями, в особенности между современными центрами силы по всем направлениям некогда мирного сотрудничества.

Настоящая работа призвана изучить некоторые причины, послужившие текущему политическому обострению между современными центрами силы в лице Соединенных Штатов Америки, Китайской Народной Республики и Российской Федерации. В рамках проработки указанного вопроса предлагается рассмотреть современный глобальный политический кризис с точки зрения теории международных отношений.

Современное общественно-политическое, экономическое и любое другое международное взаимодействие подчиняются комплексу фундаментальных правил и ограничений – системе. Системность в международных отношениях характеризуется наличием субъекта и объекта взаимодействия, а также совокупностью принятых всеми правил взаимодействия (ограничений).

На практике международное взаимодействие выстроено на основе Вестфальской системы международных отношений, сформированной в 1648 г. Структурной составляющей Вестфальской системы международных отношений является государство-нация, выстроенное на фундаменте общественного института государства и выступающее субъектом (актором) международного взаимодействия [Мазур, Чумаков 2003].

Являясь субъектом системы международных отношений, государства-нации рассматриваются в качестве равных друг другу элементов системы, обладающих равными правами. На практике данный принцип остается условным и далеко не всегда неукоснительно соблюдается.

Географически государства-нации характеризуются наличием четко закрепленных границ, в рамках которых обладают всей полнотой власти – суверенитетом и, как следствие, правом требования невмешательства иных субъектов во внутренние дела. На практике суверенитет какого-либо государства-нации также является достаточно условным явлением вследствие того, что в историческом периоде неоднократно наблюдалось нарушение су-

веренитетов одних государств-наций другими, вследствие чего субъект международных отношений трансформировался в объект в отношении которого идет взаимодействие между другими субъектами.

Обязательство исполнять договоренности между государствами-нациями в отношении объектов взаимодействия является важной составляющей Вестфальской системы, отражая устойчивость и стабильность всей системы.

Наличие национального интереса рассматривается как одна из составных частей государства-нации и является основанием международного взаимодействия.

Принцип баланса сил отражает распределение (конфигурацию) геополитического влияния акторов в системе международного взаимодействия в каждый определенный момент времени. Закрепленная и формально признанная акторами конфигурация баланса сил на историческом промежутке времени – модель международных отношений.

Важно заметить, что модель международных отношений вписана в систему, являясь ее структурной составляющей и отражая доминирующее положение одних государств-наций над другими.

С 1648 г., кроме Вестфальской системы, существовали еще три системы международных отношений: Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская. В настоящий момент конфигурация международных отношений представляет собой однополярную (моноцентричную) модель, вокруг которой и усиливается тенденция к обострению геополитической напряженности, а сама модель международных отношений переживает глубокий политический кризис. Важно заметить, что исторически модель международных отношений имеет свой жизненный цикл и переживает свое формирование, возвышение, пик, угасание и демонтаж, в результате которого происходит становление новой модели с иной конфигурацией баланса сил. Как правило, демонтаж изжившей себя модели происходит посредством глубокого военнополитического кризиса, чаще всего выражающегося в форме прямого военного столкновения.

Государства-нации, оказавшиеся в результате формирования новой модели международных отношений в доминирующем по отношению к другим государствам-нациям положении, принято называть «центрами силы». Субъект международных отношений, претендующий на статус центра силы, как правило, обязан отвечать определенным требованиям, критериям, имеющим наименование «полюс силы». Выделяют следующие критерии – военный, цивилизационный, политический и экономический полюса [Леонова, Ильин, Розанов 2013].

К критерию экономического полюса относится высокая доля промышленного производства продукции высокой добавленной стоимости (товары высокого уровня обработки – вторичный сектор экономики), услуг и иннова-

ционной сферы (экономика знаний – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) по отношению к Валовому внутреннему продукту (ВВП).

Критерий политического полюса включает в себя такие составляющие, как членство в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) и других международных организациях, наличие политической субъектности (фактический суверенитет, выраженные национальные интересы), способность политического контроля как внутри государства, так и вне его.

Критерий военного полюса включает обладание государством-нацией ядерным оружием, способность военной защиты своего суверенитета и территориальной целостности, а также оказывать давление в целях реализации национальных интересов.

Критерий цивилизационного полюса включает ярко выраженную культурно-цивилизационную идентичность, наличие национальных интересов, способность оказывать социокультурное давление на другие государства-нации (в том числе «мягкая сила»), национальные идеи и ценности.

Представляется возможным описать с точки зрения теории международных отношений общесистемную тенденцию смены модели международных отношений в непосредственной связи с противостоянием государств-наций на мировой арене.

По мере существования установленной конфигурации миропорядка некоторые государства-нации, не являющиеся центрами силы и по мере своего развития концентрирующие в себе все больше черт полюсов силы, становятся претендентами на данный статус наравне с другими доминирующими субъектами. В ходе демонтажа предыдущей и становления новой модели возникает фундаментальное противоречие, характеризующееся несоответствием национальных интересов уже состоявшихся центров силы и национальных интересов претендента на данный статус, в результате чего наблюдается обострение геополитической напряженности, выражающейся в торгово-экономической, дипломатической и иных формах борьбы, часто приводящей к итоговой попытке разрешить данное противоречие с применением силы. Одним из наиболее ярких примеров является нарастание политико-экономического кризиса перед Первой мировой войной, когда усиливающаяся и требующая место в уже устоявшейся конфигурации сфер колониального влияния Германская империя встретила жесткое противодействие со стороны Франции и Великобритании.

В рамках установленной в момент времени модели международных отношений наличествует один, два или же группа центров силы, получающих экономические, политические, цивилизационные и иные выгоды от своего доминирующего положения. Государства-нации, не являющиеся по какой-либо причине центрами силы и не обладающие способностью защитить свои национальные интересы или не соответствующие каким-либо критериям по-

люсов силы, оказываются в невыгодном и даже угрожающем положении, переходя в категорию не столько субъектов, сколько объектов взаимодействия между государствами центрами силы, становясь их сферами влияния.

Россия, на протяжении веков оставаясь одним из центров силы мировой политики, на некоторый период времени (1990-е годы) не смогла отстаивать свои национальные интересы и оказалась под политическим, экономическим и даже социокультурным влиянием единственно оставшегося центра силы в лице Соединенных Штатов Америки. Определенно сохранив черты военного полюса, Россия перестала в полной мере соответствовать параметрам политического, экономического и в некоторой степени даже цивилизационного полюсов, утратив рычаги политического контроля и лишившись цивилизационной привлекательности не только на внешнем контуре, но и внутри себя самой [Жуков 2009].

За время утраты геополитической субъектности Россия понесла тяжелейшие потери во всех сферах жизни общества. Немалая часть производящего сектора экономики оказалась под контролем других государств-наций, большая часть из которых даже не являлась центрами силы, но обладала чертами полюсов силы, которые сама Россия утратила. Подобная участь постигла политическую и социокультурную сферы, характеризующиеся демографической «ямой» и в какой-то мере утратой суверенитета и реальной политической независимости [Виноградов, Заклепенко, Сафровнова 2019].

Сформированная вследствие геополитической катастрофы распада СССР модель международных отношений оказалась беспрецедентной и характеризовалась наличием единственного центра силы – однополярная (моноцентричная) модель.

Современное состояние однополярной модели международных отношений с единственным центром силы в лице Соединенных Штатов Америки имеет четкую тенденцию к дестабилизации и скорее находится на стадии угасания с ориентацией на дальнейший демонтаж.

Фундаментальная закономерность, обосновывающая причины указанного выше, остается неизменной – концентрация полюсов силы в «руках» других государств-наций и их переход в состояние претендентов на статус центров силы. В настоящее время данными претендентами оказались Китайская Народная Республика и Российская Федерация.

Представляется возможным рассмотреть факты, позволяющие данным государствам-нациям отвечать параметрам центров силы, и раскрыть причины современного геополитического кризиса, изучив некоторые внешнеполитические события с учетом сосредоточения у претендентов полюсов силы [Науменко 2017].

В первую очередь предлагается изучить Китайскую Народную Республику в контексте ее соответствия каждому из четырех полюсов силы.

1. Экономический полюс.

Экономическая сфера Китая начиная с конца 1970-х годов характеризовалась проведением политики либеральных реформ и открытости китайского рынка для иностранных инвестиций, что имело беспрецедентный к тому моменту благоприятный экономический эффект. В связи с «хлынувшими» в страну внешними инвестициями, получившими практическое выражение в трансфере реальных производственных мощностей из стран Запада, Китай ожидал крупнейший экономический бум, продолжающийся по сей день. Одновременно для произведенных в Китае товаров государствами Запада были сняты какие-либо торговые барьеры в виде таможенных пошлин, квот или лицензий.

Важно заметить, что причиной указанных выше тенденций стала невероятно низкая стоимость труда в Китае, позволившая сделать западные товары более конкурентоспособными, а западным транснациональным корпорациям увеличить прибыли от своей экономической деятельности.

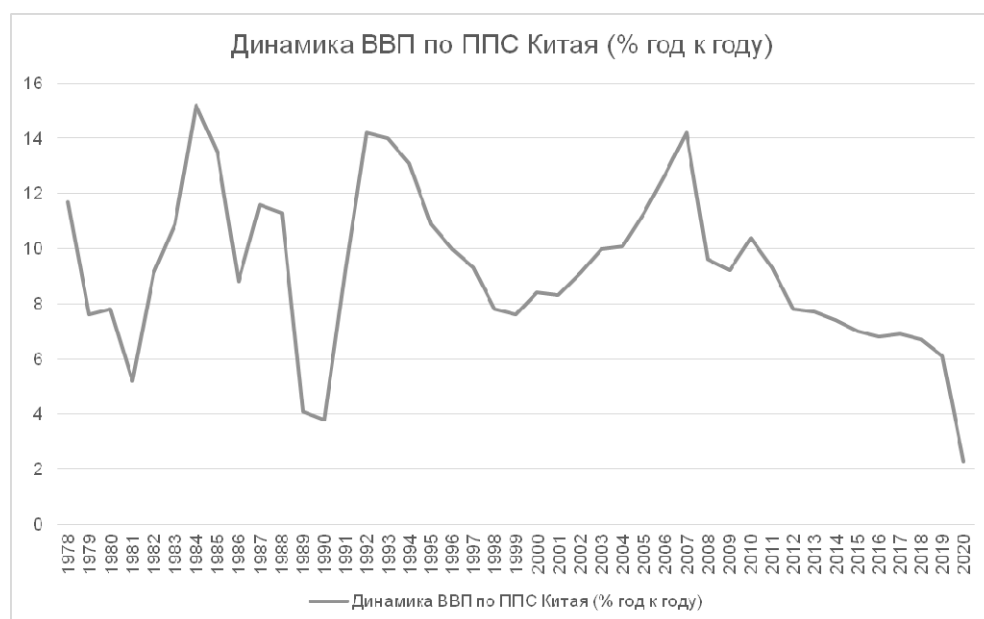

График. Динамика Валового Внутреннего Продукта по паритету покупательной способности в Китае в процентах год к году

В период между 1970 и 2019 гг. валовый внутренний продукт Китая в текущих ценах увеличился более чем в 154 раза, а среднегодовой прирост составил 9% (см. график). В то же время доля объема товаров и услуг, произ-

веденных в Китае, в денежном выражении по отношению к общемировому выросла на 13,7% и составила в общей сложности 16,4%. На сегодняшний день Китай по денежному объему производимых товаров и услуг фактически сравнялся с американским [Алексеев 2015].

Одновременно наблюдалась тенденция, направленная на рост конкуренции в сфере инновационных товаров высокой добавленной стоимости между западными корпорациями и китайскими компаниями, перенимающими опыт хозяйствования у передового транснационального бизнеса.

Современные торгово-экономические войны между Китаем и США, инициированные самими США, прямо свидетельствуют об угрозе американским торгово-экономическим интересам со стороны претендента на статус центра силы [Балашев, Пшеничная 2020].

2. Политический полюс.

Китай является постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Китайская правящая политическая элита в лице Коммунистической партии Китая, являясь, в целом, монолитной в вопросе методов реализации национальных интересов государства как внутри, так и вовне, осуществляет всеобъемлющий контроль внутренней и внешней политики государства. С уверенностью можно сказать о суверенности китайского государства и его фактической субъектности в осуществлении международных взаимодействий.

В то же время уровень китайского политического влияния на другие государства-нации во многом носит ограниченный региональный характер и встречает противодействие со стороны гегемона, имеющего глобальный характер распространения своей внешней политики. Наибольшее противодействие со стороны США и его союзников имеет место в регионах Южно-Китайского моря, Тайваня, где реализация национальных геополитических интересов Китая имеет жизненную необходимость.

Необходимо упомянуть и новообразованный военно-политический союз AUKUS, заключенный между США, Великобританией и Австралией и нацеленный на ограничение китайских геополитических амбиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

3. Военный полюс.

Народно-освободительная армия Китая насчитывает более 2 млн человек, что делает ее самой многочисленной в сравнении с другими армиями мира. Наблюдается превосходство китайской армии и в количестве бронетехники, артиллерии и систем залпового огня. В целом, сухопутные вооруженные силы Китая конкурентоспособны вооруженным силам США.

Однако наблюдается значительное превосходство США, как державы моря, в части военно-морского флота, что определенно накладывает серьезные ограничения на способность китайского государства вести глобальную геополитическую игру наравне.

Нельзя не упомянуть о наличии у Китая стратегического ядерного арсенала, что благоприятствует взаимному геополитическому сдерживанию.

Сформулируем определенные выводы касательно соответствия Китайской Народной Республики статусу претендента на центр силы. Сильная сторона государства – экономическая мощь, способная конкурировать с экономикой США. Защита национальных интересов способствует наличие сильных вооруженных сил и ядерного оружия, что позволяет оказывать на близлежащие государства региона политическое давление [Леонова, Ильин, Розанов 2013].

В то же время отмечается отсутствие у Китая глобальной идеи, которую государство могло бы предложить миру в качестве общемирового проекта. В большей степени Китай предлагает лишь экономические проекты по типу «Один пояс – один путь», не носящие в себе какой-либо идейной составляющей. Более того, неспособность китайской военной «машины» конкурировать с США на воде создает неблагоприятные условия для возможности государства реализовывать по-настоящему глобальную политику и предоставляет возможность гегемону осуществлять морскую торгово-экономическую и военную блокаду, что делает Китай в большей степени сугубо региональной державой [Виноградов, Заклепенко, Сафровнова 2019].

На современном этапе мировой политики США четко осознали экономическую угрозу своей власти, исходящую от Китая. Республиканская элита США, начав торгово-экономическую конфронтацию с Китаем, задала направление внешней политики на усиление всеобъемлющего давления на Китай. После поражения республиканцев на выборах в США в 2020 г. и приходу глобалистской демократической элиты имелись предположения касательно того, что демократы завершат данное противостояние в силу базирования на территории Китая производственных мощностей транснациональных компаний, имеющих свои штаб-квартиры в США. Однако прямолинейное противостояние сменилось более незаметной и гибкой стратегией по «удушению» Китая. Создание военно-политического союза AUKUS, эмбарго Австралии на поставку в Китай энергосырья, создание логистических препятствий для китайских морских торгово-экономических маршрутов оказывают более медленный по времени, но и более высокий по эффективности изматывающий эффект [Ignatova, Gorbunova, Tereshina 2019].

Представляется возможным рассмотреть в рамках критериев центра силы и современную Россию.

1. Экономический полюс.

Одной из наиболее сильных сторон российской экономики принято считать развитый топливно-энергетический сектор, обеспечивающий как внутреннюю потребность государства, так и потребности других государств, включая Китай.

Избыток сырьевых ресурсов и развитая топливно-энергетическая инфраструктура позволяют сохранять низкий уровень экономических издержек в ходе промышленного производства, что закладывает потенциал для всеобъемлющего экономического роста государства.

Высокий уровень научно-технического развития в сфере топливно-энергетического комплекса в современных условиях прохождения большинством государств мира пика добычи нефти и угля создает необходимый технологический задел для поддержания рентабельности добычи и возможности дальнейшего наращивания генерации электроэнергии с длительным сохранением себестоимости, что на долгосрочном периоде работает на пользу экономического развития государства.

В то же время важно отметить и проблемы российского хозяйственного сектора. В первую очередь это низкая конкурентоспособность национальных промышленных производителей как промышленных инновационных, так и традиционных потребительских товаров. Причиной вышесказанного во многом остается ориентированность экономики на сектора добычи и первичной обработки с сохранением низкой доли вторичного сектора, направленного на глубокую обработку материалов и создание конечного потребительского товара. Во многом вторичный сектор экономики России узкоспециализирован и носит локальный характер применения.

2. Политический полюс.

Политическая сфера российского государства во многом остается неоднозначной.

С одной стороны, наблюдается ярко выраженная субъектность государства в вопросе проведения внешней политики, а также определенная возможность оказания политического влияния как на близлежащие страны, так и на страны дальнего зарубежья (Ближний Восток, Южная Америка, Западная Европа, Азия). Государство демонстрирует возможности осуществления именно глобальной политики. Одновременно оно является постоянным членом Совета Безопасности ООН и других международных организаций (БРИКС, ШОС, АТЭС и т.д.) [Park 2020].

С другой стороны, представляется возможным отметить неоднозначность проводимой политики по всем направлениям общественной жизни непосредственно внутри государства. Имеются предположения касательно наличия внешнего влияния со стороны иностранных государств, направленные на ограничение попыток реализации финансово-экономического и социального потенциала государства.

3. Военный полюс.

Российская Федерация определенно является военным полюсом. Научно-технический задел государства способствует отстаиванию национальных интересов на глобальном уровне.

Представляется возможность сделать вывод касательно соответствия Китая и России критериям центра силы. Государства способны отстаивать национальные интересы в рамках своих регионов. Стратегическое партнерство двух крупнейших держав Евразийского материка, являющихся претендентами на статус центров силы, в направлении трансформации однополярной модели международных отношений в полицентричную, в рамках которой наличествует несколько центров силы, в случае оказания взаимной поддержки формирует условия равной конкуренции глобальному гегемону.

Эффект от попытки США увеличить экономические издержки Китая путем топливно-энергетического эмбарго Австралии возможно нивелировать в случае переориентации Китая на сухопутные поставки из России. В то же время географические характеристики России и сухопутные логистические маршруты через государство потенциально способны частично нивелировать попытки США ограничить внешние рынки для китайских товаров путем создания препятствий на морских логистических маршрутах.

Военно-политически Китай и Россия, являясь географическими соседями, предоставляют друг другу надежный тыл, позволяющий исключить противостояние на двух фронтах. Стратегическое партнерство позволяет России избежать внешнеполитического давления с азиатского направления и сосредоточиться на европейском направлении. К Китаю «зеркально» применимы аналогичные условия.

Таким образом, современное обострение геополитической напряженности является практическим выражением кризиса однополярной модели международных отношений. Очевидно, что с каждым годом Китай наращивает свой потенциал и становится глобальным центром силы.

В то же время кризис текущей модели международных отношений может быть представлен и в виде деградации взаимоотношений России и США, являвшихся ключевыми центрами силы в рамках предыдущей конфигурации баланса сил (Ялтинско-Потсдамской системы). В XXI в. Россия настойчиво и последовательно пытается вернуть себе статус глобального центра силы и мировой державы. Мировой порядок неуклонно трансформируется к новой, многополярной системе международных отношений.

Библиография

Алексеев О.А. Противоречия интеграционных процессов в Евразии на примере шанхайской организации сотрудничества // Вестник Московского университета. Серия 27 «Глобалистика и геополитика». 2015. № 1–2. С. 132–136.

Балашев Н.Б., Пшеничная Е.А. Торговая война между США и Китаем и ее последствия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11-1 (69). С. 89–91.

Валовый внутренний продукт Китая, 1970–2020 // Институт экономики и права Ивана Кушнина. Макроэкономические исследования. URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/cn.html> (дата обращения: 17.11.2021).

Виноградов А.О., Заклепенко А.Ю., Сафронова Е.И. США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли // Китай в мировой и региональной политике. 2019. № XXIV. С. 187–206.

Жуков В.И. Россия в глобальной системе координат: социологический анализ и прогноз // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 3–18.

Леонова О.Г., Ильин И.В., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики. М.: МГУ, 2013. 296 с.

Мазур И.И., Чумаков А.Н. Глобалистика: энциклопедия. М.: Радуга, 2003. 1328 с.

Науменко Т.В. Китай: экономическая наука и экономическая практика // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 3-3 (34). С. 109–112.

Ignatova O.V., Gorbunova O.A., Tereshina O.Yu. US-China trade war: Russia's interests. Management and Economics Research Journal, Vol. 5. Iss. S4. 2019. 10 p.

Park S. Trade Conflict Between the U.S. and China: What Are the Impacts on the Chinese Economy? // International Organisations Research Journal. 2020. Vol. 15. N 2. P. 153–168.

Reference

Alekseenko O.A. Protivorechiya integracionny'x processov v Evrazii na primere shanxajskoj organizacii sotrudnichestva [Contradictions of integration processes in Eurasia on the example of the Shanghai Cooperation Organization]. Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Seriya 27 «Globalistika i geopolitika». 2015. N 1-2. P. 132–136. (In Russ.)

Balashev N.B., Pshenichnaya E.A. Torgovaya vojna mezhdu SSHA i Kitaem i ee posledstviya [The trade war between the US and China and its aftermath]. «E'konomika i biznes: teoriya i praktika» [«Economics and Business: Theory and Practice»]. 2020. N 11-1 (69). P. 89–91. (In Russ.)

Ignatova O.V., Gorbunova O.A., Tereshina O.Yu. US-China trade war: Russia's interests. Management and Economics Research Journal. Vol. 5. Iss. S4. 2019. 10 p.

Leonova O.G., Il'in I.V., Rozanov A.S. Teoriya i praktika politicheskoy globalistiki [Theory and practice of political global studies]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Publishing house of Moscow University], 2013. 296 p. (In Russ.)

Mazur I.I., Chumakov A.N. Globalistika: e'nciklopediya. Centr nauchny'x i prikladny'x programm «Dialog» [Global studies: its encyclopedia. Center for Scientific and Applied Programs «Dialogue»]. Moscow: Raduga, 2003. 1328 p. (In Russ.)

Naumenko T.V. Kitaj: e'konomicheskaya nauka i e'konomicheskaya praktika [China: its economic science and its economic practice]. Konkurentosposobnost' v global'nom mire: e'konomika, nauka, texnologii [Competitiveness in the global world: its economy, science, technology]. 2017. N 3-3 (34). P. 109–112. (In Russ.)

Park S. Trade Conflict Between the U.S. and China: What Are the Impacts on the Chinese Economy? International Organisations Research Journal. 2020. Vol. 15. N 2. P. 153–168.

Valov'y vnutrennij produkt Kitaya, 1970–2020 [Gross domestic product of China 1970–2020]. Institut e'konomiki i prava Ivana Kushnira. Makroe'konomicheskie issledovaniya. URL: <https://be5.biz/makroekonomika/gdp/cn.html> (date of access: 17.11.2021). (In Russ.)

Vinogradov A.O., Zaklepenko A.Yu., Safronova E.I. SSHA, Kitaj i VTO: posledstviya amerikano-kitajskogo torgovogo konflikta dlya mirovoj trgovli [USA, China and the WTO: the consequences of the US-China trade conflict for world trade]. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike [China in world and regional politics]. 2019. N XXIV. P. 187–206. (In Russ.)

Zhukov V.I. Rossiya v global'noj sisteme koordinat: sociologicheskij analiz i prognoz [Russia in the global coordinate system: a sociological analysis and forecast]. Social'no-gumanitarny'e znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2008. N 2. P. 3–18. (In Russ.)

С. Ван

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

***Аннотация.** В последние десятилетия экологические проблемы приобрели международный характер с точки зрения их существования и социально-экономического воздействия. Проблемы климата и экологии становятся одной из центральных тем международной повестки. Причем речь идет не только о сотрудничестве и совместных проектах, но и о конкуренции. Экологические стандарты, которые ужесточаются с каждым годом, постепенно вытесняют с международного рынка «не зеленые» компании и технологии. Вот почему страны, которые до сих пор не сформировали собственную экологическую повестку, рискуют в перспективе покинуть международную арену. Именно поэтому ведущие экономики мира стремятся развернуться лицом к экологическим вопросам. Китай оказался на острие такого рода проблем в силу ряда причин, важнейшими из которых стали: возросшая урбанизация, уплотнение городского населения и негативные последствия быстрорастущего промышленного производства. Тогда же стало очевидным, что преодоление этих проблем требует эффективного международного сотрудничества. Столкнувшись с пандемией COVID-19, частыми экстремальными погодными явлениями и потерей биоразнообразия, страны всего мира должны осознать, что ни одно государство не может остаться неуязвимым, и что международное сотрудничество является единственным выходом для преодоления негативных последствий глобальных проблем. Международное сообщество должно приложить совместные усилия для содействия развитию и безопасности посредством взаимовыгодного сотрудничества и управления, чтобы достичь более качественного, эффективного, справедливого, устойчивого и безопасного развития и совместно построить сообщество с общим будущим для человечества.*

***Ключевые слова:** Китай; сотрудничество; экология; демография; взаимодействие.*

Ван Синь – аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: wangxin1886@yandex.ru

Wang X. International cooperation of China in the field of ecology at the present stage

***Abstract.** In recent decades, environmental problems have become international in terms of their existence and socio-economic impact. Climate and environmental problems have become a central topic on the international agenda. It is not only a question of cooperation and joint projects, but also of competition. Environmental standards, which are becoming stricter every year, are gradually pushing «non-green» companies and technologies out of the international market. Therefore countries that have not yet formed their own environmental agenda run the risk of leaving the international arena in the future. This is why the world's leading economies are seeking to tackle green issues. China has been at the forefront of these issues for a number of reasons, the most important of which have been increased urbanization, the densification of the urban population, and the negative effects of rapidly expanding industrial production. It also became evident then that overcoming these problems required effective international cooperation. Faced with the raging COVID-19 pandemic, frequent extreme weather events, and loss of biodiversity, countries around the world must realize that no country can remain invulnerable and that international cooperation is the only way out. The international community must make a concerted effort to promote development and security through mutually beneficial cooperation and governance in order to achieve better, more efficient, equitable, sustainable, and secure development and together build a community with a shared future for humanity.*

Keywords: China; cooperation; ecology; demography; interaction.

Wang Xin – Postgraduate student Faculty of Global Studies,
Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: wangxin1886@yandex.ru

Введение

Озабоченность загрязнением воздуха и воды, благодаря работе ученых-экологов, активистов и политиков, быстро распространилась и на ряд других проблемных полей – эрозия почвы, загрязнение пестицидами, обезлесение, сокращение популяции животных и растительных видов и т.д. Эти проблемы деградации окружающей среды постепенно слились в научном дискурсе в целый комплекс экологических проблем [Ильин, Габдуллин, Голиней 2020].

Экологические проблемы, связанные с деятельностью человека, занимают сегодня важное место в международной политической повестке дня [Dunlap, Gallup, Gallup 1993]. «Экологические проблемы» – довольно распространенное понятие среди экологов и специалистов, занимающихся изучением экологии. Мы начнем исследование с выяснения природы этих проблем и

определения того, как они возникают [Frank, Hironaka, Schofer 2000; Снакин 2021]. Экологи отмечают, что окружающая среда предоставляет множество «товаров и услуг», но их можно свести к трем основным функциям, которые она предоставляет человечеству. Во-первых, окружающая среда дает нам ресурсы для жизни – от чистой воды, еды и жилья, до природных ресурсов, используемых в промышленной экономике. Окружающая среда выступает как «хранилище запасов». Экологи называют ее «базой жизнеобеспечения» человеческого общества. Она позволяет нам пополнять наши ресурсы за счет возобновляемых и невозобновляемых ресурсов [De Groot, Wilson, Boumans 2002], причем чрезмерное использование первых, например воды, может привести к дефициту, а вторых, например ископаемого топлива, – к возможному исчерпанию.

Поглощение отходов – это вторая функция окружающей среды. В процессе потребления ресурсов люди часто производят «ненужные» продукты, которые становятся дополнительными отходами, что делает нас самым загрязняющим живым видом среди любых других видов на планете. При этом окружающая среда многими людьми воспринимается как место, которое должно служить «поглотителем» или «свалкой» для отходов, либо перерабатывая их, либо преобразуя в полезные или безвредные вещества. Вода и воздух загрязняются в результате использования промышленных отходов, которые превышают способность окружающей среды поглощать эти отходы [Dunlap, Catton 2002].

Пандемия коронавирусной инфекции показала, как важен переход к новым источникам энергии, «озеленению» экономики и устойчивому развитию. Флагманом энергетического перехода сегодня является Китай. Страна пытается не только сама отойти от использования «грязных» ископаемых источников энергии, но и помочь в этом развивающимся странам. Уже несколько лет Пекин помогает им переходить к «зеленому» развитию с помощью инициативы «Один пояс – один путь». Угольные проекты интересуют Китай все меньше, на смену им приходит энергия ветра, солнца и воды. Доля китайских инвестиций в возобновляемые источники энергии в 2020 г. уже превысила 50% всех инвестиций в энергетические проекты, реализуемые в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Исходя из заинтересованности Китая развивать данное направление, можно предположить, что в будущем инициатива обещает стать еще «зеленее».

В 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин сделал сенсационное заявление, выступая на Генеральной Ассамблее ООН. Китай к 2030 г. достигнет пика углеродных выбросов, а к 2060 г. станет углеродно-нейтральным [Zhōng huá rén]. Заявления китайского лидера мировое сообщество встретило с большим энтузиазмом, ведь борьба с изменением климата во многом зависит от действий Пекина.

Спустя год Си Цзиньпин на Генассамблее ООН сделал еще одно важное заявление. По его словам, Китай больше не будет строить угольные проекты за рубежом [Zhōng guó xuān 2021]. Такое решение китайского руководства – большой вклад в борьбу с загрязнением атмосферы.

Китай уже несколько лет помогает развивающимся странам с помощью инициативы «Один пояс – один путь». Это флагманский проект Си Цзиньпина, направленный на строительство инфраструктурных объектов на разных континентах. С 2013 по 2020 г. совокупные прямые инвестиции Китая в страны, расположенные вдоль маршрутов проекта «Один пояс – один путь», достигли 139,85 млрд долл. [Nián dù zhōng 2020].

Немалая часть этой суммы была направлена на развитие энергетического сектора развивающихся стран. С 2014 по 2017 г. около 90% кредитов китайских банков приходилось на проекты, связанные с ископаемым топливом. Китайские деньги в 2016 г. были вложены в 240 угольных электростанций, а в 2018 г. только 40% кредитов на энергоносители было направлено на угольные проекты [Nián dù zhōng 2020].

«Зеленая экономика» является важным процессом развития общества с целью снижения экологических рисков и экологических недостатков, и такая экономика тесно связывается с экологией [Коданева 2020; Вебер 2021], поэтому все же для Китая «зеленая» составляющая «Одного пояса – одного пути» всегда была важна. Пандемия показала, насколько сильно производство электроэнергии и промышленность загрязняют атмосферу. В период локдаунов человечество убедилось, что воздух действительно может быть чище.

В 2020 г., несмотря на пандемию, работа специалистов в рамках проектов «Один пояс – один путь» не прекращалась. Однако фокус внимания сместился в сторону экологичности: доля китайских инвестиций в возобновляемые источники энергии, включая солнечную, ветровую и гидроэнергетику, выросла с 39% в 2019 до 57% в 2021 г.

Европейский союз уже принял Зеленый пакт (или как его еще называют – «Зеленый курс»), целью которого является достижение нулевых выбросов парниковых газов к 2050 г. [Ōu méng lì 2020]. Кроме того Европарламент согласовал проект Европейского закона о климате, который должен помочь открыть новые возможности для промышленности, различных рынков и технологий и в конечном итоге для европейской экономики в целом. США, которые вернулись к Парижскому соглашению по климату, обязались более чем наполовину сократить выбросы парниковых газов уже к 2030 г., а к 2050 – и вовсе выйти на нулевой уровень [Zhuān tí bào dào 2021].

Китайская Народная Республика как одна из мировых держав также существенно продвинулась в экологических вопросах. Движение в сторону экологически цивилизованного общества теперь закреплено на конституционном уровне.

Китай планирует достигнуть углеродной нейтральности к 2060 г. По словам китайского лидера, уже с 2020 г. потребление угля будет жестко контролироваться, а с 2026 г. начнется сокращение его потребления. В частности, Си Цзиньпин отметил, что для достижения этой цели государство поддержит предприятия и производства с минимальными выбросами. Также будет запущена онлайн-торговля квотами на выбросы углерода [Охрана окружающей среды].

Китай как крупнейшая развивающаяся страна в мире совершит самое большое в мире сокращение интенсивности выбросов углерода, за беспрецедентно короткие сроки проделав путь от пика выбросов до углеродной нейтральности.

КНР решила принять Кигалийскую поправку к Монреальскому протоколу, чтобы усилить контроль за гидрофторуглеродами и другими парниковыми газами, не являющимися диоксидом углерода.

Монреальский протокол был подписан в 1987 г. в Канаде и обязывал страны обеспечить контроль производства и потребления озоноразрушающих веществ. А в 2016 г. в городе Кигали (столица Руанды) была принята Кигалийская поправка к Монреальскому протоколу, которая нацелена на смягчение изменения климата путем поэтапного сокращения производства и потребления гидрофторуглеродов. Эти вещества используются при производстве холодильного и морозильного оборудования, кондиционеров, средств противопожарной защиты, ингаляторов, различных аэрозолей.

В Бангладеш Китай уже перестает сотрудничать с угольными проектами. Китайский банк ICBC отказался от финансирования угольной электростанции Sengwa в Зимбабве. Китай помогает Аргентине и Пакистану возводить большие гидроэлектростанции, а в пустынях стран Ближнего Востока строит блоки солнечных батарей. Выгода от таких проектов не только экологическая, но и экономическая: электричество, генерируемое новыми источниками, в 5 раз дешевле, чем электричество, которое производят угольные электростанции.

Объявления о новом формате китайского сотрудничества совпало с началом Конференции ООН по климату COP26, которая прошла с 1 по 12 ноября 2021 г. в Глазго. И хотя китайский лидер не участвовал лично в саммите, в Шотландию отправился специальный представитель Китая по климату Се Чжэньхуа, которого называли главным гостем мероприятия, который поведал миру о дальнейших экологических планах Китая по решению экологического кризиса на Земле.

Чтобы понять, какой кризис переживает сегодня наша планета, важно определить термин «кризис». Как отмечает А.Н. Чумаков, кризис – это «резкий, крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние...; острое затруднение с чем-либо...; тяжелое положение... Это такой уровень, степень

развития проблемы, когда она становится предельно актуальной, выступая на первый план и отодвигая, затмевая собою другие проблемы, а ее негативные (нежелательные) последствия становятся *необратимыми*» [Чумаков 2018, с. 425–426]. Он также подчеркивает, что «кризис – это шанс наконец-то взяться за реформы» и приступить к преодолению не получивших своевременного решения и накопившихся проблем. При этом, с его точки зрения, «современный глобальный кризис в принципе может быть преодолен только радикальной трансформацией международных отношений... и созданием принципиально новых систем и механизмов управления глобальным сообществом» [Чумаков 2021, с. 470].

Соглашаясь со сказанным, следует добавить при этом, что решение экологических проблем выходит за рамки только лишь общественных отношений и должно учитывать также весь сложный комплекс взаимоотношений общества с окружающей средой. Как лаконично выразился один известный эколог, «мы не можем сделать мир непригодным для обитания других форм жизни и сделать его пригодным лишь для своей жизни» [De Groot, Wilson, Boumans 2002]. Если это произойдет и люди станут единственной формой жизни на Земле, их дальнейшее существование окажется под вопросом.

Кризисное положение человечества уже сейчас выглядит ужасающе. По оценкам ученых-экологов, 884 млн человек во всем мире не имеют доступа к безопасной питьевой воде, 1 млрд – не получают достаточного минимального питания, а еще 1 млрд человек хронически недоедают [Harper 2014]. Около 2,6 млрд человек не имеют элементарных санитарных условий [Harper 2014], 25% земель, не тронутых рукой человека, классифицируются как пустынные, арктические, тропические или с бореальным ландшафтом.

Среди многих ученых есть те, кто за такими проблемами, как рост численности населения, отсутствие чистой воды и загрязнение воздуха, видят субъективные корни кризиса. Например, Вивиан Сорвалль считает, что в основе экологического кризиса лежит эволюция человека. Она утверждает: «люди и другие формы жизни существовали на этой планете тысячи лет в относительной гармонии и равновесии. Почему этот баланс был нарушен за последние четыреста лет, в основном западным человеком?» [Eblen, Daller, Sorvall 1971].

Чтобы ответить на этот вопрос, Сорвалль предполагает, что современный человек отличает себя от других форм жизни, полагая, что он имеет право эксплуатировать природу, и далее утверждает, что мы должны понять эволюцию человека в трех временных периодах: как кочевника, как фермера и, наконец, как технократа. Когда человек был кочевником, он отождествлял себя с животными [Старостин 2020]. Его жизнь зависела от использования орудий труда, и именно эти орудия позволили ему перейти от кочевой жизни к сельскохозяйственной. Как земледелец человек получал пищу, кров и одежду, но

на этот раз его местоположение не изменилось. Под влиянием греческих и иудейских верований человек стал рассматриваться как нечто отличное и превосходящее остальной природный порядок. Таким образом, человек начал размножаться, что вскоре превысило тот предел, который могла выдержать планета и общество. Самая густонаселенная страна в мире, Китай, является прекрасным примером этого. Обозначенный предел затрагивает все сферы жизнедеятельности человека, но ярче всего он виден на примере экологических проблем, поэтому именно их решению и уделяется первостепенное внимание мирового сообщества.

Китай стремится внести значительный вклад в решение экологических проблем современности, поэтому ставит перед собой цель к середине столетия перейти на возобновляемые источники энергии и компенсировать любые выбросы углерода своей «зеленой» политикой. Эта цель практически ставит Китай в один ряд с Европейским союзом, Великобританией и некоторыми другими странами, которые надеются добиться углеродной нейтральности уже к 2050 г., что, по мнению Межправительственной группы экспертов по изменению климата, необходимо для предотвращения глобального потепления на более чем 1,5 °C [Quán qiú shēng wēn 2019]. Если странам не удастся остановить изменение климата, то количество экстремальных явлений на планете, в частности волн тепла, которые негативно влияют на здоровье человека, продолжит увеличиваться. Это также грозит климатическими аномалиями, пожарами, наводнениями и стихийными бедствиями, гибелью некоторых видов животных.

Обязательство Китая выйти на углеродную нейтральность до 2060 г. «посылает сильный сигнал о реальной угрозе климатического кризиса» [Zhōng huá rén]. После перехода Китая на «зеленый» курс США останутся крупнейшей страной-загрязнителем, у которой нет четкой стратегии по разрешению климатического кризиса.

Экология давно остается проблемной темой для Китая. Недавние наводнения в бассейне реки Янцзы, усиление волн тепла, повышение уровня моря и хронически загрязненный воздух в больших китайских городах – все это давно оказывает серьезное влияние на качество жизни в этой стране. Эксперты предупреждают, что по мере потепления на планете Китай будет чаще сталкиваться с ливнями и наводнениями, что создаст серьезную угрозу его прибрежным городам.

Пока китайские власти не сообщают, как именно они намерены достичь столь амбициозных целей за такой короткий срок. Китай все еще находится в процессе экономического развития, потребление энергии будет продолжать расти, что в случае КНР в значительной степени зависит от угля. Достичь углеродной нейтральности в этих условиях очень тяжело.

При этом в стране уже наблюдаются попытки добиться сдвигов в ключевых для экологии секторах, например с помощью широкого использования электротранспорта или работы с возобновляемыми источниками энергии. По мнению экспертов, главным вызовом для Китая остается очистка его гигантской сталелитейной и цементной промышленности. Для работы печей, необходимых при производстве стали и цемента, обычно используется кокс – переработанный высококачественный уголь. Только на изготовление стали приходится 15% всех выбросов углекислого газа в Китае [China's climate conundrum 2021], поэтому поиск альтернатив углю имеет решающее значение. Выходом может стать все тот же «зеленый водород», который применяется на некоторых европейских предприятиях. Однако для его производства также нужны энергетические мощности, особенно если речь идет о такой масштабной промышленности как в Китае.

Таким образом, КНР потребует полностью перестроить свою энергетическую систему, что не может не отразиться на мировых рынках. В настоящее время 85% энергетических источников страны приходится на ископаемое топливо (нефть, уголь, природный газ). Чтобы добиться углеродного нейтралитета к 2060 г., Китаю необходимо сократить эту цифру до 15% [Zhōng huá rén]. Ради этого самая быстрорастущая экономика мира должна начать небывалые по своему размаху и темпу инвестиции в возобновляемые источники энергии и в отказ от угольных электростанций.

Стране предстоит сосредоточиться на солнечной и ветроэнергетике. Китай уже является одним из мировых лидеров в этой сфере, но его мощности, согласно докладу Комиссии по передаче энергии, должны увеличиться почти в 15 раз, не говоря уже о финансовых затратах. Кроме того, как считают аналитики S&P Global Platts, Китаю придется переосмыслить свою растущую зависимость от нефти. По их мнению, КНР будет вынуждена ускорить «массовую электрификацию транспорта», наряду с использованием «зеленого водорода» в ключевых отраслях [China's climate conundrum 2021]. При этом главной проблемой здесь является не городской транспорт, а авиация и морские грузоперевозки.

Заключение

Китай стремится многое сделать для решения глобальных экологических проблем, однако необходимо понимать, что усилий лишь одного Китая для этого недостаточно. Международное сообщество должно приложить совместные усилия для содействия развитию и безопасности посредством взаимовыгодного сотрудничества и управления, чтобы достичь более качественного, эффективного, справедливого, устойчивого и безопасного развития и совместно построить сообщество с общим будущим для человечества.

Массимо Баньяско, вице-президент Торговой палаты Европейского союза в Китае, сказал, что многие цели управления должны быть достигнуты в глобальном масштабе, а не одной отдельной страной [Bagnasco 2021]. Каждая страна должна сотрудничать более эффективно и работать вместе для достижения этих целей. Столкнувшись с бушующей пандемией COVID-19, частыми экстремальными погодными явлениями и потерей биоразнообразия, страны всего мира должны осознать, что ни одна страна не может остаться неуязвимой и что международное сотрудничество является единственным решением.

Неизвестно, как долго COVID-19 продолжит влиять на глобальное экономическое и социальное развитие мира, создавая беспрецедентные проблемы для восстановления мировой экономики и устойчивого развития, а также обнажая многие слабые места в системе глобального управления. Тем не менее, сообщая о решении проблемы пандемии, миру необходимо параллельно сотрудничать для решения экологических проблем, что потребует «массивной политической поддержки», чтобы стимулировать инвестиции не только в социальную сферу, но и в сферу технологий и чистой энергии.

И хотя чисто теоретически с экономической точки зрения этот сценарий может быть выполнимым, миру в целом и Китаю, в частности, предстоит задуматься и о неизбежных переменах в обществе, которые незамедлительно последуют после «зеленой» реформы. Например, миллионам работников угольной и сталелитейной промышленности придется искать новые рабочие места. Для того чтобы точно говорить о перспективах нового экологического курса КНР, необходимо дождаться детальной дорожной карты непосредственно от властей республики.

Библиография

Вебер А.Б. Экологические императивы и притязания гегемонизма // Век глобализации. 2021. № 2(38). С. 3–18.

Ильин И.В., Габдуллин Р.Р., Голиней В.А. Итоги весенней сессии Международного научного конгресса «Глобалистика-2020: глобальные проблемы и будущее человечества» // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2020. № 3. С. 87–96.

Коданева С.И. «От “Коричневой экономики” – к “Зеленой”. Российский и зарубежный опыт» // Россия и современный мир. 2020. № 1 (106). С. 46–66.

Охрана окружающей среды в КНР (Белая книга) // China. Org. Cn. URL: <http://russian.china.cn/russian/32923.htm> (дата обращения: 26.12.2021).

Снакин В.В. Экология, глобальные природные процессы и эволюция биосферы. Энциклопедический словарь // Век глобализации. 2021. № 2(38). С. 132–133.

Старостин А.М. Новая философия глобального полицентричного мира // Век глобализации. 2020. № 1. С. 28–40.

Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов: монография. М.: Проспект, 2018. 512 с.

Чумаков А.Н. Путь в философию. Работы разных лет: монография. Москва: Проспект, 2021. 608 с.

Bagnasco M. Speech during European business in China position paper 2021/2022 launch // European Chamber. URL: https://www.europeanchamber.com.cn/en/past-events-archive/20713/European_Business_in_China_Position_Paper_2021_2022_Launch_Chongqing_2021_2022_ (дата обращения: 26.12.2021).

China's climate conundrum: Carbon neutrality 2060 and its implications for fossil fuels // S&P Global. 2021. 11 May. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/podcasts/platts-future-energy/051121-china-climate-goals-net-zero-carbon-2060> (дата обращения: 23.12.2021).

De Groot R.S., Wilson M.A., Boumans R.M.J. A typology for the classification, description and valuation of ecosystem functions, goods and services // Ecological Economics. 2002. Vol. 41. Iss. 3. P. 393–408.

Dunlap R.E., Catton W.R. Jr. Which functions of the environment do we study? A comparison of environmental and natural resource sociology // Society and Natural Resources. 2002. Vol. 15. Iss. 3. P. 239–249.

Dunlap R.E., Gallup G.H. Jr., Gallup A.M. Of global concern: results of the health of the planet survey // Environment Science and Policy for Sustainable Development 1993. Vol. 35. Iss. 9. P. 7–15.

Eblen W.R., Daller J., Sorvall V. Overpopulation: How many are too many? West Haven Connecticut: Pendulum Press, Inc. 1971. 63 p.

Frank D.J., Hironaka A., Schofer E. The Nation-State and the Natural Environment // American Sociological Review. Volume 65. Issue 1. 2000. P. 96–116.

Harper S. Demographic and Environmental Transitions / Is the Planet Full? Ed by Ian Goldin. Oxford: Oxford University Press. 2014. P. 62–79.

Nián dù zhōng guó duì wài zhí jiē tóu zī tǒng jì gōng bào / zhōng huá rén mín gòng hé guó shāng wù bù, guó jiā tǒng jì jú, guó jiā wài huì guǎn lǐ jú / 1–49 yè / zhōng guó shāng wù chū bǎn shè 2021 nián 9 yuè (Статистический бюллетень прямых иностранных инвестиций из Китая. Министерство торговли Китайской Народной Республики, Национальное бюро статистики и Государственное управление иностранной валюты. 2020. С. 1–49 // Китайская деловая пресса. 2021 сент. URL: <http://www.gov.cn/xinwen/2021-09/29/5639984/files/a3015be4dc1f45458513ab39691d37dd.pdf> (дата обращения: 26.12.2021).

Ou méng lì fǎ yù wéi lǚ sè mù biāo hù háng / 2020-03-09/ jīng jì cān kǎo (Законодательство ЕС хочет содействовать достижению зеленой цели) // Ежедневная экономическая информация. 2020. 03 Sep. URL: http://www.xinhuanet.com/2020-03/09/c_1125683687.htm (дата обращения: 26.12.2021).

«Quán qiú shēng wēn 1,5°C»/ IPCC «Jué cè zhě zhāi yào» 1–24 yè / 2019 zhèng fǔ jiān qì hòu biàn huà zhuān mén wěi yuán huì (Глобальное потепление на 1,5°C / IPCC «Резюме для политиков» с. 1–24) // Межправительственная группа экспертов по изменению климата 2019 года. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/09/IPCC-Special-Report-1.5-SPM_zh.pdf (дата обращения: 26.12.2021).

What's next for US-China climate cooperation? // China Dialogue. 2017. 07 Nov. URL: What's next for US-China climate cooperation? (chinadialogue.net) (дата обращения: 17.12.2021).

Zhōng guó xuān bù bù zài xīn jiàn hǎi wài méi diǎn xiàng mù (Китай прекратит строительство новых угольных энергетических проектов за рубежом) // China Dialogue. 2021. 22 Sep. URL: <https://chinadialogue.net/zh/4/73239/> (дата обращения: 18.12.2021).

«Zhōng huá rén mín gòng hé guó guó mín jīng jì hé shè huì fā zhǎn dì shí sì gè wǔ nián guī huá hé 2035 nián yuǎn jīng mù biāo gāng yào». Dì 38 zhāng , dì 4 jié (Наброски 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития и видение Китая на период до 2035 года. Глава 38, раздел 4) // Агентство Синьхуа, Пекин, 2021. 12 март. URL: <https://www->

gov-cn.translate.google.com/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm?_x_tr_sch=http&_x_tr_sl=zh-CN&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 26.12.2021).

Zhuān tí bào dào. Měi guó zhòng fān «Bā lí xié dìng» : Lián hé guó qī dài shì jiè shí xiàn gēng jù xióng xīn de qì hòu hé zuò hé lù sè fù sū / lián hé guó xīn wén ([Специальный доклад]. США возвращаются к Парижскому соглашению: ООН надеется на мир для более амбициозного сотрудничества в области климата и экологического восстановления) // Новости ООН. 2021. 26 янв. URL: <https://news.un.org/zh/story/2021/01/1076512/> (дата обращения: 26.12.2021).

References

Bagnasco M. Speech during European business in China position paper 2021/2022 launch. European Chamber. URL: https://www.eurochamber.com.cn/en/past-events-archive/20713/European_Business_in_China_Position_Paper_2021_2022_Launch_Chongqing_2021_2022_ (date of access: 26.12.2021).

China's climate conundrum: Carbon neutrality 2060 and its implications for fossil fuels. S&P Global. 2021. 11 May. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/podcasts/platts-future-energy/051121-china-climate-goals-net-zero-carbon-2060> (date of access: 23.12.2021).

Chumakov A.N. Global'ny'j mir: stolknovenie interesov: monografiya [Global World: Clash of Interests: Monograph]. Moscow: Prospekt, 2018. 512 p. (In Russ.)

Chumakov A.N. Put' v filosofiyu. Raboty razny'x let: monografiya [Path to Philosophy. Works of Different Years: Monograph]. Moscow: Prospekt, 2021. 608 p. (In Russ.)

De Groot R.S., Wilson M.A., Boumans R.M.J. A typology for the classification, description and valuation of ecosystem functions, goods and services. Ecological Economics. Vol. 41. Iss. 3. 2002. P. 393–408.

Eblen W.R., Daller J., Sorvall V. Overpopulation: How many are too many? West Haven Connecticut: Pendulum Press, Inc. 1971. 63 p.

Dunlap R.E., Catton W.R. Jr. Which functions of the environment do we study? A comparison of environmental and natural resource sociology. Society and Natural Resources. 2002. Vol. 15. Iss. 3. P. 239–249.

Dunlap R.E., Gallup G.H. Jr., Gallup A.M. Of global concern: results of the health of the planet survey. Environment Science and Policy for Sustainable Development 1993. Vol. 35. Iss. 9. P. 7–15.

Frank D.J., Hironaka A., Schofer E. The Nation-State and the Natural Environment. American Sociological Review. 2000. Vol. 65. Iss. 1. P. 96–116.

Harper S. Demographic and Environmental Transitions. Is the Planet Full? / Ed by Ian Goldin. Oxford: Oxford University Press. 2014. P. 62–79.

Kodaneva S.I. «Ot "Korichnevoj e'konomiki" – k "Zelenoj"». Rossijskij i zarubezhny'j opy't» [«From the "Brown economy" to the "Green"»]. Rossiya i sovremenny'j mir [Russia and the modern world]. 2020. N 1 (106). P. 46–66. (In Russ.)

Nián dù zhōng guó duì wài zhí jiē tóu zī tǒng jì gōng bào / zhōng huá rén mín gòng hé guó shāng wù bù, guó jiā tǒng jì jú, guó jiā wài huì guǎn lǐ jú /1–49 yè / zhōng guó shāng wù chū bǎn shè 2021 nián 9 yuè (Statistical Bulletin of Foreign Direct Investment from China. Ministry of Commerce of the People's Republic of China, National Bureau of Statistics and State Administration of Foreign Exchange. 2020. P. 1–49. Kitajskaya delovaya pressa [Chinese business press]. 2021 Sept. URL: <http://www.gov.cn/xinwen/2021-09/29/5639984/files/a3015be4dc1f45458513ab39691d37dd.pdf> (date of access: 26.12.2021).

«Quán qiú shēng wēn 1,5°C»/ IPCC «Jué cè zhě zhāi yào» 1–24 yè /2019 zhèng fǔ jiān qì hòu biàn huà zhuān mén wěi yuán huì [Global Warming of 1.5°C / IPCC Summary for Policymakers p. 1–24]

(Mezhpravitel'stvennaya gruppа e'kspertov po izmeneniyu klimata 2019 goda [Intergovernmental Panel of Experts on Climate Change 2019]). URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/09/IPCC-Special-Report-1.5-SPM_zh.pdf (date of access: 26.12.2021).

Ou méng lì fǎ yù wéi lǜ sè mù biāo hù háng /2020-03-09/ jīng jì cān kǎo (Zakonodatel'stvo ES hochet sodejstvovat' dostizheniju zelenoj celi [EU legislation wants to help achieve the green goal]). Ezhednevnyaya e'konomicheskaya informaciya [Daily economic information]. 2020. 03 Sept. URL: http://www.xinhuanet.com/2020-03/09/c_1125683687.htm (date of access: 26.12.2021).

Oxrana okruzhayushhej sredy' v KNR (Belaya kniga) [Environmental protection in China (White Paper)]. China. Org. Cn. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32923.htm> (date of access: 26.12.2021). (In Russ.)

Snakin V.V. E'kologiya, global'ny'e prirodny'e processy' i e'voluciya biosfery'. E'nciklopedicheskij slovar' [Ecology, global natural processes and evolution of the biosphere. Encyclopedic Dictionary]. Vek globalizacii [Age of Globalization]. N 2(38). 2021. P. 132–133. (In Russ.)

Starostin A.M. Novaya filosofiya global'nogo policentrichnogo mira [New Philosophy of the Global Polycentric World]. Vek globalizacii [Age of Globalization]. 2020. N 1. P. 28–40. (In Russ.)

Veber A.B. E'kologicheskie imperativy' i prityazaniya gegemonizma [Environmental imperatives and claims of hegemonism]. Vek globalizacii [Age of Globalization]. N 2(38). 2021. P. 3–18. (In Russ.)

What's next for US-China climate cooperation? China Dialogue. 2017. 07 Nov. URL: [What's next for US-China climate cooperation? \(chinadialogue.net\)](http://chinadialogue.net) (date of access: 17.12.2021).

Zhōng guó xuān bù bù zài xīn jiàn hǎi wài méi diǎn xiàng mù (Kitaj prekratit stroitel'stvo novy'x ugol'ny'x e'nergeticheskix proektov za rubezhom [China to stop building new coal-fired power projects overseas]). China Dialogue. 2021. 22 Sept. URL: <https://chinadialogue.net/zh/4/73239/> (date of access: 18.12.2021).

«Zhōng huá rén mín gòng hé guó guó mín jīng jì hé shè huì fā zhǎn dì shí sì gè wǔ nián guī huá hé 2035 nián yuǎn jīng mù biāo gāng yào». Dì 38 zhāng , dì 4 jié (Nabroski 14-go pjatiletnego plana nacional'nogo jekonomicheskogo i social'nogo razvitija i Videnie Kitaja na period do 2035 goda. Glava 38, razdel 4 [Outline of the 14 th Five-Year National Economic and Social Development Plan and China's Vision 2035. Chapter 38, section 4]). Agentstvo Sin'xua. Pekin, 2021. 12 Mart. URL: https://www.gov.cn.translate.google.com/translate?sl=zh-CN&tl=ru&hl=ru&pt=sc&content=5592681.htm?_x_tr_sch=http&_x_tr_sl=zh-CN&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (date of access: 26.12.2021).

Zhuān tí bào dào. Měi guó zhòng fǎn «Bā lí xié dìng» : Lián hé guó qī dài shì jiè shí xiàn gēng jù xióng xīn de qì hòu hé zuò hé lǜ sè fù sū / lián hé guó xīn wén [Special'ny'j doklad. USA returns to Paris Agreement: UN looks to the world for more ambitious cooperation on climate and environmental recovery]. Novosti OON [UN news]. 2021. 26 Jan. URL: <https://news.un.org/zh/story/2021/01/1076512/> (date of access: 26.12.2021).

В.И. Плещенко

**К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЗАЦИИ ТРУДА И ПОТРЕБЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

***Аннотация.** Интенсивное технологическое развитие последних десятилетий привело к значительным изменениям в жизни людей, характере их потребностей, а также существенно трансформировало рынок труда. Между тем имеется целый ряд обстоятельств, указывающих на то, что сегодня происходит не возвышение потребления (и личностный рост самих потребителей), а лишь его удорожание. Также можно отметить использование заметно увеличивавшегося свободного времени индивидов на малополезные развлечения и пассивный отдых. Кроме того, ускоренное возрастание значения сферы услуг, сопровождаемое массовым появлением цифровых торговых платформ, не влечет ожидаемого доминирования интеллектуального труда. Рядовому обывателю более заметен тот факт, что экономика по требованию в текущий момент вызвала огромный спрос на неквалифицированный труд курьеров-доставщиков, а также другие категории работников с высокой трудовой мобильностью. Ранее схожий по масштабу всплеск примитивизации труда и трудовых отношений имел место во время социально-экономического кризиса и развала СССР и выразился в таких явлениях как массовая стихийная торговля и частный извоз. В статье показано, что рост в новых отраслях экономики вызывает эффект, во многом схожий с последствиями кризиса, а именно, архаизацию и упрощение трудовой деятельности.*

***Ключевые слова:** возвышение потребностей; возрастание личности; возвышение труда; архаизация; трудовая мобильность; неквалифицированный труд.*

Плещенко Вячеслав Игоревич – кандидат экономических наук,
начальник управления закупок оборудования и основных материалов
АО «Гознак». Россия, Москва.
E-mail: v_pl@mail.ru
Scopus Author ID: 57207358654
Web of Science Researcher ID: O-9987-2016

Pleshchenko V.I. The archaization of labor and consumption in modern Russian society

Abstract. *The intensive technological development of the last decades has led to significant changes in people's lives, the nature of their needs, as well as greatly transforming the labor market. Meanwhile, there is a number of circumstances indicating that it is not an elevation of consumption (and personal growth of consumers) that can be observed today, but only its rise in price. It is also worth noting the use of increased free time of individuals for unproductive entertainment and passive recreation. In addition, the accelerated increase in the importance of the service sector, accompanied by the massive emergence of e-trading platforms, does not entail the expected dominance of intellectual labor. The average increase is more noticeable due to the fact that on-demand economy at the moment has caused a huge demand for unskilled labor of couriers, as well as other categories of workers with high labor mobility. Previously, a similar surge in the simplification of labor and labor relations took place during the socio-economic crisis and the collapse of the USSR and was expressed in such phenomena as mass spontaneous trade and private transportation. The article shows that growth in new sectors of the economy causes an effect largely similar to the consequences of the crisis, namely, archaization and simplification of labor activity.*

Keywords: *the elevation of needs; the growth of personality; the elevation of labor; archaization; labor mobility; unskilled labor.*

Pleshchenko Vyacheslav Igorevich – Candidate of Economic Sciences,
Head of Equipment and Basic Materials Procurement Department,
JSC Goznak. Russia, Moscow.
E-mail: v_pl@mail.ru
Scopus Author ID: 57207358654
Web of Science Researcher ID: O-9987-2016

Введение

Современный рынок труда испытывает существенные трансформации, связанные прежде всего с автоматизацией и цифровизацией производственно-хозяйственных процессов. В результате появляются новые специальности, многие традиционные профессии видоизменяются или постепенно исчезают с рынка, также активно внедряются гибридные формы занятости, а у работников появляются новые приоритеты и потребности, среди которых важное место занимают коммуникации, саморазвитие, свободное время, общественное признание и пр. В связи с этим в научной среде проводятся различные исследования, анализирующие характер протекающих процессов и определяющие перспективные тренды развития. В процессе формирования новых

знаний происходит реактуализация экономических учений, доминировавших в прошлые десятилетия. К числу таковых относится и марксистская экономическая теория.

К примеру, не так давно автор ознакомился со статьей И.Д. Котлярова, опубликованной в 2020 г. в журнале «Теоретическая экономика» [Котляров 2020]. Данная публикация творчески развивает положения марксистской теории о двойственном характере труда посредством введения понятия абстрактной и конкретной составляющих в потреблении с целью придания данной концепции диалектической завершенности. В статье сделан ряд интересных выводов. В частности, приводится мнение о том, что известный закон возвышения потребностей¹ хотелось бы дополнить еще и законом возвышения труда. Под возвышением труда И.Д. Котляров понимает «обогащение его содержания, отказ от тяжелой, связанной со стрессами и психологическим дискомфортом, отнимающей слишком много времени работы» [Котляров 2020, с. 32]. Это должно означать, что количественный рост производительности труда должен сопровождаться его качественной трансформацией (возвышением), в полном соответствии с законами материалистической диалектики. Исходя из этого, можно ожидать возрастание творческой составляющей в труде, увеличение совокупного интеллектуального потенциала фирм, занятых в отдельных отраслях, в том числе в сферах деятельности, развивающихся согласно законам «новой экономики».

Схожие мысли по этому вопросу можно встретить в работе М.И. Воейкова, который говорил о различии терминов «труд» и «рабочая сила» [Воейков 2015, с. 36]. По его мнению, в современных условиях «доминирования высококвалифицированного труда продается не рабочая сила как таковая, а труд или труд как услуга» [там же]. Простая физическая рабочая сила относится к неквалифицированным работам в коммерческих целях, тогда как современный труд – это творческий, креативный процесс, реализуемый квалифицированным персоналом. Именно такой труд, согласно М.И. Воейкову, должен стать сегодня доминирующим [там же]. В то же время любой творческий труд в условиях капитализма имеет ряд особенностей и противоречий, вызванных тем, что именно капитал ставит задачи творчеству и стремится его себе подчинить, загнать в рамки повторяющегося труда, а также превратить любой интеллектуальный продукт в частную собственность [Рахманов 2021, с. 133].

1. Означает, что потребности растут быстрее производства благ, выступая побудительной силой для цикла общественного воспроизводства. Вместе с тем человеческие потребности должны расти и совершенствоваться совместно с развитием производственных сил и культуры рассматриваемого общества.

Поскольку капитализм в принципе неспособен обеспечить плавное, гармоничное и равномерное развитие общества, а такое явление как периодические кризисы внутренне присущи этой формации, то и рынок труда, как частный случай капиталистической действительности, в полной мере подчинен данным закономерностям. Поэтому, как показывает хозяйственная практика, вышеупомянутое увеличение интеллектуального труда происходит крайне неравномерно, в основном охватывая довольно небольшую долю работников из числа лиц, обслуживающих новые (или старые, но существенно трансформированные цифровизацией) сферы экономической деятельности. Возможно, что по этим причинам ожидаемое доминирование интеллектуального труда не всегда заметно и очевидно для рядового наблюдателя. Более того, исследователями указывается, что в «структуре спроса, реализуемого через службу занятости, преобладает спрос на малоквалифицированную рабочую силу, тогда как ... значительная часть предложения на рынке труда составляют лица с высоким уровнем образования и профессиональной подготовки» [Черновалов 2018, с. 86–87]. Данная тенденция сохраняет свою актуальность и сегодня, подтверждаясь числом резюме на сервисах поиска работников. В частности, после начала пандемии COVID-19 в 2020 г. в число наиболее популярных вакансий, на которые было подано больше всего резюме на одном из кадровых ресурсов вошли такие профессии как курьеры, водители, сотрудники складов, сортировщики, комплектовщики [Новодережкин 2020]. А на временное трудоустройство, к примеру на сельскохозяйственные предприятия, работодатели готовы рассматривать кандидатов без резюме (т.е. ни опыт, ни подготовка для них неважны) [Новодережкин 2020]. Сложившиеся обстоятельства довольно любопытны, поэтому поставим в качестве цели написания настоящей статьи проведение их детального анализа.

Возвышение потребностей или их удорожание?

Начнем свои рассуждения с вопроса о потребностях современного человека, связанных диалектическим единством с обеспечивающими их трудовыми процессами. Динамика развития общества такова, что если потребности населения постоянно растут как в количественном, так и в качественном отношении, то должно происходить их «возвышение, облагораживание» [Сильвестрова, Исмуков, Калинина 2012, с. 99]. Изменяющееся потребление активно опосредует производство, поскольку «лишь в потреблении произведенный продукт становится реальным продуктом» [Сильвестрова, Исмуков, Калинина 2012, с. 98]. Более того, «без потребительной стоимости затраты труда теряют экономический смысл, приобретая сугубо индивидуальное значение, как, например, в физкультуре, и видимо к труду не имеют непосредст-

венного отношения» [Колодий-Тяжов 2021, с. 14]. То есть продукты (товары, работы, услуги), не отвечающие возрастающим потребностям человека, обречены на скорое исчезновение, ведь их дальнейшее развитие (а равно как развитие их производителей) на рынке находится под большим вопросом. Тратить на их изготовление трудовые ресурсы станет разве что упертый энтузиаст. Тем не менее следует отметить, что возрастание идет таким путем, что сейчас в мире доминирует скорее общество повышенного потребления, которое отнюдь не тождественно обществу возвышенных потребностей.

Рассматриваемый нами закон возвышения потребностей давно является объектом для полемики, в первую очередь по причине видной невооруженным глазом идеализации действительности. Сомнения высказываются и в связи с тем, что увеличившееся у современных индивидов свободное время не используется на удовлетворение возвышенных потребностей, а зачастую идет на довольно пустое, праздное времяпрепровождение. Об этом, к примеру, говорит И.С. Важенина, указывая на такие особенности, как сверхпотребление, гедонизм, игры и развлечения, а также различные потребности с откровенно асоциальным оттенком и др. [Важенина 2015, с. 133–135]. Схожим образом Н.Н. Зарубина пишет про то, что в «реальном обществе высоких информационных технологий и сложных социальных процессов приходится констатировать стабильное воспроизводство пассивных форм домашнего досуга как «просто отдыха», а также работы на дому² [Зарубина 2013, с. 42]. В то же время не следует придавать теме развлечений заведомо негативные оттенки, поскольку исследователями признается, что потребность в развлечениях генетически присуща человеку [Важенина 2015, с. 135]. Например, о естественной потребности людей в досуге написал еще А. Смит, указав на необходимость отдыха и развлечений после нескольких дней чрезмерного напряжения [Смит 2019, с. 112].

При всем при этом очевидно, что улучшение условий труда и увеличение доли досуга в общем балансе времени среднестатистического человека не ведут автоматически к качественной трансформации модели потребления, безусловного перехода этого потребления в статус «возвышенного». Для успешной реализации данного процесса должно происходить то, что С.Д. Бодрунов называет «возрастанием личности», т.е. возрастание духовных потребностей во всех областях человеческой культуры, в «осознанном самоограничении «симулятивных потребностей», для чего потребуются «разъяснение, убеждение, наконец, воспитание» [Бодрунов 2019, с. 239]. Возможно, причиной тут является инертность мышления (поведения) значительной час-

2. Вероятно, здесь имелась в виду такая типичная домашняя работа, как уборка, приготовление пищи, стирка и пр.

ти населения, либо дело в том, что уровень произошедших улучшений пока еще недостаточен, чтобы обеспечить качественный скачок.

В связи с этим анализируем несколько иную ситуацию, а именно: каким образом на ситуацию может повлиять увеличение интенсивности работы и снижение качества труда (требований по квалификации работников). Попробуем исходить из допущения, сделанного И.Д. Котляровым, который, показывая связь между двумя явлениями, констатирует, что «архаизация абстрактного труда консервирует архаизацию потребления», поскольку «неквалифицированный труд ведет к низким зарплатам и к низким потребностям (из-за нехватки ресурсов на их удовлетворение)» [Котляров 2020, с. 32]. Соглашаясь в целом с такой предпосылкой, хотелось бы при этом отметить целый ряд условностей и ограничений, ставящих под сомнение универсальность данного подхода.

**«Челноки» и «бомбилы»:
примитивизация труда как результат кризиса**

Вспомним для начала не столь давнюю историю нашей страны. Первая значительная волна архаизации труда в России пришлась на конец 80-х – начало 90-х годов прошлого века, когда глубокий социально-экономический кризис потряс всю страну и привел к развалу Советского Союза. В этот период, как указывает Н.Н. Зарубина, «активизировались архаичные формы хозяйственной деятельности, такие как самообеспечение продуктами питания с приусадебных хозяйств, дачных участков, прямые бартерные обмены и т.д.», а также «челночный» бизнес [Зарубина 2013, с. 39]. Тот, кто не смог найти себя в «челночной» торговле, тот зарабатывал на хлеб частным извозом (так называемые «бомбилы») или разгружал вагоны и фуры по ночам. Но именно с понятием массового «челночества» в общественном сознании того времени связан довольно масштабный рост доли неквалифицированного труда в стране³. Тогда многие работники интеллектуального труда – преподаватели, ученые, инженеры и др. вынужденно стали «челноками» и рыночными торговцами, чтобы обеспечить себя средствами к существованию. Высокая привлекательность «челночества» объяснялась, прежде всего, доходностью данного бизнеса, даже несмотря на множественные сопутствующие риски (обман, потеря товара, рэкет, поборы). Так, по исследованиям НИУ ВШЭ «челночная торговля» в течение довольно долгого времени отличалась сравнительно высокой эффективностью: норма прибыли в этом бизнесе вплоть

3. По некоторым данным, в середине 90-х годов «челночный» бизнес на всех стадиях (от закупки товаров до их продажи) обеспечивал работой примерно 10 млн человек [Тимирчинская 2018].

до конца 90-х годов прошлого века не опускалась ниже 100% за одну поездку даже при закупках всего на 500–600 долл. [Яковлев, Голикова, Капралова 2005]. То есть среднестатистический «челнок» зарабатывал относительно неплохо и мог себе позволить купить намного больше, чем многие иные обыватели того времени. Но характер потребления «челноком» товаров, работ, услуг оставался архаичным как вследствие общего упадка культурной и общественной жизни в стране, так и настойчивого желания самого «челнока» максимизировать свои материальные желания после долгих десятилетий советского дефицита (импортная одежда, техника, спиртные напитки и пр.)⁴. Это же утверждение будет справедливо и по отношению и к другим «героям» 90-х (с сугубо отрицательной окраской): рэкетирам, спекулянтам, мелким аферистам и пр. Данные персонажи также абсолютно архаичны, а их антиобщественный образ жизни при довольно высоком доходе порождает кратное умножение асоциальных, низменных потребностей. Таким образом, наличие у какого-либо индивида (либо группы индивидов) достаточно высокого по общественным меркам дохода не влечет автоматического возвышения его потребностей, являясь не более чем поводом для их удорожания. Поэтому для истинного возвышения должно совпасть не одно, а несколько условий, а также пройти немало времени.

Экономика по требованию как причина роста упрощенных форм трудовой деятельности

Тем не менее не только глубокий системный кризис может способствовать активизации процессов примитивизации труда. Как бы ни показалось странным на первый взгляд, но ускоренное развитие современных информационно-коммуникационных технологий в качестве побочного эффекта привело к росту доли архаичного труда не только в России, но и в целом в мировой экономике. По мнению Н.Н. Зарубиной, «консервации архаичных форм профессиональной деятельности способствует и опережающее развитие ... сферы услуг», в которой, несмотря на автоматизацию и компьютеризацию, активно воспроизводятся примитивные формы труда, позволяющие довольствоваться низким уровнем квалификации и не заботиться о его повышении [Зарубина 2013, с. 40–41]. Получается, что новые технологии ведения бизнеса

4. Особенностью советской хозяйственной системы было почти полное совпадение сферы потребления со сферой распределения, магазины в СССР осуществляли не торговлю, а распределение, которое, по словам Е. Добренко, симулировало «нормальность советской системы» и камуфлировало «реальные механизмы потребления в стране» [Добренко 2007, с. 406–407].

все так же нуждаются в физической рабочей силе. В качестве подтверждения данным словам рассмотрим несколько примеров из современной жизни.

Первый пример связан с активным развитием экономики «по требованию», массовым распространением цифровых платформ (и приложений), организующих процессы онлайн-торговли и онлайн-доставки⁵. Бурное развитие данного бизнеса оказало существенное влияние на рынок труда, выражаясь в постоянно возрастающем числе курьеров, физически обеспечивающих процесс товародвижения. В результате на нашего современника не произвела бы особого впечатления фраза Хлестакова из бессмертного гоголевского «Ревизора»: «И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры ... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!», воспринимавшаяся ранее как символ чрезмерного преувеличения. Тысячами курьеров на улицах никого уже не удивишь.

Очевидно, что курьеры как обособленная профессиональная группа могут быть охарактеризованы как работники без особой квалификации, как люди, не имеющие с действующим работодателем устойчивых связей. Кроме того, у доставщика товаров отсутствует постоянное рабочее место.

В течение первого пандемийного 2020 г. объем рынка экспресс-доставки только пищевых продуктов в России увеличился с 700 млн руб. до 30 млрд руб., что можно квалифицировать как взрывной рост [Шестоперов 2020]. Как следствие, на рынке труда значительно возросла потребность в курьерах (особенно в больших городах). Подсчитано, что спрос на курьеров в России в декабре 2020 г. вырос в 2,8 раза по отношению к предыдущему периоду [Исследование 2021]. В ряде регионов была даже отмечена нехватка таких работников, что вынудило сервисы доставки тестировать новые подходы к организации процесса с целью ограничения спроса, например экспериментировать с суммой минимального заказа и стоимостью доставки [Власова 2020]. Свою роль в растущем дефиците кадров сыграло ограничение трансграничных перемещений и отток временных трудовых мигрантов из Российской Федерации.

Хотя труд современных курьеров довольно тяжел физически, его уже нельзя однозначно причислять к категории низкооплачиваемых занятий. По

5. Пандемия коронавируса стала невольным катализатором развития доставки по требованию. Одной из причин тому стало желание находящихся в режиме самоизоляции (или на карантине) людей сохранить привычную модель потребления. Например, намерение потребителей сэкономить время на приготовлении пищи находило ответ в заказе готовой еды из заведения общественного питания с доставкой на дом. Со своей стороны хозяева временно закрывшихся ресторанов и магазинов старались улучшить свое положение посредством дистанционного взаимодействия с клиентами.

данным исследований одного специализированного сервиса, зарплата курьера с собственным автомобилем может достигать 110 тыс. руб. в месяц, максимальный заработок пешего доставщика⁶ варьируется в пределах 81–95 тыс. руб. (в Санкт-Петербурге) [Исследование 2021]. Понятно, что высокий уровень денежного вознаграждения относится лишь к самым выносливым и активным курьерам. Но и средний доход подобных работников в России за тот же 2020 г. увеличился, достигнув величины 34,5 тыс. руб. (в Москве и Санкт-Петербурге 52 и 46 тыс. руб. соответственно) [Власова 2020]. Здесь стоит отметить довольно важную демографическую особенность курьерства, а именно: этой работой занимаются почти исключительно лица мужского пола, готовые к довольно тяжелой, изнурительной работе (поэтому увидеть на улицах женщину-курьера мало кому удавалось). В целом, по имеющимся данным, в России на конец 2021 г. трудились порядка 300 тыс. курьеров (из них около 100 тыс. временных трудовых мигрантов – иностранных граждан), а дефицит работников составил примерно 100 тыс. человек [Митюков 2021].

Поскольку на рынке курьерского труда и сегодня сохраняется дефицит⁷, то работодатели вынуждены создавать потенциальным работникам довольно удобные условия, к примеру, предлагая для курьеров широкий диапазон режимов работы. В частности, имеются рабочие смены длительностью от 1 до 12 часов, либо по частям дня – утро / день / вечер [Вскрылись ... 2021]. Понятно, что данные графики могут быть удобны тем лицам, для которых курьерский труд является вариантом подработки в свободное время (к примеру, студентам).

Второй пример довольно массовой архаизации труда мы можем наблюдать на современном рекламном рынке. В особенности это касается известной проблемы несанкционированной рекламы, благодаря которой создается довольно ощутимый спрос на неквалифицированный труд. Получается, что пока одни работники регулярно заклеивают или раскрашивают стены, заборы, тротуары и остановки, в то же самое время другие заняты очисткой поверхностей и возвращением их в исходное состояние. И те, и другие получа-

6. Под пешими доставщиками понимаются также курьеры, передвигающиеся на велосипедах, самокатах, моноколесах и др.

7. Альтернатива курьерам – это автоматические беспилотные средства доставки товаров по воздуху. Вероятно, что в будущем они способны сбалансировать рынок труда в данной сфере. Однако дроны неспособны эффективно работать в условиях непогоды (сильный ветер, снегопад или дождь), в то время как для пеших курьеров указанные обстоятельства не являются непреодолимыми ограничениями. Другая альтернатива – автоматические пункты выдачи (постаматы), расположенные вблизи от потребителя. Но до постамата товар также необходимо кому-то довезти, а для хранения большинства продуктов или готовой еды он не подойдет в принципе. Таким образом, курьеры еще долгое время будут востребованы.

ют заработную плату. При этом расклейщики рекламы, судя по сведениям в сети Интернет, получают за свои усилия порядка 40–60 тыс. руб. в месяц, что сопоставимо со средним заработком рассмотренного выше городского курьера-доставщика еды. Помимо расклейщиков и раскрашивателей можно назвать еще и другие категории лиц, причастные к этому бизнесу: костюмированных зазывал, людей-плакатов, раздатчиков листовок и рекламных образцов. Все вместе они заняты трудом, не требующим образования и квалификации, а также не имеют с работодателем устойчивых связей (в абсолютном большинстве случаев эти люди не являются сотрудниками рекламодателя).

Кроме того, с определенными допущениями к представителям архаичного труда можно причислить еще и таксистов, а также так называемых «бомбил» – теневых извозчиков. В отличие от советских времен, когда малочисленные таксисты в целом были довольно престижной кастой, и имели хороший заработок (250–300 руб. в месяц плюс «левые» деньги [Гендлин 2016]), «бомбилы» и современные сетевые автоперевозчики до недавнего времени больше походили на городских извозчиков вековой давности. К примеру, в сообществе дореволюционных извозчиков существовало довольно четкое разделение на «лихачей» (опытных, элитных перевозчиков) и «ванек» (более дешевых, начинающих извозчиков, недавно переехавших из сельской местности, либо работающих сезонно) [Конный транспорт был... 2012]. Схожая ситуация наблюдалась и у нас. Условия работы были таковы, что «элитные» таксисты оккупировали наиболее доходные места возле аэропортов и вокзалов, а для современных «ванек» остались лишь городские окраины. Сегодня же, благодаря развитию сетевых платформ (так называемая «уберизация»), ситуация на данном рынке изменилась в пользу потребителей услуг, поэтому условия труда и доход большинства таксистов оказались существенно нивелированными. Так что в сегодняшнем мире такси наблюдается бóльшая социальная однородность, в чем-то сближающая его со временами СССР. Данная профессия также характеризуется высокой трудовой мобильностью и довольно низкими квалификационными требованиями. Численность таксистов в России возрастает из года в год, по экспертным оценкам, она достигла в 2020 г. величины 686 000 человек [Анализ рынка такси в России ...]. По некоторым данным, в 2019 г. около 90% таксистов ранее работали в других сферах (торговля, строительство, логистика, предоставление услуг и др.). С тем же успехом нынешние «извозчики со смартфонами» могут быстро поменять свою работу и хоть завтра заняться иной деятельностью.

Далее следует отдельно упомянуть возрастающее распространение в обществе новой прислуги: репетиторов, нянь, шоферов, поваров, различных дизайнеров и др. Рост их востребованности также напрямую связан с развитием цифровых платформ, сделавших удобным и быстрым подбор данных

лиц. Как отмечает Н.Н. Измоденова, современная «прислуга претендует на креативность своего труда, но остается полностью зависимой, ибо всецело зависит от благожелательности покупающего его хозяина» [Измоденова 2015, с. 166]. Можно ли относить такую работу к упрощенным, архаичным видам труда? С одной стороны, можно, поскольку модель взаимоотношений воспроизводит средневековые хозяйственные практики (конюх, гувернантка, дворецкий и т.д.). Но, с другой стороны, новую прислугу составляют в основной массе образованные, культурные люди, имеющие определенные эстетические ценности и этические установки. Да и заработок многих из них довольно высок, а труд предполагает наличие творческой составляющей. Так что ставить репетиторов, дизайнеров, кулинаров и других представителей данной социальной группы в один ряд с расклейщиками и курьерами, конечно же, нельзя⁸.

И наконец, архаизацию мы можем наблюдать в сельском хозяйстве, где социологами выделяется как реальность «новое батрачество» – деревенский низший класс, живущий за счет продажи своей рабочей силы, причем оплата со стороны «хозяина» зачастую носит натуральный характер [Жалсанова 2016, с. 90]. С определенными допущениями к современным батракам можно причислить и сезонных рабочих сельскохозяйственных предприятий, нанимаемых в период ухода за посадками или сбора урожая. В то же время последних можно квалифицировать и как новую версию дореволюционных «отходников» – лиц из других регионов, временно покидавших свое постоянное место жительства для поиска заработка.

Выводы и результаты

При всех многочисленных различиях труда указанных выше категорий работников объединяющим началом для них выступает один ключевой признак – крайне высокая трудовая мобильность. Курьер, таксист, няня, сторож, репетитор, сезонный рабочий довольно легко (при необходимости) поменяют своего работодателя (некоторые особенности присущи спортсменам с действующими контрактами, которых хозяин клуба может отдать в аренду как вещь или продать в другой клуб). В то же время трудовая мобильность, гибкость и способность к быстрому обучению (или переучиванию) являются

8. С бóльшим основанием следовало бы причислить к представителям архаичного труда нынешних футболистов или хоккеистов. Вот на этом рынке действительно идет средневековая торговля рабочей силой (именно ею, а не трудом как услугой), наблюдаются аномально высокие заработки, а характер потребления со стороны профессиональных спортсменов зачастую включает набор не самых лучших признаков: гедонизм, самолюбование, сверхпотребление, пренебрежение общественными нормами и правилами.

важными конкурентными преимуществами работника на современном рынке труда. Но эти качества более свойственны работникам с творческим складом ума, не относящимся к большинству (за исключением, пожалуй, репетиторов, дизайнеров и т.п.⁹) описываемых в статье групп персонала. Их основное предназначение – осуществление рутинных, повторяющихся изо дня в день операций. Как отмечает в своей статье А.Б. Рахманов, такой труд предполагает лишь одностороннее развитие и может являться «лишь внешней необходимостью ... ради его результатов – чаще всего денег» [Рахманов 2021, с. 132]. Переход среднестатистического индивида из сферы архаичного труда в разряд квалифицированных и высокооплачиваемых работников сегодня довольно проблематичен. Хотя его шансы на изменение карьерного пути, согласно исследованиям В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капельюшниковой и А.В. Шаруниной, намного выше, чем у безработного, в связи с чем стратегия «работа прежде всего» более предпочтительна (эффект трамплина), чем поиск работы из состояния незанятости [Гимпельсон, Капельюшников, Шарунина 2018, с. 517–518].

При этом на современном рынке неквалифицированный труд оказался весьма востребован и, как было указано выше, может оплачиваться на уровне квалифицированной работы профессионально обученных специалистов – рабочего, техника, учителя, инженера. К сожалению, такова реальность нынешнего российского рынка труда, на котором низкоквалифицированный (т.е. преимущественно архаичный) труд не тождественен низкооплачиваемому. Поэтому будет сложно предсказать, что именно мы получим в будущем: повышение потребностей (возрастание личности) представителей примитивного труда, занятых рутинными операциями, или диаметрально противоположное их снижение (деградацию) в сфере интеллектуального труда.

Тем не менее следует отметить в целом, как позитивный факт, некоторые упорядочение и институционализацию, в последние годы затронувшие сферу архаичного труда. Ключевую роль в данном процессе сыграли современные цифровые платформы – агрегаторы спроса и предложения, своеобразные электронные биржи труда. Наличие минимальных требований к резидентам платформы при регистрации, система рейтингов и отзывов ведут к повышению прозрачности данного рынка, постепенному его выводу из тени.

Процесс расширения сферы примитивного труда не является какой-то отличительной особенностью российского рынка, поскольку схожие явления наблюдаются не только у нас, но и в странах Западной Европы и в Северной Америке. Так, в научном докладе НИУ ВШЭ констатируется ожидаемое повышение спроса на труд наиболее неквалифицированных работников по обе стороны Атлантики, поскольку «машинизация» трудовых функций пока еще

9. В то же время такое творчество нельзя назвать свободным, поскольку оно полностью подчинено воле «хозяина».

не может свести на нет потребность во многих «элементарных» профессиях [Профессии на российском рынке труда 2017, с. 149]. Таким образом, архаизация стала неизбежным спутником современной фазы научно-технического прогресса ввиду невозможности осуществления большого числа рутинных операций без участия человека.

В определенной степени архаизация труда создает предпосылки для возрождения на новом историческом этапе развития небезызвестной дореволюционной поденщины – особого класса временных работников с низким социальным статусом, занятых довольно тяжелым физическим трудом, и имеющих в то же время высокую трудовую мобильность. Эти работники постоянно кочуют от одного работодателя к другому, из одной сферы архаичного труда в другую, не испытывая особых проблем с адаптацией к новому виду деятельности. Для большинства из них этот этап жизни не становится трамплином вверх.

Дополнительный концептуальный вопрос, возникающий в связи с этим – как с точки зрения трудовой теории следует квалифицировать волонтерскую деятельность? С одной стороны, это искренний порыв энтузиастов, желание помочь людям, с пользой для общества провести свое свободное время. Такая потребность может свидетельствовать об упомянутом нами ранее возрастании личности. Но, с другой стороны, волонтерство можно определить как бесплатную эксплуатацию рабочей силы, воспроизводство архаичных практик на новом уровне (добровольное крепостничество), т.е. еще одно свидетельство движения по спирали.

И, наконец, весьма интересным выводом может стать тот факт, что не только экономический кризис, развал хозяйственной системы вызывают архаизацию труда, но и ускоренное технологическое развитие в период цифровизации также является фактором расширенного воспроизводства упрощенных форм трудовой деятельности. Анализ того, будет ли этот эффект краткосрочным или он, напротив, рассчитан на долгую перспективу, требует отдельного рассмотрения и может стать новым направлением теоретических исследований в области экономики труда.

Библиография

Анализ рынка такси в России в 2016–2020 гг., оценка влияния коронавируса и прогноз на 2021–2025 гг. // BusinesStat: готовые обзоры рынков. URL: https://businesstat.ru/images/demo/taxi_russia_demo_businesstat.pdf (дата обращения: 30.10.2021).

Бодрунов С. Общая теория экономики. М.: Культурная революция, 2019. 504 с.

Важенина И.С. Возвышение потребностей: противоречивая трансформация // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2 (38). С. 129–142.

Власова И. Профессия года: 40% россиян задумались о работе курьером // Газета. ру. 2020. 8 дек. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/12/08/13391755.shtml> (дата обращения: 30.10.2021).

Воейков М.И. Рыночный фундаментализм и новая волна вульгаризации в экономической науке // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 24–37.

Вскрылись фантастические заработки сотрудников службы доставки // Московский комсомолец. 2021. 23 окт. URL: <https://www.mk.ru/social/2021/10/23/vskrylis-fantasticheskie-zarabotki-sotrudnikov-sluzhby-dostavki.html> (дата обращения: 30.10.2021).

Гендлин В. Товарищи на счетчике // Коммерсантъ. 2016. 30 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2995387> (дата обращения: 30.10.2021).

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал ВШЭ. 2018. Том. 22. № 4. С. 489–530.

Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.

Жалсанова В.Г. Батрачество как социальный феномен современного российского села // Власть. 2016. № 6. С. 86–91.

Зарубина Н.Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории. 2013. № 2. С. 29–45.

Измоденова Н.Н. Прислуга. Призрак Нового Средневековья или постиндустриального мира? // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 7. С. 157–170.

Исследование: зарплаты курьеров в регионах России достигают 110 тыс. рублей // ТАСС. 2021. 10 фев. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10663229> (дата обращения: 30.10.2021).

Колодий-Тяжов Л.А. Труд и творчество: теоретико-методологический аспект // Теоретическая экономика. 2021. № 7. С. 13–23.

Конный транспорт был основным в Царицыне // 2012. 21 июня. URL: <https://gorvesti.ru/details/konnyy-transport-byt-osnovnym-v-tsaritsyne-12677.html> (дата обращения: 30.10.2021).

Котляров И.Д. К вопросу об абстрактном и конкретном в марксистской политической экономии: двойственная природа потребления // Теоретическая экономика. 2020. № 12. С. 24–33.

Митюков А. Работа курьером: какая ситуация на рынке труда, как компании привлекают соискателей и какие прогнозы на будущее //оборот. ру. 2021. 30 сен. URL: <https://oborot.ru/articles/kuriery-v-rossii-3-i144449.html> (дата обращения: 30.10.2021).

Профессии на российском рынке труда: анализ. Доклад НИУ ВШЭ / отв. ред. Н.Т. Вишневская. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 159 с.

Рахманов А.Б. Роботы, свободное время, средиземноморская кухня и чилийский парадокс // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 122–138.

Сильвестрова Т.Я., Исмукон Н.А., Калинина Г.В. Философские аспекты анализа экономического закона возвышения потребностей // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 96–104.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1–3. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 544 с.

Тимирчинская О. «Признак катастрофы»: как челноки 90-х спасали Россию // Газета. ру. 2018. 3 нояб. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/10/02/12005371.shtml> (дата обращения: 30.10.2021).

Черновалов А.В., Цекановский З., Шиманский З., Черновалов П.А. Цифровое будущее или экономика счастья. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2018. 218 с.

Шестоперов Д. Еда сбилась с ног // Коммерсантъ. 2020. 23 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4541268> (дата обращения: 30.10.2021).

Эксперты: спрос на сотрудников без опыта растет во время пандемии // ТАСС. 2020. 28 апр. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8349703> (дата обращения: 30.10.2021).

Яковлев А., Голикова В., Капралова Н. Непотопляемый челнок // НИУ ВШЭ. 2005. 19 сен. URL: <https://www.hse.ru/news/1163619/1124549.html> (дата обращения: 30.10.2021).

References

Analiz rynka taksi v Rossii v 2016–2020 gg. ocenka vliyaniya koronavirusa i prognoz na 2021–2025 gg. [Analysis of the taxi market in Russia in 2016–2020, assessment of the impact of coronavirus and forecast for 2021–2025]. *BusinesStat: the ready-made market*. URL: https://businesstat.ru/images/demo/taxi_russia_demo_businesstat.pdf (date of access: 30.10.2021). (In Russ.)

Bodrunov S. *Obshchaya teoriya noonomiki* [General theory of noonomics]. Moscow: *Kulturnaya revolyutciya*, 2019. 504 p. (In Russ.)

Chernoalov A.V., Tcekanovskii Z., Shiman'skii Z., Chernoalov A.V. *Cifrovoye budushchee ili ekonomika schast'ya* [The digital future or the economy of happiness]. Moscow: Publishing and Trading Corporation «Dashkov i K°», 2018. 218 p. (In Russ.)

Dobrenko E. *Politekonomiya sotsializma* [Political economy of social realism]. Moscow: *Novoye literaturnoe obozrenie*, 2007. 592 p. (In Russ.)

Gendlin V. *Tovarishchi na schetchike* [Comrades on the counter]. *Kommersant*. 2016. 30 May. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2995387>. (date of access: 30.10.2021). (In Russ.)

Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I., Sharunina A.V. *Nizkooplachivaemye rabochie mesta na rossijskom rynke truda: est' li vyhod i kuda on vedet?* [Low-paid jobs in the Russian labor market: is there a way out and where does it lead?]. *The HSE Economic Journal*. 2018. Vol. 22. N 4. P. 489–530. (In Russ.)

Issledovanie: zarplaty kur'erov v regionah Rossii dostigayut 110 tys. rublej. [Research: the salaries of couriers in the regions of Russia reach 110 thousand rubles]. *TASS*. 2021. 10 Feb. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10663229> (date of access: 30.10.2021). (In Russ.)

Izmodenova N.N., Prisluga. *Prizrak Novogo Srednevekov'ya ili postindustrial'nogo mira?* [Servants. The ghost of the New Middle Ages or the post-industrial world?]. *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015. No. 7. P. 157–170. (In Russ.)

Kolodii-Tyazhov L.A. *Trud i tvorchestvo: teoretiko-metodologicheskij aspekt* [Work and creativity: theoretical and methodological aspect]. *Theoretical economics*. 2021. N 7. P. 13–23. (In Russ.)

Konnyj transport byl osnovnym v Tsaritsyne. [Horse transport was the main one in Tsaritsyn]. *Gorvesti*. 2012. 21 Jun. URL: <https://gorvesti.ru/details/konnyy-transport-byt-osnovnym-v-tsaritsyne-12677.html>. (date of access: 30.10.2021). (In Russ.)

Kotlyarov I.D. *K voprosu ob abstraktnom i konkretnom v marksistskoj politicheskoy ekonomii: dvojstvennaya priroda potrebleniya* [The problem of the abstract and the concrete in Marxist political economy: the dual nature of consumption]. *Theoretical economics*. 2020. N 12. P. 24–33. (In Russ.)

Mityukov A. *Rabota kur'erom: kakaya situatsiya na rynke truda, kak kompanii privlekayut soiskatelej i kakie prognozy na budushchee* [Working as a courier: what is the situation on the labor market, how companies attract applicants and what the forecasts are for the future.]. *Oborot.ru*. 2021. 30 Sep. URL: <https://oborot.ru/articles/kuriery-v-rossii-3-i144449.html> (date of access: 30.10.2021). (In Russ.)

Novoderezhkin A. *Eksperty: spros na sotrudnikov bez opyta rastet vo vremya pandemii*. [Experts: the demand for employees without experience is growing during the pandemic]. *TASS*. 2020. 28 Apr. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8349703> (date of access: 30.10.2021). (In Russ.)

Professii na rossijskom rynke truda: analit. Doklad NIU VSHE / otv. red. N.T. Vishnevskaya. [Professions in the Russian labor market: analysis HSE Report / ed. N.T. Vishnevskaya]. M.: Publ. House of the Higher School of Economics, 2017. 159 p. (In Russ.)

Rakhmanov A.B. Roboty, svobodnoe vremya, sredizemnomorskaya kuhnya i chilijskij paradoks [Jobs, free time, Mediterranean cuisine and the Chilean paradox]. Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2021. N 62. C. 122–138. (In Russ.)

Shestoperv D. Eda sbilas' s nog. [The food is off its feet]. Kommersant. 2020. 23 Oct. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4541268> (date of access: 30.10.2021). (In Russ.)

Sil'vestrova T.Ya., Ismukov N.A., Kalinina G.V. Filosofskie aspekty analiza ekonomicheskogo zakona vozvysheniya potrebnostej [Philosophical aspects of the analysis of the economic law of the elevation of needs]. Bulletin of the Chuvash University. 2012. N 1. P. 96–104. (In Russ.)

Smith A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. Kn. 1–3. per. s angl. [An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Books 1–3. translated from English.] St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. 544 p. (In Russ.)

Timirchinskaya O. «Priznak katastrofy»: kak chelnoki 90-kh spasali Rossiyu. [«A sign of disaster»: how the shuttles of the 90 s saved Russia]. Gazeta.ru. 2018. 3 Nov. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/10/02/12005371.shtml> (accessed 30.10.2021) (In Russ.)

Vazhenina I.S. Vozvyshenie potrebnostej: protivorechivaya transformaciya [The elevation of needs: a contradictory transformation. Economic and social changes: facts, trends, forecast.] 2015. N 2 (38). P. 129–142. (In Russ.)

Vlasova I. Professiya goda: 40% rossiyan zadumalis' o rabote kur'erom [Profession of the year: 40% of Russians are thinking about working as a courier]. Gazeta.ru. 2020. 8 Dec. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/12/08/13391755.shtml> (date of access: 30.10.2021). (In Russ.)

Voeikov M.I. Rynochnyj fundamentalizm i novaya volna vul'garizacii v ekonomicheskoy nauke [Market fundamentalism and a new wave of vulgarization in economics]. Questions of political economy. 2015. N 1. P. 24–37. (In Russ.)

Vskrylis' fantasticheskie zarabotki sotrudnikov sluzhby dostavki [Fantastic earnings of delivery service employees have been revealed]. MK. 2021. 23 Oct. URL: <https://www.mk.ru/social/2021/10/23/vskrylis-fantasticheskie-zarabotki-sotrudnikov-sluzhby-dostavki.html>. (date of access: 30.10.2021). (In Russ.)

Yakovlev A., Golikova V., Kapralova N. Nepotplyaemyj chelnok [Unsinkable shuttle]. HSE. 2005. 19 Sep. URL: <https://www.hse.ru/news/1163619/1124549.html>. (date of access: 30.10.2021). (In Russ.)

Zarubina N.N. Uproshchenie massovyh social'nyh praktik kak vektor transformacii povsednevnosti v slozhnom sociume [Simplification of mass social practices as a vector of transformation of everyday life in a complex society]. Historical psychology and sociology of history. 2013. N 2. P. 29–45. (In Russ.)

Zhalsanova V.G. Batrachestvo kak social'nyj fenomen sovremennogo rossijskogo sela [Farm labor as a social phenomenon of the modern Russian village]. Vlast'. 2016. N 6. P. 86–91. (In Russ.)

А.М. Алексеенко

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ РОССИИ

***Аннотация.** Предлагаемая статья раскрывает влияние культуры России на формирование и восприятие имиджа политических лидеров. Культура рассматривается с позиции ее основных функций в обществе. Культурная составляющая – один из определяющих аспектов политического лидерства, которое представляет собой производное политической и социальной систем и их ценностей, основывается на них и находит выражение во взаимосвязях с ожиданиями социальных групп, взаимодействии с государством, другими институтами власти. Изучая культурные ценности целевой аудитории, можно получить систему ценностных ориентаций в обществе, на основе которой будет строиться имидж лидера. Фактор культуры рассматривается в статье как устойчивый во времени несмотря на существенное влияние глобализации на культуру.*

Имидж лидера в России как носителя и продукта культуры формируется и воспринимается под воздействием характерных национально-культурных черт. Сформированный под влиянием российской культуры имидж лидера транслирует традиционно российские ценности как на внутриполитическую, так и на международную арену и может восприниматься неоднозначно в зависимости от культурных ценностей принимающего общества.

В качестве теоретической базы исследования используется теория культурных измерений Г. Хофстеде, что позволяет проследить различные варианты построения имиджа политического лидера.

***Ключевые слова:** имидж; лидер; политическое лидерство; Россия; культура; Г. Хофстеде; культурные измерения.*

Алексеенко Анна Михайловна – старший преподаватель
факультета глобальных процессов МГУ
имени М.В. Ломоносова.
Россия, Москва.
E-mail: polozova.am@gmail.com

Alekseenko A.M. The influence of culture on the image of political leaders in Russia

***Abstract.** This article reveals the influence of Russian culture on the formation and perception of the images of political leaders. Culture is viewed from the perspective of its main functions in society. The cultural component is one of the defining aspects of political leadership, which is a derivative of political and social systems and their values, based on them, and is expressed in relationships with the expectations of social groups, interaction with the state and other institutions of power. Studying the cultural values of the target audience allows one to understand a system of value orientations in society, on the basis of which the image of a leader will be built.*

The image of a leader in Russia as a bearer and product of culture is formed and perceived under the influence of characteristic national and cultural features. The image of a leader, formed under the influence of Russian culture, transmits traditionally Russian values both to the domestic political and international arena, and can be perceived ambiguously depending on the cultural values of the perceiving society.

Hofstede's theory of cultural dimensions is used as a theoretical basis for the study, which enabling one to trace various options for creating the image of a political leader.

Keywords: image; leader; political leadership; Russia; culture; G. Hofstede; cultural dimensions.

Alekseenko Anna Mikhailovna – lecturer at the Faculty of Global Processes at Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Russia, Moscow.
E-mail: polozova.am@gmail.com

Значение культуры в общественной системе сложно переоценить. Основная задача культуры состоит в объединении индивидов в социум в конкретном времени и пространстве. В свою очередь эта задача выражается в целом ряде функций культуры, среди которых можно выделить особенно значимые для предлагаемого исследования регулятивно-нормативную и коммуникативную функции.

Регулятивно-нормативная функция культуры состоит в том, чтобы создавать определенные социальные рамки в виде норм, правил поведения и ценностей, основываясь на которых индивиды строят свое взаимодействие в обществе, делая его понятным и предсказуемым для остальных членов их группы.

Коммуникативная функция культуры заключается в том, что она предоставляет социальной системе условия и средства общения, предлагая различные формы общения, оценочные, знаковые и символические системы.

Таким образом, среди огромного множества определений культуры целесообразно выделить такое, которое в своей основе показывало функциональную нагрузку феномена культуры в социуме. В предлагаемой статье культура рассматривается как совокупность форм социального поведения человека, обусловленная его принадлежностью к конкретной общности. Культура – это «сквозной» социальный феномен, который пронизывает все общество и все его структуры, элементы и системы, накладывая на них свой характерный отпечаток и правила игры.

Лидерство, в том числе и политическое, не является исключением и вместе с тем несет на себе ряд важных социальных функций. Лидеры представляют собой значимые элементы социальной жизни, которые несут на себе ряд важнейших функций. Это члены общества, выполняющие роль организатора, инициатора взаимодействия, принимаемые благодаря его способности решать важные для общества проблемы и задачи [Антинази 2009]. Лидеры и феномен лидерства существует во всех сферах социальной жизни (в том числе, и в политической), имея ряд отличительных особенностей, в зависимости от конкретной сферы. Отличительными особенностями политического лидера выделяют наделенность сравнительно большей властью и большими полномочиями, широкий аппарат реализации своих полномочий, сравнительно больший масштаб решаемых проблем, публичность и опосредованный характер коммуникации [Калиев, Косов, 2012, с. 208–221].

Две последние указанные особенности политического лидера – публичность и опосредованный характер коммуникации – повышают значимость грамотного формирования его имиджа, поскольку имидж становится единственным источником информации о личностных и социальных характеристиках политического лидера.

Предлагаемое исследование в качестве основы для формирования имиджа политического лидера рекомендует брать культурные особенности общественной системы, в которой предполагается реализация конструируемого имиджа.

Современная культура России характерна тем, что она никогда не оставалась на обочине общемировых культурных процессов, и вместе с тем стремилась к приобщению внешних для себя элементов. Еще одной отличительной особенностью культуры России является тот факт, что она обеспечивает единство многонационального народа России.

Исследователи современной российской культуры отмечают, что она находится в кризисе, вызванном сломом устоявшихся общественных норм и дефицитом институтов демократического общества [Буторов 2015, с. 57–66; Воронова 2006, с. 15–22; Зеленцова 2011, с. 201–212]. Вместе с тем культурная политика РФ сегодня направлена на сохранение и защиту богатства культурного наследия российского общества, на «духовное, культурное, нацио-

нальное самоопределение России, объединение российского общества» [Основы государственной культурной политики 2014].

Для более детального и глубокого понимания противоречивости культуры России обратимся к теории культурных измерений Г. Хофстеде (Hofstede insights), имеющей в своей основе описание влияния культуры общества на индивидуальные ценности его членов и того, как эти ценности влияют на поведение людей. По шести типам измерений культура российского общества характеризуется следующим образом (рис. 1) [Коротаяев, Зинькина, Романов, Медведев 2019, с. 23–46]:

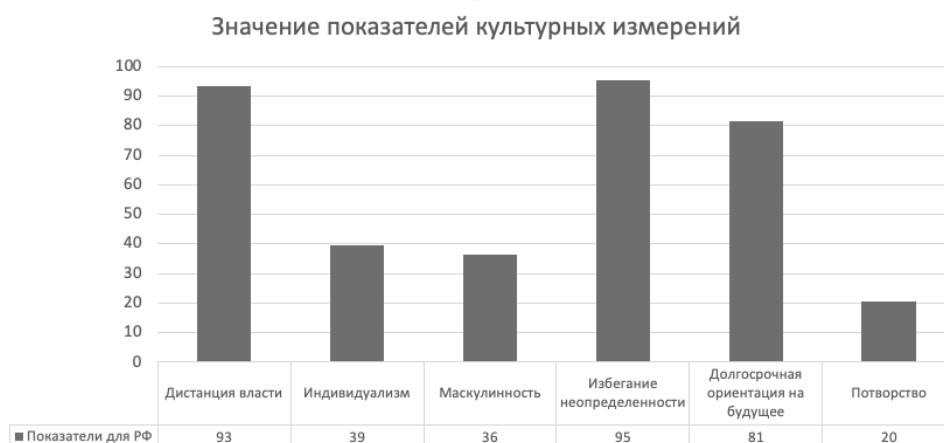

Рис. 1. Значение показателей культурных измерений (Hofstede insights)

1. Дистанция власти – измерение, показывающее степень, с которой члены общества готовы принимать социальное неравенство. Для российской культуры характерны очень высокие показатели этого измерения, что говорит о том, что власть в российской культуре очень дистанцировалась от общества. Кроме того, на высокую дистанцию власти указывает территориальная централизованность страны и большое значение символов статуса и власти.

2. Индивидуализм отражает степень взаимозависимости, которую общество поддерживает между своими членами. В индивидуалистических обществах люди должны заботиться только о себе и своих близких. В коллективистских обществах люди принадлежат к «группам», которые заботятся о них в обмен на лояльность. Россия показывает сравнительно низкие значения по этому показателю, что говорит о том, что семья, друзья и близкие часто

важны для решения повседневных задач. Отношения имеют решающее значение для получения информации, знакомства или успешных переговоров. Они должны быть личными, искренними и доверительными.

3. Маскулинность показывает, насколько члены общества намерены реализовать свои стремления к конкуренции, достижению и успеху. Низкие показатели по этому параметру указывают на противоположные ценности – доминирующими ценностями в таком обществе становятся забота о других и качество жизни. Несмотря на стремление к демонстрации статусности, Россия и по этому параметру показывает относительно низкий балл. Доминирующее поведение может быть приемлемым, когда оно исходит от начальника, но не ценится коллегами.

4. Избегание неопределенности раскрывает степень, с которой члены общества стремятся упорядочить и предсказать свою жизнь, а также степень, с которой представители культуры чувствуют угрозу из-за неоднозначных или неизвестных ситуаций, и способы, при помощи которых разные культуры научились справляться с тревогой, возникающей из-за неопределенных ситуаций. Россияне чувствуют серьезную угрозу из-за неоднозначных ситуаций, а также из-за того, что они создали одну из самых сложных бюрократических систем в мире.

5. Краткосрочная или долгосрочная ориентация на будущее отражает степень стремления членов общества долгосрочно ориентироваться в своих планах и целях на будущее и отношение ко времени в планировании задач. Снова российская культура показывает высокие результаты того, что иллюстрируется способностью легко адаптировать традиции к изменившимся условиям, сильную склонность к сбережению и инвестированию.

6. Потворство – определяет степень, с которой люди пытаются контролировать свои желания и побуждения в зависимости от культурных особенностей социализации. Относительно слабый контроль воспринимается как «снисходительность», а относительно сильный контроль как «сдерживание», следовательно, культуры можно охарактеризовать как снисходительные или сдержанные. По этому параметру российская культура показывает низкие значения, это выражается в мнении членов общества, что их действия ограничены социальными нормами, а потакать себе в какой-либо степени считается неправильным.

Культурная составляющая – определяющий аспект политического лидерства, которое представляет собой производное политической и социальной систем и их ценностей, основываясь на них, и находит выражение во взаимосвязях с ожиданиями социальных групп, взаимодействии с государством, другими институтами власти.

Характер политического лидерства складывается из отношений, базирующихся на ценностной системе общества. Культурная составляющая поли-

тического лидерства дает стратегическую регуляцию поведения субъектов политики, определяя деятельность политиков как унаследованными чертами, так и осознанным воспроизводством некоторых форм и методов политического взаимодействия.

Можно выделить ряд исторически сложившихся закономерностей, закрепленных в культуре и принятых в российском обществе. Эти закономерности очень устойчивы во времени и крайне тяжело изменяемы. Особенно важно подчеркнуть, что приведенные культурные закономерности формируют социальный запрос относительно базисных характеристик имиджа лидера и стиля его руководства. Характерные черты современного политического лидерства в России основываются на культурных нормах и ценностях, перенятых из истории, из предыдущих поколений политических лидеров:

1. Высокая степень централизации власти. Отмечается широкая самостоятельность политического лидера. Механизм принятия решений находится в руках узкой замкнутой группы лиц [Казаков 2014, с. 371–376].

2. Личность главы государства воспринимается как политический и моральный центр власти [Казаков 2018, с. 54–61]. Прослеживается влияние вождизма как источника уникальной, неповторимой, властной личности.

3. Слабые государственные институты, подданническая политическая культура, усиление властной вертикали, закрепление авторитарного руководства [Туквадзе, Шуленина, Гелашвили 2019, с. 126–143].

Все три указанные тенденции являются взаимосвязанными и становятся следствием **крайне высоких показателей дистанции власти**.

Как уже отмечалось выше, приведенные культурные закономерности ощутимо влияют на имидж лидеров, который, безусловно, несет на себе отпечаток эпохи и личностных характеристик его носителя, но ценностное ядро имиджа остается неизменным.

В истории России прослеживаются две характерные особенности политического лидерства: традиционный характер и харизматичность. Традиционный характер лидерства проявлялся, прежде всего, в форме абсолютной монархии, когда власть императора не ограничивалась и, как следствие, была крайне централизована.

Харизматичность можно отметить у таких политических фигур, как В.И. Ленин и И.В. Сталин. В качестве характерных особенностей этих политиков также отмечают централизацию власти, миф об исключительности и феномен вождизма. В основе такой власти лежит миф об исключительности вождя [Алексеев 2010, с. 93–100].

Высокую степень **дистанции власти** и централизации личной власти, ее «дворцовый» характер можно проследить в образах, например, И.В. Сталина и Л.И. Брежнева, несмотря на то, что проявлялась она совершенно по-разному. Л.И. Брежнев укреплял личную власть не с помощью страха, как

Сталин, а используя приятельский доброжелательный характер отношений [Бозаджиев 2015, с. 374].

Кроме того, стоит отметить преемственность в политическом лидерстве, которая указывает на высокие значения **индекса избегания неопределенности**. Для облегчения восприятия имиджа нового неизвестного лидера и устранения неопределенности, которую несет на себе новая личность, его представляют как преемника уходящего лидера. Примерами могут послужить И.В. Сталин, воспринимаемый изначально как преемник В.И. Ленина, и В.В. Путин, представленный как преемник Б.Н. Ельцина. Тот же индекс избегания неопределенности объясняет и длительное нахождение у власти национальных российских лидеров, что также оставляет некоторый отпечаток царизма на их имидже.

Имидж нынешнего лидера России несет на себе отпечаток глубинных культурных ценностей. Образ В.В. Путина закрепился в сознании россиян как имидж национального лидера, на протяжении длительного времени пользующегося устойчивым авторитетом большинства, способствующего упрочению национального самосознания [Новикова 2009, с. 363–370]. Здесь прослеживается влияние высокого **индекса избегания неопределенности**.

Кроме того, россияне проявляют высокую требовательность к образу политического лидера в силу того, что личность главы государства воспринимается как политический и моральный центр власти. Лидер воспринимается как «лицо» всей нации в силу сравнительно высоких показателей **коллективизма**.

В имидже В.В. Путина проявляются такие черты современного российского политического лидерства, как централизация власти, сильная вертикаль власти и некоторая авторитарность в руководстве [Бутикова 2011, с. 51–54]. Для российской культуры традиционно отождествление политического лидера с образом «царя» и «отца нации», так как имеет место потребность в сильном, активном и деятельном лидере [Гершевич 2007, с. 25–29] (влияние крайне высоких показателей **дистанции власти**) и некоторая бездеятельность населения (влияние низких показателей **маскулинности**).

Яркость имиджа лидера России не может не оказывать влияние на имидж государства за рубежом и на международные отношения. Сформированный под влиянием российской культуры имидж В.В. Путина транслирует традиционно российские ценности на международную арену и может восприниматься неоднозначно в зависимости от культурных ценностей воспринимающего общества.

Так, общества с низкой дистанцией власти и высокой маскулинностью могут воспринимать имидж лидера России как излишне авторитарный, подавляющий. Напротив, стоит ожидать, что общества со схожими с Россией показателями указанных измерений могут более позитивно относиться к таким характеристикам имиджа.

Представители обществ с низкими показателями избегания неопределенности (противоположными российским показателям) могут негативно воспринимать длительность нахождения у власти одной персоны. Представители обществ с высокими показателями индивидуализма и потворства скорее увидят в образе российского лидера некоторую обезличенность.

Пример российского лидера сегодня показывает многовекторность и сложность развития лидерства в международных отношениях. Влияние культуры на имиджи политических лидеров весьма существенно, вместе с тем глобализационные процессы не всегда могут оказать влияние на формирование и восприятие имиджей лидеров как внутри страны, так и на международной арене. Фактор культуры представляется как очень устойчивая во времени и крайне тяжело изменяемая переменная.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что культура оказывает существенное влияние на имидж политических лидеров, закладывая в его основу культурные ценности, носителями которых являются как сами политические лидеры, так и целевая аудитория. Восприятие имиджа лидера также сформировано культурными нормами и ценностями, характерными для общества, соответственно можно проследить различный отклик на имидж лидера, различное его восприятие и интерпретацию в зависимости от культурных особенностей страны.

Библиография

- Алексеев Д.Ю. Политическое лидерство в России: основные тенденции // Вестник ТГЭУ. 2010. № 1. С. 93–100.
- Антинази А. Энциклопедия социологии // 2009. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (дата обращения: 18.02.2022)
- Бозаджиев В.Л. Политическая психология. М.: Издательский дом Академии естествознания, 2015. 474 с.
- Бутикова К.О. Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2011. № 5–1. С. 51–54.
- Буторов С.А. Современная культура России: мифы и реальность // Вестник МГУКИ. 2015. № 6 (68). С. 57–66.
- Воронова Н.И. Особенности этнонационального мифотворчества в культуре современной России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 19. С. 15–22.
- Гершевич О. Особенности формирования имиджа политического лидера в современной России // Власть. 2007. № 3. С. 25–29.
- Зеленцова Е.В. Культура как ultimo ratio для России // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 201–212.
- Казаков М.А. Современное политическое лидерство России: логика и зигзаги эволюции // Вестник ННГУ. 2014. № 1-1 (1). С. 371–376.
- Казаков М.А. Персонификация как тенденция современного политического лидерства: особенности проявления и восприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1. С. 54–61.

Калиев Т.Б., Косов Г.В. «Политический лидер» как категория современной политической науки // Социально-гуманитарные знания. 2012. С. 208–221.

Коротяев А.В., Зинькина Ю.В., Романов Д.М., Медведев И.А. Глобальный контекст влияния ценностных ориентаций на электоральное поведение россиян // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2019. № 1. С. 23–46.

Новикова Е.Н. Формирование имиджа национального политического лидера России // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 363–370.

Основы государственной культурной политики // Сайт президента России. 2014. 16 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/administration/21027> (дата обращения: 19.04.2021).

Туквадзе А., Шулина Н.В., Гелашвили Е. Политическое лидерство в современной Грузии и России (культурно-исторический контекст) // PolitBook. 2019. № 3. С. 126–143.

Hofstede insights. URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (дата обращения: 19.04.2021).

References

Alekseev D.Ju. Politicheskoe liderstvo v Rossii: osnovnye tendencii [Political Leadership in Russia: Key Trends]. Vestnik TGJeU. 2010. N 1. P. 93–100. (In Russ.)

Antinazi A. Jenciklopedija sociologii. [Encyclopedia of Sociology] // 2009. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/socio/index.htm> (date of access: 18.02.2022). (In Russ.)

Bozadzhiev V.L. Politicheskaja psihologija [Political psychology]. M.: Publishing House of the Academy of Natural Sciences, 2015. 474 p. (In Russ.)

Butikova K.O. Osobennosti formirovaniya imidzha politicheskogo lidera v sovremennoj Rossii. Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznaniya [Features of the formation of the image of a political leader in modern Russia. Intellectual potential of the 21 st century: stages of knowledge]. 2011. N 5-1. P. 51–54. (In Russ.)

Butorov S.A. Sovremennaja kul'tura Rossii: mify i real'nost' [Modern culture of Russia: myths and reality]. Vestnik MGUKI. 2015. N 6 (68). P. 57–66. (In Russ.)

Gershevich O. Osobennosti formirovaniya imidzha politicheskogo lidera v sovremennoj Rossii. Vlast' [Features of the formation of the image of a political leader in modern Russia. Power]. 2007. N 3. P. 25–29. (In Russ.)

Hofstede insights. URL: <https://www.hofstede-insights.com/> (date of access: 19.04.2021).

Kaliev T.B., Kosov G.V. «Politicheskij lider» kak kategorija sovremennoj politicheskoy nauki. Social'no-gumanitarnye znaniya [«Political leader» as a category of modern political science. Social and humanitarian knowledge]. 2012. P. 208–221. (In Russ.)

Kazakov M.A. Personifikacija kak tendencija sovremennogo politicheskogo liderstva: osobennosti projavlenija i vosprijatija. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki [Personification as a trend of modern political leadership: features of manifestation and perception. Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: social sciences]. 2018. N 1. P. 54–61. (In Russ.)

Kazakov M.A. Sovremennoe politicheskoe liderstvo Rossii: logika i zigzagi jevoljucii. Vestnik NNGU [Personification as a trend of modern political leadership: features of manifestation and perception. Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky]. 2014. N 1-1 (1). P. 371–376. (In Russ.)

Korotjaev A.V., Zin'kina Ju.V., Romanov D.M., Medvedev I.A. Global'nyj kontekst vlijanija cennostnyh orientacij na jelektoral'noe povedenie rossijan. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 27: Globalistika i geopolitika [Global Context of the Influence of Value Orientations on the Electoral Behavior of Russians. Bulletin of the Moscow University. Series 27: Global studies and geopolitics]. 2019. N 1. P. 23–46. (In Russ.)

Novikova E.N. Formirovanie imidzha nacional'nogo politicheskogo lidera Rossii [Formation of the image of the national political leader of Russia]. Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2009. N 114. P. 363–370. (In Russ.)

Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki [Fundamentals of state cultural policy]. Website of the President of Russia. 2014. 16 May. URL: <http://kremlin.ru/events/administration/21027> (date of access: 19.04.2021). (In Russ.)

Tukvadze A., Shulenina N.V., Gelashvili Ye. Politicheskoye liderstvo v sovremennoy Gruzii i Rossii (kul'turno-istoricheskiy kontekst) [Political leadership in modern Georgia and Russia (cultural and historical context)]. PolitBook. 2019. N 3. P. 126–143. (In Russ.)

Voronova N.I. Osobennosti jetnonacional'nogo mifotvorchestva v kul'ture sovremennoj Rossii [Features of ethno-national myth-making in the culture of modern Russia]. Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2006. N 19. P. 15–22. (In Russ.)

Zelencova E.V. Kul'tura kak ultimo ratio dlja Rossii. Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Culture as an ultimo ratio for Russia. Management Consulting]. 2011. N 1. P. 201–212. (In Russ.)

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.31249/rsm/2022.02.15

Е.Ю. Куликова

**«ИСТОРИЯ. ВРЕМЯ. ПРОСТРАНСТВО»: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ
А.Б. ДАВИДСОНА «НАШЕ НЕУШЕДШЕЕ ВРЕМЯ»
(М.: ИЗД. ДОМ ВШЭ, 2021)**

Аннотация. В рецензии речь идет о мемуарах известного историка Аполлона Борисовича Давидсона «Наше неушедшее время». Книга А.Б. Давидсона состоит из воспоминаний и размышлений о ленинградской блокаде, послевоенных годах, о Южной Африке и Йельском университете, о политиках и ученых, об эмигрантах и знаменитых поэтах и писателях Серебряного века (Николае Гумилеве, Анне Ахматовой, Ирине Одоевцевой). Осмысление XX в., свойственное современности, в книге приобретает особое значение: А.Б. Давидсон пишет не только о ключевых моментах истории, но и о тех годах, которые обычно оказываются не в фокусе мемуаристов, о событиях, неизвестных широкому кругу читателей. На страницах воспоминаний мы встречаемся с истинной петербургской интеллигенцией, с настоящими учеными и партийными деятелями, властвовавшими в годы репрессий и после, с исследователями Африки и людьми Зарубежья. Удивительная судьба автора мемуаров проходит через весь XX век и открывает XXI век – судьба исследователя Южной Африки и Британии, русской истории в России и за рубежом.

Ключевые слова: А.Б. Давидсон; мемуары; история; Россия XX в.; Южная Африка; Русское зарубежье.

Куликова Елена Юрьевна – доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник сектора литературоведения
Института филологии СО РАН. Россия, Новосибирск.
E-mail: kulis@mail.ru
Web of Science Researcher ID: K-6526–2017
Scopus Researcher ID: 57206668851

Kulikova E.Yu. «History. Time. Space»: the review of A.B. Davidson's book «Our Ungone Time» (Moscow: Publishing House HSE, 2021)

Abstract. *The review concerns with the famous historian Apollon Borisovich Davidson's memoirs «Our Ungone Time». A.B. Davidson's book consists of memories and reflections about the Leningrad blockade, the post-war years, South Africa and Yale University, politicians and scientists, emigrants and famous poets and writers of the Russian Silver Age (Nikolay Gumilev, Anna Akhmatova, Irina Odoevtseva). Comprehension of the twentieth century, which is characteristic of modernity, acquires special significance in the book: A.B. Davidson writes not only about key moments in history, but also about those years that usually elude the focus of memoirists, as well as events unknown to a wide range of readers. On the pages of memoirs, we meet the true Saint Petersburg intelligentsia, real scientists and party leaders who ruled during the years of repression and after, Africa explorers and foreign people. The amazing fate of the author of these memoirs passes through the entire twentieth century and opens the twenty-first century – the fate of the researcher of South Africa and Britain, Russian history in Russia and abroad.*

Keywords: *A.B. Davidson; memoirs; history; Russia of the twentieth century; South Africa; Foreign Russia.*

Kulikova E.Yu. – Doctor of Philology, the leading researcher
of sector of literary criticism of Institute of philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science.
Russia, Novosibirsk.
E-mail: kulis@mail.ru
Web of Science Researcher ID: K-6526-2017
Scopus Researcher ID: 57206668851

Строки из песни А. Макаревича «В полнотемной темноте увидеть свет, / И выйти к свету, как выходят к цели», можно поставить эпиграфом к книге воспоминаний А.Б. Давидсона «Наше неушедшее время». XX век в мемуарах открывается ярко, полно, объемно – глазами интеллигента и историка, прошедшего свой путь с 20-х годов прошлого столетия, пережившего Вторую мировую войну, ленинградскую блокаду, годы сталинских репрессий и хрущевской оттепели, эпоху застоя, перестройку, вступившего в XXI век и нашедшего там свое место – среди друзей, коллег, сослуживцев, студентов. Автор воспоминаний оказался тем человеком, который идет к свету и рождает свет там, где, казалось бы, это невозможно сделать, создает мир, полный радости познания и открытий. В таких ситуациях, когда борьба представляется обреченной на провал, А.Б. Давидсон находит новые смыслы, выбирая сложное, но необходимое движение вперед – к доброте, пониманию, миротворчеству.

Сейчас уже видно, что мы вступили в эпоху самоосознания, когда история XX в. подвергается рефлексивному анализу, когда взгляд направлен в прошлое. Жанр воспоминаний сейчас стал неотъемлемой частью нашей культуры, без него невозможно представить себе современный мир нон-фикшн (и отчасти мир художественной литературы, потому что в каких-то формах документалистика проникает и в него). Выходят из типографий воспоминания не только выдающихся людей (деятели искусства, журналистов и т.д.), но и самых обычных – тех, кто пережил годы войны, блокаду, эмиграцию или, наоборот, возвращение из эмиграции¹.

На сайте «Прожито»² публикуются мемуары историков, переводчиков, учителей, врачей, искусствоведов и т.д. – разных людей, описывающих свою судьбу и судьбу нашей страны в XX в. И если большинство акцентируют свое внимание на значительных вехах прошлого века, то некоторые описывают какие-то детали бытовой обывательской жизни – послевоенной, годы застоя, свою службу (на шахте, в школе, на таможне и проч.). «Всесильный бог деталей», как это сформулировал Б. Пастернак, открывает нам другую сторону прошлого: жизнь, в которой люди страдали и любили, работали и искали свое место в жизни, расставались и встречались. Через эти воспоминания мы видим XX век, как через стекло, и именно детали приближают нас к прошедшей эпохе.

Название книги А.Б. Давидсона «Наше неушедшее время» напоминает строку из лирического стихотворения, которое по-новому открывает читателю «настоящий некалендарный XX век»: прошлое, которое навсегда останется с нами, которое влияет на будущее и формирует его. Это размышления о судьбе России и Африки, о людях и событиях XX в., о политиках и ученых, поэтах, писателях и путешественниках, о Петербурге, Кейптауне и мысе Доброй Надежды, о Йельском университете и людях Зарубежья – русских эмигрантах с нелегкой и интересной судьбой, достойной создания приключенческих романов.

Это книга о времени. О том, что ушло безвозвратно и о том, что живет в нас. Незабываемая (или отчасти нами забытая?) история, которую можно трактовать по-разному. Вспоминать по-разному. Или, наоборот, не вспоминать, а придумать что-то новое, подменить какие-то пласты своей памяти. Только вот автор ничего не придумывает, не подменяет и не лукавит: он рассказывает историю своей жизни, своей эпохи, своего – долгого и разного – времени.

1. См., например, такие воспоминания и биографические описания, как: «Промельк Беллы» Б. Мессерера [Мессерер 2016], «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой» А.Н. Архангельского [Архангельский 2021], «Японцы» Н. Николаевой [Николаева 2016], «Завещание Софи» И. Приора [Приор 2016].

2. <https://www.prozhito.org>

И в то же время это книга о пространстве, о России и Африке, об Америке и эмигрантах, о взаимопонимании и непонимании, о возможности принятия чужого – культуры, быта, взглядов. Нам открываются разные миры, то близкие, то далекие – во времени и пространстве. Блокадный и послевоенный Ленинград. Москва: оттепель, африканистика, Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Южная Африка, где А.Б. Давидсон руководил Российским исследовательским центром у Мыса Доброй Надежды (а приехал в Кейптаун как раз, когда выбрали президентом Манделу). В 90-х годах автор мемуаров работал в разных университетах Южной Африки – в Йоханнесбурге, в Претории, в Грейамстауне, в Кейптауне, где руководил Центром российских исследований. Мандела подчеркнул важность открытия этого Центра в ЮАР, поддержал инициативу. В Центре изучали русский язык, читали лекции ведущие русские африканисты, приглашали ученых из России – математиков, химиков, физиков... Мемуары открывают нам и Йельский университет, где автор участвовал в Программе южноафриканских исследований.

Но, в первую очередь, «Наше неушедшее время» – книга о людях. Именно люди – главные герои мемуаров А.Б. Давидсона. В каждом из них автор видит что-то особенное, личное, берущее за душу. Перед читателем выступают фигуры петербургских интеллигентов – сосланных в сибирские таежные деревни, живущих в Ленинграде в блокадные, довоенные и послевоенные годы, преподавателей и студентов ленинградского университета, учителей и друзей. Московские институты истории и востоковедения, Союз писателей, Центр африканских исследований. Африканские писатели и журналисты, деятели Африканского национального конгресса... Нельсон Мандела, Оливия Шрейнер, Дэвид Рокфеллер, Евгений Примаков, люди русского Зарубежья (например, хранительница российских фондов библиотеки Йельского университета Татьяна Олеговна Раннит, которую в 1919 г. младенцем вывезли из Владивостока в корзине для белья)... Многие из тех, о ком рассказывает А.Б. Давидсон, читателю могут представляться легендами, творцами истории, а для самого автора – это старые знакомые, интересные собеседники.

В мемуарах есть глава «Вторая муза историка», где автор приводит стихи Ады Сванидзе, Евгения Примакова, афоризмы Ильягу Урилова. «Другая» сторона историков – поэзия – это как будто приоткрытая душа, куда можно заглянуть и увидеть что-то личное, человеческое, близкое.

Последние части книги посвящены встречам автора с замечательными людьми эпохи Серебряного века – Анной Ахматовой, Ириной Одоевцевой, Ниной Берберовой... Уникальный взгляд очевидца на легендарные исторические фигуры особенно ценен не только для нынешней молодежи, но и для людей, переживших сталинские годы, эпоху застоя, перестройку и вступивших в новый XXI век.

Кроме того, в книге мемуаров много Гумилева: встретить его А.Б. Давидсон не мог, он родился через восемь лет после смерти поэта, но «шаги» Гумилева – биографические, художественные, его путешествия по Африке, – все это отложило неизгладимый отпечаток на судьбу самого историка, в какой-то мере, поэтому выбравшего стезю африканистики. Гумилев оказался для А.Б. Давидсона своего рода путеводной звездой, которая вела его по жизни непростыми, но такими правильными и нужными дорогами. Поэт-эмигрант Павел Булыгин, **покинувший Россию после революции и** расследовавший дело об убийстве императорской семьи, писал: «Я Гумилева не встречал, – / А встреча так была нужна нам, – / Я о расстреле прочитал, / Уйдя в пустыню с караваном». Эти строки могут характеризовать и личную историю А.Б. Давидсона, совершенно особенно переживавшего судьбу и поэзию Гумилева. Наверное, если ты с детства любишь самого запрещенного поэта, это придает тебе сил и мужества, помогает преодолевать препятствия, для кого-то другого непреодолимые.

«Мемуары – окно в прошлое, и порой среди них встречаются такие, которые открывают форточку в этом окне, и мы словно вдыхаем озон отдаленных дней. Мемуаристика столь же помогает нашему экзистенциальному познанию какого-нибудь давнего периода, сколько сочинения по истории культуры познанию умственному» [Воспоминания о Серебряном веке 1993, с. 5], – писал поэт и литературовед, историк русского Зарубежья В. Крейд в предисловии к «Воспоминаниям о Серебряном веке».

Книга А.Б. Давидсона открывает читателю разный XX век – пугающий, темный, век репрессий, ссылок, человеческой подлости и предательства, век карьеристов, готовых уничтожить другого ради своего преуспевания, и в то же время для автора мемуаров это век, в котором, несмотря ни на что, люди сумели сохранить в себе все лучшее, не закопать свой талант в землю, поддерживать близких и друзей, не потерять веры в мечту. Любое время полно испытаний, и только человек вправе сам решать, быть ли ему выше тех аксиом, что ему навязывают, или же принять их, превратившись в часть толпы. «Наше неушедшее время» – о том, как, испив до дна бокал испытаний, стать личностью, не растворившись в своей эпохе.

Библиография

Архангельский А.Н. Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой. М.: АСТ, 2021. 256 с.

Воспоминания о Серебряном веке / сост., предисл. и коммент. В. Крейда. М.: Республика, 1993. 559 с.

Мессерер Б. Промельк Беллы. Романтическая хроника. М.: АСТ, 2016. 848 с.

Николаева Н. [Лалетина Н.Н.] Японцы. Огре: [Б. и.], 2016. 352 с.

Приор И. Завещание Софи. От Ганновера до Сибири. Трагическая история Софи Лисицкой-Кюпперс и ее похищенных картин. Новосибирск: Свиный и сыновья, 2016. 352 с.

References

Arkhangelsky A.N. Russkij ieroglif. Istoriya zhizni Inny Li, rasskazannaya eyu samoj [Russian hieroglyph. The life story of Inna Lee, told by herself]. Moscow: AST, 2021. 256 p. (In Russ.)

Vospominaniya o Serebryanom veke [Memories of the Silver Age]. Comp., foreword. and comment. V. Kreid. Moscow: Respublika, 1993. 559 p. (In Russ.)

Messerer B. Promel'k Belly. Romanticheskaya hronika [Glimpse of Bella. Romantic chronicle]. Moscow: AST, 2016. 848 p. (In Russ.)

Nikolaeva N. [Laletina N.N.] Yaponcy [The Japanese]. Ogre: [s. e.], 2016. 352 p. (In Russ.)

Prior I. Zaveshchanie Sofi. Ot Gannovera do Sibiri. Tragicheskaya istoriya Sofi Lisickoj Kyuppers i ee pohishchennyh kartin [Sophie's Testament. From Hanover to Siberia. The tragic story of Sophie Lissitzky Küppers and her stolen paintings]. Novosibirsk: Svinin and sons, 2016. 352 p. (In Russ.)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений. Сайт журнала расположен в сети Интернет по адресу: www.rossovmir.ru

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п. л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com. Кроме того, на сайте журнала предусмотрена специальная форма, заполнив которую, также можно прислать рукопись в редакцию.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по

доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла информации. Автор несет ответственность за содержание работы, за точность и корректность цитирования и отсутствие плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (не более 10), употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, страна, город, e-mail. Также требуется указать Scopus Author ID и Web of Science Researcher ID.

Далее те же сведения даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. **Список цитированных источников и литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы, представленный на русском языке, дается в переводе на английский язык (с указанием языка оригинала); на английский язык также переводятся названия городов в библиографическом описании, буква р. – обозначение страницы и «дата обращения» – «data of access». Переведенный список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту. Кроме того, список должен быть транслитерирован латинскими буквами.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 55–66.

В переведенном и транслитерированном виде описание выглядит так (символ слэш – // – не употребляется): Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili

nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: Личное дело Харламова Николая Сергеевича // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65 а. Д. 14397.

В переведенном и транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: Lichnoe delo Kharlamova Nikolaya Sergeevicha [Personal file. Kharlamov Nikolay Sergeevich]. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 495. Inv. 65 a. F. 14397. (In Russ.)

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (дата обращения: 02.08.2019); Federal'nyj zakon ot 22 ijulja 2005 g. № 116-FZ «Ob osobyh ekonomicheskikh zonah v Rossijskoj Federacii» [Federal Law of July 22, 2005 N 116-FZ «On Special Economic Zones in the Russian Federation»]. Sbornik zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2005. N 30 (part II). Art. 3127. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005030000&docid=93> (date of access: 02.08.2019). (In Russ.)

В тексте статьи ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (если фамилия автора отсутствует – первые слова названия), год публикации и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Для архивных документов после фамилии автора или названия дела указывается дата формирования дела и те листы, к которым отсылается читатель. Например: [Бутенко 1995, с. 170], [Личное дело Харламова, л. 2]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [Бутенко 1995, с. 170; Личное дело Харламова, л. 2]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [Федеральный закон от 22 июля 2005 г.].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных (постраничных) сносках.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Россия и современный мир № 2 – 2022 (115)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка И . К . Л е т у н о в а

Корректор
О . П . Д о р м и д о н т о в а

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 08.06.2022 г.
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 21,3 Уч.-изд. л. 17,0
Тираж 870 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № 21

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)**
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У